

Научно-популярное издание

"Энциклопедия преступлений и катастроф"

СЕРИЙНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Серия основана в 1996 году

Составитель Т. И. Ревяко

В центре внимания очередного тома серии "Энциклопедия преступлений и катастроф" - серийные преступления, которые совершаются с особой жестокостью и не вписываются даже в рамки преступной морали, делают изгоями преступной среды тех, кто преступил черту, за которой - безумие маньяка и звериная жестокость.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГАЙ КАЛИГУЛА. "БЕЙ, ЧТОБЫ ОН ЧУВСТВОВАЛ, ЧТО УМИРАЕТ..."

БЕЛОКУРАЯ БЕСТИЯ

"ЧЕРТИ" ПАРГОЛОВСКОГО ШОССЕ

ПОКАЯВШИЙСЯ "ЧЕРТ"

СОЛДАТ-УБИЙЦА

ТРЮКАЧ

УБИЙЦА-ПРИЗРАК

ГАЗЕТНЫЕ НОВОСТИ

МАРИЕНБУРГСКИЕ ПОДЖОГИ

"КНЯЗЬ ОДОЕВСКИЙ"

ЗВЕРСКОЕ УБИЙСТВО ДЕТЕЙ НА ОСТРОВЕ РЮГЕН

"МОКРАЯ" СМЕРТЬ

"ЛЮБОВНЫЕ ИГРЫ" В ВАННОЙ

ОПАСНЫЙ ЖЕНИХ

"СЕРЬЕЗНЫЙ ГОСПОДИН ЖЕЛАЕТ ПОЗНАКОМИТЬСЯ"

ПРИГОВОРЕННЫЙ К СМЕРТИ 24 РАЗА

МЕЛКИЙ ВОР - БОЛЬШОЙ УБИЙЦА

КОШМАР БРАУНШВЕЙГА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

"ИГРАЛ РОЛЬ ДЖЕНТЛЬМЕНА СО СВОИМИ ЖЕРТВАМИ, ЕСЛИ ОНИ НЕ СОПРОТИВЛЯЛИСЬ"

"БАНДИТ С КРАСНЫМ ФОНАРЕМ"

"ЧЕРНАЯ ВДОВА" ИЗ ЛУДЕНА

ДРАМА, ДЛИВШАЯСЯ СВЫШЕ ДЕСЯТИ ЛЕТ

ПОХИТИТЕЛИ АВТОМОБИЛЕЙ С ПОЛИЦЕЙСКИМ УДОСТОВЕРЕНИЕМ

ДРЕССИРОВАННЫЙ ВОР

СМЕРТЬ ПОДСТЕРЕГАЕТ ВЛЮБЛЕННЫХ

"УБИЙЦА ВЛЮБЛЕННЫХ ПАР"
БАЛЕТ В РОЗОВОМ ТЮЛЕ ИЛИ ШАЙКА СОВРАТИТЕЛЕЙ
"ЗАКЛИНАТЕЛЬ БЕСОВ"
ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА С ВИЛКОЙ
"УБИЙЦА ИЗ ТЕАТРА"
АД НА... "АНГЕЛЬСКОМ РАНЧО"
В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДКЕ УБИЙЦА ВСЕГДА ЖИВЕТ ГДЕ-ТО РЯДОМ
"НЕЙЛОНОВЫЙ УБИЙЦА"
ПО ЗОВУ СЕРДЦА
ПОД ТЯЖЕСТЬЮ УЛИК
КОРОЛЬ ВЗЛОМЩИКОВ И ЕГО СВИТА
КРАСНОДАРСКИЙ МАНЬЯК
ДИКИЙ МАРШРУТ
ОХОТА ЗА ТРУПАМИ
ОДИНОЧКА
БРОДЯЧИЙ АНГЕЛ СМЕРТИ
"ДНЕВНЫЕ КОМАНДИРОВКИ" МАНЬЯКА
ОБЫКНОВЕННЫЕ УБИЙСТВА
ПЕКЛО
СТАЯ
50 ДЕВЧОНОК, ИЗНАСИЛОВАННЫХ В ИЗВРАЩЕННОЙ ФОРМЕ
БИЗНЕС НА НЕРОЖДЕННЫХ
СПРУТ
ФЕРМА СМЕРТИ
ОБВИНЯЕТСЯ В ИЗНАСИЛОВАНИИ
СЕМЕЙНЫЙ УБИЙЦА
"БИШКЕКСКИЙ МОНСТР"
"КИДАЛЫ"
УРОК ДОБРА С... ИЗНАСИЛОВАНИЕМ
ВОРЫ В ФОРМЕ
ОГРАБЛЕНИЯ ПО-ДАМСКИ
"ЧЕРНЫЙ ЧУЛОК"
ЕГО МСТИТЕЛЬНАЯ МЕРЗОСТЬ
ВНУК КОММУНИСТА
МАНЬЯК МЕСТНОГО МАСШТАБА
ОФИЦИАНТЫ ИЗ КРЫМА
"ГИНЕКОЛОГ"
АД В ШАЛАШЕ
НА СВАЛКЕ ФРАНЦ ЧИТАЛ ВОЛЬТЕРА, ЕЛ СОБАК И, ВОЗМОЖНО, ЛЮДЕЙ
ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ
ПОЛНЫЙ "КАВАЛЕР" КРАСНОГО КРЕСТА"
В ДУРАКАХ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ
ЖУТКИЙ АВТОГРАФ БАНДЫ
КАЗНЬ ПАЛАЧЕЙ
ЛОВКОСТЬ УМА И РУК
ЗЛОДЕИ В ФОРМЕ ПОЛИЦИИ
ЕЩЕ ОДИН МАНЬЯК
БОЛЬШЕ КАСЬЯН НЕ МОРДУЕТ ЦЫГАН
ЦЕНА ОШИБКИ
МЕЧТА ЛЮДОЕДА
СПРАВЕДЛИВАЯ БАБУШКА
КРОКОДИЛ ГЕНА - ЧЕСТНЫЙ ВОР

ПО ПЕРМИ БРОДИТ НОВЫЙ ЧИКАТИЛО
"ЛЮБЛЮ ВОЕННЫХ - КРАСИВЫХ, ЗДОРОВЕННЫХ"
"ШАКАЛ"
ТЕЛЕФОННАЯ ТЕРРОРИСТКА БЫЛА СТУДЕНТКОЙ-ДВОЕЧНИЦЕЙ
ЧЕТВЕРТАЯ ХОДКА
СПИСОК ЕРШОВА
ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА
"ТЕАТРАЛЬНЫЙ БИЗНЕС"
МАНЬЯК В БЕЛОМ ХАЛАТЕ
"Я НЕ ПСИХ, Я НОРМАЛЬНЕЕ ВАС ВСЕХ!.."
УБИЙЦЫ НА ДОРОГЕ
БЕЛЬГИЙЦЫ ПОЖАЛЕЛИ, ЧТО ОТМЕНИЛИ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ
НЕВЕСТА НА... ГРИЛЕ
СЫН ЧИКАТИЛО ГОРДИТСЯ СВОИМ ОТЦОМ
"УБИЙЦА ВЕКА"
ЕДИНСТВЕННАЯ ОПОРА В СЕМЬЕ
"ПОЗАБОТИЛИСЬ" О ПРЕСТАРЕЛЫХ
ЗЛОСТНЫЙ НАРУШИТЕЛЬ
"МАНЬЯК ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ"
ПРИМЕРНЫЙ СЕМЬЯНИН
"ДЕЛО ВРАЧЕЙ"
РОМАН И ЮЛЯ
ПЕРВЫЕ УБИЙСТВА
НЕПОДСУДНЫЕ
ОТВЕРЖЕННЫЕ
БЕРЕГИТЕСЬ ИДЕАЛЬНЫХ ЖЕНЩИН!
КИЛЛЕР ПО КЛИЧКЕ РУМЫН
ПЕДОФИЛЫ ПОД ПОСОЛЬСКОЙ КРЫШЕЙ
"НУЖНО ЖИТЬ ИГРАЮЧИ"

ПРЕДИСЛОВИЕ

После выхода в свет работ Ч. Ломброзо, явившихся, по существу, началом изучения личности преступника, в ряде стран стали проводиться исследования психологических свойств правонарушителя, в которых ученые пытались найти стержневую причину преступного поведения. Независимо от направлений и школ они стремились понять, почему человек совершает преступления, несмотря на тяжесть установленного наказания; почему не останавливается, испытав его; почему совершает корыстные преступления, не имея порой материальной нужды.

Ответы на эти вопросы требовали диалектического подхода к познанию самого явления - преступности.

Несмотря на увлечение биологическими теориями, ученые не могли не обнаружить, что противоправная деятельность виновных по своему характеру и мотивам существенно различались. Например, один их сторонников антропологической школы Л. М. Моро-Кристоф, не найдя аргументов, чтобы возразить Виктору Гюго относительно социальных причин преступности, длительное время изучал уголовный мир Парижа, после чего в своем сочинении "Мир мошенников", отстаивая теорию Ч. Ломброзо, отметил, что в преступной среде есть люди случайные и лица, живущие только на средства, добываемые совершением преступлений, есть выходцы из бедных слоев населения, но немало

и лиц "благородного" происхождения.

Имелись и более серьезные обобщенные данные, свидетельствующие о стойкости противоправного занятия, преступном опыте, традициях и жаргоне преступников.

Накопленные эмпирические данные обусловили необходимость классификации представителей уголовного мира, выделения в нем наиболее опасного и злостного ядра преступников. Поэтому в 1897 году на Гейдельбергском съезде Международного союза криминалистов была принята классификация преступников. Среди наиболее опасных назывались "преступники, обнаружившие серьезную неустойчивость в поведении или несколько раз совершившие преступления, а также преступники упорные". К этой категории можно с полным правом отнести серийных преступников.

Среди многочисленных преступлений, какими богата криминальная хроника, есть такие, от которых леденеет кровь. Совершенные с особой жестокостью, они не вписываются даже в рамки преступной морали, делают изгоями преступной среды тех, кто преступил черту. За ней - безумие маньяка, жестокость, которую и звериной-то не назовешь, поскольку хищник действует, повинаясь инстинкту. Человек же до мельчайших подробностей продумывает свои шаги.

Сейчас, когда в обществе поднимают вопрос об отмене смертной казни, необходимо задуматься. А не рано ли? Может быть изверг должен знать, что пощады не будет!

Первых известных нам убийц-садистов - цезарей Нерона, Калигулу, Тиберию - описали еще древнеримские историки. С тех пор убийцы и маньяки прочно заняли свое место в человеческой памяти. Маршал Жиль де Рец известен не за военные заслуги, а за то, что в течение 14 лет убил 140 (по другим данным - до 800) детей. "Чудовищем XX века" считается Педро Алонсо Лопес, сознавшийся в убийстве 300 малолетних девочек. 85 жертв на счету сексуального маньяка Бруно. Сошедший с ума южнокорейский полисмен Воу Бом Кон за два дня убил 57 человек. Давно стало нарицательным имя Чикатило, ни одна из жертв которого не осталась в живых... А вот и "герой" недавних трагических событий - Анатолий Ануприенко, известный как "братковичский убийца". Точно установлены 52 его жертвы, но цифра эта может увеличиться. Каждый из них имел свой "почерк", по которому их позднее и вычислили.

Что же такое "почерк" серийного преступника? Яркий пример - из дела "убийцы века" Андрея Чикатило.

...Начиная с 1982 года в Ростовской области то и дело находили убитых. Но это были не просто убийства. Даже повидавшие виды работники милиции содрогались, попадая на место преступления. Находили трупы людей, над которыми кто-то жестоко издевался: поколотые, разрезанные.

Практически все без исключения убийства отличал именно один "почерк" - садизм, особая жестокость.

"При исследовании трупа М-ва обнаружены следующие телесные повреждения: множественные колото-резаные и резаные повреждения лица, живота и наружных половых органов: девять колото-резаных проникающих слепых ран живота с повреждением тонкого и толстого отделов кишечника, нижней половой вены с полным отсечением части кишечника и частичным удалением его из брюшной полости с грубыми разрывами брыжеек тонкого и толстого кишечника. Два из этих повреждений образовались в результате многократных (не менее 18 - 20) погружений клинка с его вращениями вокруг оси под разными углами. В процессе нанесения этих ран образовались многочисленные повреждения кишечника, частичное его отсечение. Последующие грубые разрывы брыжеек кишечника, частичное извлечение его петель и отсечение фрагмента из брюшной полости

произведено руками (рукой) человека.

Одна колото-резаная рана правой глазницы, две колото-резаные раны правой ушной раковины. Резаная рана языка с полным отсечением его кончика. Отсечение произведено несколькими пиляще-режущими движениями в поперечном языку направлении. Резаная рана в области наружных половых органов с полным отсечением мошонки и полового члена. 23 колото-резаных раны на передней поверхности груди и живота. Множественные телесные повреждения, причиненные тупыми предметами. Поперечно-циркулярные замкнутые странгуляционные полосовидные кровоподтеки в области обоих лучезапястных суставов, которые образовались в результате связывания рук прижизненно предметом типа шнура, тесьмы, тонкой веревки или иных подобных средств. Кровоподтеки на обеих щеках, в области нижней челюсти справа, кровоподтек на нижней губе слева и соответственно ему перелом третьего зуба на нижней челюсти могли образоваться при давлении на эту область тупого предмета, в частности, рук человека при насильственном закрытии рта потерпевшему..." Таков "почерк" Чикатило.

Другой знаменитый серийный преступник Сударуш-кин был не из разряда простых убийц, он был доктором медицинских наук, блестящим детским врачом. Очередь на прием к нему растягивалась на год, родители больных детей на него просто молились. И Сударушкин этого заслуживал - он ставил на ноги совсем безнадежных. Но был у него свой "бзик" - раз в полгода врач превращался в насильника-убийцу. Лечил детей и насиловал тоже детей. А потом убивал, наслаждаясь смертью ребенка.

Суд приговорил Сударушкина к высшей мере наказания. Незадолго до исполнения приговора журналисту удалось записать на магнитофон исповедь убийцы. Вот выдержки из этой исповеди в пересказе В. Логинова:

"После института поехал работать в Магадан... Там я сделал свою первую кандидатскую диссертацию. Вскрыл пятьсот детских трупиков и нашел закономерность. Теперь дети в Магадане не умирают от этой болезни. Но что я за это получил? Червонец прибавки к зарплате? Внутреннее удовлетворение? Нет его, как нет и благодарности людей. Им глубоко плевать на того, кто нашел метод.

Когда я вскрывал мертвых детей, слышал голоса: жалобные и плачущие. Сначала думал - слуховые галлюцинации. Потом разговорился с рабочими крематория. Они признавались, что слышали крики душ, когда сжигали трупы. И у меня, стало быть, души младенцев плакали, им больно было. Я решил, что близок час, когда я загремлю в дурдом. Но скоро все прошло. К голосам привык и даже подстроился под них. Вводил трупы наркоз, и голосов не было. Тогда душам не было больно...

Неподалеку от Сусумана есть Долина смерти. Несколько тысяч политзаключенных лежат подо льдом, как живые. Иногда их даже с самолета видно. Но, знаете, какая там аура... тончайшая... трепетная... Я ездил туда заряжаться. Души заключенных свили там себе гнездо и дежурят, как на посту. Меня они не любили, но все-таки подпитывали...

Я имел много денег, потому что в сезон ездил с артелью старателей как врач. Когда мы возвращались в Магадан, то на три дня закупали кабак и гудели. Я брал червонцы, как колоду карт, и поджигал этот веер. Официантки давились от злости. Потом я швырял под стол пачку денег, и толстые бабы лазили на карачках, как собаки, рыча и вырывая друг у друга купюры...

Есть такая штука на стыке наук - филологии и физики - качество времени. Это мера траты жизненных сил в определенный промежуток: когда за день человек проживает год, а может, и три. Так вот - качество времени моего

магаданского периода можно охарактеризовать небывало концентрированной растратой жизненных сил. Семь моих колымских лет - это около тридцати материковых. Там я стал личностью, но там впервые и надорвался, хотя сначала и не заметил, что надрыв-то был смертельный. Он повел меня в пропасть, хотя внешне я рос и прогрессировал. И патологией этого страшного сдвига управляла душа, вырвавшаяся из него то, что ей очень хотелось: педофилию. ..

Я жаждал добраться до истоков живого. И чем ближе к этой тайне стремился, тем похотливее и сладостнее становилась ревность моя ко всему молодому, молоденькому, младенческому... Порою мне хотелось вообще влезть в утробу женщины и, уменьшаясь до яйцеклетки, превратиться в то эйронеитрино, что и есть само тело души. А потом проделать обратный путь: родиться со знанием тайны жизни и самому создавать живое, так необходимое для моей страсти.

Я никогда не считал это патологией, не считаю и сейчас. У науки нет этики, потому что нет ее и в жизни. Ведь все мы рано или поздно содохнем, и тогда смерть неэтична, неэтична и жизнь...

Конечно, я мог бы убить себя. Вернее, свое тело. Но душу-то убить нельзя. Завтра же у нее будет новое тело, и с ним она будет вести себя так, как с моим. Это неразрешимая проблема. А потом, она очень и очень тонкая. Божественная, я бы сказал. У нее такие прозрения, что ум мой частенько содрогался от восторга.

В эти минуты я ее страстно любил и благодаря ей делал чудеса. Как Христос: возьми постелиню свою и ходи! Но все нее достиг я такого искусства врачевания прямо-таки нечеловеческим трудом...

Я же десять лет с крысами жил. Клетки дома завел, кормил, мыл, выхаживал. Потом перебивал хребет, пересаживал спинной и головной мозг, экспериментировал и экспериментировал... И никто мне не помогал, ни одна собака. А завидовали, сволочи, по-черному. Я открыл несколько тайн. Кандидатских три штуки написал, докторских две. На пятерых хватило бы...

Ну, а потом? Нервы, нервы, нервы... Я себя страшно тратил, а восстанавливаться не мог. Первое время пьянка помогала, потом наркотики. Но и это скоро надоело и стало неэффективным. Душа требовала сильнейшего стресса, с кровопусканием. Короче, жертвоприношения. Это качели, понимаете? Да нет, этого никому не понять. Надо быть в такой шкуре...

Я тщательнейшим образом продумывал каждый акт. И после этого такое освобождение, такая легкость!.. Да, мои преступления свержасны. Я все понимаю и жду самого ужасного наказания. Я приму его заслуженно и спокойно. Правда, может, психика не выдержит, но это уже ее проблемы. Душа моя выше моей психики и выше моего разума. Только высота эта опрокинута вниз...

Какова была цель моей жизни? Стать чудо-профессором и садистом-убийцей? А теперь я уйду, и будет другой профессор-убийца. И все сначала... Что за заколдованный круг? Уже ясно, что тот набор душ, что разведен на Земле, неизменен. Может, всю мерзость Вселенной рассадили здесь, и любая душа, готовая вырваться из этого Сада, уже и не знает, куда ей податься, - забыла дорогу назад, а может, и не знала ее вовсе... Стало быть, опять Экклезиаст, опять суета суета и томление духа..."

Страшный монолог. Возможно, это бред. Возможно, это традиционные для образованных убийц попытки оправдать содеянное "красивой" философией, возбудить к себе если не уважение, то хотя бы сочувствие. Но, возможно, в своих рассуждениях Сударушкин совершенно искренен. Быть может, он даже прав. Ибо, если истинно учение Будды, то душа преступника и впрямь обречена на

вечные странствия. В таком случае в интересах общества не убивать таких людей, а содержать их под стражей в идеальных для их здоровья условиях, - отдаляя момент, когда душа убийцы после его смерти поселится в новой телесной оболочке и вновь проявит себя страшным образом.

Вокруг осужденных в Америке массовых убийц образуются клубы поклонников.

- Я видел книжечку комиксов, уже третью, живописующую подвиги Джеффри Даммера, - рассказывает Майкл Ньютон, изучающий феномен нездорового интереса к массовым убийцам. - Эта книжечка комиксов называется "Джеффри Даммер против Иисуса Христа". Тощий голый Христос на ринге с Джеффри Даммером буквально разрывают друг друга на куски. Омерзительные картинки, но спрос на них есть.

И действительно, в Нью-Йорке, сразу за чертой фешенебельных районов, можно прямо на улице купить какие угодно атрибуты мрачных культов убийц.

Владелец одного из магазинов Митч Катлер с гордостью заявляет, что у него на прилавке выставлены самые отвратительные "прибамбасы" криминального мира. "Я продаю карты, настольные игры, книги - все, связанное с массовыми убийцами", - говорит он. У него в магазине много разного товара, и все продается очень быстро. Митч Катлер утверждает, что большинство его покупателей - женщины.

То, что именно женщины проявляют нездоровый интерес к массовым убийцам, подтверждает и Майкл Ньютон:

- Ричарда Рамиреса - ночного головореза из Калифорнии хотели посетить в тюрьме так много женщин, что начальнику тюрьмы пришлось прекратить визиты. Женщины буквально затевали кулачные бои за право первой прорваться к заключенному. Другой массовый убийца Тед Банди, ожидавший в тюрьме смертной казни, получал мешки писем от почитательниц.

Почему эти женщины испытывали такое магнетическое влечение к Теду Банди, для Майкла Ньютона загадка. Одно из объяснений состоит в том, что женщины, ведущие часто самый заурядный образ жизни, хотят испытать что-то необыкновенное, волнующее. При этом убийцы, находящиеся за решеткой, представляются им вполне безопасными. То есть женщины таким образом заигрывают со смертью, на самом деле ничем не рискуя.

"Когда приходишь в тюрьму повидать смертников, тебя запирают с ними в камере. Ты с ними один на один часами", - рассказывает рок-певец Дон Маклауд, выступающий под псевдонимом Кровавое месиво. Сам Кровавое месиво подружился с убийцей по имени Джон. Не то чтобы Кровавое месиво одобрял его поступки, просто рок-певцу понравилось, что Джон, сидя в камере смертников, ни на кого не держит зла, да и вообще люди зэка мало занимали,

Джон Гейси - приятель Кровавого месива - был приговорен к смертной казни после того, как под полом его кухни было обнаружено 29 изуродованных трупов. Рок-певец именно Джона Гейси попросил оформить обложку для его первого компакт-диска. Общение с массовыми убийцами приносит Кровавому месиву музыкальное вдохновение. По мнению музыканта, они, как посланцы дьявола на земле, - одновременно омерзительны и притягательны.

Вдохновение вдохновением, но Кровавое месиво за смертную казнь. "Если бы мне дали возможность, я бы их всех одним махом отправил к праотцам", - говорит он.

ГАЙ КАЛИГУЛА.

"БЕЙ, ЧТОБЫ ОН ЧУВСТВОВАЛ, ЧТО УМИРАЕТ..."

О садисте-убийце Гае Калигуле повествует в своей книге "Жизнь двенадцати цезарей" античный историк Гай Светоний Транквилл. Здесь описаны некоторые из преступлений этого цезаря.

"Свирепость своего нрава обнаружил он яснее всего вот какими поступками. Когда вздорожал скот, которым откармливали диких зверей для зрелищ, он велел бросить им на растерзание преступников; и, обходя для этого тюрьмы, он не смотрел, кто в чем виноват, а прямо приказывал, стоя в дверях, забирать всех, "от лысого до лысого". От человека, который обещал биться гладиатором за его выздоровление, он потребовал исполнение обета, сам смотрел, как он сражался, и отпустил его лишь победителем, да и то после долгих просьб. Того, кто поклялся отдать жизнь за него, но медлил, он отдал своим рабам - прогнать его по улицам в венках и жертвенных повязках, а потом во исполнение обета сбросить с раската. Многих граждан из первых сословий он, заклеив раскаленным железом, сослал на рудничные или дорожные работы, или бросил диким зверям, или самих, как зверей, посадил на четвереньки в клетках, или перепилил пополам пилой, - и не за тяжкие провинности, а часто лишь за то, что они плохо отозвались о его зрелищах или никогда не клялись его гением. Отцов он заставлял присутствовать при казни сыновей; за одним из них он послал носилки, когда тот попробовал уклониться по нездоровью; другого он тотчас после зрелища казни пригласил к столу и всяческими любезностями принуждал шутить и веселиться. Надсмотрщика над гладиаторскими битвами и травлями он велел несколько дней подряд бить цепями у себя на глазах и умертвил не раньше, чем почувствовал вонь гниющего мозга. Сочинителя ателлан за стишок с двусмысленной шуткой он сжег на костре посреди амфитеатра. Один римский всадник, брошенный диким зверям, не переставал кричать, что он невинен; он вернул его, отсек ему язык и снова прогнал на арену. Изгнанника, возвращенного из давней ссылки, он спрашивал, чем он там занимался; тот льстиво ответил: "Неустанно молил богов, чтобы Тиберий умер и ты стал императором, как и сбылось". Тогда он подумал, что и ему его ссыльные молят смерти, и послал по островам солдат, чтобы их всех перебить. Замыслив разорвать на части одного сенатора, он подкупил несколько человек напасть на него при входе в курию с криками "враг отечества!", пронзить его грифелями и бросить на растерзание остальным сенаторам; и он насытился только тогда, когда увидел, как члены и внутренности убитого проволокли по улицам и свалили грудой перед ним.

Чудовищность поступков он усугублял жестокостью слов. Лучшей и похвальнейшей чертой его нрава считал он, по собственному выражению, невозмутимость, то есть бесстыдство. Увещаний своей бабки Антонии он не только не слушал, но даже сказал ей: "Не забывай, что я могу сделать что угодно и с кем угодно!" Собираясь казнить брата, который будто бы принимал лекарства из страха отравы, он воскликнул: "Как? Противоядия - против Цезаря?" Сосланным сестрам он грозил, что у него есть не только острова, но и мечи. Сенатор преторского звания, уехавший лечиться в Антикиру, несколько раз просил отсрочить ему возвращение; Гай приказал его убить, заявив, что если не помогает чемерица, то необходимо кровопускание. Каждый десятый день, подписывая перечень заключенных, посылаемых на казнь, он говорил, что сводит свои счета. Казнив одновременно нескольких галлов и греков, он хвастался, что покорил Галлогрецию. Казнить человека он всегда требовал мелкими частыми ударами, повторяя свой знаменитый приказ: "Бей, чтобы он чувствовал, что умирает!" Когда по ошибке был казнен вместо нужного человека другой с тем же

именем, он воскликнул: "И этот того стоил". Он постоянно повторял известные слова трагедии:

Пусть ненавидят, лишь бы боялись!

Не раз он обрушивался на всех сенаторов вместе, обзывал их прихвостнями Сеяна, обзывал предателями матери и братьев, показывал доносы, которые будто бы сжег, оправдывал Тиберия, который, по его словам, поневоле свирепствовал, как как не мог не верить стольким клеветникам. Всадническое сословие поносил он всегда за страсть к театру и цирку. Когда чернь в обиду ему рукоплескала другим возницам, он воскликнул: "О, если бы у римского народа была только одна шея!"; а когда у него требовали пощады для разбойника Тетриния, он сказал о требующих: "Сами они Тетринии!" Пять гладиаторов-ретиариев в туниках бились против пяти секуторов, поддались без борьбы и уже ждали смерти, как вдруг один из побежденных схватил свой трезубец и перебил всех победителей; Гай в эдикте объявил, что скорбит об этом кровавом побоище и проклинает всех, кто способен был на него смотреть. Он даже не скрывал, как жалеет о том, что его время не отмечено никакими всенародными бедствиями: правление Августа запомнилось поражением Вара, правление Тиберия - обвалом амфитеатра в Фиденгах, а его правление будет забыто из-за общего благополучия; и снова и снова он мечтал о разгроме войск, о голоде, чуме, пожарах или хотя бы о землетрясении.

Даже в часы отдохновения, среди пиров и забав, свирепость его не покидала ни в речах, ни в поступках. Во время закусок и попок часто у него на глазах велись допросы и пытки по важным делам, и стоял солдат, мастер обезглавливать, чтобы рубить головы любым заключенным. В ПUTEОЛАХ при освящении моста... он созвал к себе много народу с берегов и неожиданно сбросил их в море, а тех, кто пытался схватиться за кормила судов, баграми и веслами отталкивал вглубь. В Риме за всенародным угощением, когда какой-то раб стащил серебряную накладку с ложа, он тут же отдал его палачу, приказав отрубить ему руки, повесить их спереди за шею и с надписью, в чем его вина, провести мимо всех пирующих. Мирмиллон из гладиаторской школы бился с ним на деревянных мечях и нарочно упал перед ним, а он прикончил врага железным кинжалом и с пальмой в руках обежал победный круг. При жертвоприношении он оделся помощником резника, а когда животное подвели к алтарю, размахнулся и ударом молота убил самого резника. Среди пышного пира он вдруг расхохотался; консулы, лежавшие рядом, льстиво стали спрашивать, чему он смеется, и он ответил: "А тому, что стоит мне кивнуть, и вам обоим перережут глотки!" Забавляясь такими шутками, он однажды встал возле статуи Юпитера и спросил трагического актера Апеллеса, в ком больше величия? А когда тот замедлил с ответом, он велел хлестать его бичом, и в ответ на его жалобы приговаривал, что голос у него и сквозь стоны отличный. Целуя в шею жену или любовницу, он всякий раз говорил: "Такая хорошая шея, а прикажи я - и она слетит с плеч!" И не раз он грозился, что уж дознается от своей милой Цезонии хотя бы под пыткой, почему он так ее любит.

Зависти и злобы в нем было не меньше, чем гордыни и свирепости. Он враждовал едва ли не со всеми поколениями рода человеческого. Статуи прославленных мужей, перенесенные Августом с тесного Капитолия на Марсово поле, он ниспроверг и разбил так, что их уже невозможно было восстановить с прежними надписями; а потом он и впредь запретил воздвигать живым людям статуи или скульптурные портреты, кроме как с его согласия и предложения. Он помышлял даже уничтожить поэмы Гомера - почему, говорил он, Платон мог изгнать Гомера из устроенного им государства, а он не может? Немного недоставало ему, чтобы и Вергилия и Тита Ливия с их сочинениями и изваяниями

изъять из всех библиотек: первого он всегда бранил за отсутствие таланта и недостаток учености, а второго - как историка многословного и недостоверного. Науку правоведов он тоже как будто хотел отменить, то и дело повторяя, что уж он-то, видит Бог, позаботится, чтобы никакое толкование законов не перечило его воле.

У всех знатнейших мужей он отнял древние знаки родового достоинства - у Торквата ожерелье, у Цинцинната - золотую прядь, у Гнея Помпея из старинного рода - прозвище Великого. Птолемея, о котором я уже говорил, он и пригласил из его царства, и принял в Риме с большим почетом, а умертвил только потому, что тот, явившись однажды к нему на бой гладиаторов, привлек к себе все взгляды блеском своего пурпурного плаща. Встречая людей красивых и кудрявых, он брил им затылок, чтобы их обезобразить. Был некий Эзий Прокул, сын старшего центуриона; за огромный рост и пригожий вид прозванный Колоссэротом; его он во время зрелищ вдруг приказал согнать с места, вывести на арену, сравить с гладиатором легко вооруженным, потом с тяжело вооруженным, а когда тот оба раза вышел победителем, - связать, одеть в лохмотья, провести по улицам на потеху бабам и, наконец, прирезать.

Поистине не было человека такого безродного и такого убогого, которого он ни постарался бы обездолить. К царю озера Неми, который был жрецом уже много лет, он подослал более сильного соперника. А когда Порий, колесничный гладиатор, отпускал на волю своего раба-победителя и народ неистово рукоплескал, Гай бросился вон из амфитеатра с такой стремительностью, что наступил на край своей тоги и покатился по ступеням, негодуя и восклицая, что народ, владыка мира, из-за какого-то пустяка оказывает гладиатору больше чести, чем обожествленным правителям и даже ему самому!

Стыдливости он не щадил ни в себе, ни в других. С Марком Лепидом, с пантомимой Мнестером, с какими-то заложниками он, говорят, находился в постыдной связи. Валерий Катулл, юноша из консульского рода, заявлял во всеуслышанье, что от забав с императором у него болит поясница. Не говоря уже о его кровосмешении с сестрами и о его страсти к блуднице Пираллиде, ни одной именитой женщины он не оставлял в покое. Обычно он приглашал их с мужьями к обеду, и когда они проходили мимо его ложа, осматривал их пристально и не спеша, как работороговец, а если иная от стыда опускала глаза, он приподнимал ей лицо своей рукою. Потом он при первом желании выходил из обеденной комнаты и вызывал к себе ту, которая больше всего ему понравилась; а вернувшись, еще со следами наслаждений на лице, громко хвалил или бранил ее, перечисляя в подробностях, что хорошего и плохого нашел он в ее теле и какова она была в постели. Некоторым в отсутствие мужей он послал от их имени развод и велел записать это в ведомости".

(Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1990)

БЕЛОКУРАЯ БЕСТИЯ

Начало XVI века в Ошмянском повете было отмечено появлением особенно свирепой шайки. Она затерроризировала округу звериной жестокостью - бандиты резали, вешали, жгли, не щадили ни богатого, ни бедного, ни старого, ни малого. Скоро путь на Вильно стали называть разбойничьим или черным.

Шляхтичи страшились высунуть нос на улицу, ставили крепкие запоры, обзаводились здоровенными волкодавами. Однако спасения от разбойников не было: что ни месяц, все новые и новые жертвы.

Великий князь Александр подписал в Вильно указ о назначении громадной награды за головы бандитов - тысячи золотых (полпуда золота). В ответ шайка, таинственность которой породила слухи о призраках, оборотнях, колдунах еще больше активизировала свою "работу".

Чашу терпения переполнило убийство старого ксендза, направлявшегося к епископу. Последний в проповеди обвинил власти в лени и попустительстве злодеям. Вот тогда-то князь Александр и поручил это дело не знавшему неудач в раскрытии самых запутанных преступлений минскому судье 40-летнему Ваньковичу.

Не успел судья взяться за дело, как случилось новое дьявольское убийство. Пока мужчины, вступив в ополчение, в 1506 году сражались с татарами под Клецком, дворы их остались без присмотра, и в это самое время банда вырезала две семьи. Вернувшись после сражения домой, воины - победители татар, увидели только могилы своих близких. Один из них, не вынеся утраты, удавился. Это была уже 350 жертва.

Ванькович, вызванный к князю, сказал: "Или задушу шайку не позднее начала октября, или собственной саблей перережу себе жилы." Судья был влюблен в Ядвигу Русиновскую, овдовевшую хозяйку подворья, муж которой также стал жертвой страшных убийц. Говорили, что краше ее не было во всей округе: ярко-синие глаза, золотые волосы, прекрасная фигура. Ядвига отвечала Ваньковичу взаимностью, и уже был назначен день свадьбы - в ноябре. Но сначала судье надо было пережить октябрь. А выбор у него был один: либо в гроб, либо под венец с любимой.

Началась осень. Видя тщетность попыток покончить с бандой, судья решил на хитрость. В усадьбе старого пана Собейки поселились с десятков горластых молодцев, которые стали пить, гулять, а захмелев похваляться, что со дня на день разделаются со злодеями, получают в награду кучу золота. Спровоцированные бандиты не замедлили явиться в усадьбу, дабы наказать беспечных хвастунов. С ножами и саблями они бросились в хату, откуда раздавался храп пьяных гуляк.

Через некоторое время, в латах и шлеме, не торопясь направился туда и главарь. Но переступив порог он обнаружил, что его товарищи повязаны, а в углу комнаты на табуретке сидит Ванькович. Капкан захлопнулся.

Когда же с оторопевшего главаря сорвали шлем, взору Ваньковича предстала... его невеста Ядвига.

Она была повешена в октябре 1507 года в Вильно, на площади рядом с костелом Святого Станислава в присутствии 20 тысяч человек. Перед казнью Ядвига попросила о свидании с судьей. "Скучно мне было жить, - рассказывала она, - я рыцарем должна была родиться, но видно черт вмешался - мужское сердце с женским телом соединил. Это я убила своего мужа, а потом уже никого не жалела. Наслаждение получала от запаха крови и вида распоротого живота. Тебя, судья, любила по-настоящему."

После казни Ядвиги соседи сожгли двор Русиновских, а пепел развеяли по ветру.

(КОД, № 11, 1996)

"ЧЕРТИ" ПАРГОЛОВСКОГО ШОССЕ

Знаменитый русский сыщик, раскрывший сотни уголовных преступлений, И. Д. Путилин - "русский Шерлок Холмс" - повествует о серии грабежей,

расследовать которые ему пришлось в середине прошлого столетия.

"Случай о котором мне хочется рассказать, произошел со мной на самых первых порах моей сыскной деятельности.

Дел было много: убийства, грабежи и кражи следовали одно за другим, требуя от полицейских чинов напряженной работы. Несколько легче было только летом. С наступлением теплой поры весьма многие преступные элементы, как тараканы, расползались в разные стороны - кто куда - преимущественно же в окрестности столицы, где хотя и пошаливали, но о кровавых преступлениях говорили реже. Пользуясь этим, я частенько навещал мою семью, проживавшую летом на даче в третьем Парголове.

15 августа, как теперь помню, в день рождения моей дочурки Евгении, к обеду забрели кое-кто из дачных соседей, и у нас вышло что-то вроде домашнего торжества. От оживленной беседы перешли к картам. Я и не заметил, как подкралась ночь. Часы пробили два.

- Неужели ты сегодня поедешь в город? Смотри, глухая ночь! Останься до утра! - заговорила жена, увидев мои сборы к отъезду. "А и в самом деле, не остаться ли до завтра? - подумалось мне. - А срочные дела? А составление утреннего доклада? А явка по начальству? Когда это я все успею, если еще промедлю?" - пронеслись в голове эти мысли, и минутная нерешительность была подавлена сознанием необходимости немедленного отъезда.

Не прошло и четверти часа, как мой иноходец Серко, запряженный в легкий кабриолет, стоял у крыльца. Небо было покрыто тучами, и ночь была довольно темна. Впрочем, дорога по шоссе была ровная и хорошо знакомая. Поэтому я не старался сдерживать моего ретивого коня, думая одно: скорее бы доехать до городской квартиры. Убаюкиваемый ездой, я, было, вздремнул, и, чтобы рассеять сон, закурил папиросу, для чего придержал лошадь. Серко пошел шагом.

Из-за туч выбилась луна. Посветлело... Прелестная, теплая августовская ночь навеяла на меня какое-то, совершенно несвойственное полицейскому, мечтательное настроение. Вдруг моя лошадь неожиданно остановилась и затем круто шарахнулась в сторону. Но в тот же момент чья-то сильная рука схватила Серко под уздцы и осадила его на месте... Я растерянно оглянулся вокруг и увидел по обеим сторонам своего кабриолета две самые странные и фантастические фигуры... Рожи их были совершенно черны, а под глазами и вокруг рта обрисовывались широкие красные дугообразные полосы. На головах красовались остроконечные колпаки с белыми кисточками. "Черти, совершенные черти, как их изображают на дешевых картинках... Недостает только хвоста и рогов, - подумал я. - Однако, ясное дело, жулики!" Вижу, все же, что дело принимает для меня дурной оборот. У одного из злоумышленников, вскочившего на подножку кабриолета, оказался в руках топор. Подняв его вровень с моей шеей, он грубым и хриплым голосом, подражая трубе, прорычал: - Нечестивый! Гряди за мною во ад!

Я собрал все присутствие духа.

- Полно дурака-то валять!.. Говори скорее, что тебе от меня надо?..

Мне нужно торопиться в город, - проговорил я, смотря в упор на черта и в то же время обдумывая, как бы благополучно отделаться от этих мазаных бродяг.

- Митрич, брось комедь ломать! Вишь, прохвост не боится нечистой силы!

В ответ на замечание своего товарища, стоявшего с правой стороны кабриолета, Митрич вполне уже естественным голосом произнес:

- Давай деньги! А не то...

Жест топором dokonчил фразу, вполне для меня понятную. Заслониться левой рукой, а правой ударить злодея по голове так, чтобы последний слетел с

подножки, а потом, воспользовавшись переполохам, тронуть вожжами лошадь... - Вот мысли, которые пронеслись было у меня в голове. Но брошенный мной вокруг взгляд сразу охладил мой порыв: с правой стороны кабриолета, плотно прижавшись к подножке, стоял второй бродяга с толстой суковатой палкой в руках, одного удара которой было вполне достаточно, чтобы размозжить самый крепкий череп. Но помимо этих двух предстояло иметь дело еще с теми двумя, которые держали лошадь. Несомненно что при первой моей попытке к сопротивлению они не замедлили бы броситься на помощь товарищам. Вижу - дело дрянь!.. Один против четверых - борьба неравная... живым не уйдешь! На душе стало скверно... Меня охватило прежде всего чувство глубокой на себя досады за то, что, пускаясь в глухое ночное время в путь, я, по беспечности, надевая штатское платье, не взял с собой никакого оружия.

- Ну, прочитал, купец, отходную? - насмешливо проговорил разбойник, не опуская топора.

- Не прохлаждайся!.. Доставай скорее деньги! - свирепо вдруг закричал он.

Сопротивление было бесполезно, так как я отлично понимал, что при первом моем подозрительном движении или крике, второй разбойник, не спускавший с меня взгляда, раскроит дубиной череп, прежде чем я успею завладеть топором. Я счел дальнейшее колебание излишним и опасным. Не оставалось ничего другого, как покориться и отдать кошелек.

Я и покорился: вынул из кармана бумажник и отдал его в руки хищнику. Злодей подметил висевшую на жилете золотую цепочку - пришлось отдать вместе с часами и ее. Мало того - меня заставили вывернуть все карманы. Всю эту процедуру я с умыслом старался протянуть возможно дольше, напрягая слух, в надежде уловить звук колес какого-либо проезжающего экипажа.

Но надежды на помощь со стороны были тщетны. Ни один посторонний звук не нарушал безмолвия ночи, только уныло светивший месяц дал мне возможность хорошо рассмотреть лица двух, стоявших у экипажа. Я ясно различал их бритые рожи, густо намазанные сажей и подрисованные суриком. Отдав кошелек и часы, я считал себя спасенным. Вдруг разбойник, которому были переданы его товарищами вещи, неожиданно возвысил голос и проговорил:

- Не наделал бы нам молодчик пакостей... не лучше ли порешить... и концы в воду.

- А ведь Яша верно говорит! - отозвались двое других... Настало молчание...

И вдруг я почувствовал, как всем моим существом, всем телом и всей душой начинает овладевать смертельный, холодный, тяжелый и безобразный страх... Я весь сжался... Митрич опять занес над моей головой топор. Он стоял в пол-оборота ко мне и упорно не сводил с меня взгляда, тускло сверкавшего на его вымазанном сажей лице. Меня охватила какая-то мелкая конвульсивная дрожь. "Что делать? Что делать? - молотом стучало в моей голове, - Убьют, убьют"...

А мерзавцы молчали... И это молчание еще более увеличивало мой ужас... Я перевел взгляд на другого субъекта, с дубиной справа... Он стоял, худой и поджарый, тоже недвижно, держа наготове свою суковатую дубину. Спазматические рыдания начали сдавливать мне горло... "Ах, скорее бы, скорее, - думал я. - Только бы поменьше мучений... Вероятно, первым ударит Митрич... топором"...

Луна вдруг, казалось мне, засияла, нестерпимо ярким светом, так что я отлично мог видеть всех четырех мерзавцев и наблюдать малейшее их движение. "Значит, смерть!" - подумал я... Молчание продолжалось и, казалось, длится

век... Митрич поднял на меня глаза и вдруг как-то полусмущенно проговорил: - Праздник-то ноне велик!.. Ведь у нас в деревне престольный...

- Оно-то так... - нерешительно поддержал один субъект из державших лошадь.

- Не хочу и я рук Марать в такой день! - проговорил решительно Митрич и опустил топор.

Четвертый разбойник, первый подавший голос за убийство, теперь молчал, что и было принято за знак согласия с большинством. Решив "не марать в праздник об меня руки", бродяги предварительно вывели лошадь на середину дороги и, любезно пожелав мне сломать шею, хватили мою лошадь дубиной, а сами броеились по сторонам врассыпную.

Лошадь во всю прыть помчалась по дороге. Я, как пьяный, качался на сиденье и понемногу приходил в себя. Полной грудью вдыхал я свежий ночной воздух... Мне казалось, что с той поры, как я выехал, прошли чуть ли не сутки, и я удивлялся, почему не наступает день. Который-то час? Я невольно сунул руку в карман и вдруг вспомнил, что мои часы отобраны "чертями"

- ...Я совсем оправился, и безумная злость на этих бродяг вдруг вспыхнула в моем сердце. Как! Ограбить и чуть не убить меня... меня? Грозу всех воров и разбойников?.. Пойдите же! Прежде всего я решил молчать об этом происшествии, а затем принять все меры к поимке этих негодяев.

Прошло около двух недель. На одном из обычных утренних докладов у обер-полицеймейстера графа Шувалова он передал мне телеграмму со словами:

- Съездите в Парголово, произведите дознание и сделайте что нужно, для поимки преступников.

Телеграмма была такого содержания: "В ночь на сегодняшнее число на Выборгском шоссе ограблена с нанесением тяжких побоев финляндская уроженка Мария Рубан".

Поручение это пришлось мне не по сердцу: и по столице у меня была масса дела, а тут еще поезжай в пригород. Но граф не переносил возражений, а потому ничего не оставалось делать, как покориться. Узнав о местожительстве потерпевшей, я на моем иноходце в два часа доехал до деревни Закабыловки. Стоявшие у ворот одного из одноэтажных домов нижний полицейский чин и человек пять праздных зевак без слов подсказывали мне, куда завернуть лошадь.

В избе я увидел знакомую мне картину: в переднем углу, под образами, сидел, опершись локтями на деревянный, крашеный стол, становой пристав, строчивший протокол. Поодаль, около русской печи, за ситцевой занавеской, громко охала жертва. Тут же, около нее, сутились маленький юркий человек - видимо, фельдшер, и две какие-то бабы голосисто причитали на разные тона. Подождав, пока больная пришла несколько в себя и успокоилась, я приказал бабам прекратить их завывания и приступил к допросу.

- Ну, тетушка, как было дело?

- Нешиштая шила!.. Шерти, шерти!.. заговорила, своеобразно шепелявя, избитая до полусмерти баба...

- А!.. Нечистая сила!.. Черти!..

Внимание мое вмиг удвоилось, и я принялся за обстоятельные расспросы. Вот что на своеобразном русском жаргоне изложила чухонка:

"Отъехала я верст пять от казарм, час-то был поздний, - я и задремала. Проснулась, вижу лошадь стоит. Стала я доставать кнут, да так и замерла от страха. Вижу, по бокам телеги стоят три дьявола, с черными, как вакса, рожами, языки огненные и хвосты лошадиные! Как лютые псы, бросились они на меня, и начали они рвать на мне одежонку... Кошель искали. А как нашли мой

кошель, так вместе с карманом и вырвали: а в кошельке-то всего, почитай, гривен восемь было... - Ну, думаю, теперь отпустят душу на покаяние... Да не тут-то было - осерчал, видишь ты, один, что денег в кошельке мало, затопал копытами да как гаркнет: "Тяни со старой шкуры сапоги, ишь подошвы-то новые!"

И стал это он, сатана, сапоги с ног тянуть, да не осилить ему, ругается, плюется, а все ни с места. Сапоги-то не разношены были, только за два дня куплены... Собрался он с духом, уперся коленищем мне в живот, да как дернет изо всей силы, я уже думала ногу с корнем оторвал, да только сапог поддался?..

Тогда другой-то, который держал меня за горло, придавил коленом грудь и говорит: "Руби топором ногу, если не осилишь!" Захолодело мое сердце, как услышала, что сейчас ногу мою будут рубить. Да, видно, Богу не угодно было допустить этого. Дернул еще раз окаянный, сапог-то и соскочил. А потом бить меня стали. Избили до полусмерти. Что было со мной дальше - не помню. Оглянулась, гляжу, Рыжка у ворот избы стоит, а сама я лежу на дне телеги и на бок повернуться не могу. Голова трещит, а ноги и руки так болят, точно их собаки грызут. Спасибо, соседи увидели да на руках, сволокли в избу".

Для меня все было ясно. Картина нападения, переданная потерпевшей, хотя и в сгущенных красках, подсказывала мне, что шайка парголовских грабителей, видимо, избегавшая проливать кровь, состояла не из профессиональных разбойников. С другой стороны, случай повторения грабежа в той же местности рассеял мои сомнения в распадении шайки и вернул мне надежду изловить ее участников.

Дня через три я распорядился, чтобы к ночи была готова обыкновенная, запряженная в одну лошадь, телега, - такая, в которой чухны возят в город молоко. Телега должна была быть с сильно скрипучими колесами. В нее положили два пустых бочонка из-под молока, несколько рогож и связку веревок. Для экспедиции я выбрал состоявшего при мне бравого унтер-офицера Смирнова и отличавшегося необычайной силой городского Курленко. Переодетый вечером дома в полушубок, я уже собирался выходить, когда случайно брошенный взгляд на Курленко заставил меня призадуматься...

- А что, если грабители не решатся напасть на мужчину, да притом на такого коренастого, каков этот хохол? - подумал я.

- Курленко, ты женат?

- Так точно, ваше высокоблагородие!

- Иди живо домой, надень кофту и юбку жены, а голову повяжи теплым платком.

Полное недоумение выразилось на широком, румянном, с еле заметной растительностью лице полицейского, но исполнять приказания он привык без размышлений и с изумительной быстротой.

Возвратясь обратно в кабинет, я присел за письменный стол и начал думать о предстоящей экспедиции. Вдруг слегка скрипнула дверь, и на пороге появилась толстая румяная баба.

- Что тебе тут надо? - спросил я.

- Извольте меня не признавать, ваше высокоблагородие, - вытянув руки по швам, зычным голосом проговорила незнакомка.

Я не мог не улыбнуться: Курленко, в бабьем одеянии, со своей солдатской выправкой, был бесподобен!..

- Ну, теперь в путь! Меня вы обождите у московских казарм!

Переждав полчаса, я вышел из дому. В три четверти часа извозчик довез меня до московских казарм, а отсюда, отпустив возницу, я побрел по

Самсониевскому проспекту вперед.

Темнота ночи не позволяла видеть даже ближайшие предметы, и я только тогда различил знакомую мне телегу, когда наткнулся на нее. Я присоединился к сидящим в ней двум моим телохранителям, и мы молча тронулись в путь. У Новосельцевской церкви я велел приостановить лошадь, так как пора было ознакомить мою команду с предстоящей ей деятельностью.

- Ты, Курленко, пойдешь рядом с телегой... Смотри внимательнее по сторонам и будь настороже, на случай внезапного нападения. Если придется защищаться, пусти в дело кистень, но им не злоупотребляй: бей не насмерть, а лишь бы оглушить, - счел я необходимым предупредить хохла, зная, какая у него тяжелая рука...

- Ты же, Смирнов, ляжешь рядом со мной в телеге, а там видно будет, что тебе делать...

- Закрой же нас рогожей, а ты, Смирнов, уברי ноги... Ну, теперь трогай шагом!

Глухая тишина и глухая ночь стояли вокруг. Только скрип колес нашей телеги нарушал это безмолвие... Мы миновали второе Парголово и въехали в сосновую рощу. Пора было и поворачивать обратно. Я уже собрался было сделать распоряжение о повороте лошади, как вдруг вблизи нас раздался легкий свист. - Будьте готовы! - шепнул я.

Предупреждение оказалось своевременным. Едва Курленко успел вынуть из кармана своей женской кофты кистень, как был схвачен злоумышленником за горло; двое других окружили телегу, а четвертый держал под уздцы лошадь. Курленко, выдавший на своем веку и не такие еще виды, ничуть не растерялся перед черной рожей грабителя и сплеча ударил его в ухо. Грабитель с глухим стоном, как сноп, свалился на землю. Такая расправа "чухонки-бабы", видимо, привела в некоторое замешательство двух товарищей лежавшего без признаков жизни злодея, но после секундного колебания они, в свою очередь, бросились на Курленко.

Наступила пора действовать и нам. Первым выскочил из телеги Смирнов, а за ним я. Я думал, что одно наше появление обратит в бегство нападающих; но разбойниками овладела ярость, и они, не видя у нас в руках оружия, видимо, решились на кровавую расправу, пустив в ход против нас ножи и знакомую мне толстую дубину. Но и мои люди, не раз подвергавшиеся нападениям, прошли хорошую школу, и все приемы самообороны были ими на опыте изучены до тонкости. Смирнов ловко уклонился в сторону от бросившегося на него с поднятым ножом бродяги, так что нож, направленный в горло, скользнул лишь по спине Смирнова, прорезав ему, благодаря толстому полушубку, только кожу у лопатки; а когда грабитель замахнулся ножом второй раз, то браваый унтер ударом ноги в живот сшиб противника с ног, и нападавший завертелся волчком от боли.

Пока Смирнов вязал веревками побежденных, я с Курленко старался обезоружить моего старого знакомого "Митрича", которого я сейчас же узнал. Сделать это было нелегко: он отлично владел суковатой, длинной дубиной и не подпускал нас на близкое расстояние. Дубина уже два раза задела Курленко, желавшего ее вырвать. Митрич свирепел и неистово отмахивался.

Стрелять мне не хотелось. Я решил овладеть Митричем иначе. В руках у меня была веревка. Сделать петлю было делом одной минуты... Я изловчился и накинул петлю на Митрича. Еще один взмах дубиной... и затянутый петлей вокруг шеи Митрич зашатался и упал. Чтобы не задушить его, я снял тотчас же петлю и затем связал ему с помощью Курленко ноги и руки. Четвертый злоумышленник, державший лошадь, благоразумно дал стрекача в самом начале

схватки. Преследовать его в такую темную ночь было бесполезно. Покончив эту баталию, мы привели в чувство одного из трех бродяг, наиболее пострадавшего от руки Курленко, и, сложив эту живую кладь на телегу, тронулись в обратный путь, вполне удовлетворенные результатами ночной экскурсии.

ПОКАЯВШИЙСЯ "ЧЕРТ"

Наутро я приступил к допросу и начал его, конечно, с Митрича...

Городовой ввел ко мне рослого и плечистого детину, который при входе скользнул по мне глазами, а затем отвел взгляд в угол. На угрюмо-вызывающем лице его, сохранились следы сажи и красной краски... Я невольно улыбнулся...

Городовой вышел и оставил нас одних.

- Ну-с, как же тебя звать? - задал я обыкновенный вопрос.

- Не могу припомнить!.. - последовал ответ.

- Гм!.. Вот как!.. Забыл, значит?.. Как же это так?

- Да так!.. Имя больно хитрое поп, когда крестили, дал... Пока несли из церкви домой, я и забыл, а пока сюда попал, так и совсем позабыл...

- Тэ-э-эк-с, - протянул я, - что же это ты, бедняга непомнящий, по ночам с дубиной на большой дороге делаешь?..

- Ничего... Так... Хожу, значит, по своим надобностям...

- Какая же такая надобность у тебя была вчера, например, когда ты напал с шайкой на нашу телегу?

- И никакой шайки я не знаю, и никакого нападения-то не было... Так, просто подошел попросить, чтоб подвезли... А на меня вдруг как накинута... Я думал разбойники!..

- Вот как!.. Притомился, значит, по дороженьке, подломились резвы ноженьки, захотелось подъехать... А на него, бедного, нападают, как на какого-либо разбойника... Ведь так? - сказал я...

- Именно так-с!

Наступило молчание... Преступник стоял и глядел в угол, а я злорадно думал: "Постой же, вот я тебе покажу, "забыл", мерзавец... Вот я тебя ошпарю"...

Я вдруг встал и решительно выпрямился:

- А ну-ка, Митрич, погляди-ка на меня хорошенько! Не узнаешь ли?.. - внушительно проговорил я, отчеканивая каждое слово...

Допрашиваемый как-то вздернул всем корпусом и взглянул на меня широко раскрытыми глазами:

- Не могу знать, ваше благородие, - быстро проговорил он...

- Но ведь ты - Митрич? - спросил я.

Глаза у него забегали... Он попробовал усмехнуться, но усмешка вышла какая-то кривая...

- Что ж!.. Пускай, по-вашему, буду и Митрич, ежели вам угодно, вам лучше знать, - начал говорить он.

- Да, да!.. Именно мне лучше знать. И я знаю, что ты - Митрич. Да и меня ты должен знать! Погляди-ка внимательнее...

Митрич вскинул на меня уже смущенный и недоумевающий взгляд...

- Не могу припомнить, - проговорил он.

- Ну, так я тебе помогу припомнить. Где ты был ночью 15 августа, в самый праздник Успенья Пресвятой Богородицы?

- В гостях у товарища!

- Не грехи и не ври, мерзавец! - проговорил я грозно, - не в гостях, а

с топором на большой дороге провел ты этот великий праздник... свой престольный праздник! - подчеркнул я.

Митрич изумленно посмотрел на меня и начал бледнеть, а я, не давая ему опомниться, продолжал:

- Разбойником, кровопийцей засел ты на большой дороге, чтобы грабить и убивать. Как самый последний негодяй и самая жестокая, бессмысленная скотина, бросился ты на безоружного, одинокого с топором!

Только потому человека не убил, что "не хотелось в такой праздник рук марать", - сказал я, не спуская с него глаз и отчеканивая каждое слово.

- Да неужто это были вы, ваше благородие! - почти со страхом произнес Митрич, отступая шаг назад...

- Ага? Узнал небось!

Митрич бросился на колени.

- Мой... Наш грех!.. Простите! - пробормотал он.

Вижу я, что надо ковать железо, пока горячо.

- Ну а ограбленная и избитая чухонка - ведь тоже дело ваших рук? Да говори смело и прямо: я все знаю. Признаешься - тебе же лучше будет!

- Повинны и в этом! - хмуро проговорил все еще не пришедший в себя Митрич.

Шаг за шагом затем удалось мне выпытать у него о всех грабежах этой шайки. Грабили большей частью проезжающих чухон, которые, вообще говоря, не жаловались даже на эти грабежи.

- Почему так?

- Да видите, ваше благородие, они думали, что мы всамделишные черти! - пояснил Митрич.

Я вспомнил об этом маскараде и потребовал дальнейших пояснений.

- Да правду говорить, ваше благородие, не хотелось нам напрасно кровь проливать... Нам бы только запугать насмерть, чтоб потом в полицию не доносили. Ведь на нечистую силу не пойдешь квартальному заявлять!.. Ну вот для этого самого и комедь эту играли...

- Но ведь со мной-то вы не комедь играли? Вы действительно убить собрались? А?..

Митрич почесал за ухом.

- Да, оно того... сумнительно нам стало, - проговорил он нерешительно.

- Значит, если бы не праздник, то капут? - спросил я уже весело.

Митрич отвел глаза в сторону и замолчал. Благодаря показанию Митрича дело разъяснилось быстро. Личности задержанных были установлены. Был в тот же день, арестован и четвертый из "чертей". Оказалось, что это были уволенные в запас солдаты. По окончании службы они, промотав бывшие у них на дорогу деньги, решили попытать счастья на большой дороге и вернуться на родину с "капиталами". Не попадись они в последнем деле, их нелегко было бы разыскать, так как они уже решили не откладывать более отъезда. На пай каждого приходилось по 60 рублей, и этой суммой они решили удовлетвориться...

Из награбленного мне удалось все же разыскать часы с цепочкой, перешедшие чуть ли не в шестые руки.

СОЛДАТ-УБИЙЦА

13 июня 1859 года по Выборгскому шоссе, в трех верстах от Петрограда, был найден труп с признаками насильственной смерти, а за этим, в ночь с

13-го на 14-е на даче купца Х-ра, подле самой заставы, через открытое окно неизвестно кем была похищена разная одежда: два летних мужских пальто, брюки, полусапожки, шляпа, зонтик и дамское серое пальто.

Граф Шувалов оба эти дела поручил мне для расследования и розыска преступников. Я тотчас отправился на место преступления. По Выборгской дороге, совсем недалеко от Петрограда, сейчас же у канавки лежал труп убитого. Убитый лежал на боку, голова его была проломлена, и среди сгустков крови виднелся мозг и торчали черепные кости. По виду это был типичный чухонец.

Я стал производить внимательный осмотр. Шагах в пяти от края дороги, на камне, я увидел несомненные следы крови. Черная полоса тянулась до самого места нахождения трупа. А оглядевшись еще немного, я нашел на дне канавки топор, на обухе которого вместе с кровью приклеился пук волос, а подле камня - дешевую корешковую трубку.

После этих находок и осмотра мне ясно представилась картина убийства. Чухонец мирно сидел на камне и, может быть, курил трубку, когда к нему подкрался убийца и нанес смертельные удары своим или его топором. "Вероятно, его топором, - решил я, - потому что иначе убийца унес бы топор с собой, дорожка все-таки вещь и боясь улики".

После этого я отправился на дачу Х-ра. Это была богатая дача с огромным садом, стоявшая совсем подле Выборгской заставы. Сад, окруженный невысоким забором, выходил на дорогу; вдоль него тянулась дорожка к крыльцу дачи, которая была выстроена в глубине сада, выходя только одним боком на двор. Я вошел в дачу и вызвал хозяев. Хозяевами оказались толстый немец и молодая тоненькая немка.

- А, это вы! - заговорил тотчас немец, вынимая изо рта сигару. - Очень рад! Находите наш вещи!..

- О, да! - пропела и тоненькая немка. - Найдите наши вещи!

- Приложу все усилия, - отвечал я, - будьте добры показать мне теперь, откуда была произведена кража.

- Просим пожалста! - сказал немец. - Тут, сюда!

Я прошел следом за ними в большую комнату с верандой, выходящей в сад.

- Вот, - объяснил немец, - здесь лежал мой пальто и ее пальто, и ее зонтик, кореший, с кружевом зонтик, а тут, - он открыл дверь в маленькую комнату, ведущую в спальню, и показал на диван, - лежал мой теплый пальто и были ее сапожки и мои... понимаете! - он подмигнул мне и показал на брюки, а его немка стыдливо потупилась.

- Вы не можете ни на кого указать?

- Нет! У нас честный служанка, честный дворник! Вор входил в окошко. Сюда.

Он снова вернулся в большую комнату и указал на окошко. Я выглянул из окна. Оно было аршина на два от земли, но доступ к нему облегчался настилкой веранды, которая подходила под самое окошко. Я перекинул ноги, очутился на веранде и спустился в сад, тщательно осматривая его, причем со мной оказались и хозяева, и дворник, и старая немка-служанка. Поиски мои сразу увенчались успехом. У самого забора, под кустами, я нашел брошенную серую солдатскую шинель. Я схватил ее и тотчас стал обыскивать. За обшлагом рукава я почти сразу нашел бумагу. Это оказался паспорт на имя финляндского уроженца Израе-ля Кейтонена. Больше я ничего не нашел, но этого для меня оказалось вполне достаточным. Я попросил подробно описать мне украденные вещи, потом распрощался с немцами, сказал, что тотчас извещу их, если найду вещи, и отправился назад, к убитому, которого уже перевезли по моему

указанию в Красное Село. Приехав туда, я, никому ничего не объясняя, зашел по очереди во все кабаки и постоялые дворы, спрашивая, не видал ли кто Кейтонена.

- Третьего дня он у меня работал, - сказал мне наконец, один из зажиточных крестьян, - дрова колот. А тебе на что?

- А вот сейчас узнаешь, - ответил я ему и повел его к трупу.

Крестьянин тотчас признал в убитом Кейтонена, работавшего у него. Я лично и не сомневался в этом. Первый шаг был сделан: личность убитого выяснена. Я поехал домой. Солдатская шинель и в рукаве ее паспорт убитого. Несомненно, человек, совершивший убийство, совершил и эту кражу. Кем же он может быть? Ясно, как день, что солдат, и солдат беглый, которому форменная шинель была только обузой.

И вот, исходя из этих соображений, я тотчас начал свои поиски со справок во всех войсковых частях, находившихся в этом районе, и в тюрьмах, а на другой день я получил сообщение, что в ночь на 12-е число из красносельской этапной тюрьмы бежал арестант, рядовой Вологодского пехотного полка Григорий Иванов.

Я немедленно отправился в красносельскую тюрьму и взял сведения об этом Иванове. Для меня уже не было сомнения, что убийца и вор - Иванов. Оказалось, что он раньше этой тюрьмы содержался в Петроградском тюремном замке под именем временно отпускного рядового Несвижского полка Силы Федотова и был задержан, как вор и дезертир.

В тот же день я был уже в тюремном замке, где меня отлично знали все служащие и многие из арестантов.

- С чем пришли? О ком спрашивать? - радушно спросил меня смотритель.

Я объяснил.

- А, этот гусь! Весьма возможно, что он. Разбойник чистый. Поймали его на краже, он оказался Силой Федотовым; мы его уже хотели в Варшаву гнать, да один арестант признал за Иванова. Решили гнать на Вологду, а он, оказывается, из тюрьмы бежал. Формальный арестант.

В наш разговор вмешался один из помощников.

- Ен, ваше благородие, кажись, вчера сюда приходил. Показалось мне так.

Смотритель даже руками развел.

- Врешь ты! Не может быть такого наглеца.

- Я и сам так подумал, а то бы схватил. И был в статском весь.

- Ас кем виделся? - спросил я.

- С Федькой Коноваловым. Ему через пять дней выпуск.

Я кивнул головой.

- Отлично. А не можешь ли ты, братец, припомнить, как он был одет?

- В статском, - отвечал помощник, - спинжак коричневый и брюки словно голубые и в белых полосках.

- Он! - невольно воскликнул я, вспомнив описание брюк, украденных у немца с дачи, потом обратился к смотрителю: - Будьте добры теперь показать мне этого Коновалова, но так, чтобы он этого не видел.

- Ничего не может быть легче, - ответил смотритель и обратился к помощнику:

- Петрусенко, приведи сюда Коновалова!

- Слушаюсь! - ответил помощник и вышел.

- А вы, Иван Дмитриевич, - обратился ко мне смотритель, - идите сюда и смотрите в окошечко.

Он открыл дверь с маленьким окошком и ввел меня в крошечную комнатку.

Находясь в ней, я через окошко свободно видел весь кабинет смотрителя.

- Отлично! - сказал я.

Смотритель закрыл дверь; я расположился у окошка, а через минуту вошел Петрусенко с арестантом. Смотритель стал говорить с ним о работе в мастерской и о каком-то заказе, а я внимательно изучал лицо и фигуру Коновалова. Невысокого роста, приземистый и плечистый, он производил впечатление простоватого парня, и только голова его, рыжая и огромных размеров, являлась как бы отличительным его признаком. Смотритель отпустил его, я вышел.

- Ну, что? Довольны?

- Не совсем, - отвечал я, - мне надо будет посмотреть, когда вы выпустите его уже без арестантской куртки.

- Ничего не может быть легче, - любезно ответил смотритель, - приходите сюда в 9 часов утра 20-го числа и увидите.

Я поблагодарил и ушел.

План мой был неотступно следить за этим Коноваловым на свободе и через него найти Иванова. Если Иванов был у него в тюрьме, зная, что ему скоро срок, то, несомненно, с какими-нибудь планами, и, несомненно, что Коновалов, выпущенный на свободу, в первый же день встретится с ним. Приметы же Иванова, кроме этих синих брюк с белыми полосками, я узнал от смотрителей обеих тюрем, где он сидел. Я был уверен, что Иванов от меня не уйдет, и позвал к себе на помощь только шустрого Ицку Погилевича. Объяснив ему все, что он должен делать, я 20-го числа, к 9 часам утра, был уже в тюремном замке. Погилевича я оставил на улице у дверей, а сам прошел к смотрителю и опять укрылся в камере за окошком.

Коновалов вошел свободно и развязно; на нем были серые брюки и серая рабочая блуза с ремненным кушаком. В руках он держал темный картуз и узелок, вероятно, с бельем. Смотритель поговорил с ним минуту, потом выдал ему несколько денег, его заработок, паспорт и отпустил его. Тот небрежно кивнул ему, надел картуз и вышел.

Я тотчас выскочил из камерки и хотел бежать за ним, но смотритель добродушно сказал мне:

- Можете не спешить. Я велел придержать его, пока не выйдете вы. А теперь к вашему сведению могу сказать, что у них на Садовой, в доме де Роберти, нечто вроде притона. Вчера один арестант рассказывал.

Я поблагодарил его, поспешно вышел на улицу и подзвал Погилевича. Мы с ним перешли на другую сторону, и я стал закуривать у него папиросу. Через минуту вышел Коновалов. Он внимательно поглядел по сторонам, встряхнулся и быстро пошел по направлению к Никольскому рынку.

- Не упускай его ни на минуту! - сказал я Ицке, указав ему на Коновалова, и спокойный пошел по своим делам.

На другой день Ицка явился ко мне сияющим.

- Ну что? - быстро спросил я.

- Все сделал. Они вдвоем и в том доме!

- Де Роберти?

- Да, да!

- Сразу и встретились?

- Нет, много работы было. И он начал рассказывать:

- Коновалов прошел в портерную на Фонтанке, у Подьяческой, и там встретился с Ивановым, который его поджидал. По описаниям внешности, это был, несомненно, Иванов. Ицка сел подле них, закрывшись газетой, и подслушал их беседу, которую они вели на воровском жаргоне. Судя по тому, что он

подслушал, они сговаривались произвести какой-то грабеж с какими-то еще Фомкой и Авдюхой. После этого они вышли и заходили еще в кабаки и в пивные и прошли наконец, в дом де Роберти, где находятся и сейчас.

- Ну а если их уже нет? - спросил я.

- Тогда они придут туда снова, - спокойно ответил

Ицка. Я молча согласился с ним и торопливо оделся. Придя в ближайшую часть, я попросил у пристава дать мне на помощь двух молодцов. Он мне тотчас отпустил двух здоровенных хожалых. Я приказал им переодеться в светское платье и идти с Ицкою, чтобы по моему или его приказу арестовать преступника.

На Садовой, в нескольких шагах от Сенной, находился знаменитый в свое время дом де Роберти, кажется, даже не описанный и в "Петербургских трущобах" Вс. Крестовского. А между тем это был притон, едва ли не Вяземского дома. Здесь было десятка два тесных квартир с угловыми жильцами, в которых ютились исключительно убийцы, воры и беглые, здесь содержатели квартир занимались скупкой краденого, дворники - укрывательством, а местная полиция имела с жильцов этого дома доходные статьи.

К воротам этого-то дома я и отправился сторожить свою "дичь". Часа два бродил я без толку, пока наконец убийца не вышел на улицу. Я узнал его сразу, не увидев даже Коновалова, который шел позади его. Узнав его, я зашел за спину и окрикнул:

- Иванов!

Он быстро обернулся.

- Ну, тебя-то мне и надо, - сказал я, подавая знак своим молодцам, и спустя 15 минут он уже был доставлен в часть, где я с приставом сняли с него первый допрос. Поначалу он упорно называл себя Силой Федотовым и от всего отпирался, но я сумел сбить его, запутать, и он сделал наконец чистосердечное признание.

Все мои предположения оказались совершенно правильными. В ночь с 12-го на 13-е июня он бежал из Красносельской этапной тюрьмы, разобравши забор; за ним погнались, но он успел спрятаться и на заре двинулся в путь. Близ дороги он увидел чухонца, который сидел на камне и курил трубку. Он подошел к чухонцу и попросил у него курнуть. Чухонец радушно отдал трубку, Убийца выкурил ее и возвратил. Чухонец стал набивать трубку снова, и тогда беглому солдату пришла мысль убить его. Он поднял топор, лежавший подле чухонца, и хватил его обухом по голове два раза. Удостоверившись, что чухонец убит, он снял с него сапоги, взял у него паспорт и 50 копеек, сволок его в сторону и зашагал дальше. Не доходя заставы, он увидел, что в нижнем этаже дачи открыто окно. Тогда он перелез через забор, снял с себя сапоги и шинель, взял в руку здоровый камень и влез в окошко. Забрав все, что можно, он надел одно пальто на себя, другое взял в руки и ушел, оставив в саду свою шинель. После этого он указал место, куда продал вещи X-ра.

- И вещи-то дрянь, - окончил он признание, - всего 12 руб. выручил.

Я разыскал все вещи и представил их немцам, сказав, что прекрасные его брюки остались на воре".

(И. Д. Путилин. Среди грабителей и убийц. Ростов-на-Дону, 1992)

ТРЮКАЧ

20 июля 1900 года в городе Николаеве в ювелирном магазине "Цукерман и

К" звякнул колоколец, и в дверях появился плотный парень лет 28. Он был высокого роста, с могучим разворотом плеч, с толстой, прямо-таки бычьей шеей. Черты лица были грубыми, а взгляд темных глаз тяжел.

- Чем могу быть полезен? - с профессиональной любезностью осведомился Цукерман.

Молодой человек медленно, с расстановкой отвечал:

- Мне нужны деньги. Я принес золотой лом. Все это, знаете, давно хранилось в семье.

И посетитель высыпал на лоток ювелира мятые кольца, сплюснутый браслет, рваные цепочки. Отдельно в коробочке молодой человек положил драгоценные камни.

Ювелир неспешно рассматривал предметы сквозь очки. Потом он похлопал себя по карманам:

- А где мое увеличительное стекло? Наверное, в подсобке. Он отлучился всего на несколько секунд. Но из задних дверей незаметно для посетителя выскочил подросток и понесся в полицейский участок.

Кровавая трагедия, переполошившая всю южную Россию, приближалась к концу.

Олимпиаду еще в гимназии подруги и учителя прозвали Незабудкой.

Гимназия, в которой училась Олимпиада, находилась на Остоженке. Отсюда по окончании уроков она направлялась в бесплатную городскую читальню имени А. Н. Островского.

Однажды в читальне она познакомилась с симпатичным молодым человеком. Как и она, молодой человек регулярно посещал читальню, и девушка еще прежде обратила на него внимание.

Они вместе ходили в театр, побывали на концерте. Молодой человек оказался начинающим карьеру правоведом. Его голова была полна возвышенных планов. Константин (так звали правоведа) не очень понравился матери, но Олимпиада все же приняла его предложение руки и сердца, они обвенчались и уехали в Одессу, где жили родители Константина.

Семейная жизнь их сложилась несчастно. Константин меньше всего думал о карьере, работе и семье, но все больше увлекался вином и картами.

Так Олимпиада промаялась долгих шесть лет. На время она рассталась с мужем и очень удачно устроилась в дом к инженеру Ржанчицкому, который, оставшись вдовым, платил ей за воспитание малолетнего сына 25 рублей. Пять рублей из этих денег она отправляла мужу, жалея его. Еще столько же отсылала матери. Ее пятилетний воспитанник любил Олимпиаду Михайловну как родную мать. Инженер сделал решительное предложение:

- Давайте соединим наши судьбы!

Олимпиада мягко ответила:

- Вы очень милый человек, но у меня есть уже муж, которому я обязана по долгу совести помогать.

Однажды почтальон принес Олимпиаде письмо от мужа. Она поплакала над ним и сочла долгом показать инженеру:

- Вот, пожалуйста, прочтите!

Муж писал: "Дорогая Липа, милая Незабудка! Я очень виноват перед тобою. Ты - святое существо, и я не стою и единого твоего волоса. Если твое золотое сердце не переполнилось отвращением ко мне, прости и навеки забудь то дурное, что я делал по собственной глупости. Теперь многое во мне переменялось. Два года разлуки отрезвили меня. Я понял, что жить без тебя не могу. И вот я получаю новое место. Дела наши совершенно меняются. Вернись ко мне, или я покончу счеты с жизнью. Моими последними словами будут: "Господи,

прости мне мои несуразности! Как я любил и за гробом буду любить мою нежную, славную и самую красивую Незабудку. Срочно отвечай..." Вечером, пыхтя и подавая короткие гудки, на станцию Вradiевка подкатил пассажирский поезд. Было 4 апреля 1900 года.

Ржанчицкий подсадил Олимпиаду, протянул проводнику саквояж отъезжающей. Поезд стоял всего три минуты. И вот прощальный гудок прокатился по окрестностям.

Захотелось спать. Олимпиада откинула голову на спинку дивана.

Вдруг ей показалось, что из-за дверей в купе идет какой-то отвратительный чесночный запах.

Олимпиада открыла дверь, позвала проводника:

- Здесь чем-то пахнет...

Проводник тщательно осмотрел пол, ничего подозрительного не обнаружил, но согласился:

- Откуда-то и впрямь тяжелым воздухом прет...

Она закрылась в купе, потерла виски одеколоном "Царский вереск" и вновь откинула голову на спинку дивана, решив: "Спать лягу позже, пока подремлю, потом немного почитаю Майкова. Ночь в дороге длинна!"

Она закрыла глаза, представила встречу с мужем - слабым, но милым человеком. Подумала: "Бог даст, все поправится, забросит он свои карточные увлечения. Будут у нас дети. Хорошо бы, если мальчик и девочка. Как я подготовлю их к гимназии! Непременно станут отличниками!"

Мечты Олимпиады были нарушены: кто-то осторожно дергал за ручку двери.

Она потянулась к выключателю, желая зажечь свет, но не успела.

Кто-то ловко открыл замок снаружи. Дверь пришла в движение. Весь проем закрыла широкая мужская фигура.

Олимпиада хотела крикнуть, заголосить. Но вместо этого тихо молвила:

- Зачем вы тут? Уйдите, пожалуйста... - Страх сковал ее.

Мужчина шагнул в купе и захлопнул за собой дверь. Олимпиада несколько пришла в себя, требовательно сказала: - Выйдите вон! Или я буду кричать...

Вокруг царил мрак. За дверью раздались веселые голоса. Он наклонился, и ее обдало гнусным запахом - смесью перегара и дешевого табака. Он прохрипел:

- Не шуми... - и тут же брызнул ей в лицо чем-то ядовитым.

В глазах зашипало, она прижала ладони к лицу. И вдруг страшный и парализующий удар пронзил ее грудь. Потом последовали другие удары: опять в грудь, в лицо, в спину. Она хотела крикнуть, но с ее сведенных смертью губ не сорвался даже шепот.

Поезд № 9 прибывал в Одессу ровно в 7.00. Железнодорожная прислуга осматривала вагоны 1-го класса.

Все пассажиры уже были на ногах. В окне мелькали домишки ближнего пригорода. И лишь в пятом купе никто не отзывался на стук.

Появился поездной жандарм Орлов. Он приказал проводнику Боровкову:

- Откройте!

В купе никого не было. Кровать покрыта желтым домашним одеялом, рядом стоял тюк, видимо, с вещами.

- Где пассажирка? - Орлов с недоумением смотрел на проводника.

Боровков пожал плечами:

- Госпожа сели вчера вечером на Вradiевке, так больше из купе не выходили. Разве только ночью где-нибудь отстали?

Орлов решительно заявил:

- Дамы по ночам из вагона не выходят. Но если где пассажирка отстала, нам уже сообщили бы.

Поезд вкатил в черту города. Пассажиры покидали купе, заполняли проход.

- Может, пока вещи собрать? - проводник вопросительно взглянул на жандарма.

Орлов согласно кивнул:

- Конечно!

Боровков подошел к постели, приподнял одеяло и завопил благим матом:

- Аи, страх какой!

На диванчике, подогнув под себя ноги, лежала мертвая женщина. Руки в локтях были согнуты. Лицо обезображено многочисленными ударами ножа. Грудь вылезла из открытого платья, и в ней зияла черная рана. Орлов нажал пальцами - из раны фонтаном прыснула темная кровь. Он распорядился:

- Из вагона никого не выпускать! Побегу, сообщу Мадатову.

Следствие возглавил жандармский полковник Мадатов. Это был заросший черным волосом человек с разбойничьей физиономией, полный неукротимой энергии и жаждавший великих дел.

Он тут же по документам, обнаруженным в купе, выяснил, что убитую зовут Олимпиада Горич, что она дворянка, замужняя и ей 28 лет.

Полковник приказал:

- Тщательно обыскать купе поездной прислуги, осмотреть платье: нет ли кровавых следов?

Обыскали, осмотрели - ни-че-го! Зато в самом купе полковник обнаружил нечто удивительное.

- Невероятно! - азартно кричал Мадатов. - Тут работал циркач, не иначе. Вот, смотрите. Кровавыми пальцами захватаны занавески, рама окна - сюда, сюда глядите! Следы ведут наружу, вверх! Убийца перемазался кровью и сам показал свой путь. Из окна он влез... на крышу вагона! Вот сукин сын! Орлов, залезай на крышу - по наружной лестнице. Да не бойся! Хлопнешься, так мы тебя с духовым оркестром похороним. Посмотри, куда этот ловкач двинулся.

Открыв до отказа окно, полковник вылез через него наружу и орал оттуда:

- Ну конечно! Вот здесь он зацепился рукой и затем подтянулся наверх.

Ах, ловкий, паразит! - В голосе жандарма были нотки восхищения.

Забравшись на крышу, Орлов в недоумении спросил:

- А почему убийца избрал такой сложный путь бегства?

- Все просто! Совершив преступление, убийца просто не мог выйти в коридор. Ведь он весь перемазался кровью! Его тут же бы заметили.

- Господин полковник, но почему из окна преступник полез на крышу? Ведь на землю спуститься гораздо проще.

- Не всегда! На ходу, да еще в ночной тьме спрыгнуть из окна - самоубийство. На стоянке - опасно, заметят. Да и в купе рядом с убитой сидеть - большой риск. Вот убийца и полез на крышу. И сделал это весьма ловко. Что говоришь, Орлов?

- На вентиляционной трубе следы крови от рук, видимо, держался за нее преступник, а потом в удобном месте перебрался на тормозную площадку и спрыгнул.

- Ясно! Следует опросить путейцев, не встречался ли кто им подозрительный. Затем выяснить, откуда и куда ехала Горич, не было ли у нее врагов?

Колесо следствия закрутилось.

УБИЙЦА-ПРИЗРАК

В то время в России еще не научились устанавливать личность преступника по отпечаткам пальцев. (Первым это сделает в 1910 году глава российских сыщиков генерал А. Ф. Кошко.)

Вскоре полковник Мадатов установил, что Горич ехала из местечка Николаевка, где она проживала в имении Ржанчицкого и где врагов не имела. У мужа тоже было алиби: всю ночь, когда произошло убийство, он провел за карточной игрой.

Следствие оказалось в тупике. Полковник подвел итоги:

- Пока лишь ясно, что убийство совершил очень ловкий и отчаянный преступник. И еще, по всей вероятности, свою будущую жертву он прежде не знал. По наведенным справкам, у нее похищено всего 18 рублей, а драгоценностей не было вовсе. Даже ее обручальное кольцо - единственную золотую вещичку - муженек проиграл в картишки. Убийцу ввело в заблуждение, очевидно, то обстоятельство, что она ехала в вагоне первого класса. Есть в нашем распоряжении и орудие убийства: нож, переделанный из стилета-палки. Его обнаружил стрелочник Родионов. Форма его лезвия, по заключению экспертов, совпадает с характером ран на теле убитой. Какие есть мнения, коллеги?

Сыщики вздыхали, молчали, и никто ничего не предлагал дельного.

Полковник сгустил атмосферу еще больше: - Я запросил главное сыскное управление. За все существование российских железных дорог подобных преступлений не было. Запомните мое слово: коли мы не забросим ловко сети и не уловим эту кровавую гадину, она себя еще проявит.

Темпераментный полковник, к сожалению, оказался прав. Жена купца из Одессы Берта Шполянская и ее гувернантка Эмилия Кандильон, приехавшая из Франции в богатую Россию с целью заработка, 31 мая того же 1900 года сели в курьерский поезд № 1, шедший из Одессы в местечко Волочиск, что на реке Збруч. Ехали они в двухместном купе вагона 1-го класса. В половине одиннадцатого ночи выключили электрическое освещение и легли спать. Мадам Шполянская страшно боялась сквозняков. По этой причине окно было плотно закрыто, а сами пассажирки легли спать головами к дверям. Это их и спасло.

Минут тридцать - сорок дамы ворочались. Спать им не давал какой-то тяжелый запах - нечто похожее на чеснок. Потом они забылись в тяжелой дреме.

Вдруг мадам Шполянская проснулась от какого-то прикосновения к ее телу. Она открыла глаза и в темноте различила мужскую фигуру. Незванный гость что-то щупал на постели там, где лежали ее ноги. В окно заглянула луна, и, к своему ужасу, мадам Шполянская увидела в руке незнакомца холодную сталь клинка.

Женщине стало ясно (и она, как выяснится позже, не ошиблась): незнакомец хотел нащупать ее грудь, чтобы нанести смертельный удар.

Мадам Шполянская даже среди торговки рыбного ряда на Привозе славилась своим замечательно оглушительным криком. Говорили, что при большом желании эта женщина может заглушить гудок парохода "Святой Гавриил", когда тот ревет на самых низких регистрах.

Это природное дарование сейчас весьма пригодилось: мадам Шполянская закричала так, что задрожали стены вагона.

Злоумышленник бросился из купе. Женщина пыталась схватить его, но тот вырвался и побежал по проходу.

- Дер-жи-ите! - вопила мадам Шполянская. - Он, кажется, хотел меня убить. И мне это не показалось.

На эти чудные по силе звуки выскочили из своих купе супруги Райх и вагонный служитель Григорий Чен-цов. Позже они будут присутствовать на суде

как свидетели.

Злоумышленник все еще возился возле дверей ведших на площадку.

Осторожный Ченцов растолкал задремавшего кондуктора Артемия Яновского. Они вдвоем устремились на покусителя. Но тот уже успел справиться с замком и куда-то исчез.

Началась погоня по вагонам. Двинулись вперед, по ходу движения, осматривая подножки, тормозные площадки, с извинениями - "ах, пардон, мадам!" - открывая туалеты.

Поезд катил между станциями Крижополь и Вопнярка. Прогон большой, скорости максимальные. На ходу злоумышленник вряд ли рискнул бы спрыгнуть: в темноте он мог размозжить череп о телеграфный столб или другое препятствие.

- Думаю, что это тот самый бандюга, который зарезал женщину в девятом поезде, - сказал взволнованный Ченцов.

- А, это в прошлом месяце? Слыхал, как же. Во всех газетах писали, нас, кондукторов, предупредили, чтоб поглядывали внимательней.

Вдруг Ченцов толкнул локтем кондуктора:

- Артемий, - сказал он сдавленным шепотом, - посмотри, вон парень идет - высокий, курчавый, да вон тот, у которого волосы вьются.

Парень с независимым видом прошел мимо, за ним двигался проводник Остапенко.

- Кто это? - спросил у него Ченцов. - Из твоего вагона?

- Нет, у него нет билета в мой вагон, - удивленно поднял брови Остапенко. - Я не знаю, откуда этот битюг взялся. Он появился возле моего купе минут за пять до прихода на станцию Вопнярка. Я спросил: "Вы из какого купе?" Он мне в ответ: "Не беспокойтесь, я не из вашего вагона!" Потом он куда-то ушел, а сейчас опять появился.

Кондуктор деловито приказал:

- Ну-ка, ребята, проверим у него билет!

Парень уже скрылся в соседнем вагоне. Троица устремилась за ним. Едва они раскрыли дверь, как вновь услышали пронзительный голос мадам Шполянской:

- Караул! Вот он, держите! Уйдет...

Не имея при себе никакого оружия, кроме того, которое было изображено у кондукторов на фуражке в виде кокарды - перекрещенные топорик и якорь, они тем не менее мужественно бросились на подозрительного пассажира:

- Стой, ни с места!

Тот резво бросился к тамбуру, моментально открыл своим ключом наружную дверь и уцепился железной хваткой за ручку.

- Ах, паразит! - закричал Ченцов. - Дай я его ломиком по башке поглажу!

Схватив из служебного купе ломик, он попытался открыть двери. Поезд грохотал на стыках, а парень держал ручку, откинув свое громадное тело в темную беспредельность.

- Меня не проведешь! - крикнул Ченцов, распахивая дверь соседнего вагона. - Дай я его ломиком огрею!

Парень, удерживая теперь дверь лишь одной рукой, другой выхватил из сюртучного кармана револьвер, наставил на Ченцова и, заглушая свист ветра, пригрозил:

- Не шали, убью!

Стало ясно: этот убьет, не задумается. ...Приближалась станция. Поезд притормаживал бег.

Парень ловко спрыгнул и скрылся в ночной темноте. Через пятнадцать

минут на все ближайшие станции полетели телеграммы: "Задержать предполагаемого убийцу. Приметы..."

Но парень вновь ловко ушел от расставленных сетей. Ушел, чтобы опять заявить о себе жестоким злодеянием.

ГАЗЕТНЫЕ НОВОСТИ

Газеты опубликовали тревожную информацию: "Утром 9 июня около станции Попелюхи в купе 1-го класса почтового поезда № 4, шедшего из Одессы в Киев, совершено зверское убийство. Жертвой стала дворянка Софья Володкович. Труп убитой лежал на диване, тщательно прикрытый пальто и платком. Ремни у саквояжа располосовали ножом, а сам саквояж, в котором находились деньги и заграничный паспорт, оказался пустым. Так же был разрезан кожаный сак, и в нем перерыто все содержимое. Шкатулка, в которой хранились ценные вещи, изломана. Большая часть драгоценностей похищена, а остальные валялись возле трупа.

На месте преступления был найден нож в костяной оправе. Он был воткнут в спинку дивана.

На полу стояла откупоренная бутылка минеральной воды, которой убийца вымыл окровавленные руки. Словом, вся обстановка купе представляла следы убийства и ограбления.

Врачебным осмотром и вскрытием трупа Володкович установлено, что жертва была убита без всякого с ее стороны сопротивления. Одна из пяти ран, усмотренных на ее голове, нанесена каким-то тяжелым орудием - молотком или чем-то подобным. На груди и спине - 14 колотых ран, нанесенных обоюдоострым орудием...

Осмотр документов и показания лиц, знавших пострадавшую, говорят о том, что она принадлежала к богатой дворянской семье из Польши и постоянно проживала в Кракове. В Одессе она гостила у своих родственников. Выехала вечером 8 июня в отдельном купе, которое заперла на ключ между станциями Раздельная и Веселый Кут. При ней были значительные деньги, выигрышные билеты 1-го и 2-го займов.

...В день убийства около 5 часов утра недалеко от станции Затишье ремонтный рабочий В. Васютинский нашел возле рельсов заграничный паспорт на имя Володкович.

Сие обстоятельство в связи с тем, что на ближайшей станции Перекрестово - это к северу от Затишья - почтовый поезд № 4 скрещивается с пассажирским № 9, идущим в Одессу, приводит к выводу, что убийство совершено на перегоне между станциями Ивановка и Затишье и что убийца после совершения преступления пересел на встречный поезд № 9 и скрылся. Есть веские предположения, что это тот самый человек, который на этой же железной дороге убил О. Горич и покушался на жизни купчихи Шполянской и ее горничной. Идут интенсивные розыски убийцы".

Среди пассажиров и особенно пассажирок, привыкших ездить 1-м классом, началась паника. Эти вагоны теперь шли практически пустыми. Железная дорога терпела большие убытки. Те, кто отваживался путешествовать, привязывали себя к дверной ручке. Наиболее состоятельные ездили в сопровождении охраны.

Полковник Мадатов, делая страшное лицо и потрясая волосатым кулаком, рычал на подчиненных:

- Сколько я буду терпеть вас, дармоедов! Безобразия! Прразгону! Люди гибнут, а мы только суетимся, словно б... под клиентом.

Потом, чуть успокоившись, начинал излагать мысли в более стройной форме:

- Возраст и приметы убийцы нам известны. На мой взгляд, этот человек работал или работает еще на железной дороге. Вспомните, как ловко он открывает двери купе, как хладнокровно вылез через окно купе на крышу, да и сама тяга к железной дороге, как плацдарму преступной деятельности, - все это говорит в пользу моей гипотезы. Теперь сообщите, что сделано для поимки преступника?

Сыщики докладывали о произведенных арестах подозрительных лиц, об установлении на железнодорожных станциях самого тщательного надзора. Во всех южных городах были предупреждены ювелиры, и им дано описание изделий, принадлежащих Володкович и похищенных убийцей.

...И вот, когда бравый полковник в очередной раз распекал своих подчиненных, дежурный офицер положил ему на стол телеграмму от обер-полицейстера города Николаева: "Задержан предполагаемый убийца на ж. д."

Тут произошла неожиданность. Полковник, без робости ходивший брать самых отчаянных головорезов, вдруг побледнел и обмяк в кресле: такой радости сердце не выдержало.

Итак, в ювелирной лавке Цукермана околоточный надзиратель Бабков задержал подозрительное лицо. При обыске у задержанного были обнаружены 365 рублей наличными, перевод на 1700 рублей, паспорт Нижегородской мещанской управы на имя Петра Алексеева Малышева и множество золотых изделий, которыми были набиты брючные карманы: цепочки, часы, кольца с рубинами и бриллиантами, браслеты и кулоны.

В сюртуке лежала квитанция на оплату номера в одесской гостинице "Болгария". Когда сделали там обыск, обнаружили четыре золотых браслета, куски золотого кольца, аметистовые подвески от кольца, множество бриллиантов, золотую брошь с сапфиром и прочее. Кроме того, нашли карту железных дорог Российской империи с обведенными кружками станциями Затишье, Ивановка, Врэдиевка и другими.

Кроме того, в номере стояла большая жестяная коробка, в которой находилось более полутора десятков баночек и пузырьков с ядами и химикатами: с цианистым калием, экстрактом белладонны, опия, морфия, хлороформом и другими для одурманивания жертвы.

Для опознания вещей были приглашены родственники убитой Володкович. Они указали на несколько предметов, которые ей принадлежали. Очевидно, что и остальное было добыто преступным путем, но хозяев драгоценностей обнаружить не удалось.

Выяснилось, что Малышев, парень 28 лет, прежде работал на железной дороге - десятником, затем подрядчиком. От отца получил приличное наследство и промотал его. Желая поправить материальное положение занялся убийствами и грабежами. Еще в 1895 году был осужден за грабеж на пароходе, где влез в каюту 1-го класса. Отсидев четыре месяца, принялся за старое.

На суде цинично заявил: "Воруют все, но попадают только некоторые".

Суд присяжных приговорил П. А. Малышева к бессрочной каторге.

(В. Лавров. Кровавая плаха. М., 1992)

МАРИЕНБУРГСКИЕ ПОДЖОГИ

Дело это расследовалось известным русским детективом А. Ф. Кошко, и он же сам позднее описал его в своей книге "Уголовный мир царской России".

"В самом начале девяностых годов, в бытность мою начальником рижской полиции, Лифляндский губернатор М. А. Пашков предложил мне заняться так называемым Мариенбургским делом.

Мариенбург - это большое, густо населенное местечко Валкского уезда, принадлежавшее некоему барону Вольфу. Барон сдавал эту землю в долгосрочную аренду и люди, снимая ее, строились, обзаводились хозяйством, плодились и умирали. Ничто не нарушало мирного, своеобразного уклада жизни этого уголка, уклада, не лишенного, впрочем, некоторого феодального оттенка. Барон Вольф являлся не только собственником земли, но и обладал по отношению к людям, ее населяющим, некоторыми обломками суверенных прав. По праву так называемого патронатства, от него зависел выбор местного пастора. И вот на этой-то почве разыгралось дело, о котором я хочу рассказать.

"Вновь назначенный бароном пастор был не угоден населению и последнее, не добившись от барона его увольнения, перешло, в виде протеста, к насилию. Начался ряд поджогов сначала хозяйственных построек, принадлежащих владельцу, затем строений, отведенных под жилье пастора, потом обширных запасов сена, хлеба и прочих сельских продуктов, получаемых пастором с довольно значительного участка, наконец, войдя во вкус, поджигатели принялись и за рядовых жителей. Пожары сопровождались кражами, иногда довольно значительными; были случаи и с человеческими жертвами. Так, при одном пожаре сгорели старуха с внуком.

Местная полиция с ее малочисленным штатом и скромным бюджетом была бессильна что-либо поделать. Барон Вольф жаловался в Петербург на бездействие властей, результатом чего и было предложение губернатора мобилизовать мне силы рижской сыскной полиции, вместе с широким ассигнованием средств, потребных на ведение этого дела. Одновременно со мной был привлечен к этой работе и прокурор рижского суда А. Н. Гессе.

Выслав вперед нескольких агентов, я с прокурором выехал в Мариенбург, где А. Н. Гессе, кстати, хотел ознакомиться с делопроизводством местного судебного следователя, милого, но малоопытного человека. Остановились мы в своем вагоне, а вечер провели у судебного следователя. Возвращаясь к ночи на вокзал, мы были свидетелями очередной "иллюминации". Как уверяли потом, обнаглевшие поджигатели в честь нашего приезда подожгли два огромные стога сена. На следующий день, проведя всестороннее расследование случившихся за последний месяц пожаров, мне без труда удалось установить факт поджогов. Где находили остатки порохового шнура, где обгорелый трут, а то и просто следы керосина.

Мои агенты, проводившие время по трактирам, пивным и рынку, не уловили ни малейшего намека на имена возможных виновников, услышав лишь общее подтверждение наличия именно поджогов. Вместе с тем, они вынесли впечатление, что благодаря шуму, поднятому вокруг этого дела, и безрезультатным усилиям уездной полиции, продолжающимся вот уже с месяц, все местные жители крайне осторожны и сдержанны со всяким новым, незнакомым лицом. Тщетно два мои старшие надзиратели уверяли всех и каждого, что они рабочие с педального завода, выигравшие пять тысяч рублей в германскую лотерею, запрещенную нашим правительством, но, тем не менее, весьма распространенную по Лифляндской губернии, и подыскивающие небольшое, но свое торговое дело, - им плохо верили, относясь с опаской, исключаяющей, конечно, всякую откровенность.

Получив вещественные доказательства поджогов и мало обещающие сведения

о возможности поимки виновных, я в довольно кислом настроении вернулся в Ригу.

Представлялось очевидным, что лишь коренной житель Мариенбурга, пользующийся доверием своих земляков, мог бы пролить хотя бы некоторый свет на это не дававшееся в руки дело. Но, к сожалению, таким "языком" мы не располагали и оставалось лишь одно - искусственно его создать. Конечно, такая комбинация требовала времени, что мало меня устраивало, так как поджоги все продолжались, но, за неимением другого, пришлось прибегнуть к этому затяжному способу.

Призвав к себе одного из ездивших со мной агентов, я предложил ему вновь прозондировать почву в Мариенбурге с целью определения того вида торговли, каким они могли бы там заняться, не внушая подозрения.

По возвращении из командировки агент доложил, что лучше всего было бы открыть пивную, так как в местечке их всего две, да и по характеру торговли пивные всегда служат местом многолюдных сборищ, что, опять-таки, облегчает возможность получения нужных нам сведений.

Сказано - сделано! Снабдив двух моих агентов подложными паспортами со штемпелями и пропиской того завода, на котором, по их словам, они работали до лотерейного выигрыша, я отправил их в Мариенбург торговать пивом.

Прошло недели две и один из агентов, приехав в Ригу, сообщает, что дела идут плохо, пивная пустует, публика, по старой памяти, идет в прежние лавки, а их обходит.

Что тут делать?

Поломав голову, я изобрел следующий аттракцион. Вспомнив, как в дни юности я захаживал иногда на Измайловском проспекте в Bier-Halle, где к кружке пива, непременно подавалась соленая сушка, я предложил моим людям завести такой обычай. На возражение агента, что подобный расход даст убыток предприятию, я ответил согласием на убыток, и он уехал обратно в Мариенбург, увозя с собой из Риги несколько пудов соленых сушек.

Сушка оказала магическое действие и через неделю, примерно, агенты сообщили, что от публики отбою нет.

Прошло так месяца полтора и стал приближаться новый год. Агенты мне пишут:

"Как нам быть, господин начальник? К новому году торговые патенты должны быть обменены и, по установившемуся обычаю, принято, при получении нового, - передать младшему помощнику начальника уезда конверт с 10 - 15 рублями, принося ему вместе с тем новогодние поздравления".

Я ответил: "Передайте конверт и поздравляйте". Они так и сделали. Один из агентов отправился в нужный день к начальству и, получив новый патент и передав красненькую, поздравил его с новым годом. Он был высокомилоостиво принят начальством и все обошлось гладко.

Между тем, поджоги продолжались. Я нервничал и торопил моих "купцов".

Наконец, в начале февраля, они доносят, что имеют сильное подозрение против ряда лиц, посещающих их лавку. Во главе этой дружной и вечно пьяной компании, состоящей из кузнеца и двух сыновей сторожа кирхи, стоит некий Залит - местный брандмейстер, он же и фотограф. Подозрения свои агенты строят, во-первых, на том, что все эти люди, особенно сыновья сторожа, были по общему отзыву доселе бедняками. Между тем, за последние месяцы они швыряют деньгами и целыми днями торчат в пивной, выпивая бесконечное количество пива. Во-вторых, был такого рода случай: пьяный кузнец как-то проговорился и предсказал на ночь пожар, намекнув при этом и на обреченный дом. Предсказание в точности сбылось и дом сгорел. Агенты тут же сообщали

подробные адреса этих четырех заподозренных лиц.

Получив столь серьезные сведения, я опять в обществе прокурора, милейшего А. Н. Гессе, выехал в Мариенбург, захватив с собой несколько своих людей.

На место мы прибыли к вечеру и, дождавшись ночи, вышли из своего вагона и, разбившись на три группы, одновременно нагрянули с обысками к брандмейстеру, кузнецу и сыновьям сторожа. Победа оказалась полной.

Как у Залита, так и его сообщников, мы обнаружили значительные суммы денег, о происхождении которых они не могли дать объяснений. У каждого из них мы нашли восковые конверты с пороховым шнуром, по несколько десятков аршин труга, большие запасы керосина и так далее.

Все они, конечно, арестованы и препровождены в Ригу. Я лично присутствовал на громком процессе этих поджигателей, имевшим место в Риге, причем у меня с защитником обвиняемых, известным петроградским адвокатом Г., произошел довольно странный конфликт. В качестве свидетеля я рассказал подробно и откровенно суду о дивном трюке, к которому мне пришлось прибегнуть для поимки виновных. На обычное предложение председателя суда, обращенное сначала к прокурору, а затем и к защитнику:

- Не имеете ли предложить вопросы свидетелю?

Прокурор ответил отрицательно, а присяжный поверенный Г., с запальчивостью:

- О, да!.. Имею!.. - после чего, повернувшись ко мне, наглым ироническим тоном спросил:

- Расскажите, любопытный свидетель, какими еще происками занимались вы в Мариенбурге?

Я обратился к председателю:

- Господин председатель, я покорнейше прошу вас оградить меня от выпадов этого развязного господина!

Председатель принял мою сторону и заявил Г.:

- Господин защитник! Призываю вас к порядку и прошу задавать вопросы свидетелю через меня и в более приличной форме!

Г. возразил:

- Я требую занесения слов свидетеля, обращенных ко мне, в протокол.

Я потребовал того же.

- Не имеете ли еще вопросов? - спросил председатель адвоката Г.

- Нет, не имею.

На этом инцидент был исчерпан.

Брандмейстера Залита приговорили к восьми годам каторжных работ. Его сообщники отделались, кажется, меньшими сроками.

По окончании дела я, в присутствии моего агента, вызвал к себе помощника начальника уезда.

- Послушайте, а красненькую-то отдать нужно! Деньги ведь казенные.

Он, сильно смущаясь, ответил:

- Слушаюсь, господин начальник! - и торопливо полез в бумажник. Вспотевший, красный, как рак, он долго упрашивал меня не докладывать губернатору об его зазорном поступке и я, на радостях, каюсь: махнул на него рукой".

(А. Ф. Кошко. Уголовный мир царской России. Новосибирск, 1991)

"КНЯЗЬ ОДОЕВСКИЙ"

А. Ф. Кошко рассказывает в своей книге "Уголовный мир царской России" о деле одного афериста, бывшего актера Михайлова.

"Как-то в приемные часы ко мне в кабинет явился неизвестный чиновник. Вошел он в форменном сюртуке, при шпаге и в белых нитяных перчатках. Это был малый лет тридцати, некрасивый, с удивительно глупым выражением лица.

- Честь имею представиться вашему превосходительству - губернский секретарь Панов, - отрекомендовался он.

- Присаживайтесь. Что вам угодно? - Я явился к вашему превосходительству по личному делу. Я стал жертвой мошенничества и пришел просить вашей защиты.

- Расскажите, в чем дело?

Панов скромно откашлялся в перчатку и сказал:

- Конечно, я сам виноват в том, что произошло со мною, я проявил излишнюю доверчивость, но все же обидно ни за что, ни про что потерять восемьсот рублей.

- Нельзя ли ближе к делу, мне время дорого?

- Да, конечно! - сконфузился Панов. - Но не легко мне приступить к объяснению, так как, в сущности, это целая исповедь.

- Ну, что ж, исповедайтесь, не стесняйтесь! Панов оттянул пальцем туго накрахмаленный воротник, мотнул головой и принялся рассказывать:

- Видите ли, ваше превосходительство, по природе своей я человек крайне честолобивый и должен сознаться, что всякому чину, ордену и классу должности придаю большое значение. Сам я из простой семьи, но окончил гимназию и с помощью добрых людей пристроился чиновником в Департамент Герольдии. Служу я там шестой год, получаю сто рублей в месяц. Первое время был доволен, а затем затосковал. Вижу, что ходу мне не дают, так как и протекции у меня нет, да и сослуживцы универсанты обгоняют. Хотя жалованье мое и небольшое, но родительское наследство помогает мне существовать безбедно.

И вот, видя, что карьеры мне в Сенате не сделать, я стал громко сетовать на судьбу. Тут один из моих приятелей мне и посоветовал: "Дай, - говорит, - объявление в газетах, что ты готов, дескать, уплатить тысячу рублей тому, кто предоставит место на 200 р. в месяц чиновнику с пятилетним служебным стажем и непопороченным формуляром".

Идея мне показалась хорошей. "И правда, - подумал я, - дай-ка попробую". И попробовал.

Вскоре получаю приглашение явиться в Европейскую гостиницу в № 27, для переговоров по делу об объявлении. Обрадовался я и полетел на Михайловскую, захватив тысячу рублей. Вхожу в эту шикарную гостиницу, поднимаюсь в третий этаж и робко стучу в 27-й номер. "Войдите!" - ответил мне зычный, важный голос. Я вошел в небольшую прихожую, а затем в богато обставленную комнату, вроде кабинета. За письменным столом сидел господин лет пятидесяти, на вид - совершенный сановник. Он любезно привстал, протянул мне руку и промолвил: "Князь Одоевский. Я пригласил вас согласно вашему газетному объявлению. Скажите, что заставляет вас искать места на двести рублей: материальная зависимость или иные, быть может, побуждения?"

- Нет, ваше сиятельство, - пролепетал я, - материально я независим, но, сознаюсь вам откровенно, что червь честолобия меня усиленно точит.

- Я так и думал, - сказал он мне. - Ну, что же, честолобие в меру - черта скорее симпатичная и во всяком случае - естественная в молодом человеке. Я могу помочь вам, у меня большие связи. Но должен вам заметить,

что вы несколько наивны. Помилуйте, вы предлагаете тысячу рублей за двухсотрублевое место! Что же, вы хотите не только широко шагнуть по иерархической лестнице, но желаете менее чем в год окупить и все понесенные расходы? Нет, молодой человек, так дела не делаются! Не менее двух тысяч рублей - иначе нам и говорить не о чем!

- Что же, я заплачу и две, если место хорошее.

- А вы, собственно, чего бы хотели? - спросил он более мягким тоном.

- Я, право, не знаю, ваше сиятельство, может быть, вы посоветуете?

- Да кто вы такой и где служите?

Я подробно рассказал ему о себе. Внимательно слушая мой рассказ, он потянул к себе ящик с сигарами и предложил мне.

- Благодарю вас, ваше сиятельство, я не курю.

Не торопясь, князь обрезал сигару и медленно ее раскурил, после чего откинулся на спинку кресла и, пуская тонкие струйки дыма, глубоко задумался. Наше молчание длилось несколько минут. Наконец, как бы очнувшись, он сказал:

- Вот что. Конечно, достать вам место на двести рублей я могу хоть завтра. Но мне кажется, вряд ли это вас устроит. У вас имеется существенный недостаток - отсутствие высшего образования. Положим, я вас устрою каким-нибудь столоначальником, но не говоря уже о том, что ваши сослуживцы будут коситься на вас, вы попадете в тупик. Вам не дадут дальнейшего продвижения и вы карьеры не сделаете.

- Так как же быть, ваше сиятельство?

- Скажите, вы не отказались бы от службы в провинции?

- Нет, душа моя не льнет к провинции. Разве что-нибудь блестящее?

- Хотите, я вас устрою вице-губернатором? Конечно, не в центральной России, а где-нибудь на окраинах, например, в Сибири и, разумеется, не за две тысячи рублей?

От неожиданности и восторга у меня закружилась голова.

- Конечно, - пробормотал я, - это было бы чудесно! Но где же, мне, пожалуй, и не справиться с такой должностью!?

- Э, полноте! Не боги горшки лепят, справитесь, привыкнете! Да в Сибири вы и не будете бельмом на глазу - это ведь не Петербург!

Придя несколько в себя, я спросил:

- А каков бы был ваш гонорар?

- Ну, да что об этом говорить, - сказал князь, морщась брезгливо, - каких-нибудь пять-шесть тысяч!

Обычно за такие дела я беру примерно годовой оклад своих протеже. Вас не должно коробить это торжище, так как вы понимаете, конечно, что жизнь - борьба, и за последнее время особенно обострившаяся, все так дорого, за все так дерут!

- Помилуйте! - поспешил я сказать. - С какой же стати вы стали бы хлопотать за постороннего человека? Я прекрасно понимаю и всегда держусь правила, что всякий труд должен быть оплачен.

- Вот именно! Итак, вы согласны?

- Согласен, ваше сиятельство?

- Отлично! Я завтра же повидая кой-кого из министров и поговорю относительно вас. Вот вам листок бумаги: напишите на нем ваше имя, отчество, фамилию, учреждение, должность и т. д. А то вы у меня не один, как бы не перепутать.

Я повиновался. Затем он сказал:

- Я вам ставлю некоторые предварительные условия. - Во-первых, вы должны быть немы, как рыба, иначе вы можете напортить, конечно, но мне - вам

никто не поверит, а себе. При первом вашем нескромном слове я напрягу все свои связи, и тогда вы очутитесь в Сибири, но на положении, мало схожем с вице-губернаторским. Во-вторых, - авансируйте мне рублей триста, так как в данную минуту я испытываю некоторую заминку в деньгах, а хлопоты по вашему делу могут быть сопряжены с непредвиденными расходами.

Я молча поклонился и поспешно передал князю триста рублей.

- Заезжайте ко мне послезавтра в это же время, - сказал он мне на прощание.

Я раскланялся и вышел, не чувствуя под собою ног от радости. Одеваясь внизу у швейцара, я взглянул на вывешенные визитные карточки постояльцев и с удовольствием узрел против 27-го номера имя князя Одоевского. Я поймал себя на этой мысли и подумал: ишь, Фома Неверный! Да разве и так не видишь, с кем имеешь дело? Какие же могут быть сомнения! Эх ты! Вице-губернатор тоже!

Следующий день я провел как бы в горячечном бреду. Я не отрывал глаз от карты Сибири, стараясь предугадать мою будущую губернию. В назначенный день и час я снова явился к князю. На сей раз он был облачен во фрак с синей лентой Белого Орла под жилетом. Он встретил меня словами:

- Хорошо, что не опоздали, а то я тороплюсь к П. А. Столыпину. Я кое-что успел уже сделать по вашему делу, в принципе мне обещано ваше назначение, но в данную минуту, кроме Якутска, вакансий нет. Ну, а Якутск с полугодовой ночью и шестимесячным солнцем вряд ли вас устроит. Но мне говорили о каких-то перемещениях. Словом, ваше дело на мази. Это меня особенно радует, так как по министерству внутренних дел я хлопочу сравнительно редко, уделяя свое внимание главным образом министерству двора и придворным званиям, с ним связанным. Приходите ко мне ровно через неделю, т. е. во вторник, к 12 часам, и я надеюсь, к тому времени дать вам окончательный ответ по вашему делу...

- Скажите, ваше сиятельство, вы можете и придворное звание устроить?

- Отчего же, конечно, могу! Барон Фредерике со мной считается и редко отказывает в моих ходатайствах.

- А что стоит это?

- Разно. Камер-юнкерство дешевле; камергеры, шталмейстеры, егермейстеры - дороже; гофмейстеры - еще дороже. Впрочем, - многое зависит от кандидата и положения его в обществе.

- Видите ли, князь, - сказал я, - есть у меня приятель из крупного петербургского купечества. Вечно жертвует он деньги на разные благотворительные учреждения ради чинов и орденов. Вот от этого самого приятеля я не раз слышал восклицания вроде: "Что чины? Что ордена? Вот устроил бы меня кто-нибудь камер-юнкером, так, честное слово, сто тысяч бы уплатил, не мигнув глазом". У князя заблестели глаза.

- Купец? Этот трудно, очень трудно! Но не невозможно. За сто тысяч готов похлопотать. Вы вот что: когда придете ко мне через неделю, приводите и вашего приятеля. Мы поговорим. Ну, а теперь вы извините, Петр Аркадьевич (Столыпин) меня ждет. Да, кстати: вам опять придется раскошелиться на пятьсот рублей. Уж вы простите, что я все забираю, так сказать, вперед. Но завтра предстоит мне дорогой ужин у "Медведя" с лицом, от которого зависит ваша судьба.

Скрепя сердце, вынул я пятьсот рублей и передал князю. Он спокойно спрятал их в бумажник и, подойдя ко мне вплотную, протянул руку. Я близорук от природы, но князь подошел ко мне так близко, что я успел разглядеть звезду на его груди. К моему удивлению, звезда была Станиславская. Уже что-то, а насчет чинов, орденов, петличек - я не ошибусь! Это моя сфера.

Придя домой, я стал соображать. И чем больше думал, тем сильнее охватывали меня сомнения: князь живет в дорогой гостинице, а сидит без денег, и бессовестно забирает их у меня, ничего еще не сделав; купца обещает провести в камер-юнкеры, между тем, подобных случаев еще не бывало; наконец, - лента Белого Орла, а звезда - Станиславская, опять абсурд. Как поразмыслил и взвесил все, так и решил, что налетел я на мошенника и, не долго думая, явился к вашему превосходительству просить защиты.

- И хорошо сделали, так как сомнений нет! - сказал я. - Но только чем же помочь вам?

- Арестуйте жулика, ваше превосходительство!

- Ну, и что же дальше? Он от всего отопрется, свидетелей нет, доказательств - тоже.

- Так неужели же пропали мои деньги?

- На деньги вы поставьте крест, дело теперь не в них, важно задержать мошенника! Мы вот что сделаем. Вам когда назначено быть у него?

- В следующий вторник в 12 часов.

- О, почти еще неделя! Но ничего не поделаешь - придется ждать. Я дам вам во вторник агента и он под видом вашего приятеля-купца, мечтающего о камер-юнкерстве, явится с вами к князю. Вы постарайтесь навести разговор о подробностях вашего вице-губернаторства, а еще лучше попытайтесь всучить ему деньги (не бойтесь, их отберут при аресте!). Таким образом у нас будет свидетель. Поняли?

- Понял, понял прекрасно! - сказал повеселевший Панов. - Ну, подожди же, мошенник, попадешься и ты.

Мы распрощались.

Все вышло, как по писаному. Во вторник при свидании с клиентами князь, но подозревавший беды, принялся разглагольствовать о своих мнимых связях и о своем якобы всемогуществе. Панова он уже "назначил" в Тобольск, а с моего агента успел сорвать пятьсот рублей на предварительные расходы, после чего был арестован и препровожден в полицию. Князь Одоевский оказался ямбургским мещанином Михайловым с тремя судимостями в прошлом.

- А-а-а... князь дорогой! Покорнейше прошу садиться, - приветствовал я афериста при его появлении у меня в кабинете.

- Не измывайтесь надо мною, г. начальник, - сказал грустно Михайлов. - Поверьте, что лишь тяжелая судьба толкнула меня на это дело.

- Удивительно бесцеремонна с вами судьба, Михайлов, вот уже четвертый раз, что она вас все толкает. Пора бы и перестать!

- Что же поделаешь? - развел он руками. - Стоит стать на этот путь, а уж там не остановишься! Впрочем, должен сознаться, что совесть меня не терзает, так как, в сущности, зла я не делал.

Бедных я ни обирал, моими жертвами были обычно люди с достатком, претендующие на лучшее служебное положение и не брезгующие при этом средствами для достижения своих целей. Вы не поверите, кто-кто ко мне не обращался только! Ради чина, ордена, какого-нибудь звания люди, на вид уравновешенные и серьезные, лезли доверчиво в мои сети. Господи! Да если я - какой-то несчастный Михайлов, бывший актер, без роду и племени, мог вселять доверие и зарабатывать не малые деньги, то что должно делаться в приемной у Распутина, действительно обладающего и связями, и фактической властью?

Я прервал этот поток философии, и "князь" водворен был в камеру.

За "камер-юнкера", "вице-губернатора", "Белого Орла" и прочие художества он поплатился полутора годами тюремного заключения".

(А. Ф. Кошко. Уголовный мир царской России. Новосибирск, 1991)

ЗВЕРСКОЕ УБИЙСТВО ДЕТЕЙ НА ОСТРОВЕ РЮГЕН

Установить, принадлежит ли кровь человеку или животному, можно только путем лабораторных исследований. Сто лет тому назад это сделать еще не удавалось. Заслуга в разработке путей такого исследования принадлежит немецкому медику Уленгуту, предложившему в начале нашего века так называемый метод преципитационной реакции, то есть реакции, сопровождающейся выпадением осадка. Располагая набором сывороток, реципитирующих белки человека и различных животных, можно установить видовую принадлежность крови в исследуемом пятне путем контактов этих сывороток с вытяжками из данного пятна. Использование этого метода помогло тогда уличить виновника сенсационного двойного убийства.

"Зверское убийство детей на острове Рюген! Двое мальчиков в возрасте восьми и шести лет найдены расчлененными в лесу! Полиция лихорадочно разыскивает убийц!" Это страшное сообщение опубликовали в первых числах июля 1901 года все немецкие газеты. Вечером 1 июля двое детей не пришли домой. Их отец с двумя соседями и жандармом стал искать их в ближайшем лесу. Только на следующий день в чаще обнаружили два изуродованных трупа. Рядом в кустах лежал большой окровавленный булыжник, которым убийца проломил головы своим жертвам.

Следственный судья из Грайфсвальда, прочитав полицейский протокол осмотра места происшествия, твердо заявил:

- Умышленное убийство на почве полового извращения. Никаких сомнений, все улики свидетельствуют об этом. Надо надеяться, что убийца скоро будет схвачен.

Повсюду в окрестностях полиция опрашивала, не видел ли кто-нибудь обоих детей в сопровождении незнакомца. Уже в полдень торговка овощами сделала важное сообщение:

- Да, я хорошо знаю обоих мальчиков. Я видела, как с ними разговаривал Тесснов.

Полицейский чиновник насторожился:

- Вы говорите - Тесснов?

- Да. Людвиг. Он из Баабе, на Рюгене.

- Когда он разговаривал с детьми?

- Вчера, 1 июля, уже под вечер, - пояснила женщина, ясно понимающая важность своего сообщения.

- Скажите, что вы знаете про этого Тесснова?

- Ну, как вам сказать. Это довольно странный парень, настоящий чудак.

Я его уже давно не видела, он работал в разных местах по всей Германии столяром и только недавно вернулся к нам на Рюген.

Больше ничего нельзя было вытянуть из торговки овощами. Вечером этого же дня, 2 июля, один рабочий сообщил:

- Я вчера вечером видел Тесснова по дороге домой, и мне бросилось в глаза, что его одежда вся в коричневых пятнах.

Подозрение укреплялось. Вскоре Тесснов был арестован, в своей рабочей одежде. В его шкафу полиция нашла еще хороший костюм, шляпу, бумажный воротничок и галстук - все новое. Эти вещи вместе с арестованным полицейские доставили к следственному судье.

- Значит, вы продолжаете утверждать, что не имеете никакого отношения

к убийству? - спросил следственный судья столяра, который на протяжении всего допроса возмущенно отвергал подозрения. Он разыгрывал из себя оскорбленного, с упреком выкрикивая:

- Это невероятно, что вы здесь на меня пытаетесь навесить, господин следственный судья! Я даже муху не могу обидеть, не говоря уж об убийстве, да еще невинных маленьких детей!

- Почему вы тщательно выстирали отдельные части вашей одежды?

- Потому что там были пятна.

- Что за пятна?

Арестованный недоуменно пожал плечами, а затем произнес уклончиво:

- Откуда мне знать?.. Всякие.

- Примерно такие же пятна, как и на рубашке, на полях шляпы, на жакете, на обшлагах брюк и жилете?

Каждый предмет одежды, предъявляя подозреваемому, следственный судья держал у него перед глазами. Показалось, что раза два, глядя на свои вещи, Тесснов слегка вздрогнул, но овладел собой и упорно продолжал утверждать:

- Никакого отношения к смерти детей я не имею.

- Я спросил о пятнах, - непреклонно настаивал следственный судья. - И так?..

- Если вам так необходимо это знать... Пятна на шляпе - это овечья кровь, уже очень старая.

- А остальные?

- Столярная морилка.

- Что?

- Да, это следы столярной морилки, с которой я работаю изо дня в день.

Слова "столярная морилка" заставили следственного судью насторожиться. Он вспомнил о другом убийстве детей - 9 сентября 1898 года в одной деревне под Ос-набрюкком. Да, правильно... Тогда в лесу нашли расчлененные трупы двух маленьких девочек. Подозрение пало на столяра, который также объяснял коричневые пятна на своей одежде попаданием столярной морилки. "Удивительно! - промелькнуло в голове следственного судьи. - Лучше всего, пожалуй, запросить органы юстиции в Оснабрюкке".

Ответ ошеломил: подозреваемым тогда столяром был не кто иной, как Людвиг Тесснов из Баабе, на Рюгене. Но убийство двух девочек полиция так и не смогла раскрыть. "Интересно! - размышлял следственный судья. - Кажется, задержав Тесснова, мы схватили и убийцу тех двух девочек... Но это надо еще доказать, непровержимо и бесспорно!"

Еще одно сообщение жандармерии с Рюгена дало следственному судье пищу для размышлений. Один пастух явился в полицию и заявил:

- Значит, это было в ночь с 11 на 12 июня. Я оставил своих овец на поле, а сам пошел в ближайший кабачок. Когда я вернулся, меня ждал сюрприз. Шесть или семь овец были варварски заколоты и разрезаны на куски, которые этот парень разбросал по всему полю.

- Какой парень? - спросил полицейский. - Вы его знаете?

Пастух покачал головой:

- Прежде я его никогда не видел. Если б я пришел немножко раньше, то прихватил бы его. Но, к сожалению, я увидел только, как он убежал.

- Вы бы его узнали?

- Конечно! Может, вы его уже схватили?

Прочитав протокол об этом случае, следственный судья сразу же вызвал пастуха к себе в Грайфсвальд и провел опознание Тесснова.

- Это он, господин следственный судья, тот парень, который зарезал

моих овец! - взволнованно закричал пастух. - Я узнал его! Несмотря на то, что тогда было темно, я видел его со стороны. Его профиль, и его походка, и как он двигает руками... Это он, господин следственный судья, это он!

- Ну, Тесснов, что вы теперь скажете?

Голос следственного судьи звучал резко и пронизывающе, но столяр не поддавался давлению и вновь начал заверять со страдающим и оскорбленным выражением лица, что он ни в чем не виноват.

- Как правда то, что я стою перед вами, господин следственный судья, так правда то, что я никогда не тронул ни одной невинной скотины.

- А пятна крови на вашей одежде?

- Это столярная морилка, вовсе не кровь!

Тесснов упорно продолжал лгать. 23 июля после очередного изнуряющего, но, как и прежде, безрезультатного допроса следственный судья докладывал прокурору:

- Я уверен, что он убийца. Но изблечить его исключительно трудно, если не невозможно.

- До сего времени это было именно так, дорогой коллега, - заметил прокурор, - но сейчас, применив метод Уленгута, можно точно доказать происхождение пятен.

- Метод Уленгута? Признаюсь, я о нем еще не слышал.

- Он известен всего несколько месяцев. В феврале

Уленгут опубликовал свое вызвавшее сенсацию открытие, с которым я и ознакомился.

- Вы должны обязательно рассказать мне об этом, - попросил следственный судья.

- Все это довольно сложно, а я, как вам известно, не являюсь ни медиком, ни химиком. Но я понял, что теперь можно установить, образовано ли исследуемое пятно кровью, более того, принадлежит эта кровь человеку или животному, и какому именно. Например, рогатому скоту, лошади, свинье, овце или собаке.

- Если этот метод научно обоснован и неуязвим, то в судебной медицине была бы революция! - взволновался следственный судья.

- Верно, коллега, и мы не будем больше беспомощными перед убийцей, который невозмутимо утверждает, что кровь на его одежде от убитого животного.

- Мне нужна помощь этого Уленгута. Только так я смогу вывести Тесснова на чистую воду.

- Это очень просто сделать, так как он работает ассистентом на медицинском факультете Грайфсвальдско-го университета, в двух шагах отсюда.

Все это было очень кстати, так как общественность уже выражала недовольство по поводу того, что убийца детей все еще не найден.

Когда Пауль Уленгут получил пакеты с одеждой Тесснова и окровавленным булыжником, он понял, какое значение будут иметь результаты его исследования для дальнейшего авторитета судебной медицины всего мира.

- Вы можете быть совершенно спокойны, - заверил он следственного судью, - исследования будут проведены со всей тщательностью.

- Да, но с момента убийства обоих мальчиков прошло более четырех недель. Кровь уже не свежая, если это вообще кровь.

- С этого основного вопроса - кровь или не кровь - я и начинаю. А свежая ли она или за прошедшие недели, месяцы успела высохнуть - это мне не мешает. Я достаточно долго экспериментировал и с высохшей кровью. Мне нужно только соскрести маленькие частицы с каждого исследуемого пятна, а где это

не получится, я вырежу пятно вместе с материей.

- А затем?

- Затем я растворяю все в физиологическом растворе поваренной соли и продолжаю работу по своему методу как со свежей кровью.

Вместе со своим помощником Пауль Уленгут провел исследование около сотни пятен и пятнышек. Через несколько дней он составил экспертное заключение, которое сыграло решающую роль в деле по обвинению Тесснова. В зале суда царил мертвая тишина, когда он объяснял основные принципы своего нового научного метода, ставшего вскоре широко известным. Свое заключение он закончил так:

- Высочайший суд, уважаемые присяжные, господин прокурор! Я завершаю изложение моих выводов и хотел бы еще раз подчеркнуть общий итог: рабочая одежда обвиняемого не содержит никаких пятен крови! Что же касается его "хороших" вещей, которые найдены в его платяном шкафу и которые он носил во время вменяемого ему убийства, то на них я обнаружил большое количество человеческой крови, а именно: в шести местах на жакете, в семи местах на брюках, в четырех местах на жилете, в одном месте на рубашке и в четырех местах на шляпе. Не менее значителен тот факт, что на жакете и в трех местах на брюках обнаружена кровь овцы.

На основании совокупности всех доказательств и прежде всего заключения Уленгута Тесснов за совершенные им убийства детей был приговорен к смерти и в 1904 году казнен.

(Х. Хефлинг. Шерлок Холмс в наши дни. М., 1991)

"МОКРАЯ" СМЕРТЬ

В один январский вечер 1915 г. инспектор Артур Фаулер Нил просматривал сообщения, которые ежевечерне поступали из центрального диспетчерского пункта в Скотланд-Ярде на полицейские посты в различных частях Лондона. Нил в то время нес службу в районе Кентиштаун.

Среди сообщений оказался листок с надписью: "Подозрительные случаи смерти. К вашему сведению". К нему были прикреплены вырезки из ряда газет. Одна из них была из широко распространенного еженедельника "Ньюс оф зе Уорлд". В ней говорилось: "Коронером в Излингтоне сегодня расследовались особенно печальные обстоятельства, приведшие к смерти тридцативосьмилетней Маргарет Элизабет Ллойд из Холоуэя. Ее супруг заявил, что они собирались поехать в Бат, но после прибытия в Лондон его жена пожаловалась на головную боль... Он повез ее к врачу. На следующий день, в день ее смерти, она с утра чувствовала себя лучше. Ее муж отправился на прогулку... Он был уверен, что по возвращении застанет ее в их комнате. Не обнаружив там никого, он осведомился у квартирной хозяйки, где его жена. Вдвоем они направились в ванную комнату, где было совершенно темно. Он зажег газовый свет и увидел свою жену захлебнувшейся в ванне, заполненной водой на три четверти... Д-р Бэйтиз (врач, лечивший умершую) пояснил, что смерть произошла от утопления. Она болела гриппом. Грипп и воздействие горячей ванны, вероятно, привели ее к обмороку..." Вырезка из газеты датировалась недавним числом.

Расследование, о котором она сообщала, имело место 22 декабря 1914 г.; умерла же Маргарет Элизабет Ллойд 18 декабря. Дом по адресу Хайгейт, Бисмарк-роуд, 14, в котором закончилась ее жизнь, находился на участке Нила.

Вторая газетная вырезка была более ранней. Она относилась к 14 декабря

1913 г. и содержала отчет о ходе коронерского расследования, проведенного в Блэкпуле (на берегу Ирландского моря). В ней сообщалось: "Внезапная смерть молодой женщины. После приступа захлебнулась в горячей воде Миссис Смит из Портсмута, Кимберли-роуд, 80... умерла внезапно в пансионе в Блэкпуле. Ее супруг... познакомился с ней три месяца назад и женился шесть недель назад. Оба прибыли в Блэкпул в предыдущую среду и сняли несколько комнат в доме по Риджентс-роуд, 16. Во время путешествия жена жаловалась на головную боль. Поскольку после приезда она все еще чувствовала себя недостаточно хорошо, они с мужем обратились к врачу. В ночь с пятницы на субботу она принимала горячую ванну. Муж позвал ее, не получил ответа. Он вошел в ванную комнату и нашел свою жену лежащей мертвой в воде. Д-р Биллинг (лечивший мисс Смит) придерживается мнения, что горячая ванна вызвала сердечный приступ или обморок и, находясь в беспомощном состоянии, миссис Смит захлебнулась".

Кроме газетных вырезок, инспектор Нил обнаружил письмо из Блэкпула от некоего Джозефа Кросли, владельца пансиона, в котором 12 декабря 1913 г. скончалась миссис Смит. Он случайно, примерно через год, прочитал в "Ньюс оф зе Уорлд" заметку о судьбе Маргарет Элизабет Ллойд и рекомендовал полиции выяснить, нет ли связи между смертью в ванной в Хайгей-те и такой же смертью в Блэкпуле.

Сходство обоих происшествий было и в самом деле настолько поразительным, что Нил решил лично разобраться в этом деле. На следующий вечер он направился на Бисмарк-роуд, 14.

Дом принадлежал миссис Блэтч. В его верхнем этаже находилась спальня. Ванная располагалась посередине, между верхним и нижним этажами, у лестницы. 17 декабря 1914 г., как сообщила квартирная хозяйка, Ллойд снял у нее спальню с ванной и с правом пользоваться гостиной. Причем ей бросилось в глаза, что он обстоятельно осмотрел ванную, прежде чем заключить договор о найме.

Миссис Блэтч описала Ллойда - среднего роста, худощавый, мускулистый, лет сорока-пятидесяти, с невыразительным лицом и острым взглядом. Вечером 17 декабря Ллойд справлялся насчет врача - его жене, мол, нехорошо. Миссис Блэтч направила его вместе с женой к доктору Бэйтизу. На следующий день миссис Ллойд почувствовала себя лучше. Перед послеобеденной прогулкой она заказала ванну на вечер. Когда она и ее муж около 7 часов 30 мин. вечера вернулись с прогулки, ванна была готова. Миссис Блэтч пошла на кухню. Позже она слышала плеск воды в ванне. Вскоре после этого из гостиной раздалась игра на фисгармонии. Играть мог только Ллойд, который, очевидно, оставался в гостиной, пока его жена купалась. Еще чуть позднее позвонили в дверь дома. Снаружи стоял Ллойд. Он объяснил, что ходил покупать к ужину несколько помидоров и забыл ключ от входной двери. В заключение он осведомился, в гостиной ли уже его жена. А так как в гостиной никого не было, он поднялся по лестнице. И сейчас же вслед за этим позвал на помощь.

Когда миссис Блэтч преодолела ступеньки, Ллойд как раз вытаскивал из ванны верхнюю часть тела своей жены. Он крикнул, чтобы тотчас же позвали доктора Бэйтиза. Но Бэйтиз уже не мог ничем помочь. Миссис Ллойд захлебнулась. Ллойд уладил формальности, связанные с погребением, а затем уехал. Куда? Этому миссис Блэтч не знала.

Нил осмотрел ванную комнату, в которой стояла железная ванна, в нижней своей части имеющая длину 1 м 25 см, а в верхней - 1 м 65 см. Ему показалось странным, что взрослый человек мог утонуть в такой ванне. Затем Нил посетил доктора Бэйтиза. Тот подтвердил, что лечил миссис Ллойд. Во время визита к нему она только безучастно сидела, и то, чем она страдает, объяснял ему ее

муж. Бэйтиз считал, что ее лихорадит, и назначал ей средства против лихорадки.

Когда вечером 18 декабря его вызвали к больной, было уже довольно поздно. Нет никакого сомнения, что миссис Ллойд захлебнулась. Когда он прибыл на место, на ее губах было немного белой пены. Наверняка она утонула вследствие наступления беспомощного состояния. Нил осторожно осведомился, не заметил ли доктор каких-либо следов применения к покойной насилия, на что Бэйтиз ответил отрицательно. Правда, когда он по поручению коронера производил вскрытие, ему бросилась в глаза крошечная ссадина над левым локтем. Но никто не может утверждать, что она возникла в результате применения какого-то насилия. Она могла явиться и следствием судорожного движения при сердечном приступе.

Расследование закончилось однозначной констатацией: "Смерть в результате несчастного случая". Ничего большего Бэйтиз сказать не мог. Тем не менее его поразило одно: Ллойд не выказывал никаких намеков на траур и выбрал самый дешевый гроб. Нил попросил, чтобы ему немедленно дали знать, если д-р Бэйтиз услышит что-нибудь еще от Ллойда или о Ллоиде.

Покинув врача, Нил встретил детектива-сержанта Деннисона. Узнав, что Нил интересуется случаем с Ллойдом, Деннисон захотел кое-что ему сообщить. Он знает некую мисс Локкер, которая держит пансион в Хайгейте. Первоначально Ллойд хотел снять жилье у мисс Локкер и осмотрел ее комнаты. Больше всего его интересовала ванна, да, именно ванна. В этой квартире ванна показалась ему сначала слишком маленькой, и он в первую очередь решил убедиться в том, "может ли в ней кто-либо лежать". Мисс Локкер нашла поведение Ллойда настолько странным, что выпроводила его из дому.

Нил вернулся на свой пост и приказал сотрудникам своего подразделения приступить к поискам Ллойда. Примерно через сутки, 10 января, поступили первые сообщения. В суде по наследственным делам хранилось завещание Маргарет Элизабет Ллойд, урожденной Лофти, которое было составлено пополудни 18 декабря - за три часа до смерти. В нем устанавливалось, что единственным наследником является супруг - Джордж Джозеф Ллойд. В тот же час миссис Ллойд появилась в сопровождении супруга и в сберегательной кассе при почтовом отделении Мазуэлл-хилл, чтобы закрыть их общий счет. Еще в одном сообщении говорилось, что в начале января Ллойд обратился в контору поверенного У. Т. Дэвиса на Окс-бридж-роуд и передал ему завещание своей умершей жены "для дальнейшего урегулирования".

Двумя днями позже - 12 января - д-р Бэйтиз попросил инспектора Нила принять его. Он представил Нилу запрос "Йоркшир иншуренс компани" (Йоркширской страховой компании) из Бристоля. Компания осведомлялась об обстоятельствах смерти миссис Ллойд в результате несчастного случая. Дело в том, что 4 декабря 1914 г. Маргарет Ллойд, тогда еще Маргарет Элизабет Лофти (но уже обрученная с Ллойдом), заключила договор страхования жизни на сумму в 700 фунтов стерлингов, которая в случае ее смерти должна была быть выплачена единственному ее наследнику. Нил попросил врача помедлить с ответом на запрос. Он был уверен, что напал на след необычного случая.

Еще до истечения того же дня он переслал в уголовную полицию Блэкпула доклад о проводимом им расследовании. Он приложил к нему вырезку из блэкпул-ской газеты и просил проверить эти сведения на месте.

Уже 21 января поступил ответ из Блэкпула. Он содержал больше того, на что инспектор отваживался надеяться. Вечером 11 декабря 1913 г. в Блэкпуле в пансионе мистера и миссис Кросли на Риджентс-роуд остановился Джордж Джозеф Смит из Портсмута со своей двадцатипятилетней, полноватой, но миловидной

женой Элис, урожденной Барнхэм. Смит заходил сначала в другой пансион, который держала миссис Марден, но, узнав, что у миссис Марден нет ванной, отказался от ее услуг и направился к чете Кросли. Правда, остановился он у них лишь после того, как и тут осмотрел ванну. Она была установлена в бельэтаже, как раз над кухней.

В тот же день, ближе к ночи, Смит осведомился у миссис Кросли насчет врача. Он сказал, что его жена неважно чувствует себя после дороги и у нее болит голова. Врач - доктор Джордж Биллинг - при обследовании больной расслышал легкие, но не имеющие серьезного значения шумы в сердце. Он прописал ей немного героина и кофеина. На следующее утро миссис Смит производила впечатление вполне здоровой и долго гуляла вместе со своим мужем. Наконец, в 6 часов вечера она заказала вечернюю ванну. Через два часа супруги Смит отправились в спальню. Чета Кросли оставалась в кухне.

Вскоре они заметили на потолке кухни сырое пятно.

Пока они обсуждали это необычное явление, зазвенел колокольчик у входа в дом. Снаружи стоял Смит. Он объяснил, что выходил из дому купить яиц на завтрак. Когда же Кросли показали ему пятно на потолке, он помчался по лестнице вверх и сразу же закричал: "Позовите врача... Позовите доктора Биллинга... Он знает ее".

Биллинг прибыл через несколько минут. Он застал Смита в ванной удерживающим голову своей жены над водой. Вода доходила ей до груди. Так как жена была довольно тяжелой, Смиуту и Биллингу с большим трудом удалось вынуть ее из ванны и уложить на полу. Биллинг не обнаружил никаких следов применения насилия, хотя, по правде говоря, обследованием занимался недолго. Позднее он не смог уже вспомнить, в каком конце ванны находилась голова покойной. Коронер, которому предстояло разбирать еще и другие случаи смерти, очень торопился. Констатировав "остановку сердца в ванне", он записал, что покойная утонула в "результате несчастного случая". Смит успел поспорить с супругами Кросли о размере платы за жилье, а затем исчез.

Доклад о расследовании, проведенном блэкпулской полицией, не содержал сведений о нынешнем местопребывании Смита, зато приводил некоторые примечательные факты о заключении им брака с Элис Барнхэм. Он познакомился с ней в Саутси, где она в качестве медсестры ухаживала за одним пожилым человеком. Она располагала наличностью в 27 фунтов стерлингов, а кроме того было известно, что она в свое время ссудила своему отцу Чарлзу Барнхэму 100 фунтов стерлингов. Через несколько дней после первой встречи, в сентябре 1913 г., Смит обручился с Элис Барнхэм, а 30 октября они поженились в Саутси. За день до свадьбы невеста заключила договоры страхования жизни на 500 фунтов стерлингов, а непосредственно после свадьбы Смит потребовал от Чарлза Барнхэма, своего тестя, возратить данные ему займы 100 фунтов стерлингов вместе с процентами. Как велико должно было быть влияние Смита на его жену, свидетельствует то, что та угрожала своему отцу обратиться к адвокату, если он не вернет ей долг. За два дня до свадебного путешествия в Блэкпул Элис Смит составила в Портсмуте завещание в пользу своего мужа. Четырьмя днями позже она лежала мертвой в ванне в доме супругов Кросли.

Инспектор Нил 23 января посетил сэра Чарлза Мэтьюза - директора службы публичного обвинения, и заявил ему, что, по его убеждению, в случаях Ллойда и Смита речь идет об одном и том же лице - мужчине, убивающем по определенной схеме женщин, чтобы завладеть их состоянием.

Мэтьюз возразил: "Мне представляется невероятным, чтобы мужчина умертвил двух женщин в ванне. Ни разу за всю мою жизнь я не слышал о такой смерти". Тем не менее он оставил Нилу свободу действий для дальнейшего

расследования и для задержания Ллойда, если он сможет его обнаружить.

"ЛЮБОВНЫЕ ИГРЫ" В ВАННОЙ

Час спустя Нил попросил доктора Бэйтиса дать "Йоркшир иншуренс компани" не вызывающую подозрений справку о смерти миссис Ллойд. Он рассчитывал, что Смит, или Ллойд (или как он еще там называется), свяжется с поверенным Дэвисом, у которого хранилось завешание его жены, как только узнает, что страховое общество готово с ним рассчитаться. Контора же Дэвиса была взята под наблюдение. И вот 1 февраля 1915 г. ко входу в нее приблизился мужчина, похожий по описанию на Ллойда-Смита. Нил подошел к нему. Состоялся следующий диалог: "Я инспектор Нил. Вы - Джордж Ллойд?" - "Да". - "Тот самый Джордж Ллойд, жена которого в ночь на 18 декабря утонула в ванне дома на Бисмарк-роуд в Хай-гейте?" - "Да". - "Я имею основание предполагать, что вы также Джордж Смит, чья жена в 1913 г. утонула в ванне в Блэкуле через несколько недель после свадьбы". - "Смит? Я не знаю никакого Смита - моя фамилия не Смит". - "В таком случае я должен арестовать вас за сообщение властям ложных данных о своей личности".

Арестованный резко повернул к Нилу свое угловатое, костлявое лицо и сказал: "О, если вы из-за этого устраиваете такую серьезную сцену, то в этом случае я могу вам сказать, что я Смит".

Нил был уверен, что видит стоящего перед ним насквозь. Он почувствовал, что убийца опасается разоблачения и потому с такой легкостью признается в меньшем зле. Как бы то ни было, Нил достиг своей первой цели. Ллойд-Смит очутился под арестом за сообщение ложных данных, а Бернард Спилсбери получил задание "заняться медицинской стороной таинственного случая".

4 февраля Спилсбери поехал на кладбище в Излингтоне, чтобы участвовать в эксгумации тела Маргарет Элизабет Ллойд, урожденной Лофти. Он должен был попытаться выяснить, утонула ли молодая женщина или ее утопили.

Когда Спилсбери осматривал останки Маргарет Ллойд, он тщетно исследовал их дюйм за дюймом в поисках признаков каких-либо насильственных действий. Кроме совершенно незначительных ссадин на локте, о которых уже говорил доктор Бэйтис, он обнаружил всего лишь две крохотные затекшие кровью точки на тыльной стороне левой руки. Невооруженным глазом они были неразличимы и не могли служить доказательством применения какого-либо насилия. Спилсбери безрезультатно обследовал все тело в поисках хотя бы малейших симптомов заболевания сердца или органов кровообращения, которым можно было бы объяснить внезапное прекращение в ванне циркуляции крови у потерпевшей. Для большей уверенности он взял пробу внутренних органов для исследования их на содержание яда.

С другой стороны, нельзя было недооценивать признаков удушья вследствие захлебывания, даже если они были не сильно выражены и скорее позволяли предполагать почти мгновенную смерть. Проблема того, как в ванне и в тесной ванной комнате можно утопить человека без следов применения насилия, занимала Спилсбери даже тогда, когда он возвращался вместе с Нилом домой. Прежде чем они расстались, он предложил изъять ванну, в которой умерла Маргарет Элизабет Ллойд, для проведения ряда экспериментов. В тот же вечер эта ванна была перевезена с Бисмарк-роуд в отделение полиции в Кентиштауне.

Нил и Спилсбери пытались провести эксгумацию по возможности незаметно. Но репортеры в последние годы привыкли неотступно следовать по пятам Спилсбери. Первые газеты уже 5 февраля сообщили о таинственном вскрытии в

Излингтоне, а 7 февраля историю об обоих убийствах в ванне можно было найти во всех газетах Лондона и Блэкпула. Несмотря на вести, ежедневно поступавшие с фронтов первой мировой войны, заголовки типа "Новобрачные в ваннах" пробились на первый план. Начальник полиции из Хэрн-Бэя прочитал несколько сообщений в лондонских газетах и направил Нилу рапорт о смертельном случае, происшедшем 13 июля 1912 г. в Хэрн-Бэе. Этот случай смерти обнаруживал столь явное сходство с уже известными, что начальник полиции в Хэрн-Бэе просил Нила проверить, нет ли между ними какой-нибудь связи.

Вот содержание его рапорта: 20 мая 1912 г. мужчина по имени Генри Уильяме снял для себя и своей жены односемейный дом на Хай-стрит. Через несколько дней Уильяме - на вид ему было от сорока до пятидесяти лет - и его более молодая жена Бесси въехали в него. А через семь недель, 9 июля 1912 г., Уильяме приобрел в магазине скобяных товаров ванну.

В нанятом им доме ванны не было, и Уильяме объяснил торговцу, что его жена не желает больше жить без ванны. На следующий день Уильяме появился с женой в приемной доктора Френча. По его утверждению, жена его страдала эпилептическими припадками. Сама же она жаловалась только на головную боль, и Френч прописал ей бром. 12 июля, среди ночи, Френча разбудили и попросили прибыть на Хай-стрит. Уильяме объяснил, что у его жены снова был припадок. Френч предположил, что эпилептический припадок был вызван жарой. В третьем часу дня он вновь заглянул к больной и нашел Бесси Уильяме бодрой и здоровой. Поэтому он был страшно удивлен, когда рано утром 13 июля, примерно в 8 часов, снова последовал срочный вызов. Ему передали записку, в которой Уильяме писал: "Можете ли Вы сейчас же прийти? Я боюсь, что моя жена умерла".

Френч застал Бесси Уильяме лежащей в ванне на спине, ее голова была под водой. В правой руке был зажат кусок мыла. Ноги были вытянуты, ступни торчали из воды у нижнего края ванны. Френч уложил тело на пол и стал делать искусственное дыхание. Все оказалось бесполезным. Бесси Уильяме была мертва. Френч не обнаружил на ее теле никаких следов насилия. Коронер - адвокат из Дувра, удовлетворившись заявлением доктора Френча об эпилептических припадках у покойной, произвел беглое расследование и констатировал "смерть в результате несчастного случая в следствие погружения под воду в ванне во время эпилептического припадка".

Когда поступило сообщение из Хэрн-Бэя, Нил как раз собрался ехать в Блэкпул, чтобы подготовить там намеченное Спилсбери вскрытие трупа второй супруги Смита-Ллойд а - Элис Смит, урожденной Барнхэм. Поэтому он поручил послать в Хэрн-Бэй прежде всего несколько фотографий Смита-Ллойда и попросил предъявить их на предмет опознания всем лицам, которые входили в контакт с мнимым Уильямсом. Нил и Спилсбери встретились в Блэкпуле 10 февраля. Спилсбери работал ночью, чтобы обмануть репортеров.

Исследование внутренних органов Маргарет Элизабет Ллойд на предмет обнаружения яда дало отрицательные результаты, косвенно подтвердив тем самым, что она утонула. Тело Элис Смит изменилось гораздо сильнее, чем у ее подруги по несчастью. Несмотря на это, Спилсбери смог прийти к некоторым выводам. Важнейшими из них были следующие: не имелось ни малейших указаний на применение насилия и лишь совсем незначительные признаки утопления. Смерть, должно быть, наступила еще быстрее, чем у Маргарет Элизабет Ллойд. Обследуя органы кровообращения, он обнаружил лишь легкое изменение сердечного клапана, которое нередко остается после ревматических заболеваний суставов. Но оно было столь же незначительно, как и у большинства людей, считающихся здоровыми, и никак не могло быть причиной смерти во время

купания.

Еще сильнее, чем в первый раз, занимал Спилсбери вопрос о том, как можно осуществить насильственное утопление без того, чтобы после него не осталось следов насилия и отчетливых следов удушья? Он очень тщательно измерил тело покойной и распорядился, чтобы Нил перевез в отделение полиции в Кентишта-уне также ванну из Блэкпула. Когда они добрались до полицейского участка в Блэкпуле, Нила ожидал там телефонный разговор с Лондоном, из которого он узнал, что из Хэрн-Бэя сообщили, что Уильяме, вероятно, идентичен Смигу и Ллойд. Все свидетели опознали его на фотографиях.

Когда Нил вслед за двумя своими сотрудниками 18 февраля прибыл в Хэрн-Бэй, обстоятельства, сопутствующие третьему убийству в ванне, были уже собраны. Его предыстория была абсолютно такой же, как и двух более поздних убийств. Недоставало лишь одного - заключения договора страхования. Но в этом у Уильямса Смита-Ллойда в данном случае не было нужды: женщина, на которой он женился, имела вполне достаточное собственное состояние. Летом 1910 г. он познакомился в Клифтоне, предместье Бристоля, с тридцатилетней Бесси Манди. Ее отец оставил после себя состояние в 2700 фунтов стерлингов, которым управляли родственники. Бесси же не смела расходовать основной капитал, а получала из процентов лишь 8 фунтов стерлингов в месяц. Весь остаток процентов откладывался на черный день.

К 1910 г. этот остаток вырос до 138 фунтов стерлингов и был в любое время к услугам Бесси Манди. Сам же капитал только в случае смерти переходил к ее наследникам. 26 августа 1910 г. Уильяме женился на Бесси Манди и уже в день свадьбы потребовал 138 фунтов стерлингов. Получив их, он исчез и написал своей жене письмо, в котором утверждал, будто она заразила его венерической болезнью и он не желает ее больше видеть. Бесси не поняла, что случилось. Она снова зажила уединенной жизнью одинокой молодой, малопривлекательной женщины. В феврале 1912 г. она находилась в пансионе в одном городке. Там, на улице она встретила беглого мужа. Кажется непостижимым, но в течение нескольких часов она все ему простила и последовала за ним в Хэрн-Бэй. 2 июля Уильяме осведомился у юриста, действительно ли состояние его жены может попасть в его руки только после ее смерти. Шесть дней спустя жена назначила его своим единственным наследником. А еще через двадцать четыре часа - 9 июля - Уильяме купил дешевую ванну, в которой 13 июля 1912 г. и умерла Бесси.

Сотрудники Нила шаг за шагом выяснили, кто такой в действительности Уильямс-Смит-Ллойд, откуда он родом и не умертвил ли он и ограбил еще большее число женщин. Они выяснили, что его настоящая фамилия была Смит - Джордж Джозеф Смит, 1872 года рождения, сын страхового агента; с девятилетнего возраста воспитанник исправительного дома, мошенник, аферист, вор, частый обитатель многих обычных и каторжных тюрем. Постепенно напали на след, а потом и нашли женщин, у которых он выманивал все сбережения, чтобы затем немедленно исчезнуть. Видимо, 2700 фунтов стерлингов Бесси Манди, которые он не мог получить от нее другим способом, побудили его к убийству в первый раз.

Однако, сколько бы материалов ни собрали Нил и его люди, ни один свидетель не видел Смита в момент умерщвления им своих жертв. Не было никого, кто бы мог заявить суду: "Это - убийца". А если уж не было очевидцев преступления, то обвинение обязано было по крайней мере объяснить, каким образом Смит топил своих жертв, не оставляя на них следов насилия. Ни один суд присяжных не осудил бы Смита, не получив прежде удовлетворительного ответа на этот вопрос.

Спилсбери в первой половине марта ежедневно появлялся в помещении отделения полиции в Кентиштау-не, где были установлены ванны. Он носил при себе листок с записанными размерами тел и веса потерпевших. Среди оставленных им после себя бумаг позже нашлись записи, которые показывали, каким путем он шел к тому, чтобы воссоздать ситуацию, в которой эти женщины умирали.

Решение Спилсбери нашел на исходе первой недели марта, когда он еще раз изучал все положения, которые могла принять женщина размеров и веса Бесси Уильяме в случае, если у нее действительно случился эпилептический припадок в ванне. Первая жертва Смита была ростом 1 м 70 см, а ванна была длиной всего в полтора метра. Ножной ее край был крутым, а головной - скошенным. Длина дна ванны составляла несколько больше метра.

Первая стадия эпилептического припадка состоит в вытягивании всего тела. Невероятно, чтобы при этом купающаяся с головой ушла под воду. Напротив. С учетом ее роста и малых размеров ванны верхняя часть ее тела должна была бы выдвинуться вверх по скошенному головному краю ванны или ее боковых краев.

Вторая стадия эпилептического припадка заключается в бурных движениях конечностей, которые при этом то притягиваются к телу, то снова отталкиваются от него. Опять же трудно себе представить, как при этом тело, ягоды которого в тот момент покоились на дне ванны, могло оказаться под водой.

Еще меньшая возможность этого имеется при третьей стадии припадка - общем засыпании и разрядке организма.

Несоответствие между размерами тела жертвы и ванны было просто огромно. Так как доктор Френч заявил, что голова покойной находилась под водой, но ноги были вытянуты, так что стопы торчали из воды у нижнего края ванны, то Спилсбери не находил никакого объяснения тому, как могла Бесси Уильяме принять такое положение... И в этот момент решение ясно встало перед глазами Спилсбери.

Имелась лишь одна возможность: Уильяме должен был, инсценируя влюбленное поддразнивание, схватить ничего не подозревающую купальщицу за ноги, приподнять их и затем внезапно резко потянуть на себя через нижний край ванны. В тот же момент верхняя часть тела его жертвы вынужденно соскользнет под воду, внезапное проникновение которой в нос и рот вызовет шок с моментальной потерей сознания. Отсюда и отсутствие признаков борьбы, отсюда и неотчетливость признаков утопления и удушья.

Спилсбери поспешил в свой кабинет и стал изучать имеющуюся литературу относительно случаев внезапной смерти от утопления. Почти никто не занимался проблемой того, может ли внезапное проникновение воды в полости носа или глотки оказать какое-то воздействие на работу сердца или центральную нервную систему. Имелись лишь отдельные наблюдения такого рода. Но Спилсбери был убежден, что решение найдено.

Когда об этом узнал Нил, он пригласил нескольких привычных к нырянию пловчих, соответствовавших по росту и весу жертвам Смита, дабы на практике проверить выводы Спилсбери. Он испробовал самые различные ситуации, при которых голова и верхняя часть туловища могли бы быть погружены под воду путем применения насилия. Это оказалось невозможным, ибо происходило в ожесточенной борьбе. Даже внезапный насильственный наклон головы не мог помешать тому, чтобы руки утопающей цеплялись за край ванны или хватали самого виновного.

Однако, когда Нил схватил одну пловчиху за ноги и вдруг дернул их на

себя, ее голова и верхняя часть туловища соскользнули под воду так быстро, что ее руки не успели даже ни за что уцепиться. Через несколько секунд Нил к своему ужасу заметил, что его неподвижная больше не движется. Он выдернул верхнюю часть туловища юной женщины из ванны и с испугом увидел, что ее голова шатко клонилась в сторону. Полчаса боролись Нил, сержант и врач за то, чтобы вернуть потерявшую сознание к жизни. Придя в себя, она вспомнила только одно: когда она соскользнула под воду, вода полилась сверху через ее нос. И в тот же момент она потеряла сознание - у нее наступил шок, хотя она, в отличие от жертв Смита, ожидала нападения и, опять-таки в отличие от жен Смита, прекрасно умела плавать и нырять.

Нил немедленно прекратил все дальнейшие эксперименты. Опасно экспериментируя на грани неосторожного убийства, он подтвердил, сам того не подозревая, правильность выводов Спилсбери способом, который позднее заставил содрогнуться многих присяжных.

22 июня 1915 г. Джордж Джозеф Смит предстал перед судом Олд-Бейли. Никогда прежде не видело это старое, почтенное здание такого наплыва женщин. Это были они - те одинокие, физически или духовно ущербные, изголодавшиеся по любви, из числа которых выбирал Смит своих жертв. После длившегося всего двадцать минут совещания присяжные 30 июня признали его виновным, а судья Скраттон осудил его к смертной казни через повешение.

(Ю. Торвальд. Век криминалистики. М., 1984)

ОПАСНЫЙ ЖЕНИХ

- У нас новое дело, инспектор, - сообщил старший комиссар парижской уголовной полиции Сюртэ своему подчиненному Белену и тут же пояснил сказанное. - Исчезли две дамы. Одну зовут Бюиссон, вторую - Коломб.

- Об этом заявили родственники, комиссар? - спросил Белен и прищурился. Он делал так всегда, когда хотел сосредоточиться.

- Не только родственники. Гости со свадьбы, ибо обе дамы собирались замуж. Мадам Коломб должна была выйти за некоего Фреми, владельца виллы в Гамбе.

- И жених перед свадьбой удрал?

- Испарился.

- А невеста? - спросил инспектор Белен.

- Однажды не вернулась. Когда она не объявилась ни в понедельник, ни во вторник, ее стали искать.

- Где?

- Вспомнили, что у жениха есть вилла в Гамбе. Очевидно, невеста похвасталась об этом родственникам, и все отправились к ее будущему супругу. Что он им сообщил?

- Я же сказал, что он исчез, испарился. В Гамбе его никто не знал. Мэр однозначно заявил, что в округе никакой Фреми никогда не проживал.

- Выходит, они оба потерялись, - вздохнул инспектор Белен.

- Исчезновение Фреми и Коломб - это одно дело. Но кроме того, исчезла и другая дама, Бюиссон, которая через пару дней должна была выйти замуж за некоего Дюпона. И представьте себе, коллега, подобное совпадение: у Дюпона также была вилла в Гамбе.

- Это уже вызывает подозрение.

- Еще бы!

- А что мэр?

- В Гамбе живет несколько Дюпонов: столяр, мельник, церковный сторож. Ни один из них не годится в женихи. И ни у кого из них нет виллы. Но недавно в поселке объявился некий пожилой мужчина, представившийся Дюпоном, и снял виллу.

- Так-так, это уже кое-что.

- Мэр рассказал, что он показывается там очень редко и всегда с разными дамами.

- Я бы сказал, что это уже след!

- Инспектор, это пожилой господин. На жениха он никак не похож. Вот и сейчас он в разъездах.

- А никто не знает, куда он отправился? Выходит, и в этом случае исчезли, оба: и жених, и невеста.

- Допросите приглашенных на свадьбу, инспектор. Вот адрес сестры госпожи Бюиссон.

Инспектор Белен взял адрес и вполголоса прочитал:

- Лякост, Лякост...

Мадемуазель Лякост немного было известно о женихе своей сестры, к тому же она не очень-то стремилась сотрудничать с полицией. Белену пришлось убеждать ее, что, помогая ему, она поможет своей сестре, и только после этого мадемуазель нерешительно сказала:

- Он очень милый, - хотя уже старый и лысый. Но у него рыжие борода и усы. По этим приметам вы могли бы его узнать.

- Вам известен его адрес, мадемуазель Лякост?

- Нет. Сестра никогда не упоминала о том, где он живет.

- Возможно, вам известно, где он работает?

- Нет. Сестра говорила, что он очень достойный человек.

Инспектор Белен понял, что от мадемуазель Лякост он больше ничего не добьется, поэтому откланялся и разочарованный удалился. Уже в дверях он подал девушке свою визитку:

- Если вы хоть что-нибудь еще припомните, мадемуазель Лякост, позвоните мне в управление. До свидания, мадемуазель.

Говорят, что следователю, кроме основательных знаний, нужны опыт, нечеловеческая терпеливость и немного удачи. Инспектору Белену, по всей видимости, удача сопутствовала. Уже в тот же день около семи часов вечера на его столе зазвонил телефон, и взволнованная мадемуазель Лякост шепотом сообщила:

- Приезжайте, господин инспектор! Немедленно! Это очень важно. Я его встретила. Сегодня во второй половине дня.

Инспектор Белен одним глотком допил остывавший на столе кофе, надел шляпу и тут же отправился к месту встречи. Мадемуазель Лякост, уже нетерпеливо дожидавшаяся его, торопливо сообщила:

- Я отправилась в магазин и вдруг увидела его на улице Риволи. У него рыжая борода, совершенно рыжая. Меня трясло, зуб на зуб не попадал, я боялась, что он обернется и заметит меня. Но я пошла за ним. Дело в том, что он шел с какой-то женщиной. Они были так увлечены, что смотрели только друг на друга.

- Вы узнали ту даму?

- Как я могла ее узнать, если я ее не разглядела. Меня взяла злость, потому что точно так же он ходил с моей сестрой.

- Вы сказали, что он не красавец, плешив, что у него борода и усы. Что же вашей сестре могло в нем понравиться?

- Не знаю, что вам и сказать, господин инспектор, ей-богу не знаю. Но он совершенно свел ее с ума. Казалось что она даже не всегда осознавала, что делает. Ходила и вздыхала, а во сне вскрикивала: "Мой дорогой! "

- Значит вы встретили его на улице Риволи. Что он делал? Куда направлялся? Как выглядела его спутница?

- Как выглядела? Я же сказала, что не знаю.

- Вспомните, пожалуйста, мадемуазель. От этого многое зависит. Если мы должны кого-то разыскать, то нам необходим его портрет. И самый подробный.

- Но если я ничего не видела. Они немного прошли по тротуару, затем остановились перед витриной магазина хозяйственных принадлежностей:

- Как называется этот магазин?

- "Лион де фейянс". Знаете, такой большой, по левой стороне улицы?

- А затем? - спросил инспектор, делая заметки.

- Потом вошли вовнутрь. Сначала я не отважилась последовать за ними, но затем тоже вошла в магазин. Сказала себе, что в худшем случае куплю какую-нибудь мелочь, но этого не потребовалось. Если вам известно, это огромный магазин. Я встала к ним спиной, рассматривала вазочки и слушала.

- О чем, они говорили?

- Он все время говорил ей "любимая", а она только "да, дорогой" и "конечно, моя любовь". Они покупали столовый сервиз.

- Купили?

- Да. Прекрасный. На шесть персон. Отделанный лазурью. Было видно, что у него есть вкус. Такой сервиз - моя мечта, господин инспектор.

- Вы снова пошли за ними, когда они уходили с покупкой?

- Как это, с покупкой? Они ничего не взяли. Дело в том, что у него не оказалось необходимой суммы. Поэтому они заплатили в кассу только задаток и попросили, чтобы посуду им доставили домой. Он еще написал им адрес, взял под руку свою красотку, и они отправились на Пляс-дю-Шатель.

- Вы наблюдали за ними, мадемуазель Лякост?

- Немного. Но они сели в автобус, направляющийся вверх на Монмартр, и последовать за ними я уже не решилась.

Мадемуазель Лякост была убеждена, что разочаровала инспектора Белена. Однако тот был доволен: он вышел на след! Сервиз, выбранный бородачом и его молодой красивой спутницей, стоил триста пятьдесят франков, а у него оказалось при себе только сто. Посыльный при магазине должен был отнести покупку на дом и получить остальные. Значит, осталось только протянуть руку, - и адрес незнакомца у него. Инспектор Белен и мадемуазель Лякост отправились в магазин "Лион де фейянс". Однако уже было половина девятого вечера, и магазин оказался закрытым. Но у сторожа они узнали адрес хозяина и пошли к нему. Мадемуазель Лякост попыталась напомнить хозяину о странной паре, покупавшей фарфоровый сервиз, но пожилому господину ничего не было известно о покупателе с рыжей бородой: вероятно, что-то мог бы вспомнить обслуживавший его продавец.

Продавец уже был в ночной пижаме, когда раздался звонок в дверь. Он выслушал просьбу инспектора Белена, оделся и поехал с ними в магазин. Там в книге заказов они нашли адрес инженера Гуйе, проживающего на улице Рошешуар, 76. Инспектор Белен был явно удивлен. Он разыскивал некоего подозрительного Дюпона или Фреми, а вышел на Гуйе. Мадемуазель Лякост, наверное, ошиблась. Ее фантазия вывела инспектора на ложный след.

- Я не могла ошибиться, господин инспектор, - настаивала девушка. - Ведь я наблюдала за ними, не сводила с них глаз. И в хозяйственном магазине я находилась возле них. Это был именно облезлый ухажер моей сестры. И она

точно на его совести, если он сейчас с другой. - Она запнулась, задумалась и добавила. - Разве что это была его дочь? Ведь она была намного моложе его. Однако он к ней относился так нежно, внимательно, как к любовнице.

Было два часа ночи. Мадемуазель Лякост отправилась спать. Инспектор Белен стоял в тени на улице Рошешуар и скользил взглядом по окнам противоположного дома. Какое из них? Его нетерпеливость не имела никакого значения, так как согласно закону полицейский не имеет права ночью заходить в квартиру подозреваемого. Так записано в девятой статье уголовно-процессуального кодекса, а господин префект ревностно следил за выполнением предписаний. Только в шесть утра инспектор Белен смог позвонить консьержке.

- Что вы, господин! Их нет дома.
- Как это? Ведь вчера вечером они еще здесь были.
- Да, но вечером господин инженер с барышней уехали.
- Не знаете куда?
- Нет. А если бы и знала, то все равно не сказала бы, я не сплетница.
- Но мне необходимо поговорить с господином инженером.
- А кто вы, собственно, такой, что беспокоите так рано?
- У нас общие дела.
- Вам придется подождать. У них было много чемоданов, вероятно, они уехали надолго.

Невыспавшийся инспектор Белен вернулся в управление. Он был раздосадован: все его надежды рухнули. Он стал рассуждать. А что если мадемуазель Лякост действительно узнала мужчину с рыжей бородой, но и он узнал ее. Как бы его ни звали - Фреми, Дюпон или Гуйе - он понял, что за ним следят. В конце концов, он не мог не заметить сестру своей любовницы и невесты, когда она вошла вслед за ним в магазин. Он понял, что ему угрожает опасность, вернулся домой, упаковал чемоданы, взял за руку свою молодую любовницу и укатил на вокзал. Сейчас он уже бог знает где. Если у него действительно совесть нечиста, то он уже не вернется на улицу Рошешуар.

"СЕРЬЕЗНЫЙ ГОСПОДИН ЖЕЛАЕТ ПОЗНАКОМИТЬСЯ..."

У опытного криминалиста должны быть недюжинное терпение и крепкие нервы. Он должен продолжать расследование до конца, ибо иногда удается выиграть казалось бы самую безнадежную партию. Ведь каждый преступник совершает роковую для себя ошибку. Несмотря на то, что коллеги посмеивались над инспектором Беленом, и он выглядел в их глазах Дон Кихотом, он все же приказал установить наблюдение за домом, веря, что инженер и его любовница вернутся. Через неделю инспектор дождался. Консьержка ему по-дружески кивнула, затем прошептала:

- Они уже здесь. Приехали во второй половине дня. И барышня тоже.

Он позвонил в дверь, долго ждал, затем дверь отворилась, и перед Беленом предстал маленький, худой, плешивый мужчина с нерасчесанной рыжей бородой и такими же усами. У него было бледное, болезненное лицо. Едва сообразив, кем может быть столь ранний и незванный гость, он попытался захлопнуть дверь перед самым носом инспектора. Но полицейский был начеку.

- Полиция. Ваш паспорт, пожалуйста.
- У меня его нет, - ответил мужчина, одетый в халат.
- Что вы этим хотите сказать?
- Я его потерял. Я инженер Люсьен Гуйе.

- Установим вашу личность в мэрии.

- Думаю, что это будет непросто. Архивы мэрии Вердена были уничтожены при бомбардировке, - сказал инженер Гуйе, и инспектор понял, что перед ним сильный соперник. Инженер был спокоен, отвечал дельно и логично. Он не казался ни взволнованным, ни испуганным, скорее немного нервничал, что полиция так рано подняла его с постели. И Белен решил сразу перейти к делу.

- Вы знаете мадам Коломб или мадам Бюиссон? - спросил, он.

- Никогда не слышал этих имен.

Он сказал это вполголоса, но так твердо, словно в этом не могло быть сомнений. Гуйе посмотрел инспектору прямо в глаза, и опытный полицейский практик понял, что никогда не услышит от него другого ответа. И он не ошибся.

Двадцатишестилетняя Фернанда Сегре лежала в постели. Она слышала разговор, удивилась и, набросив халат, вышла посмотреть, что происходит. Услышав, что явившийся господин - полицейский, она рухнула на ковер, словно в театре. Она упала в обморок, и двое мужчин стали приводить ее в чувство. Инженер Гуйе успокаивал ее, и казалось, что она действительно дорога ему. Его не интересовало, что с ним будет потом, он заботился только о своей любовнице. Когда она пришла в себя, он оделся, взял шляпу и спокойно позволил себя арестовать. Фернанду тоже доставили в полицию на допрос, однако в тот же вечер отпустили.

Допросы задержанного ни к чему не привели. Инженер настаивал на своем, а у инспектора Белена не было никаких доказательств. По истечении двадцати четырех часов он согласно инструкции передал подозреваемого следователю прокуратуры, а сам вновь отправился на улицу Рошешуар для обстоятельного осмотра квартиры. Ему повезло, искать пришлось недолго. Среди бумаг в ящике стола он нашел записку, в которой было нацарапано имя некоего Ландру. Это был ключ к разгадке.

Инспектор Белен попробовал установить, кто такой Ландру, и первым делом просмотрел списки осужденных преступников. И тут он нашел весьма интересную информацию: Анри Дезире Ландру восемь раз нарушал закон. Во время последнего заключения ему удалось бежать. Инспектор Белен попросил разыскать в полицейской картотеке, которую тогда еще называли альбомом преступников, фотографию Ландру. Ее принесли. Им оказался инженер Люсьен Гуйе.

Следующая встреча двух соперников проходила совсем иначе, ведь теперь инспектор Белен имел явное преимущество. Однако задержанный не был желторотым юнцом и избрал продуманную тактику. Он молниеносно понял необходимость частичной капитуляции, признал, что его зовут Ландру, и сразу же объяснил - и надо признать, вполне логично, - почему он назвался другим именем.

- Вы бы поступили точно так же, господин инспектор. Ведь у меня не было другого выхода. На мне преступления, и меня разыскивают как сбежавшего заключенного. Я вынужден был скрываться под другим именем. В противном случае меня задержал бы первый же парижский полицейский. Меня осудили за мелкие мошенничества. Я совершал их из-за нужды, мне не на что было жить. Но вы мне инкриминируете какие-то убийства. При этом вам хорошо известно, что мошенники не убивают. У нас другой профиль. Если вы настаиваете на своем обвинении, то вынуждены будете его доказать.

Инспектор Белен не мог не признать, что этот невысокий пятидесятилетний мужчина с рыжей бородой знает все ходы и выходы в законе. И с большим усердием принялся за расследование. Уже через несколько дней у него в руках были убедительные доказательства того, что Анри Дезире Ландру - убийца, на

совести которого множество жертв. Путь, по которому пошла полиция, привел ее к ужасным открытиям.

Ландру был необычным убийцей. Он вел точную запись всех своих преступлений.словно аккуратный бухгалтер, он записывал каждую статью расходов, даты и характеристики своих "торговых" партнерш, подшивал в папках всю свою любовную корреспонденцию, сохранял материалы о любой, пусть даже самой незначительной, но компрометирующей его сделке. Основным его документом была записная книжка, при помощи которой Белену и удалось подвести итоги его чудовищным преступлениям.

Среди документов Ландру полицейские обнаружили также квитанцию о выплате за какое-то строение в Калиши. Они сели в машину и отправились по указанному адресу, где нашли ветхий сарай. Высадив дверь, они обнаружили старую мебель, дамское белье и другие поношенные вещи.

Однако и после этого Ландру не сознался. Не удалось установить, законным ли путем его допрашивали, но известно наверняка, что французская полиция в двадцатых годах уже применяла метод допроса, называемый на ее жаргоне "карусель". Следователи менялись во время допроса, непрерывно забрасывая подозреваемого вопросами на протяжении двадцати четырех часов. И так несколько суток подряд. Ландру "карусель" выдержал и не сознался. Он засыпал в промежутках между отдельными ответами, и тем не менее контролировал каждое свое слово. Инспектору Белену снова пришлось изучать материалы дела и допрашивать свидетелей.

Чем глубже Белен погружался в тайну жизни Ландру, тем больше поражался. Известный Казанова, по сравнению с невысоким человечком с рыжей бородкой, казался ему дилетантом. Комиссар составил список, согласно которому у Ландру были знакомства с двумястами восьмьюдесятью тремя женщинами. На каждую из них в его "учетных записках" была заведена отдельная рубрика с точной характеристикой физических данных, а также отметками о состоянии имущества и родственных связях. Убийца экономил место и в своих записях, используя сокращения. С каждой из женщин, с которой в большинстве случаев Ландру знакомился по объявлению, он рано или поздно переспал. Во время судебного разбирательства было установлено, что в отдельные дни у него бывало до шести встреч. Его последняя любовница, молодая Фернанда Сегре, свидетельствовала под присягой:

- Он предавался любви вечером перед сном, ночью и еще утром, когда просыпался.

Анри Дезире Ландру родился 12 апреля 1869 года в Париже. Его отец был извозчиком; а мать - швеей. Он посещал церковную школу и был способным, старательным учеником. Его все любили. Он пел в церковном хоре, был достаточно набожным, чтобы стать служителем церкви. Однако при всем этом он уже мальчиком подрабатывал по ночам: ловил на улицах кошек, убивал их, снимал с них шкуру и продавал ее торговцу, специализировавшемуся на кошачьих поясах от ревматизма.

В двадцать лет его призвали на военную службу, он был дисциплинированным солдатом и даже стал сержантом. После демобилизации он перебивался случайными заработками: большей частью занимался мелким мошенничеством. Затем приобрел магазин ношеной одежды, и из него получился почтенный старьевщик. Ландру женился на добропорядочной гладильщице

Мари-Катрин, и у них было четверо детей: Мари, Морис, Сюзанна и Шарль. Он был хорошим, заботливым отцом и внимательным мужем и до самого ареста добросовестно исполнял семейные обязанности, делился своей добычей с ничего не подозревавшей семьей.

Профессиональный ловелас для своих утех нуждался в соответствующей обстановке. Ландру снимал две виллы, куда ездил с дамами, и десятки соответствующих квартир в Париже. Как только инспектор Белен закончил изучать записки Ландру, то отдал приказ обыскать обе виллы.

В Гамбе полиция обнаружила трупы трех псов, принадлежавших мадемуазель Маршадье, обугленные кости, которые, как установили эксперты, были останками трех человеческих черепов, шести рук и ног. По всей видимости, Ландру сжигал трупы убитых женщин в печи. Соседи рассказали, что иногда из дымохода виллы валил густой, неприятно пахнувший черный дым. На вилле в Вернуье были найдены также остатки дамских туалетов, корсеты, дамские туфельки и чулки.

Полицейские допросили 273 женщины из обозначенных в записной книжке Ландру. Десять оставшихся были неизвестны. Инспектор Белен был убежден, что они очутились сначала в постели Ландру, а затем за решетками печей вилл в Гамбе или в Вернуье.

Следственные документы дела, взбудоражившего мировую общественность, заняли семь тысяч страниц, заключения экспертов - триста страниц. И только после этого стали вырисовываться судьбы жертв Ландру, только после этого судебные органы попытались изобличить убийцу. Это было не просто. Отсутствовало много необходимых признаний. Да и промежуток времени был достаточно большим: Ландру избавился от первой жертвы в феврале 1914 года и только в феврале 1922-го понес заслуженное наказание за свои преступления. Неотразимому соблазнителью одиноких женщин и чудовищному убийце в то время было пятьдесят три года.

В феврале 1914 года в парижских газетах появилось объявление следующего содержания: "Серьезный господин желает познакомиться с вдовой или одинокой женщиной в возрасте от 35 до 45 лет с целью женитьбы".

Только в Париже таких женщин тысячи, Некоторые отважились и написали. Ландру выбрал вдову Жоржетту Куше. Ей было тридцать четыре года, она была красива, и у нее были сбережения, правда, весьма скромные. Она зарабатывала на жизнь, работая в прачечной, и не мечтала ни о чем другом, кроме как выйти замуж за достойного и честного мужчину.

Они встретились в парке, и месье Диар, как представился Ландру вдове, был милым, внимательным, обещал безоблачное будущее, ведь у него хорошее место - он почтовый инспектор. Для Жоржетты Куше это было сном наяву. Стать женой служащего для работницы с маленькой зарплатой означало подняться на новую ступень материального благополучия. Поведение господина было примерным. Он был именно таким, каким по женским представлениям должны быть все мужчины.

Однако у вдовы Куше был семнадцатилетний сын, и во время второй или третьей встречи она призналась в этом. Господин Диар вел себя в высшей степени благородно. Для него это не имело значения. И этим он полностью покорила Жоржетту, а вскоре получил и ее сбережения. Доверчивая женщина в банке в Шантайи открыла счет, которым мог распоряжаться и господин почтовый инспектор Диар.

В декабре господин почтовый инспектор вместе с любовницей - будущей женой переехал на новую квартиру в Ля-Шоссе недалеко от Шантайи и вел себя как истинный кавалер, но при этом не забывал и об обязанностях перед своей семьей, проживавшей в Париже. Так он и ездил от одной женщины к другой.

Жоржетта привыкла работать и скучала дома одна. Она слонялась по дому и совершенно случайно раскрыла тайну маленького чемоданчика, который господин Диар постоянно носил с собой, а в тот раз в порядке исключения оставил дома. В нем находились документы. Перепуганная Жоржетта вычитала в них, что стала

жертвой обманщика: Диара в действительности зовут Ландру, и у него в Париже есть жена и дети.

Когда он вечером вернулся из Парижа с букетом цветов и шоколадом, она ему все рассказала. Он не испугался и даже не смутился. Погладил ее и тихим вкрадчивым голосом, так действующим на женщин, объяснил:

- У меня жена и дети. Но я люблю тебя, а с женой развожусь ради тебя. Я представился тебе Диаром, чтобы не затрагивать этого неприятного обстоятельства.

Мастер своего дела сработал на славу. Доверчивая Жоржетта простила его. И даже еще больше полюбила за честное признание. Вскоре они переехали в Вернуье недалеко от Парижа. Жоржетта была уверена, что все в порядке. Но у женщины, которая первая раскрыла настоящее лицо обманщика и убийцы, не было шансов выжить. За дверьми виллы на улице Де-Нанте, 47, исчезают последние следы вдовы Куше и ее сына.

Позже на чердаке виллы в Клиши нашли некоторые предметы из ее мебели, документы мужа - покойного Куше и несколько мелких личных вещей. Среди знакомых и родственников вдовы Ландру распространился слух, что мадам Куше уехала в Англию, а ее сын ушел в армию. Золотую цепочку покойной Куше внимательный Ландру подарил своей жене. На деньги убитой Куше он купил небольшую машину, ставшую одним из впечатляющих реквизитов его "ремесла".

Сорокашестилетняя мадам Лябор-Лин приехала из Аргентины, где ее муж держал гостиницу. После смерти мужа она приехала в Париж искать работу. Ландру прочитал ее объявление, постучался к ней в дверь и предложил ей прибыльное место. В первый же вечер он очаровал ее своим приятным баритоном, а следующую ночь они уже провели в одной постели. Где-то между любовными утехами Ландру пообещал на ней жениться. Неизвестно, каким вымышленным именем он представился, но выдавал он себя за богатого беглеца из северной Франции, занятой немцами, и привлек женщину тем, что был холост и имел машину.

Мадам Лябор-Лин отказалась от своей квартиры на Рю-де-Пате и переселилась на виллу в Вернуье. 15 июня 1915 года она навсегда уехала в Вернуье. Ее будущий муж Ландру пометил в своей записной книжке в рубрике "расходы" следующее: "Один обратный билет за 4,915 франков". Аргентинскую красотку больше никто никогда не видел. А ее сбережения, с которыми она вернулась на родину, достались Ландру.

Пухленькой мадам Гуйен исполнился пятьдесят один год. У нее оставалось очень мало волос, поэтому она носила парик, у нее не было зубов, поэтому она использовала протезы. Однако среди многих она ответила на заманчивое объявление, помещенное Ландру в парижских газетах. Он представился ей консулом Гуйе, готовящимся к службе в Австралии. Перед этим госпожа Гуйен служила у богатого старого господина, завещавшего ей двадцать тысяч франков. В них-то и было все дело. Уже через пару дней после знакомства стремившаяся выйти замуж женщина оказалась у него на вилле, затем он появился с ней в Париже. И она перевела на его имя свои деньги. Второго августа он купил ей билет в Вернуье, а себе - обратный. Позже инспектор Белен нашел ее парик, белье и документы. Ландру берег каждую мелочь с заботой образцового бухгалтера. Он был фетишистом, что не редкость для убийцы. Обманом он перевел на себя ценные бумаги, будучи убежденным, что отлично замел за собой следы.

Вдове Эон из Гавра он представился инженером Пети и наговорил ей, что работает в Тунисе, а в Париже оказался временно, так как находится в длительном отпуске, во время которого ему хотелось бы жениться. Затем он

вернется в Тунис. Сколько ему пришлось откровенно лгать, прежде чем ему удалось заманить бедную и наивную вдову в ловушку? Однако на этот раз он пригласил ее не в Вернуье. Ловелас сменил адрес. Уже под именем господина Дюпона он снял виллу "Эрмитаж" в Гамбе. Госпожа Эон первой посетила ее, но это был одновременно и последний ее визит. Экономный убийца даже не купил для нее обратного билета.

Девятнадцатилетняя служанка Андре Бабеле была самой молодой среди жертв Ландру. Она также легко позволила уговорить себя поехать за город. У нее не было никакого имущества, вероятно, она должна была умереть потому, что обнаружила на вилле то, что могло скомпрометировать Ландру. Запись в его "учетной книге" свидетельствует, что она умерла насильственной смертью 12 апреля 1917 года в четыре часа дня. Ее мать заявила об исчезновении дочери в полицейское управление, и Сюртэ объявила общегосударственный розыск. Однако это ничего не дало. Одной из главных причин почему полиция не напала в то время на след убийцы, было военное положение в стране. У полиции не было достаточно сил, во Франции царил хаос. И хитрый убийца мог продолжать свою охоту.

Для сорокашестилетней вдовы Бюиссон "милый господин Фреми" был верхом мечтаний. Хотя сначала она не желала и слышать о нем. Но старый селадон пустил в ход весь свой "шарм", изо дня в день носил ей небольшие подарки и хорошо поставленным баритоном нашептывал комплименты. Она не устояла и отдала ему все, что могла, поехала с ним в Гамбе и больше не вернулась. В записной книжке убийцы инспектор Белен под датой "1 сентября 1917 года" нашел запись, сделанную рукой Ландру: "10.15 - доход 10 381 франк".

С мадам Жоме Ландру пошел в костел под именем Гуйе. Самая пожилая из его жертв. Она была сдержанной и недоверчивой, но и на нее подействовало личное обаяние убийцы. Как и ежедневно, 25 ноября 1917 года госпожа Жоме присутствовала на церковной службе в соборе Сакре-Кер. Ее сопровождал невысокий худощавый мужчина с рыжей бородкой. Потом она с ним уехала на его загородную виллу в Гамбе и тоже не вернулась. Доход от этого преступления Ландру записал позже. Мадам не оставила после себя никакого богатства, всего 82 720 франков наличными и на 27 460 франков движимого имущества. Знакомым госпожи Жоме Ландру сообщил, что она уехала в Америку, где получила выгодное место. Невероятно, что все люди верили обманщику.

Тридцатишестилетняя "Прекрасная Арлезианка" Мари Паскаль была разведена, очень красива и умна. Однажды судьба свела ее с правительственным чиновником Луи Фере. Она довольно долго отбивалась от его ухаживания, говорила, что боится его, что он ей неприятен, но в конце концов оставила свою работу, взяла расчет и переехала на загородную виллу в Гамбе...

Сводница и бывшая проститутка Маршандьеш кое-что повидала в жизни. Она знала людей и осознавала, что сама не многого стоит. Она и ее три собаки стали последними жертвами Ландру. На этот раз достаточно было господину Люсьену Гуйе всего лишь произнести волшебное слово "брак", и он мог вести отслужившую на панели свой век невесту хоть на край света. И на этот раз они так же поехали в Гамбе. Было 13 февраля 1919 года.

- Не могли бы вы мне сказать, мадемуазель Сегре, когда и как вы познакомились со своим любовником Ландру? - спросил инспектор Белен.

- В автобусе, - сказала испуганная девушка.

- Когда это было?

- В мае семнадцатого года. Автобус был набит битком, и он уступил мне место. Был очень галантен.

- Он заговорил с вами?

- Нет. Не сразу. Дело в том, что я с несколькими подругами возвращалась из театра.
- Вы работали в театре?
- Нет, продавщицей, но я танцовщица и субретка, и это были мои подруги из ансамбля. Он подождал, когда они выйдут, и представился.
- Как Ландру?
- Нет, господин инспектор. Я и сейчас помню первые фразы, сказанные им. Он сказал тихим, глубоким голосом: "Если позволите, меня зовут Люсьен Гуйе. Я инженер, родом из северной Франции. Вынужден был убежать от фронта. Сейчас живу в Париже.
- Вы пошли с ним в кафе?
- Нет. Я бы не отважилась, и он меня не приглашал. Я вам сказала, господин инспектор, что он был очень галантен. Предложил встретиться. При этом смотрел мне в глаза, и его взгляд словно молил меня об этом.
- Вы согласились?
- С первой же минуты, когда он заговорил, я не жаждала ничего другого.
- Сколько вам было лет, мадемуазель Сегре?
- Двадцать четыре. А почему вы об этом спрашиваете, господин инспектор?
- Ведь он очень стар. Вам это разве безразлично?
- Я никогда не обращала внимания на разницу в возрасте. Я была с ним несказанно счастлива. Мне достаточно было быть возле него.
- Не могли бы вы сказать, чем он вас так привлек?
- Не знаю. Обхождением. Он настоящий кавалер. Лаской. У него были необычайно сильные руки, когда он меня гладил, они были словно пружины: Он водил меня в оперу, мы ездили за город, катались на лодке, в конце концов он снял для меня прекрасную квартиру.
- Рошешуар, 76?
- Да.
- Сейчас вы можете не отвечать, но я бы очень хотел, чтобы вы мне сказали, когда вы стали его любовницей?
- Не сразу. Хотя и была готова пойти на это уже с первой минуты нашего знакомства. Мы познакомились в мае и только летом, в июле...
- Это был ваш первым мужчиной, мадемуазель?
- Нет. Но первый, кто чувствовал и ценил то, что я женщина. Я сама впервые почувствовала себя женщиной.
- Ведь перед этим вы были помолвлены, мадемуазель Сегре? - спросил инспектор.
- Я расторгла помолвку. Мой жених был призван на военную службу и находился в плену.
- Что вам рассказал Ландру о себе?
- Что он родом из Рокруа, что был вынужден убежать от немцев, что он владелец загородной виллы в Гамбе, что у него недалеко от Парижа гараж, что он хочет жениться.
- И вы согласились?
- С радостью. Не желала ничего другого.
- Что по этому поводу сказали ваши родители?
- Он произвел на них хорошее впечатление.
- Он просил у них вашей руки?
- Естественно.
- Когда это было, мадемуазель Сегре?
- Где-то в начале восемнадцатого года.

- И родители согласились?
- А почему бы и нет?
- Может быть из-за его возраста.
- Он серьезный, состоятельный. Мы условились, что свадьба состоится на пасхальные праздники.
- Но свадьбы не было. Почему?
- У него были осложнения с документами. Он написал, чтобы ему их выслали, но в то время почта работала ненадежно. Документы не прислали.
- Насколько мне известно, вы с матерью побывали в Рокруа.
- У меня было чувство, что что-то не в порядке. Мы были у мэра, который сообщил нам, что в Рокруа никогда не проживал никакой фабрикант по имени Гуйе.
- Не показалось ли вам это подозрительным?
- Мне было все равно. Я люблю его телом и душой.
- А ваша мать?
- Принуждала меня разойтись с ним. Перестала ему верить.
- Почему же вы это не сделали?
- Не хотела. Договорилась дома, что мама никому ничего не скажет, чтобы она забыла о визите к мэру.
- Ваша мать согласилась?
- Не совсем. Но в конце концов пообещала, что будет молчать. Однако между мной и матерью уже возникло что-то... И я переселилась.
- В квартиру на улице Рошешуар?
- Да. И там я прожила прекраснейшие дни своей жизни. Тогда я написала своему жениху, что встретила единственного на свете человека, которого могу любить.
- Хорошо, мадемуазель Сегре, любовь - это одно дело... Но почему же вы не задумались? Ничего вам не казалось подозрительным? Ведь после возвращения из Рокруа вы должны были понять, что ваш любовник лжет вам в глаза. Неужели и тогда вы его ни о чем не спросили?
- Нет.
- Как же объясняли себе его ложь?
- Говорила себе, что, возможно, он дезертировал, может быть, его разыскивает полиция за то, что он сбежал от жены.
- Вам было все равно?
- Разумеется, ведь я его любила.

Только 7 ноября 1921 года многократный убийца предстал перед судом в Версале. Процесс длился почти месяц. Было выслушано сто пятьдесят свидетелей. Подсудимый держался необычайно спокойно. Отвечал толково, даже иногда дерзко, на протяжении всего процесса не проявил усталости или признаков сомнения, прекрасно владел собой, хотя знал, что речь идет о его жизни.

Ландру не помог ни один из лучших адвокатов того времени, ни знаменитый мэтр Моро-Жеффери, ни заключение психиатров, подтвердивших, что подсудимый страдает тяжелой патологической наследственностью, что он не способен полностью отвечать за свои поступки. Анри Дезире Ландру окончил свою жизнь в Версале под гильотиной 25 февраля 1922 года около шести часов утра. Он отказался от капеллана, рюмки рома и последней сигареты. Перед казнью он еще раз заявил, что не виновен.

Когда палач Дебле поставил точку в деле убийцы, последняя любовница Ландру Фернанда Сегре уехала из Франции. Она работала детской медсестрой в Ливии. Хотела вернуться в театр, но это ей не удалось. В Париже она

появилась только в 1963 году, уже после того, как известный французский режиссер Клод Шаброль снял о ней и Ландру полнометражный фильм. Она подала жалобу на кинокомпанию из-за того, что в сцене в постели ее показывают обнаженной. Она потребовала денежного возмещения в размере двухсот тысяч франков за оскорбление своего имени и памяти незабываемого любовника Ландру. Суд постановил, что ей причитается всего десять тысяч, поскольку "убийцу Ландру уже можно считать исторической личностью, и его личная жизнь принадлежит общественности".

Фернанда Сегре, страдавшая тяжелой болезнью позвоночника, позднее жила в доме для престарелых. В феврале 1968 года ее труп был найден в замковом рву во Флер-де-л'Орне. Она покончила с собой, оставив письмо, в котором объясняла, что не способна уже переносить сильные боли. Конверт с письмом она положила на ночной столик между фотографиями своих родителей и убийцы Ландру, которого любила до конца своей жизни.

(Б. П. Боровичка. Невероятные случаи зарубежной криминалистики. М., 1991)

ПРИГОВОРЕННЫЙ К СМЕРТИ 24 РАЗА

В мае 1924 года на реке Лейне, в районе завода на окраине Ганновера, всплыл человеческий череп. В течение двух недель на том же месте были найдены еще черепа. Экспертиза установила, что они были отделены от туловища каким-то острым орудием и все пять принадлежали мужчинам в возрасте не старше 20 лет. Эти обстоятельства навели уголовный розыск на мысль, что налицо убийство и что убийцу следует искать в гомосексуальных кругах.

По подозрению был арестован некий Фритц Хаарман, 45-летний гомосексуалист, промышлявший скупкой краденого. Под тяжестью улик задержанный сознался в совершенных им злодеяниях. В реке на указанном Хаарманом месте было обнаружено огромное количество человеческих костей, принадлежавших, по заключению специалистов, 24 убитым. Преступник так и не смог вспомнить, скольких людей он подверг мучительным пыткам, приведшим к смерти.

"Я не хотел никого убивать, - твердил на допросах Хаарман. - Мы занимались любовью, от сильного возбуждения я терял сознание, а утром просыпался и находил рядом труп с перекушенным горлом". Беззаботным смехом сопровождал Хаарман свои рассказы о том, как затем скальпировал и разрезал на куски трупы жертв.

Психиатры усмотрели в действиях маньяка симптомы вампиризма. Несмотря на серьезные сомнения в душевной вменяемости подсудимого, Хаармана признали виновным в убийствах и приговорили 24 раза к смертной казни.

(Версия-плюс, № 11, 1996)

МЕЛКИЙ ВОР - БОЛЬШОЙ УБИЙЦА

Каким трудом достигается успех в раскрытии преступлений, хорошо видно на примере случая, ставшего сенсацией для профессионалов и вошедшего в историю криминалистики как триумф использования ею данных естественных наук. Правда, это было более пятидесяти лет назад, с тех пор появилось много новых

средств и методов борьбы с преступностью. Но огромное значение использования криминалистикой данных естественных наук в этом примере особенно показательно. До этого ни разу возможности естественных наук не использовались так широко и не имели столь решающего значения, как в "деле Опитца". В журнале "Общественная безопасность", органе Интерпола, этот случай очень подробно описал начальник брауншвейгской криминальной полиции.

Зимой 1935/1936 года дирекция городской купальни в Брауншвейге неоднократно обращалась в полицию по поводу краж, совершаемых у посетителей. Преступник, вероятно один из посетителей римской паровой бани, подбирая ключи к закрытым кабинам, похищал деньги из кошельков и бумажников, причем всегда только в субботу после обеда.

Все попытки поймать его на месте преступления долго оставались безуспешными, пока наконец это не удалось 25 января 1936 года. Из замаскированного в потолке люка сотрудник бани увидел, как какой-то мужчина открыл чужую кабину и вытащил из кармана брюк деньги. Через несколько минут вора, оказавшегося страховым агентом Фритцем Опитцем, задержали и привели к директору купальни. Поначалу Опитц все отрицал, но затем, уличенный неопровержимыми показаниями свидетелей кражи, в определенной степени сознался. Полицейские обнаружили в его кармане пять ключей, три из которых подходили к кабинам 11-А и 11-В. В углу его кошелька торчала скомканная купюра в двадцать марок.

Опитц смущенно улыбался.

- Я знаю, что вы думаете. Но вы ошибаетесь. Я не вор, а лишь увлеченный ремесленник.

- Изготовление восковых отпечатков ключей тоже относится к вашим талантам? - спросил его один из полицейских.

- Нет, с восковыми оттисками я не работал.

- Каким же способом вы изготавливали поддельные ключи?

- Из купленных болванок. При этом я использовал свои слесарные навыки.

- И для чего все это?

- Я получал большое удовольствие, когда видел, что мои ремесленные навыки оказывались на высоте.

- А кражи вам тоже доставляли удовольствие?

- Этим я только хотел себе доказать, что мое ремесленничество может иметь и практическое значение. "Маленькая рыбка, дело, которое лавров не принесет". Так думали сотрудники криминальной полиции, протоколируя высказывания "умельца" Опитца и желая лишь быстрее пойти домой в этот субботний вечер. Так думал и дежуривший в тот вечер вместо руководителя отдела борьбы с кражами сотрудник, которому доложили об этом случае. Он отпустил Опитца, не опасаясь, что тот скроется. Зачем мелкому воришке скрываться? Он женат, имеет двоих детей, близнецов, прежде ни в чем предосудительном замечен не был, как к страховому агенту претензий к нему нет. Действительно, все выглядело так, будто в сети криминальной полиции попала маленькая рыбка.

В понедельник утром сотрудники отдела краж провели в доме Опитца обыск, который никаких результатов не дал. Они искали очень поверхностно, хотя кто-то и высказал предположение, не является ли Опитц соучастником недавней кражи из брауншвейгского банка. Однако это предположение сочли несерьезным. А какие результаты мог дать обыск, если с субботы до утра понедельника Опитц имел 36 часов для того, чтобы хорошо спрятать все, что не должно было попасть на глаза полиции. Изъяли только тисочки и шесть маленьких напильников, которыми Опитц, вероятно, пользовался при изготовлении

поддельных ключей. Итак, криминальная полиция завершила расследование "кражи в городской купальне", и прокурору оставалось лишь составить обвинительное заключение. Возможно, Опитц, как мелкий воришка, отделался бы небольшим или даже условным наказанием, если бы в дело не вмешался случай.

Месяц спустя двое подростков выловили в пруду необычные предметы: два пистолета без стволов, самострел, также без ствола, пять ключей и портфель с тридцатью браслетами и цепочками различной ценности. Все это они сдали в брауншвейгскую полицию, где находка пролежала несколько недель, пока не попала на глаза начальнику полиции государственному советнику Шраепелю. Он внимательно осмотрел оба пистолета системы "маузер" калибра 7,65 мм и решил проверить, не связано ли это оружие каким-либо образом с тремя случаями разбоев в 1933 году и другими многочисленными нападениями, начавшимися в Брауншвейге еще в 1931 году. По его указанию была тщательно осмотрена местность у пруда.

Обнаружили кобуру для пистолета, по-видимому самодельную, какой-то кожаный ящик без крышки, также ручной работы, две пистолетные обоймы с пятнадцатью патронами калибра 7,65 мм, кожаную шапку и кусок воска, на котором были заметны четкие отпечатки бороздок ключа.

Но этого Шраепелю было мало, и когда вода в пруду спала, поиски продолжились. Были найдены семь болванок для ключей и картонная коробка с патронами для осветительных ракет. В гильзах трех таких ракет осветительная масса была заменена крупной дробью.

Заготовки для ключей тотчас же напомнили начальнику полиции дело о кражах из городской купальни и то, что у страхового агента Опитца обнаружили пять поддельных ключей. Но Шраепель, конечно, еще не видел связи этих мелких краж с самыми крупными преступлениями, когда-либо совершенными в Брауншвейге. Если даже болванки ключей, найденные в пруду, принадлежат Опитцу, то какое он имеет отношение к пистолетам, самострелу и осветительным ракетам, также лежавшим на дне? Может быть, не Опитц, а кто-то другой бросил их в пруд? Одни лишь предположения мало что значили. Это Шраепель прекрасно понимал. Тогда он решил поближе познакомиться с прошлым Опитца.

Знакомство это не дало ничего, что хотя бы косвенно говорило о возможности совершения Опитцем преступлений. Опитц окончил гимназию, затем стал военным моряком. Война 1914 года застала его в Рижском порту, где он был взят в плен. После освобождения из плена он еще два года плавал матросом, а затем с 1920 года проживал в Брауншвейге. В 1915 году он был привлечен к суду за оскорбление и приговорен к штрафу. Оскорбление заключалось в том, что он обнажался перед женщинами, т. е. страдал эксгибиционизмом. Но человек с такими сексуальными отклонениями совсем не обязательно должен быть преступником. И все-таки опытный начальник полиции чувствовал: с Опитцем не все в порядке.

При повторном, на этот раз тщательном обыске в доме Опитца нашли довольно необычное сочетание различных предметов: остатки кожаного шлема для мотоциклиста, ящик с обрезками кожи, ножницы для жести, листы алюминия, пять карманных фонариков, остатки черного шнура, два мотка шпагата, кусок воска, полевой бинокль в кожаном футляре и почти полное оборудование слесарной мастерской. Принадлежали ли все эти предметы любителю помастерить или опасному преступнику?

- Я могу лишь еще раз повторить, что очень люблю ремесленничать, - заверял Опитц. - Правда, я должен признать, что эта страсть привела меня к преступлению. Вот все, что я могу сказать.

Таковы были объяснения Опитца и на допросах. На вопросы о том, почему

он бросил в пруд пистолеты, самострел, патроны, ключи и все остальное, он постоянно отвечал:

- Вы хотите знать, почему я это сделал? А я вас спрашиваю: почему именно я это сделал? Почему, собственно говоря? Почему?

Шраепель должен был признать, что так дело дальше не продвинется. Чтобы уличить Опитца, нужны были объективные доказательства. А Шраепель интуитивно чувствовал: Опитц причастен к каким-то из 57 нераскрытых разбойных нападений и к большому числу других преступлений, в том числе к убийствам, совершенным в районе Брауншвейга. Чтобы доказать все это, нужен был такой мощный союзник, как естественно-научные методы криминалистики.

КОШМАР БРАУНШВЕЙГА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

Шраепель начал тщательно знакомиться с материалами уголовных дел о серии страшных преступлений, подобных которым в Германии прежде не встречалось. Это был длинный ряд преступлений, совершенных в Брауншвейге и его окрестностях с 1928 по 1934 год, цепь ужасов и террора.

Сначала все выглядело как проделки хулиганов, которые наваливали камни на железнодорожные рельсы, чтобы остановить поезд. Затем такие случаи участились. Расследование показало, что дело значительно серьезнее, чем простое хулиганство. Это напоминало действия организованной банды, планомерно осуществлявшей нападения. В одном случае путь загорали камнями, в другом отвинчивали гайки, скреплявшие рельсы, в третьем разрушали стрелки и сигнализацию.

Спустя какое-то время преступники стали стрелять в локомотивные бригады, тяжело ранили трех железнодорожников. Обстрел велся как пулями, так и крупной дробью. Несмотря на все усилия, застать преступников на месте преступления не удавалось. Находили только следы: отпечатки подошв обуви длиной 29 см и шириной 10 см с каблуком длиной 7 см и шириной 6,5 см, четыре гильзы, пули и дробь.

Число нападений достигло уже 64, когда в 1934 году по подозрению в совершении этих преступлений были арестованы два железнодорожных полицейских. Им вменялось в вину также присвоение 30 тысяч марок. Последнее они полностью признали, но категорически отрицали свою причастность к нападениям на железной дороге. Их оправдания ни к чему не привели, и они были приговорены к лишению свободы, несмотря на крайне сомнительные доказательства их вины. Верховный суд жалобы полицейских оставил без удовлетворения.

Сомневаясь в виновности полицейских, начальник брауншвейгской полиции продолжал изучать материалы дел о преступлениях на железной дороге. Он наткнулся на интересный факт. Обстрел проводился дробью № 1, тогда как охотничьи патроны чаще всего снаряжались дробью № 16. Стреляя дробью № 16, преступник должен был бы находиться вблизи железнодорожных путей, так как дальность полета этой дроби невелика. Дробь же № 1 летит значительно дальше, и потому стрелок мог находиться на большом расстоянии от поезда. Шраепель натолкнулся и на высказывания двух железнодорожников, которые в момент выстрела смотрели в окно поезда и видели яркую вспышку совсем близко от локомотива, но в ее свете стрелявшего человека видно не было.

"Итак, вспышку выстрела видели совсем рядом с поездом, а стрелявшего не было видно. Почему это произошло? - рассуждал начальник полиции. - Может быть, стрелявший лежал в укрытии или же оружие было где-то закреплено, а к

курку привязан шнур? А может, был установлен самострел, который приводился в действие проходящим поездом?" Шраепель чувствовал, что он на правильном пути в своих рассуждениях, но понимал, насколько трудно будет раскрыть эти преступления. Преступник, по-видимому, обладает некоторыми криминалистическими познаниями. Последнее опять заставило думать об Опитце, так как при обыске у него обнаружили очень много детективной литературы, учебники по криминалистике и даже чисто профессиональный журнал "Архив криминологии".

Изучив дела о 57 разбойных нападениях, Шраепель установил, что они начались сразу же после того, как вдруг прекратились нападения на железной дороге. Была ли тут какая-нибудь связь? Может быть, здесь действовал один и тот же преступник, который вдруг потерял интерес к нападениям на железной дороге и переключился на разбойные нападения? Так же как и при разбойных нападениях на железной дороге, все началось с незначительных преступлений, которые становились все более опасными и в конце концов привели к убийствам.

В первых сообщениях говорилось о незнакомом мужчине, который нападал на уединившиеся в парке или в лесу парочки. Мужчина внезапно возникал перед ними, ослеплял светом сильного электрического фонаря и с пистолетом в руке требовал денег. Забрав добычу, он бесследно исчезал в темноте. Нападал он и на парочки в уединенно стоявших автомашинах. Незнакомец внезапно сильным ударом выбивал стекло в машине и, угрожая пистолетом, требовал денег. Если пассажиры реагировали недостаточно быстро, он делал несколько предупредительных выстрелов.

Постепенно преступник ожесточился. Не получая денег сразу же, он бил потерпевших, простреливал покрышки на колесах автомашин. Были и случаи нападения на повозки с людьми, и если возница пытался скрыться, преступник стрелял в лошадей. Нападения становились все более дерзкими, например, прежде чем напасть на одну автомашину, он приводил в негодность другие, стоявшие рядом, чтобы его не на чем было догнать.

В течение одной ночи он стал уже совершать по несколько нападений. Никто не чувствовал себя в безопасности. Разбойник стал кошмаром всего Брауншвейга и его окрестностей. Чего только не предпринимала полиция для его задержания, но это никак не удавалось. Разыскиваемый все время ускользал, постоянно он оказывался более быстрым, чем полиция, и как сквозь землю проваливался. Иногда только на месте нападения оставались патронные гильзы - единственные видимые следы.

Знакомясь с донесениями о нападениях и протоколами допросов потерпевших, начальник полиции обратил внимание на некоторые обстоятельства, в определенной степени противоречащие его версии о том, что преступление совершал один Фридрих Опитц. Так, некоторые из потерпевших утверждали, что перед нападением их освещали двумя сильными электрическими фонарями, каждый из которых двигался самостоятельно, то есть преступников было двое. Однако, будучи ослеплены, они самих нападавших не видели. Другие же замечали только пистолет в руке разбойника, который после угрозы избивал их. Несмотря на такие противоречия, Шраепель все-таки оставался при мнении, что преступником, судя по всему, был Опитц. Но для того чтобы предъявить подозреваемому обвинение в целом ряде нераскрытых преступлений, совершенных в прошлые годы, начальник полиции должен был убедить в его виновности прокурора, а для этого нужны были неопровержимые доказательства. А пока Опитц все еще официально считался мелким воришкой, похищавшим у посетителей бани небольшие суммы денег.

Но Шраепель не только изучал материалы нераскрытых уголовных дел - он

поручил своим сотрудникам собирать любые сведения о подозреваемом. Так, у сотрудников страховой компании, где работал Опитц, удалось узнать, что у него стало своего рода спортивным увлечением выслеживать в темноте уединившиеся парочки, наблюдать их интимное поведение, а на следующий день рассказывать об этом на работе во всех подробностях. Эта информация очень заинтересовала начальника полиции, так как преступник начал серию нападений с уединившихся любовных парочек. Не являлась ли она одним из косвенных доказательств того, что этот незаметный страховой агент и опасный разбойник - одно и то же лицо?

Коллеги по работе рассказали еще о некоторых необычных чертах его характера. Так, молчаливый и сдержанный Опитц буквально преображался, когда рассказывал о каких-нибудь несчастных случаях или преступлениях, память на которые у него была буквально феноменальная. Спустя много лет он помнил о каждом случае самоубийства, каждом заметном преступлении или несчастном случае. Поэтому никого не удивляли его рассказы о мельчайших подробностях преступлений, совершенных на железной дороге, о личности возможного преступника и даже о том, когда эти нападения вновь произойдут. Товарищей по работе только поражало его "ясновидение", так как предсказания всегда сбывались. Это "ясновидение" ни в коей мере не удивило начальника полиции, лишь усилило его подозрения в отношении Опитца.

Но все это были лишь догадки и незначительные косвенные доказательства. Нужны были иные доказательства, достаточные для признания Опитца виновным и его осуждения. Но не было ни признания подозреваемым своей вины, ни свидетельских показаний, прямо указывающих на конкретного виновника. Оставалась только надежда на использование естественнонаучных методов современной криминалистики. Только это могло бы в случае удачи разоблачить опаснейшего преступника.

При расследовании криминалисты исходили из предположения, что многочисленные предметы, найденные в пруду, принадлежали Опитцу. От правильности этого предположения зависела возможность отнести к делу и многие другие доказательства. Прежде всего, требовалось выяснить, одними ли инструментами обработаны ключи, изъятые при аресте у Опитца и обнаруженные в пруду. Затем нужно было доказать, что ключи из пруда и найденные там другие предметы, такие, как части кожи, гильзы и осветительные ракеты, происходят из одного источника. И еще нужно было доказать, что эта находка принадлежит лицу, совершавшему преступления на железной дороге и многочисленные разбойные нападения. При наличии таких доказательств было бы уже нетрудно загнать Опитца в угол. Если во всех деталях установить, как он действовал при нападениях, какую технику применял, то он признает свой проигрыш. Но для того, чтобы получить эти доказательства, детективам в белых халатах надо было проявить все свое умение.

Прежде всего они занялись ключами. На двух ключах был нацарапан номер 13-А. Один из этих ключей эксперты обозначили номером 1 (это был ключ, найденный в пруду), а второй номером 2 (ключ, изъятый у Опитца после ареста в городской купальне). Ключ № 2 легко открыл кабину 13-А, ключ № 1, хотя внешне и был таким же, замок не открывал, так как один из его зубцов на бороздке был слишком короток. При изготовлении ключа № 2 этот недостаток был устранен. Следовательно, не случайно ключ № 1 оказался выброшен. Присущий ему недостаток исправить было уже нельзя.

Криминалисты также со всей очевидностью установили, что цифра "3" и буква "А" на обоих ключах содержат признаки почерка Опитца. Определили также, что оба ключа обрабатывались одним и тем же напильником, причем

напильник держали в одном и том же положении.

Этих доказательств было уже достаточно для того, чтобы любой суд убедился: ключи из пруда и из бани принадлежали одному и тому же лицу. Но доктор Неринг, проводивший экспертизу по поручению полиции, на этом не остановился.

Удалось доказать, что частицы желтого и белого кварцевого песка из портфеля, найденного в пруду, аналогичны частицам песка, обнаруженного в складках и швах голубой куртки Опитца. В портфеле были также обнаружены несколько волокон хлопковой пряжи, совпадавшей по структуре и цвету с волокнами ткани куртки, в которой Опитц был в момент ареста.

Сотрудники криминалистической лаборатории выяснили еще некоторые немаловажные детали. Так, ни на одном из предметов не было найдено следов табака, в то же время на многих вещах имелись крошечные частицы шоколада. Таким образом, даже если предполагать, что владельцами исследованных вещей были разные люди, то, по-видимому, они оба не курили и оба ели шоколад. Установили также, что суровые нитки, использованные при изготовлении кобуры, найденной в пруду, и нитки из мотка, обнаруженного при обыске у Опитца из одного и того же материала и совпадают по другим физическим признакам.

Круг доказательств все время расширялся. Вскоре выяснилось, что волосы на подкладке кожаной шапки идентичны с волосами Опитца, крышки автомашин прокалывались шилом, принадлежащим Опитцу.

Но еще немало загадок оставалось. Откуда взялись электрические фонари, двигавшиеся независимо друг от друга, о которых говорили потерпевшие? Куда делись многочисленные гильзы, которые должны были оставаться на местах происшествий после выстрелов? Ведь преступник исчезал так быстро, что он просто не мог успеть подобрать гильзы. Между тем лишь в нескольких случаях на местах происшествия было найдено по одной гильзе.

И тут выявилось совершенно неожиданное. По следам на оружии, сопоставляя их с найденными предметами, криминалисты установили, что к своему маузеру Опитц алюминиевыми полосками прикреплял маленький кожаный

ящичек, в который и падали гильзы после выстрелов. Этот самодельный ящичек, назначение которого сначала было неясно, и обнаружили в пруду. К этому же ящичку прикреплялся один из фонарей, а другой был укреплен в петле на кожаной шапке. Так объяснялась загадка с двумя независимо двигавшимися фонарями.

Очень важным было исследование оружия, а также использованных пуль и гильз. Здесь помимо доктора Неринга к проведению экспертизы подключился и профессор Брюнинг, который раньше уже занимался исследованиями, связанными с нападениями на железной дороге. Еще тогда он установил, что из 33 патронных гильз и шести пуль или их остатков, найденных при осмотре мест 48 нападений, одна гильза выстрелена из малокалиберной винтовки, другая из пистолета калибра 6,35 мм, а все остальные из маузера калибра 7,65 мм. Тогда, в 1933 году, когда об Опитце и речи не было, эти сведения мало что давали, сейчас же они приобретали новое значение.

Криминалистические исследования также подтвердили, что найденные в пруду осветительные ракеты точно подходили к самострелу, принадлежавшему Опитцу. Все гильзы, которые, несмотря на улавливающий ящичек, все-таки иногда падали на землю, были выстрелены из пистолетов системы "маузер", найденных в пруду вместе с другими вещами, принадлежавшими Опитцу.

Основываясь на всех этих доказательствах, криминальная полиция предъявила Фридриху Опитцу обвинение в совершении 122 тяжких преступлений.

Прокурор согласился с доказанностью лишь 44 преступлений, в том числе трех разбойных нападений. В других случаях прокурор считал заключения экспертов недостаточными, тем более что свидетельские показания не всегда были надежны, а Опитц свою вину категорически отрицал.

11 июня 1937 года за два убийства, несколько покушений на убийства, неоднократные разбойные нападения и ряд других преступлений Опитц был дважды приговорен к смертной казни.

Криминальная полиция данным приговором брауншвейгского суда присяжных была, конечно, не удовлетворена, так как считала, что доказано гораздо больше преступлений. И криминалисты были правы. 9 июля 1937 года Опитц сам обратился к прокурору Брауншвейга с письмом, в котором признал совершение значительно большего числа преступлений и очень подробно описал их.

Толчком к признанию послужил арест его жены как соучастницы, и он стал доказывать, что она ничего не знала.

После этого признания полиция вновь предъявила Опитцу обвинение во множестве преступлений. Убийца с ужасающим хладнокровием детально описал всю технику осуществления каждого из них. При этом его признания выходили далеко за рамки тех преступлений, которые полиция вменяла ему в вину. Опитц рассказал также, почему он стал преступником.

- Как я помню, все началось с того, что во время отпуска у меня кончились деньги и мне пришла в голову мысль кого-нибудь ограбить. В дальнейшем возникали и другие причины: жажда приключений, желание проверить свои криминалистические познания, любовь к оружию.

Опитц признал, что нападения на железной дороге тоже его рук дело. Как уже указывалось, полиция это только предполагала, но вменить ему в вину не смогла. Теперь признания Опитца были детально проверены, ведь речь шла уже не только о его судьбе, но и судьбе двух железнодорожников, которые были осуждены за нападения на поезда и отбывали наказание, будучи невиновными. Чтобы прояснить эту ситуацию, четыре гильзы, найденные в декабре 1929 года на месте происшествия, а также одну пулю, застрявшую на излете в ботинке одного из обстрелянных потерпевших, направили в Берлин профессору Брюнингу. Его заключение снимало все сомнения. Три из четырех гильз, а также пуля были выстрелены из пистолета системы "маузер", принадлежавшего Опитцу. Невиновные железнодорожники были освобождены.

Казнь многократного убийцы, разбойника и террориста Фридриха Опитца состоялась 12 октября 1937 года. Хладнокровно и сосредоточенно, но с несомненным вниманием он до последнего своего мгновения рассматривал гильотину - до тех пор, пока ее нож не упал.

(Х. Хефлинг. Шерлок Холмс в наши дни. М., 1991)

"ИГРАЛ РОЛЬ ДЖЕНТЛЬМЕНА СО СВОИМИ ЖЕРТВАМИ, ЕСЛИ ОНИ НЕ СОПРОТИВЛЯЛИСЬ"

Алексей Аджубей (зять Хрущева) вспоминал: "Бериевский особняк находился на углу Садово-Три-умфальной и улицы Качалова, неподалеку от высотного здания на площади Восстания. Собственно, на Садовое кольцо на улицу Качалова выходит высокий каменный забор, из-за которого не видно приземистого дома. Проходя мимо забора, москвичи прибавляли шаг и помалкивали. В те времена каждого провожал тяжелый взгляд наружных охранников.

Однажды в 1947 году я был там на помолвке сына Берия - Серго. Он

женится на красавице Марфе Пешковой, внучке Алексея Максимовича Горького. И Марфа, и жених держали себя за столом сдержанно, да и гости не слишком веселились. Пожалуй, только Дарья Пешкова, младшая сестра Марфы, студентка Театрального училища имени Щукина, чувствовала себя раскованно.

Чуть позже в этом же доме поселилась любовница Берии - семнадцатилетняя Л., родившая ему дочь.

Нина Теймуразовна терпела ее присутствие - видимо, иного выхода не было. Рассказывали, что мать Л. устроила Берия скандал, отхлестала его по щекам, а он стерпел. Не знаю, было ли так на самом деле, однако девица чувствовала себя в особняке прекрасно, и мама, видимо, тоже смирилась.

Я часто встречаю ее, теперь уже немолодую, но до сих пор оборотительную блондинку, и всякий раз думаю: вполне соединимы любовь и злодейство".

Алан Вильяме так характеризовал сексуальные наклонности Берия:

"Гетеросексуален с явной склонностью к молоденьким девочкам. Не избегал зрелых женщин, особенно актрис и балерин, с которыми заводил длительные романы. Всегда играл роль джентльмена со своими жертвами, если они не сопротивлялись.

В противном случае применял снотворное или силу. Был очень щедр с теми, кто ему понравился. Любил девушек-спортсменок, которых ему поставлял полковник Саркисов через председателя советского спорткомитета. Особенно любил рыжеволосых девушек Сванетии, придерживающихся строгих нравов и доставлявших тем полковнику Саркисову немало трудностей.

Жена Нина имела репутацию "самой красивой женщины Грузии". Из стенограммы июльского (1953 года) Пленума ЦК КПСС: "Нами обнаружены

многочисленные письма от женщин интимно-пошлого содержания. Нами обнаружено большое количество предметов мужчины-развратника (речь идет о результатах обыска в его служебном кабинете в здании Совета Министров СССР и Кремле). Эти вещи ратуют сами за себя, и, как говорится, комментарии излишни..."

Зачитаю показания некоего Саркисова, на протяжении 18 лет работавшего в охране Берия. Последнее время он был начальником его охраны. Вот что показал этот самый Саркисов: "Мне известны многочисленные связи Берия со всевозможными случайными женщинами. Мне известно, что через некую гражданку С. (разрешите мне фамилии не упоминать) Берия был знаком с подругой С, фамилию которой я не помню. Работала она в Доме моделей... Кроме того, мне известно, что Берия сожительствовал со студенткой Института иностранных языков Майей. Впоследствии она забеременела от Берия и сделала аборт. Сожительствовал Берия также с 18 - 20-летней девушкой Лялей... Находясь в Тбилиси, Берия познакомился и сожительствовал с гражданкой М. После сожительства с Берия у М. родился ребенок... Мне также известно, что Берия сожительствовал с некой Софьей. По предложению Берия через начальника санчасти МВД Волошина ей был сделан аборт. Повторю, что подобных связей у Берия было очень много.

По указанию Берия, я вел список женщин, с которыми он сожительствовал (смех в зале). Впоследствии, по его предложению, я этот список уничтожил. Однако один список я сохранил. В этом списке указаны фамилии... более 25 таких женщин. Список, о котором говорит Саркисов, обнаружен... Год или полтора назад я совершенно точно узнал, что в результате связей с проститутками он заболел сифилисом. Лечил его врач поликлиники МВД Ю. Б., фамилию его я не помню. Саркисов".

Антон Владимирович Антонов-Овсеенко имел относительно Берия такое

мнение:

"Он был не просто подручным палача, он утвердился в столице как устроитель новой жизни. В реализации сталинского плана перерождения общества и уничтожения личности Берия показал себя подлинно государственным мужем.

Необозримы преступления, совершенные им под сталинской дланью, рядом с генсеком. Ныне, спустя десятилетия, многие спрашивают: "Мог ли натворить подобное нормальный человек?" Семьянин. Как ему это удалось, жениться на Нино Гегечкори? Она происходила из знатного, всеми уважаемого старинного рода.

Дядя, Евгений Гегечкори, был министром иностранных дел Грузии в меньшевистском правительстве и членом Государственной Думы. До становления Советской власти ему довелось сидеть в одной тюрьме с Лаврентием Берия. Так они и познакомились. Родство с Гегечкори в какой-то мере облегчило Берия путь наверх.

Он женился на шестнадцатилетней Нино в Баку и переехал в 1922 году в Тифлис вместе с ней. Вскоре у молодой четы родился сын.

Нино - наделенная редкой красотой, блондинка с чудными голубыми глазами. Могла ли она предполагать, что ее судьба пересечется с судьбой этого человека.

У Берия была сестра, глухонемая от рождения, Тамара. Когда ее оборотистый брат стал наркомом внутренних дел СССР, убогую взял в жены мелкий делец, некий Николай Квичидзе. Он торговал на улицах водой и теперь справедливо полагал свою карьеру обеспеченной. Но Берия разом покончил с этими надеждами.

- Ты как на ней женился? - спросил он нового родственника.

- Я полюбил ее.

- Ах, ты... Как же ты мог полюбить такую?!

И все же пришлось подыскать для Квичидзе подходящую должность - начальника отдела рабочего снабжения (ОРС) управления Закавказской железной дороги.

Супруга Берия, Нино Теймуразовна, была приветлива и скромна, по тифлисским улицам ходила пешком, сына воспитала добрым, честным. Судьба матери оказалась незавидной. Она не могла не слышать о грязных похождениях супруга, об этом говорил весь Тифлис, но Нино Берия мужественно несла свой горестный груз и никому не жаловалась.

Серго Берия с первых дней Второй мировой войны был радистом разведгруппы за пределами СССР, в двадцать восемь - руководитель сверхсекретного КБ, доктор наук, главный конструктор ракетно-космических систем, принимавший участие в испытаниях первой атомной и разработках водородной бомбы, много сделавший для обороны.

Рассказывает Серго Берия:

"И о моем отце, и о нашей семье за последние сорок лет неправды написано много. Прожив 87 лет, мама, любившая отца всю жизнь, умерла с твердым убеждением, что все эти домыслы, откровенные сплетни понадобились партийной верхушке, - а это от нее исходила ложь об отце - лишь для того, чтобы очернить его после трагической гибели.

Кому не знакома, скажем, легенда о похищенной Лаврентием Берия своей красавицы невесты. В одной из "биографических" книг, изданных на Западе, но хорошо известной и у нас, автор утверждает, что в конце 20-х годов мой отец приехал в Абхазию в собственном роскошном поезде с какой-то проверкой хозяйственных дел в республике и повстречал здесь мою будущую мать. Девушка ему понравилась, и он ее похитил. Сегодня эта "байка" кочует из одной

публикации в другую, и никто почему-то не задумывается над фактами. А ведь стоит, наверное".

Конечно, стоит! А вот и "байка", изложенная в книге Тадеуса Уиттлина "Комиссар":

"Находясь в конце 20-х годов в Абхазии, - рассказывает Тадеус Уиттлин, - Берия жил в роскошном специальном поезде, в котором он приехал в Сухуми. Поезд стоял на запасных путях, на некотором расстоянии от здания станции, и состоял из трех пультмановских вагонов: вагона-спальни, салон-вагона с баром и вагона-ресторана.

В тот вечер, когда Берия собирался отправиться в Тбилиси, около станции к нему подошла девушка лет шестнадцати, среднего роста, с черными глазами и доброй комплекции. Девушка приехала из родной мингельской деревни, соседствовавшей с деревней Мерхеули, откуда родом был сам Берия. Она просила его заступиться за ее арестованного брата.

Берия заметил красоту девушки. Якобы желая получить дополнительные детали о брате, он пригласил ее в поезд, но не в салон и не в ресторан.

В спальном купе Лаврентий приказал девушке раздеться. Когда она, испуганная, хотела убежать, Берия запер дверь. Затем он ударил ее по лицу, скрутил руки за спиной, толкнул на кровать, навалился на нее всем телом. Девушка была изнасилована.

Берия продержал девушку всю ночь. На следующее утро он приказал своему ординарцу принести завтрак на двоих. Перед тем как уехать по делам, Лаврентий снова запер свою жертву. Берия был покорен свежестью и очарованием этой девушки, он также понял, что она именно тот тип, который полностью соответствует его чувствительности. Она была молода и невинна, но выглядела созревшей. Она была скромна, изящна, но ни в коем случае не худа. У нее были маленькие груди, большие глаза, излучавшие добрый свет, и пухлый чувственный рот.

Было бы глупо с его стороны отказаться от такого создания природы. Берия провел еще несколько дней в Сухуми, проверяя выполнение пятилетнего плана 1928 - 1933 годов в деле строительства местных дорог и шоссе, нового жилья, больниц и школ. Все это время он держал свою маленькую пленницу запертой в поезде".

Серго Берия: "Мама моя, Нина Теймуразовна, моложе отца на шесть лет - она родилась в 1905 году. Отец ее - Теймураз Гегечкори - выходец из дворянского рода. Мать ее, моя бабушка, Дарико Чиковани, Дарья, княжеского происхождения. Мама окончила сельскую школу в мингрельской деревне, затем гимназию. Воспитывалась она в семье дяди Саши Гегечкори. Тот был большевиком. На его конспиративную квартиру и приходил мой отец. Они и познакомились с мамой благодаря Саше Гегечкори.

В конце 20-х я уже собирался в первый класс одной из школ моего родного Тбилиси".

А познакомились мои родители, как я уже говорил, гораздо раньше. Отец сидел в одной камере Кутаисской тюрьмы вместе с Сашей Гегечкори. Моя мама навещала дядю. Так и познакомились. Достаточно сопоставить некоторые факты, даты, и версия похищения рассыпается, как карточный домик, но этого почему-то не делают. Я уже не говорю о том, что никакого специального поезда молодой чекист Лаврентий Берия и в глаза не видел - не тот уровень.

Когда мы переехали из Тбилиси в Москву, отец получил квартиру в правительственном доме, его называли еще Домом политкаторжника. Жили там наркомы, крупные военные, некоторые члены ЦК. Как-то в нашу квартиру заглянул Сталин: "Нечего в муравейнике жить, переезжайте в Кремль!" Мама не

захотела. "Ладно, - сказал Сталин, - как хотите. Тогда распоряжусь, пусть какой-то особняк подберут".

И дачу мы сменили после его приезда. В районе села Ильинское, что по Рублевскому шоссе, был у нас небольшой домик из трех комнаток. Сталин приехал, осмотрел и говорит: "Я в ссылке лучше жил". И нас переселили на дачу по соседству с Кагановичем, Орджоникидзе. Котлов и бассейнов ни у кого там не было. Запомнилась лишь дача маршала Конева. Он привез из Германии и развел у себя павлинов.

Мать, как и другие жены членов Политбюро, в магазин могла не ходить. Существовала специальная служба. Например, комендант получал заказ, брал деньги и привозил все, что было необходимо той или иной семье. А излишества просто не позволялись, если даже появилось у кого-то из сталинского окружения такое желание. Лишь один пример: вторых брюк у меня не было. Первую шубу в своей жизни мама получила в подарок от меня, когда я получил Государственную премию. И дело не в том, что отец с матерью были бедные люди. Конечно же нет. Просто в те годы, повторяю, не принято было жить в роскоши. Сталин ведь сам был аскет. Никаких излишеств! Естественно, это сказывалось и на его окружении.

Он никогда не предупреждал о своих приходах. Сам любил простую пищу и смотрел, как живут другие. Пышных застолий ни у нас, ни на дачах Сталина, о которых столько написано, я никогда не видел. Ни коньяка, ни водки. Но всегда хорошее грузинское вино. Это потом уже руководители страны почувствовали вкус к роскоши.

Когда я говорю об отце, всплывают в памяти давно забытые картины детства. Скажем, я с детства интересовался техникой, и отец это всячески поощрял. Ему очень хотелось, чтобы я поступил в технический вуз и стал инженером. Довольно характерный пример. Понятное дело, ему ничего не стоило даже тогда разрешить мне кататься на машине. Как бы не так... Хочешь кататься - иди в гараж, там есть старенькие машины. Соберешь - тогда гоняй. Старенький "фордик" я, конечно, с помощью опытных механиков собрал, но дело не в этом. Отец с детства приучал меня к работе, за что я ему благодарен и по сей день.

Принесет стопку иностранных журналов и просит сделать перевод каких-то статей или обзор тех или иных материалов. Теперь-то я понимаю: если бы дело было серьезным, неужели не поручил бы такую работу профессиональным переводчикам? Просто заставлял таким "хитрым" образом трудиться. И отец, и мать моему воспитанию уделяли много внимания, хотя свободного времени у обоих было, понятно, маловато. Заставляли серьезно заниматься языками, музыкой, собственным примером приобщали к спорту.

Еще в школе я выучил немецкий, английский, позднее - французский, датский, голландский. Немного читаю по-японски. Стоит ли говорить, как это пригодилось мне в жизни...

Как и все мы, отец был непривередлив в еде. Быт высшего эшелона, разумеется, отличался от того, который был присущ миллионам людей. Была охрана, существовали определенные льготы, правда, абсолютно не те, которыми партийная номенклатура облагодетельствовала себя впоследствии. Приходила девушка, помогавшая в уборке квартиры, на кухне. Был повар, очень молодой симпатичный человек, и, если не ошибаюсь, он даже имел соответствующую подготовку - окончил нечто наподобие знаменитого хазановского кулинарного техникума. Но, как выяснилось, опыта работы он не имел, что, впрочем, ничуть не смутило домашних. Мама сама готовила хорошо, так что наш повар быстро перенял все секреты кулинарного мастерства и готовил вполне сносно.

Предпочтение, естественно, отдавалось грузинской кухне: фасоль, ореховые соусы. Если ждали гостей, тут уж подключались все. Особых пиршеств не было никогда, но всегда это было приятно. Собирались ученые, художники, писатели, военные, навещали близкие из Грузии, друзья. Словом, все как у всех.

Я еще раз повторяю, вся жизнь отца проходила на глазах семьи. Срывы, наверное, были, у каждого человека есть какие-то слабости, но такие похождения - вздор. Если уж на то пошло, могу рассказать о девушке, которая действительно была любовницей отца, но никогда об этом никому не рассказывала.

Я был уже взрослым человеком, но отношения с отцом оставались у нас на редкость доверительные. Как-то зовет к себе. "Надо, - сказал, - с тобой поговорить. Я хочу, чтобы ты знал: у меня есть дочь. Маленький человечек, который мне не безразличен. Хочу, чтобы ты об этом знал. В жизни, - сказал, - всякое может случиться, и ты всегда помни, что у тебя теперь есть сестра. Давай только не будем говорить об этом маме..."

Мама умерла, так и не узнав о той женщине. Просьбу отца я выполнил. А женщину ту я видел. Было ей тогда лет 20, может, немного больше. Довольно скромная молодая женщина. Жизнь у нее, правда, не сложилась. Вышла замуж, родился второй ребенок. Муж погиб. Снова вышла замуж... Отец ее был служащим, мать - учительница. А сейчас у моей сводной сестры самой, естественно, дети.

Одно время она была замужем за сыном члена Политбюро Виктора Гришина. Когда Гришин узнал, что его сын собирался жениться на дочери Берия, решил посоветоваться с Брежневым. Насколько знаю, Леонид Ильич отреагировал так:

- Хорошо, а какое это имеет отношение к твоему сыну? И что ты делаешь вид, будто не знаешь, что все это дутое дело...

Смерть Сталина я воспринял, скажу откровенно, двояко. В основном, мне было жаль Светлану, его дочь. Она ведь - я это хорошо знал - и до этого была одиноким человеком, а после смерти Сталина жизнь ее и вовсе не заладилась. Внешне, конечно, и Хрущев, и Ворошилов, к примеру, ее опекали, на самом же деле, эти люди прекрасно знали очень слабую психику Светланы и подталкивали ее к тому, что в конце концов и случилось...

Запомнилась дочь Сталина умной, скромной девочкой. Хорошо знала английский. Очень была привязана к моей матери. Уже во время войны попал я в одну неприятную историю, связанную со Светланой. После возвращения с фронта подарил ей трофейный вальтер. Проходит время и в академию, где я учился, приезжает генерал Власик, начальник личной охраны Сталина.

- Собирайся, - говорит, - вызывает Иосиф Виссарионович.

Приезжаю. Никогда раньше такого не было, чтобы вызывал. Поговорили немного о моей учебе, а потом и говорит:

- Это ты Светлане револьвер подарил? А знаешь, что у нас дома с оружием было? Нет? Мать Светланы в дурном настроении с собой покончила...

Я обалдел. Знал, что мать Светланы умерла, но о самоубийстве никто у нас в доме никогда не говорил.

- Ладно, - сказал Сталин, - иди, но за такие вещи вообще-то надо наказывать...

Как-то, вспоминая, Ежов приехал к нам домой вместе с женой. Был уже нетрезв.

- Что же, - сказал за столом. - Я все понимаю, моя очередь пришла...

Ежов успел отравить жену. Может, и не по-человечески это звучит, но в какой-то мере ей повезло - избежала всех тех страшных вещей, которые ее

ожидали".

"БАНДИТ С КРАСНЫМ ФОНАРЕМ"

Если с наступлением темноты выехать из Сан-Франциско на широкую автостраду в направлении к Лос-Анджелесу, уже очень скоро в ночном небе становится заметной полоса света, яркая, как над огромными увеселительными парками крупных городов. А еще через несколько миль эта полоса рассыпается на тысячи отдельных световых пятен. Особенно резкие, почти белые - это прожекторы, а пять бесконечно длинных рядов тускло-желтых точек, взгромоздившихся друг на друга, - это девятьсот с лишним окон каторжной тюрьмы Сан-Квентин.

Каждый вечер, точно в 22 часа 30 минут, огни в окнах гаснут, и в свете сотен прожекторов мрачные тюремные стены кажутся таинственной крепостью, взмывающей прямо в небо. Отдельные белые лучи непрерывно ошупывают северный блок тюремного комплекса. Когда свет добирается до крыши, становится видна вентиляционная шахта газовой камеры - символ смерти, нависшей над тюрьмой.

11 лет 10 месяцев и 7 дней провел под этой шахтой в "ряду смерти" - на этаже, где в одиночных камерах ждут своего часа приговоренные к казни, - Кэрил Че-смэн, один из самых знаменитых арестантов Америки. Восемь раз за эти годы его в белой рубахе и голубых холщовых штанах, без ремня и обуви, как предписывают "гигиенические правила" процедуры казни, втаскивали в аванзалу смерти, откуда остается лишь тринадцать шагов до выкрашенной в ядовито-зеленый цвет газовой камеры. Восемь раз директор каторжной тюрьмы после телефонного разговора объявлял ему, что казнь откладывается.

2 мая 1960 года через пять минут после полуночи Чесмэн, приговоренный 25 июня 1948 года к смертной казни, снова был доставлен в преддверие газовой камеры. Его заставили раздеться догола, двое сержантов ошупали его, проверили, не спрятал ли он на теле яд или иное орудие самоубийства: затем один из сержантов потребовал: - Челюсть!

Вынув зубной протез, Чесмэн передал его сержанту: мера предосторожности, предусмотренная с целью помешать осужденному перегрызть себе вены и избежать рук палача.

После осмотра Чесмэну позволили снова натянуть на себя холщовое одеяние: надели ему на пояс ремень, которым его должны были пристегнуть к стулу в газовой камере, защелкнули наручники на его широких запястьях. Затем он в девятый раз был освидетельствован врачом: закон предписывает непосредственно перед казнью проверять физическое и психическое состояние осужденного. И физическое и психическое состояние Кэрила Чесмэна оказалось в полнейшем порядке, и тюремный врач с удовлетворением зафиксировал это обстоятельство в протоколе.

Теперь настал черед директора тюрьмы Диксона выполнить последнюю формальность. Достав из папки им же самим составленное и запечатанное письмо, директор вскрыл его и сухо, по-деловому ознакомил Чесмэна с содержанием:

"По делу народа Калифорнии против Кэрила Чесмэна. Многоуважаемый сэр!

25 апреля 1960 года уважаемый мистер Чарльз Фрик, судья округа Лос-Анджелес, подписал приказ о Вашей казни, назначив ее на сегодня, 2 мая 1960 года, на 10 часов. Прошу Вас принять это к сведению.

Преданный Вам Ричард Б. Диксон, директор".

Доведенный до изнеможения бюрократическим цинизмом процедуры, Чесмэн

только кивнул в ответ и протянул свои стиснутые наручниками руки двум вошедшим вслед за директором заплечных дел мастерам. Те схватили его и почти внесли в тамбур, опасаясь, как бы ему, подобно большинству других, не стало на пороге дурно. Сквозь широкое, во всю стену окно была отчетливо видна жуткая кабина, в которой, собственно, и происходит казнь.

До назначенного срока оставалось, однако, более девяти часов.

Эти оставшиеся девять часов были для Чесмэна последним шансом. Все юридические способы воспрепятствовать смертному приговору он сам и его адвокаты за предшествующие 12 лет полностью исчерпали. Теперь он мог надеяться только на помилование от губернатора штата Калифорнии.

Свои последние часы Чесмэн провел за унылого вида столом. Напротив сидел директор тюрьмы, а поодаль, словно каменные изваяния, застыли два стражника с автоматами, на случай, если осужденный бросится на директора.

На столе стоял телефон, тот самый телефон, который уже восемь раз звонил, прежде чем Чесмэна успевали ввести в кабину. Восемь раз после звонка директор объявлял об отсрочке казни, восемь раз Чесмэна возвращали назад, в тюремную камеру. Позвонит ли телефон и в девятый раз? Директора тюрьмы Диксона этот вопрос, казалось, мало занимал: он погрузился в чтение романа Агаты Кристи. Только Чесмэн не отрывал глаз от телефона.

Кем он, в сущности, был, этот печально знаменитый Кэрил Чесмэн? Сначала он был лишь одним из сотен тысяч юных преступников.

Начав с мелких краж, он перешел к взломам, а под конец - и к разбойничьим ограблениям.

В 1935 году, в пятнадцатилетнем возрасте, Чесмэн в первый раз был задержан полицией за угон автомобиля и отправлен в так называемый исправительный дом.

Чесмэн через год вышел на свободу. Пятью месяцами позднее он вернулся в исправительный дом. После целой серии взломов автоматов по продаже сигарет он снова пробыл год за решеткой. Затем он в течение двух лет применял на практике полученные в тюрьме знания, совершая одно ограбление за другим, и в 19 лет он опять был схвачен и приговорен к 16 годам заключения в каторжной тюрьме. Через семь лет он был условно-досрочно освобожден.

На этот раз Чесмэн вышел на свободу уже вполне подготовленным, отчаянным, на все способным профессиональным преступником. Он и не пытался начать честную жизнь. Еще в каторжной тюрьме он завязал связи с гангстерской бандой, занимавшейся ограблениями и шантажом нелегальных букмекеров и держателей тайных тотализаторов. С первого же дня после своего освобождения Чесмэн начал "работать" вместе с этими преступниками.

В то самое время, когда Чесмэн в Лос-Анджелесе и поблизости от него очищал карманы нелегальных букмекеров и между делом взламывал ювелирные лавки и магазины готового платья, в окрестностях Голливуда была совершена серия преступлений, необычных даже для бурной, изобилующей всякого рода правонарушениями истории Америки. Влюбленные парочки, находившие на холмах вокруг Голливуда укромные местечки для свиданий, подвергались нападениям бандита, появлявшегося в сером закрытом "форде" с красным прожектором - таким, как на полицейских патрульных автомобилях. Под угрозой пистолета 45-го калибра он сначала отбирал у мужчин деньги, а затем загонял в свою машину женщин, с которыми обходился гнуснейшим образом.

Оставшиеся в течение нескольких месяцев тщетными розыски преступника, быстро окрещенного прессой "бандитом с красным фонарем", вызвали единодушное возмущение по всей Калифорнии, и ожесточенные упреки по адресу полиции имели далеко идущие политические последствия. Ожидались выборы губернатора штата,

а все важнейшие посты в Калифорнии занимали члены республиканской партии, и начальник полиции штата тоже был республиканцем. Поэтому возмущение явной несостоятельностью полиции перешло в критику деятельности всей правящей партии. Находившиеся в оппозиции демократы немедленно использовали это обстоятельство в предвыборной борьбе, и раскрытие преступлений "бандита с красным фонарем" стало для республиканцев вопросом существования. Только успешное окончание этого дела дало бы им надежду одержать победу на выборах.

Нетрудно, таким образом, понять, что партийная верхушка насаждала на начальника полиции, а тот, в свою очередь, насаждал на полицейских. С делом необходимо было покончить. Как, каким путем - неважно. Были щедро обещаны поощрения: повышения по службе, денежные награды. И неудивительно, что все полицейские Лос-Анджелеса и Голливуда ринулись в погоню за преступником, особой приметой которого являлся укрепленный на сером "форде" красный фонарь.

Чесмэн попал в поле зрения полиции в пятницу 23 января 1948 года. Патрульный автомобиль с двумя молодыми полицейскими Рирдоном и Мэем спокойно катил по голливудской Вермонт-авеню в направлении Лос-Анджелеса. Стрелки светящихся часов на приборной доске показывали 19.40, когда сидевший за рулем Рирдон заметил на другой стороне "форд", похожий по описанию на тот, о котором днем и ночью напоминало полицейское радио.

Рирдон тут же повернул и пустился вдогонку. Вскоре водитель "форда" и находившийся с ним молодой человек, были задержаны. Водителем оказался Кэрил Чесмэн, который и был обвинен как "бандит с красным фонарем".

Процесс "народа штата Калифорнии против Кэрил а Чесмэна" начался 20 апреля 1948 года в обшитом дубовыми панелями зале заседаний окружного суда в Лос-Анджелесе.

Чесмэн в заключительном слове требовал оправдания: - Я не являюсь "бандитом с красным фонарем" и, значит, не совершал приписываемых мне преступлений. Остальное вас не касается. Я не пытаюсь убеждать вас, что я примерный, невинный мальчик. Нет, я профессиональный преступник. С юных лет моей профессией был грабеж. Но за это меня каждый раз и наказывали в соответствии с законом. На сей раз я, однако, не виновен. Прокурор не предъявил мне обвинения в ограблении магазина одежды; он счел этот факт несущественным. Меня надо уничтожить только для того, чтобы пресечь разговоры о несостоятельности полиции. Для такого дела профессиональный преступник - самая подходящая фигура. В представлении наших сограждан подобный субъект стоит вне закона. Допустить, что столь отвратительные злодеяния совершил какой-нибудь добропорядочный обыватель с изломанной психикой, значило бы поставить под сомнение мораль всего нашего общества в целом. Но подумайте сами: будь вы прошедшим огонь и воду профессиональным преступником, которому, как сказал прокурор, известны все ходы и выходы, неужели же вы ради нескольких долларов и минутной забавы пошли бы на риск смертной казни? Продажных женщин в вашей высокоморальной стране куда больше, чем общество готово признать. Итак, я требую для себя полного оправдания, а не смягчения приговора, как вам, вероятно, приятнее было бы услышать.

Судья Фрик назначил оглашение приговора на 11 июня 1948 года.

25 июня 1948 года был оглашен смертный приговор: - "По приговору и постановлению этого суда Вы, упомянутый Кэрил Чесмэн, будете переданы шерифом округа Лос-Анджелес директору тюрьмы штата Калифорния Сан-Квентин и там казнены путем применения газа, как предписывает закон штата Калифорния".

В тот же день Чесмэна перевели в камеру смертников 2455 в каторжной тюрьме Сан-Квентин. Дело "бандита с красным фонарем" на этом закончилось и

американским судом больше не разбиралось.

"Дело Чесмэна", однако, только с этого момента и началось.

Почти 12 лет боролся Чесмэн в своей камере 2455 против незаконного приговора, проявив при этом почти невероятную работоспособность.

Однако в конечном счете все усилия Чесмэна добиться отмены несправедливого приговора оказались тщетными. Хотя срок казни откладывался восемь раз, в пересмотре судебного решения суда снова и снова отказывали.

9 часов 50 минут 2 мая 1960 года. Телефон в преддверии газовой камеры все еще молчит. Директор тюрьмы Диксон, уснувший над детективным романом, разбужен вошедшим врачом. Позевывая, Диксон смотрит на стенные часы и говорит Чесмэну: - Итак, приготовьтесь!

Чесмэн отрывает взгляд от телефона, на который с таким отчаянием смотрел всю ночь. Сквозь большое окно в стене он видит, что в помещении, где находится водолазный колокол, полно народу. 59 репортеров пришли поглядеть, как он будет умирать.

Ровно в 10 часов двое подручных палача вводят Чесмэна в газовую камеру и прикрепляют к стулу. На грудь ему привязывают стетоскоп, концы которого через стену выведены наружу, чтобы врач мог следить за сердечной деятельностью осужденного.

10 часов 03 минуты. Стальная дверь толщиной 20 сантиметров, ведущая в газовую камеру, запирается и опечатывается. Директор тюрьмы глядит на часы и поднимает правую руку.

Палач за занавеской нажимает на рычаг. Через час после казни к директору каторжной тюрьмы Диксону явилась адвокат Резали Эшер, в последние два года, когда дело приобрело мировую известность, поматавшая Чесмэну юридическими советами в борьбе против смертного приговора. Она передала директору адресованное ему письмо с пометкой: "Вручить после моей смерти". В письме сообщалось имя человека, в вечер задержания бывшего с Чесмэном в "форде" и бежавшего при появлении полиции. Его звали Джо Терранова.

По настоянию адвоката и директора тюрьмы федеральная полиция (ФБР) предприняла розыски Террановы.

Он был задержан 2 июля 1960 года, через два месяца после казни Чесмэна, в Эль-Пасо, в Техасе. Два года он скрывался там в пансионе "Красная роза" под именем Джека Смита, разыскиваемый полицией за убийство с целью ограбления.

За это убийство он и предстал в январе 1961 года перед судом, был приговорен к смертной казни и спустя четыре недели казнен. Предъявить ему обвинение также и в преступлениях, совершенных "бандитом с красным фонарем", прокуратура не пожелала. На процессе лишь упоминалось, что Терранова в прошлом многократно судился за преступления против нравственности и что на протяжении более десяти лет он пользовался для своих разбойных нападений серым "фордом", замаскированным с помощью красного прожектора под полицейский автомобиль.

Сообщения американских газет о том, что Терранова на предварительном следствии в полиции признался в преступлениях, за которые казнили Чесмэна, пресс-бюро ФБР объявило "предположениями, не подтвержденными фактами".

(Гюнтер Продль. Плата за молчание. 1989)

"ЧЕРНАЯ ВДОВА" ИЗ ЛУДЕНА

21 июля 1949 года, в день ее ареста, Мари Беснар, урожденной Девайо, было пятьдесят три года. Землевладелица, она была одновременно крупным рантье в городишке Луден. Ниже среднего роста, с рано постаревшим лицом, покрытым несколько провинциальной косметикой, с бегающими глазами, спрятанными за круглыми стеклами очков, с тонкими губами - она по всему своему облику была типичным подобием большинства женщин французской провинции Вьенн, состоящей из деревень и городков, разбросанных имений, населенной мелкими крестьянами, арендаторами, ремесленниками, - края, где все знали друг друга, где деньги еще хранили в чулках, а досуг заполняли вином, хорошей едой, любовью и сплетнями.

И именно сплетня дала толчок делу Мари Беснар, затянувшемуся на многие годы. Сплетня, как обычно бывает в маленьких городках, пошла от жены начальника почты мадам Пинту.

Когда 25 октября 1947 года после непродолжительной болезни скончался Леон Беснар, муж Мари, мадам Пинту сообщила одному из своих "друзей" помещику Огюсту Массипу, будто Леон Беснар сказал ей незадолго до своей кончины, что его отравила жена. Это подозрение, по словам мадам Пинту, он высказал в тот момент, когда Мари Беснар провожала к выходу обоих лечащих врачей - доктора Галлуа и доктора Шоване-ля, а жена начальника почты осталась одна возле умирающего.

Огюст Массип, который ютился с двумя своими слабоумными братьями в почти пустом господском доме своего разоренного поместья, где было две койки с соломенными матрацами, кучи старого тряпья и горы грязной посуды, передал слова жены начальника почты в уголовную полицию города Пуатье. Там это сообщение попало в руки следственного судьи Пьера Роже, которому едва исполнилось двадцать пять лет. Он и инспекторы Сюртэ Ноке, Шомье и Норман дали такой ход делу Беснар, что оно потом не могло остановиться целых четырнадцать лет.

История должна согласиться с Роже, что даже небольшой части тех странных происшествий вокруг Мари Беснар, на след которых он напал, было вполне достаточно, чтобы заподозрить убийство путем отравления.

Но первоначальные следственные действия не зашли пока так далеко, ибо мадам Пинту стала отрицать, будто подозревала Мари Беснар в убийстве. Но в Лу-дене нашлись и другие жители, которые питали подозрение к Мари Беснар.

В хозяйстве Беснаров в мае 1947 года работал двадцатилетний немецкий военнопленный по фамилии Диц. Его считали любовником Мари Беснар, которая была на тридцать лет его старше. По слухам, Леон Беснар сказал как-то, что он больше не хозяин в своем доме, а слуга своего батрака. До появления этого молодого немца жители Лудена были взбудоражены потоком анонимных писем скабрёзного содержания. Эти письма доктор Эдмон Локар, видный пионер научной криминалистики из Лиона, сличил с образцами писем, взятых у Мари Беснар. Локар установил, что Мари является автором этих писем, которые, как учат бесчисленные примеры из истории криминалистики, имели своим истоком неудовлетворенное половое влечение. Правда Мари Беснар упорно отрицала, что она является сочинительницей сомнительных писаний. Но против нее говорило то, что поток анонимных писем прекратился с того момента, как немец Диц приступил к своей службе.

Инспектор Ноке пришел к убеждению, что в данном случае мотив возможного отравления ядом Леона Беснара очевиден: одержимая любовной похотью женщина устранила своего старого мужа, чтобы получить возможность беспрепятственно жить с молодым немцем. После смерти мужа она совершила несколько длительных путешествий со своим слугой на собственном автомобиле "симка", а когда Диц в

мае 1948 года вернулся в Германию, она продолжала поддерживать с ним связь и добилась наконец того, что в 1949 году он снова появился в Лудене, заявив, что здесь он с помощью Мари хочет найти себе постоянное занятие и обосноваться, чего ему не удалось сделать у себя на родине.

Таковы были первые результаты расследования, когда 16 января 1949 года умерла мать Мари Беснар, восьмидесятилетняя Мари-Луиза Девайо, урожденная Анти-ньи, с 1940 года проживавшая в доме Беснаров. Доктор Галлуа, который считал причиной смерти Леона Беснара сначала приступ печеночной колики, позже - стенокардию, а в конечном итоге (после анализа мочи) - уремию, лечил и Мари-Луизу Девайо. В январе 1949 года в Лудене свирепствовала страшная эпидемия гриппа. Когда больная впала в бессознательное состояние и у нее развился односторонний паралич, Галлуа решил, что это результат упадка сил вследствие гриппа, осложненного кровоизлиянием в мозг.

Во всяком случае, смерть старой женщины стала той искрой, которая превратила тлевший до сих пор подспудно жар подозрений в настоящий пожар. Инспектор Ноке узнал, что покойная осыпала дочь упреками из-за ее связи с немцем и предстоящего его возвращения. Ноке поэтому заподозрил, что Мари Беснар после мужа умертвила и мать, чтобы дожидаться молодого немца и беспрепятственно предаваться своей страсти. Ноке удалось наконец заставить мадам Пинту отказаться от ее прежней сдержанности. Она очень убедительно описала последние часы жизни Леона Беснара: его боль в желудке, рвоту, а также разговор между умирающим и ею.

- Ох, что же они мне дали?

- Кто, немец?

- Нет, Мари... Мы собирались есть суп. Я увидел в моей тарелке что-то жидкое. Мари налила туда же суп. Я съел, и у меня тут же началась рвота.

Когда Ноке в ходе этого разговора узнал, что Мари Беснар наняла одного парижского частного детектива, пользующегося сомнительной репутацией, по имени Локсидан, и тот пытался запугать мадам Пинту, у него исчезли последние сомнения.

9 мая в Пуатье было решено извлечь через два дня из могилы на Луденском кладбище труп Леона Беснара и произвести его исследование на предмет обнаружения яда.

Д-р Бери сообщил в Пуатье о результатах своего исследования. Согласно его заключению, в ходе качественного и количественного анализов на содержание яда в теле Леона Беснара он обнаружил 39 миллиграммов мышьяка на килограмм веса тела, то есть такое количество, которое должно рассматриваться как доказательство отравления мышьяком, приведшего к смерти. Это побудило Роже распорядиться об эксгумации трупа матери Мари Беснар. Исследование, проведенное тем же Бери, привело к обнаружению в теле покойной мышьяка в количестве не менее 58 миллиграммов на килограмм веса.

21 июля 1949 года в Лудене появились инспектора Но-ке и Норман и доставили Мари Беснар и Дица в Пуатье к следственному судье Роже. Столь же злобно, сколь и оригинально Мари Беснар описала потом юного следственного судью: "У него была ненормально большая голова, и он смотрел на меня, как через сито".

Наружность землевладелицы из Лудена и ее непоколебимое, отталкивающее хладнокровие не вызвали у Роже симпатии. После длительного допроса он распорядился о ее предварительном аресте и велел отвести в тюрьму Пьер-Леве. Дица он тоже подверг пристрастному допросу. Поскольку немец держался стойко и отрицал всякую любовную связь с Мари Беснар, его пока отпустили. Все что делал Диц после этого, было хотя и объяснимо, но мало способствовало тому,

чтобы рассеять тучи подозрений в убийстве, сгустившиеся над Мари Беснар. Он не стал ждать, пока в Луден придут его документы, находившиеся по случаю его возвращения во Францию в Париже, и в ту же ночь пересек франко-немецкую границу, чтобы никогда более не возвращаться.

Расследование по данному делу, которое Роже все более продвигал вперед, привели прямо-таки к каким-то мистическим результатам: была установлена целая серия крайне подозрительных случаев смерти в семье Беснар, а также среди их соседей и друзей. Чем дальше продвигалось расследование, тем чаще приходилось обращаться назад, к прошлым временам вплоть до 1927 года.

Вскоре после первой мировой войны тогда еще двадцатитрехлетняя Мари Беснар (дочь мелкого крестьянина Пьера Эжена Девайо из Сен-Пьер-де-Майе) вышла замуж за своего двоюродного брата Огюста Антиньи, работавшего на ферме. Оба они в качестве домоправителей переехали в замок Мартен. Огюст Антиньи умер в 1927 году, как было тогда установлено от туберкулеза. Но Беру, эксгумировав Антиньи, обнаружил в останках покойного, хотя со времени захоронения прошло более 20 лет, целых 60 миллиграммов мышьяка на килограмм веса, что служило явным признаком смертельного отравления мышьяком.

В 1929 году Мари Беснар вышла замуж вторично, на этот раз за Леона Беснара, и тем самым поднялась на следующую ступеньку социальной лестницы. Беснар имел дом в Лудене, москательную лавку и усадьбу в сельской местности. Мари Беснар не родила ему детей, но оказалась прекрасной хозяйкой и столь же целеустремленной, сколь и расчетливой накопительницей. Беснар находился в откровенной вражде со своими родителями, жившими по соседству. Он не мог простить им, что они постоянно оказывали предпочтение не ему, а его сестре Люси. Свою вражду он перенес и на других родственников. Однако Мари Беснар не обращала на эту враждебность никакого внимания и достигла того, что двоюродная бабушка ее мужа - вдова Луиза Леконт - в своем завещании назвала ее своей наследницей наряду с сестрой Беснара Люси.

Вскоре после этого, 22 августа 1938 года, Луиза Леконт скончалась. Правда ей было уже за восемьдесят. О наличии у нее симптомов отравления мышьяком тогда ничего не говорили. Но токсикологическая экспертиза останков покойной, произведенная Беру, показала наличие 35 миллиграммов мышьяка на килограмм веса. А кроме того, выяснилось, что Мари Беснар находилась у смертного одра Луизы Леконт и до этого часто посылала ей вино.

Через два года после этого, 2 сентября 1940 года, умерла бабушка Леона Беснара вдова Гуэн. Она была единственной родственницей, от которой Леон, по его словам, видел хоть что-то хорошее. Он был ее единственным наследником. Мари Беснар с мужем тоже посетили эту совсем старенькую даму незадолго перед ее кончиной. О ее последних часах тоже нет точных врачебных сведений. Несмотря на это, 23 августа 1949 года, была назначена эксгумация ее останков. Но они плохо сохранились и показали столь мизерные следы мышьяка, что обвинение в убийстве было бы никак не оправдано.

Тем подозрительнее были данные токсикологической экспертизы, когда по распоряжению Роже был эксгумирован труп отца Мари Беснар - Пьера Девайо, умершего 15 мая 1940 года. Причиной его смерти в 1940 году считали апоплексический удар. В момент смерти отца Мари Беснар не было в родительском доме. Тем не менее анализ на яд показал наличие 30 миллиграммов мышьяка на килограмм веса покойного. Мари Беснар унаследовала усадьбу отца; тогда же ее мать переехала в дом Беснаров в Лудене.

А уж 19 ноября 1940 года умер еще один родственник - свекор Мари Беснар - Марселей Беснар, которого она очень часто посещала, несмотря на вражду между ним и ее мужем. И на этот раз Мари не была возле больного в

момент его смерти. Старик много лет страдал прогрессирующими проявлениями паралича, и д-р Деларош, его домашний врач, посчитал причиной смерти старческую слабость и инсульт. Однако Беру обнаружил в эксгумированных частях его трупа 38 миллиграммов мышьяка на килограмм веса. В результате этой смерти Беснары унаследовали 227 734 франка.

Спустя лишь несколько недель, 16 января 1941 года, пришла очередь свекрови - Мари-Луизы Беснар, ушедшей вслед за своим мужем в возрасте шестидесяти шести лет. Приведшая ее к смерти болезнь длилась девять дней. Доктор Деларош диагностировал воспаление легких. Мари Беснар ухаживала за своей свекровью до последней минуты. Половина наследства после покойной пришла на долю Люси Беснар, а другая половина, в сумме 262 325 франков, досталась Мари и Леону Беснарам. Роже, который в каждом из этих случаев смерти подозревал умышленное отравление, велел эксгумировать труп Мари-Луизы Беснар. Беру обнаружил в нем 60 миллиграммов мышьяка на килограмм веса.

И опять всего несколько недель прошло до следующей смерти.

27 марта 1941 года Люси Беснар, сорокапятилетнюю сестру Леона, нашли повесившейся в родительском доме. Тщательного расследования этого случая не было, хотя самоубийство Люси было несколько странным, ибо она была очень набожной католичкой. С другой стороны, Люси тяжело переносила свое одиночество после смерти родителей. Когда же Беру и в ее останках обнаружил 30 миллиграммов мышьяка на килограмм веса, самоубийство Люси стало выглядеть еще более удивительным, чем в 1941 году. У Роже появилось подозрение, что Леон Беснар содействовал отравлению сперва своих родителей, а затем и своей сестры и повесил сестру, чтобы инсценировать самоубийство. Позднее, предполагал Роже, сам Беснар пал жертвой своей жены-убийцы, когда мотивы убийства у нее изменились и она из убийцы ради наживы превратилась в убийцу на сексуальной почве.

Списку подозрительных случаев смерти, казалось не было конца. 14 июля 1939 года скончался сосед Беснаров шестидесятипятилетний кондитер Туссен Ривэ. В качестве причины смерти была записана "чахотка". Его жена - Бланш Ривэ - обратилась к Беснарам за помощью в управлении ее небольшим состоянием. Впоследствии она переехала к Беснарам и в обмен на маленькую пожизненную ренту передала им в собственность свой дом. А уже 27 декабря 1941 года она умерла. В качестве причины ее смерти также значился туберкулез. Ухаживала за больной Мари Беснар. Когда Роже распорядился послать в Марсель части трупов обоих Ривэ для анализа на яд, в обоих случаях оказалось по 18 миллиграммов мышьяка на килограмм веса.

Но и на этом серия смертей не кончалась. В мае 1941 года две пожилые кузины Леона Беснара - Полина и Виржиния Лаллерон - нашли приют в доме Беснаров. Во время вторжения немецких войск во Францию они бежали из своего дома в Ле-Труа-Мутьер. Причем всю свою наличность Полина унесла в поясе, застегнув его вокруг живота. Когда 1 июля 1941 года Полина умерла (по мнению д-ра Галлуа, "от старческой уремии"), ее сестра настояла чтобы наследницей их имущества сделать Мари Беснар. И уже 9 июля 1941 года последовала за Полиной в могилу.

Токсикологические исследования Беру дали на этот раз такие результаты: 48 миллиграммов мышьяка на килограмм веса у Полины, от 24 до 30 миллиграммов - у Виржинии Лаллерон. И опять-таки речь шла о таких количествах яда, которые вряд ли позволяли Роже сделать какой-либо вывод, кроме констатации убийства с помощью мышьяка.

Однако в пользу Мари Беснар был, во-первых, тот факт, что, кроме мадам Пинту, а она только что-то слышала, не было свидетелей, которые могли бы

хотя бы в одном эпизоде уличить Мари в покупке мышьяка, в подмешивании его в пищу и в кормлении этой пищей потерпевших, а во-вторых, тот факт, что почти ни в одном случае не наблюдались симптомы острого или хронического отравления мышьяком.

Первому из этих аргументов можно было противопоставить тот довод, что Мари Беснар была не первой в истории отравительницей, действовавшей с такой осмотрительностью, что против нее не существовало никаких свидетельств очевидцев. На второй аргумент можно было возразить, что число умышленных отравлений, которые остались навсегда нераскрытыми из-за неопытности или невнимательности домашних врачей, просто безгранично.

Тем не менее Роже устремился к тому, чтобы обвинение, которое будет предъявлено Мари Беснар, базировалось не на одних только косвенных уликах. В ходе длившегося около двух лет расследования он испытал все средства, способные побудить Мари Беснар к признанию. Он прибегал при этом даже к таким методам, которые, особенно в эпоху Горона, считались классическими и самыми эффективными из арсенала Сюртэ. Так, он подсаживал в камеру Мари Беснар женщину-шпика, но бдительное недоверие и упрямство арестованной (а может быть, ее невиновность) оберегали ее от опрометчивых высказываний.

Бесспорно, какую-то часть присущей ей силы сопротивления Мари Беснар черпала из того факта, что ее защиту взял на себя один из известнейших парижских адвокатов. Вскоре после своего ареста Мари заручилась помощью таких авторитетных адвокатов, как Рене Эйю и Дюклозо. Благодаря постоянно растущему интересу к этому делу в стране внимание ведущих парижских адвокатов, постоянно ищущих сенсационные дела, было привлечено к этой женщине из провинции. Рене Эйю в конце концов сам привез в Пуатье звезду адвокатуры, тогда уже шестидесятичетырехлетнего кавалера ордена Почетного легиона Альбера Готра. В течение целого дня Готра беседовал с арестованной.

Вероятно, Готра еще до своего визита к Мари Беснар решил, что этот необычный процесс ему упускать нельзя. Готра давно было ясно, что обвинение будет строиться по преимуществу на косвенных уликах, добытых токсикологической экспертизой, а по опыту он знал, что нет ничего легче, как выиграть предстоящий процесс, - для этого достаточно посеять с помощью не раз уже испробованных им способов недоверие к данным токсикологической экспертизы. В Марселе Готра получил некоторые сведения о работе Бериу и полагал, что ему удастся "выбить Бериу из седла". Насколько подробно он был информирован, можно судить по замечанию, которое он сделал, когда Мари Беснар возмущалась марсельскими токсикологами: "Не говорите плохо о своих врагах, ибо они спасут вас".

Когда после визита в Пуатье Готра взял на себя защиту Мари Беснар, сила сопротивления последней удвоилась, равно как и ее желание либо до последней возможности отрицать свою вину, либо отстаивать свою невиновность (а это значило размотать почти невероятное сплетение случайностей, роковых совпадений, недоразумений, лжи и сплетен).

ДРАМА, ДЛИВШАЯСЯ СВЫШЕ ДЕСЯТИ ЛЕТ...

И вот 20 февраля 1952 года во Дворе юстиции в Пуатье начался первый процесс по делу Беснар.

Вскоре суд предложил под давлением возникших недоразумений назначить новых экспертов и поручить им провести заново все анализы на яд.

Рене Фабр, Кон-Абрес, Анри Гриффон и Рене Пьеде-льевр - так звали новых

экспертов, назначенных судом в Пуатье. Все четверо принадлежали к числу самых знаменитых судебных медиков и токсикологов, которыми располагал Париж в 1952 году.

15 марта 1954 года наступил час возобновления слушания по делу Мари Беснар.

Мари Беснар большую часть времени, на которое был прерван процесс, провела в тюрьме в Пуатье, но в июне 1953 года была переведена в Бордоскую тюрьму, ибо именно Бордо предстояло стать местом проведения второй части процесса.

Интерес общественности к Мари Беснар и ее делу начиная с 1952 года благодаря публикациям в печати, был настолько сильно подогрет, что 15 марта 1954 года в Бордо собрались любопытные и журналисты со всех концов света.

"Наличие яда в покойниках, много или мало, да или нет - что все это вообще значит? - так начал адвокат Готра главную стадию своей атаки. - Ведь никто никогда не видел, чтобы в руках Мари Беснар был мышьяк, никто никогда не был очевидцем того, что она давала яд кому-либо из покойников. Эксперты обвинения утверждают, что яд мог попасть в организм потерпевших только из чужих рук. Но уже более ста лет токсикологи занимаются вопросом, растворяется ли в воде мышьяк, содержащийся в любой почве, и может ли он попасть в трупы умерших.

И более ста лет они отрицали эту возможность. Но отрицали они ее лишь потому, что во всех своих прежних исследованиях они забывали, что почва представляет собой живой элемент, в котором разыгрываются миллионы процессов, о которых пока никто не знает. Они отрицали данную возможность и применительно к покойникам из Лудена. В течение двух лет они давали дождевой воде просачиваться через луденскую почву и замеряли в ней количество мышьяка. Но они пренебрегали достижениями науки, которая как раз сейчас достигла расцвета, как и многие другие науки, чье развитие еще несколько лет назад считалось невозможным, а именно науки о физиологических процессах в почве.

Наверно, я первый, кто в этот исторический момент призывает представителей этой науки в зал суда в качестве свидетелей. Но я уверен, что в будущем ни один такого рода процесс не сможет обойтись без обращения к их знаниям. Я ходатайствую о допросе в суде господ Оливье, Лепентра, Кейлинга и Трюф-фера".

Тот кто впоследствии читал отчет о следующих днях процесса Мари Беснар, воочию убедился, как с подачи Готра в более или менее застывшую область токсикологии проникает новый элемент - элемент брожения.

Готра действовал с величайшей осторожностью. Он знал, что приглашенные им в качестве свидетелей защиты Оливье, Лепентр и Кейлинг были людьми почтенными, но им еще не сопутствовал тот ореол славы или чинов, который вызвал бы особое доверие к их утверждениям в глазах судей и присяжных. Они были призваны лишь подготовить почву, на которую мог бы потом вступить и обеспечить окончательную победу Поль Леон Трюффер - член Академии наук и кавалер ордена Почетного легиона.

Показания Оливье, Лепентра и Кейлинга о значении почвенных микробов для растворения содержащегося в земле мышьяка вызвали сенсацию. Как от всего нового, от них исходили некие чары, которым поддавались даже те наблюдатели и журналисты, которые с трудом могли, а то и вовсе не могли следить за научной дискуссией экспертов.

"Очарования их экспериментов, - писал английский корреспондент Арман Стил, - не мог избежать никто, в ком жило влечение к неразгаданным тайнам

мира, еще и потому, а может, именно потому, что они могли разрушить представления, утвердившиеся в токсикологии за целое столетие". И они разрушили их.

Представитель обвинения во второй раз столкнулся с сюрпризом, который поразил его как гром среди ясного неба, и не только его, но и экспертов, которые не имея опыта и нужных аргументов, вступили в противоборство с неожиданно вторгшимися "чужаками" и их утверждениями.

31 марта 1954 года второй процесс над Мари Беснар пришел к тому же итогу, которым кончился первый, - к сомнениям и неуверенности.

На период до составленного нового заключения экспертизы и начала нового, третьего слушания данного дела Мари Беснар была выпущена на свободу под залог в 1200 тыс. франков.

Это было одно из самых сенсационных решений, вынесенных когда-либо французским судом. 12 апреля Мари Беснар покинула Бордо, на короткое время с помощью Готра и Эйю остановилась в Париже, а затем вернулась в Луден - в свой старый, разграбленный тем временем дом. Надо сказать, что и теперь мало кто верил в ее невиновность.

Впечатление, которое она производила на любопытствующих и журналистов, регулярно появлявшихся в Лудене, было неодинаковым. Большинству она представлялась женщиной, убежденной в том, что после столь многих лет и стольких сомнений ни один суд не отважится осудить ее, даже если и будет сомневаться в ее невиновности. В ней видели убийцу, которая обязана своей свободой ошибкам обвинителей, ошибкам и человеческим слабостям экспертов и бессовестному использованию этих ошибок и слабостей ее защитником.

Тем временем вновь назначенный обвинитель Гиймен настойчиво стремился все же изоблечь выпущенную на свободу Мари Беснар и опровергнуть те новые биологические положения, с помощью которых Готра сорвал второй процесс.

Наконец, разгорелась третья и последняя битва. 17 ноября 1961 года Мари Беснар препроводили из Лудена в Бордо и поместили в больничном отделении тюрьмы, а 21 ноября постаревшая, но все с таким же решительным видом она появилась на скамье подсудимых в третий раз.

Решающее значение имели судебные заседания, проходившие с 23 ноября по 1 декабря, когда полем битвы завладели Трюо и внушительный старец Лемуань со стороны обвинения и Трюффер, Оливье, Кейлинг, Лепентр и д-р Бастис - со стороны защиты.

Сама Мари Беснар полностью отошла на задний план. Хотя речь шла в данном случае о ее судьбе, но в еще большей мере - об основной проблеме токсикологии, проблеме исследования трупов, длительное время пролежавших в земле.

Рене Шарль Трюо защищал традиционную теорию о невозможности проникновения мышьяка из почвы, во всяком случае в тех количествах, которые обнаружены в трупах. Он опирался на многочисленные эксперименты в Лудене. Спору нет, почва тамошнего кладбища содержит мышьяк, но его количество в расчете на килограмм земли несравненно меньше, чем количество мышьяка на килограмм веса в покойниках. Трюо считал невозможным, чтобы большие количества мышьяка попали в покойников из тех крошечных количеств мышьяка, которые имеются в почве. В покойниках, которые не имели никакого отношения к делу Беснар, но были тоже захоронены на луденском кладбище, он не обнаружил ни капли мышьяка, буквально ни капли, хотя покоились они в той же самой земле.

Марселей Беснар, Луиза Леконт и Мари-Луиза Гуэн, три предполагаемые жертвы Мари Беснар, были похоронены вплотную друг к другу в одном и том же

склепе. Если бы мышьяк проник в трупы извне, их останки должны были бы содержать более или менее одинаковые количества этого яда. Между тем об этом не может быть речи. В то время как в останках Марселе-на Беснара мышьяка оказалось чрезвычайно много, в трупе Мари-Луизы почти не обнаружено его следов. Нет, не могло быть никакого проникновения извне. Все опыты отрицают такую возможность.

После Трюо выступили Оливье, Лепентр, Кейлинг, Та-стис и, разумеется, Трюффер. В затаившем дыхании зале суда они рассказали о результатах своих новейших экспериментов, которые подтвердили, что возбуждаемые микробами и их ферментами процессы в почве не поддаются количественным измерениям и не подчиняются какой-либо закономерности, которую искал Трюо. Они тоже закапывали волосы и исследовали трупы покойников и в состоянии доказать, что во многих трупах, которые покоились рядом друг с другом в одной и той же земле, в одном случае имела место деятельность микроорганизмов, приведшая к растворению и перемещению мышьяка из земли в трупы, а в других - нет. На одном и том же кладбище в почве может в одном месте содержаться растворенный мышьяк, а в другом - нет. Трюффер же считал, опираясь на самые последние американские исследования и результаты своих опытов 1952 - 1954 гг., что вообще не существует четкой связи между количествами яда в почве и в трупе.

Вопрос же о том, почему количество почвенного мышьяка столь ничтожно, а количество мышьяка в трупах очень велико, вообще не обсуждался. Из воды, в которой была растворена одна тысячная килограмма мышьяка, волосы поглотили при благоприятных микробиологических условиях в количестве до 50 миллиграммов на килограмм веса покойника, то есть, по существовавшим до сих пор представлениям, невообразимое количество. Его новые эксперименты подтвердили также, что волосы способны накапливать в себе мышьяк не только из организма, но из окружающей среды таким образом, что его можно обнаружить в отдельных, разделенных друг от друга отрезках этих волос, особенно у их корней. При этом, вероятно, определенную роль играет проникновение микробов в кожу головы.

Свой отчет Трюффер закончил заявлением, что прежние ошибочные представления коренятся в недооценке огромного многообразия природных процессов. Ныне же, по его словам, микробиология в состоянии лучше разобраться в этом многообразии, даже если она все еще сталкивается со множеством кажущихся отклонений от общего правила. Объяснять их - задача будущего. Затем Трюффер обратился персонально к Трюо и попросил его ответить на один вопрос. Каждому было ясно, что этот вопрос будет иметь особое значение. Трюффер спросил: "Вы не забыли сделать выводы из эксперимента, проведенного вами в 1952 году?"

Оказалось, что Трюо в 1952 году отравил собаку и на два года закопал ее на кладбище в Лудене. Когда же через два года собаку снова откопали и исследовали, Трюо встал перед загадкой, почему в собаке не было найдено даже следа того яда, которым она была умерщвлена.

"Итак, - сказал Трюффер, - знаете ли вы, как это объяснить? Куда девался яд? Ведь вы не нашли его ни в трупе животного, ни в окружающей его земле. Куда же он в таком случае исчез?"

Трюо ответил, что он этого не знает. "В таком случае, - сказал Трюффер, все мы должны признаться, что стоим перед еще не изведанным миром, когда речь идет о действии мышьяка под землей и внутри трупов". Далее он сказал, что, по его убеждению, токсикология больше не вправе исходить из существовавших до сих пор принципов при решении вопроса о том, мог мышьяк проникнуть в труп из почвы или не мог. Токсикологи должны признать, что они

достигли той границы, которую обязаны не нарушать до тех пор, пока получше не узнают то, что лежит по другую ее сторону.

Если во время второго процесса по делу Беснар семь лет назад именно Трюффер был тем, кто predetermined вынесение решения в пользу подсудимой, то и теперь его выступление знаменовало начало решающей фазы борьбы на последнем процессе по этому делу. Но, по существу, решающие слова все-таки произнес человек, которого обвинение привлекло к делу в качестве биолога для проверки утверждений Трюффера - профессор Лемуань. После долгого изложения результатов его исследований в Лудене и в Пастеровском институте у этого старого человека вырвались такие слова: "Вообще надо сказать, что... бактериальное гниение растительных и животных останков способствует растворимости мышьяка. Но у нас нет возможности судить и говорить о том, имеет ли место процесс растворения мышьяка в данной почве или нет. Решение данного вопроса зависит от слишком многих факторов, скрытых пока от нашего взгляда..."

Этим заявлением Лемуань определенно поддержал утверждения Трюффера, Оливье, Лепентра, Кейлинга и Бастиса о том, что поскольку нет абсолютно точных объяснений происхождения мышьяка в том или ином случае, то нельзя безоговорочно отрицать возможность, пусть даже самая минимальная, существует, вопрос следует решить в пользу подсудимой, независимо от того, что можно думать о ее виновности или невиновности.

Готра, ловивший каждое слово с напряженным вниманием, воскликнул, вскакивая: "Вот и конец делу Бес-нар!.." Государственный обвинитель знал, что дает лишь арьергардный бой, когда с горечью прокричал Готра: "У вас удивительное свойство все истолковать по-своему! По мнению экспертов, как я слышу, существуют различные возможности. А вы хотите из этого делать вывод в пользу подсудимой, что только одна возможность, а именно растворимость мышьяка, является правилом. Но точно так же можно сказать, что правилом является его растворимость, то есть невозможность проникновения мышьяка в организм после смерти потерпевшего".

Торжествующий Готра бросил ему на это: "Да, но какая из обеих возможностей правильна, этого вы не знаете. Вы и ваши эксперты не в состоянии внести необходимую точность в объяснение феномена. Вы должны в данный момент признать, что вам невозможно далее поддерживать ваше обвинение".

Драма, длившаяся свыше десяти лет, действительно подошла к концу. 12 декабря 1961 года суд за недостаточностью улик оправдал Мари Беснар по обвинению в отравлении двенадцати человек.

(Ю. Торвальд. Век криминалистики. М., 1984)

ПОХИТИТЕЛИ АВТОМОБИЛЕЙ С ПОЛИЦЕЙСКИМ УДОСТОВЕРЕНИЕМ

Осенью 1955 года в Баварии разразился колоссальный скандал, замять который не смог даже полицей-президент Мюнхена Хейгль, несмотря на весь свой опыт в подобных делах. Поводом для скандала послужило самое обычное в ФРГ преступление - автомобильная кража.

Старший ассистент уголовной полиции Мюнхена, 32-летний Эрвин Феллер, любитель шикарных автомобилей и темпераментных женщин, собирался идти в отпуск. Поскольку своей машины у Феллера еще не было, он взял напрокат в обществе автолюбителей элегантный белый "Мерседес-180". Необходимый залог в

сумме 400 марок был ему не по карману, но служебное удостоверение избавило его от этого расхода. Удостоверение было подлинным, а Общество автолюбителей преисполнено веры в уголовную полицию.

Итак, Феллер умчался на красавце "Мерседесе". Но, как вскоре выяснилось, недалеко. Он оставил машину на охраняемой автостоянке у ратуши, в доказательство чего предъявил впоследствии оплаченную квитанцию. Через час он вернулся, чтобы забрать автомобиль, но "Мерседеса" уже не было. Так Феллер обрисовал дело своему коллеге, расследовавшему авт. автомобильные кражи.

Ситуация сложилась довольно щекотливая. Надо же было случиться, что взятый напрокат автомобиль украли именно у чиновника уголовной полиции. Старший ассистент Зельднер, к которому поступали заявления о пропаже автомобилей, знал, как никто другой, что число автомобильных краж в Мюнхене росло день ото дня. Но в данном случае на карту была поставлена честь полицейского мундира. Значит, надо было как можно скорее все уладить.

От начальства на этот счет поступили самые строгие указания, и дежурный сотрудник полиции, это был уже не Зельднер, рьяно взялся за дело. Сначала он допросил Феллера, потом сторожа автостоянки Виллинга, который "прохлопал" угон автомобиля.

Виллинг отнесся к происшедшему довольно равнодушно. В конце концов, он не мог быть одновременно в десяти местах, а у вора наверняка были ключи от машины. Если бы машину пытались открыть силой, он сразу бы заметил. В этом вопросе Виллинг стоял твердо и разубедить его никто не мог. Внимательно изучив квитанцию, Виллинг оторопел. "Когда была остановлена машина?" - переспросил он. "Где-то около двадцати часов до двадцати часов тридцати минут", - ответил следователь. "Это совершенно исключено", - заявил Виллинг.

Согласно квитанции, машину запарковали до 18.00, так как было уплачено только тридцать пфеннигов. Следователь насторожился. С какой целью Феллер указал неправильное время? Не поднимая шума, сотрудник полиции взял своего коллегу "на мушку" и решил более серьезно заняться этим происшествием. Просмотрев соответствующую документацию, он натолкнулся на ряд других автомобильных краж, дела по которым были оформлены подозрительно небрежно, со многими упущениями.

Его внимание привлекло и странное ограбление мюнхенской автоинспекции на Санкт-Мартинштрассе, когда были похищены незаполненные паспорта автомобилей и печать автоинспекции. Криминалистам сразу бросилось в глаза, что преступник отлично ориентировался в здании. Это ограбление так и осталось нерасследованным. Не исключено, что оно было как-то связано с автомобильными кражами.

Уголовная полиция тщательно изучила круг знакомых Феллера и обратила внимание на некоего текстильного коммерсанта Финка, который не так давно переключился с текстильной торговли на торговлю подержанными автомобилями. Поговаривали, что машины, которые он продавал, были краденные и поэтому он их сбывал в Австрии.

Напав на верный след, уголовная полиция довольно быстро раскусила и всю нехитрую систему Финка. Автомобиль, который ему нравился или на который у него уже был клиент, угоняли с автостоянки или брали в бюро проката через подставное лицо. После этого в полицию, естественно, поступало заявление о краже. На добытых таким образом машинах меняли номера, оформляли новые документы и совершенно легально

пересекали границу. Четыре машины уже "уплыли" таким путем в Австрию. Белый "Мерседес" из Общества автолюбителей Финк самолично угнал со стоянки.

При этом он ничем не рисковал, поскольку у него были ключи от машины и квитанция автостоянки.

Вообще все предприятие было относительно безопасным для Финка, так как старшие ассистенты уголовной полиции Феллер и Зельднер, и вахмистр Гесль с самого начала были членами его шайки. Феллер передал Финку ключи от машины и квитанцию и только после того, как "Мерседес" был надежно спрятан, обратился с заявлением в полицию. Самому Феллеру тоже нечего было особенно опасаться.

Его коллега Зельднер внимательно следил за тем, чтобы все заявления об автомобильных кражах, совершенных компанией Финка, как можно скорее попадали в корзину для бумаг. Но на сей раз им не повезло.

Нераскрытая кража со взломом в помещении автоинспекции была совершена Феллером, который раздобыл таким образом необходимые для сбыта краденых автомобилей бумаги. В задачи третьего полицейского в шайке, вахмистра Гесля, входило "наводить" банду на подходящие автомобили, сообщать о благоприятных для угона моментах, а в необходимом случае подстраховывать вора. Вся деловую часть, включая рекламу предприятия, взял на себя шеф банды Финк. На Финка работали еще два человека, которые слегка изменяли внешний вид машин и передавали их непосредственно клиентам. Одним словом, это было отлично организованное дело, которое, правда, только начинало становиться на ноги, поэтому оборот его составлял на данный момент всего 35 тысяч марок. Они рассчитывали продать еще сто автомобилей, после чего хотели прикрыть свою лавочку.

Если бы не промашка Феллера с квитанцией или если бы их дело попало в руки Зельднера, все прошло бы гладко и на этот раз. А теперь разразился страшный скандал, который едва не стоил полицей-президенту Хейглю его кресла. Старший ассистент уголовной полиции Феллер был хорошо известен ему. Всего восемнадцать месяцев назад он приказал перевести Феллера из мюнхенской полиции нравов в захолустный филиал: во время облавы Феллера вместе с Гес-лем и одним комиссаром уголовной полиции застали на квартире известной всему городу проститутки.

Конечно, сам по себе этот факт еще ни о чем не говорил: сотрудникам полиции нравов нередко приходится бывать в таких местах. Подозрение вызвало то, что Феллер и его спутники пытались спрятаться от своих коллег в столовой. Но решающую роль в переводе Феллера на другую работу сыграло систематическое исчезновение из картотеки, которой занимался Феллер, важных документов. Начальник полиции уже тогда собирался уволить Феллера, но потом сменил гнев на милость.

Теперь оказалось, что оставив Феллера в полиции, Хейгель вырыл себе яму. Политические противники начальника мюнхенской полиции и многочисленные претенденты на его место из Христианско-социального союза немедленно взяли его под обстрел. Конечно, Хейгля поддерживала его партия, СДПГ, а его права защищал трудовой договор с городом, и тем не менее ему приходилось постоянно балансировать, чтобы удержаться в своем кресле. В довершение ко всему судебное расследование было начато не только против Феллера, Зельднера и Гесля, но и против еще шестидесяти чиновников мюнхенской полиции. Скандал, начавшийся тривиальной автомобильной кражей, быстро разрастался и, как это не раз уже бывало в подобных случаях, вылился в конце концов в политическую грызню.

Истинной причиной поднятой вокруг этого дела шумихи была уже не проблема коррупции в полицейском аппарате, а борьба партий за политические выгоды. Но все это уже не волновало ни Феллера, ни Зельднера, с которых все, собственно, и началось. Правда, их отстранили от исполнения служебных

обязанностей, но оба продолжали получать уже после вынесения судебного приговора вплоть до окончания дисциплинарного производства 50% своего жалования. И только вахмистр Гесль, "пешка" в этой преступной компании, действительно пострадал. Он был уволен без предупреждения и без выплаты содержания, поскольку из-за оплошности отдела кадров ему еще не выдали документ о том, что он является чиновником полиции. Документ был давно готов и лежал в отделе кадров, однако, не имея его на руках, Гесль не мог воспользоваться законом о запрещении необоснованного увольнения рабочих и служащих. В конце концов, порядок есть порядок.

(Г. Файкс. Полиция возвращается. М., 1983)

ДРЕССИРОВАННЫЙ ВОР

"Обнаружение отпечатков пальцев обычно трудоемкая, утомительная работа", - пишет в своих мемуарах доктор Гарри Зодерман, шведский криминалист, принадлежавший несколько десятилетий тому назад к ведущим представителям полицейской науки. Он описывает случай, "который, пожалуй, был уникален в своем роде и раскрытие которого стоило больше усилий, чем необходимо для раскрытия многих убийств".

В полицейский участок в Лионе, где молодой Зодерман стажировался тогда у известного французского криминалиста Эдмонда Локара, кто-то заявил о краже золотых часов, оставленных им в комнате на столе у открытого окна. Так как никаких улик найдено не было, случай внесли в список нераскрытых небольших преступлений. Но число подобных краж все увеличивалось, они совершались среди бела дня из комнат с открытыми окнами, причем пропадали только блестящие предметы. Единственным исключением была кража зубного протеза у одной старой дамы. Она положила его на стол, на несколько минут отлучилась в соседнюю комнату, а вернувшись, увидела, что протез исчез.

Начальная версия полиции - о том, что орудует шайка малолетних воров, - оказалась несостоятельной, так как многие кражи совершались через окна на втором и даже на третьем этажах. Однажды после такой кражи на оконном стекле обнаружили отпечаток пальца, который немедленно сфотографировали. Но никогда прежде, как утверждали изумленные криминалисты, они такого отпечатка не видели. Он не соответствовал ни одному из известных типов пальцевых узоров, так как все папиллярные линии шли вертикально. Вскоре обнаружили еще несколько таких отпечатков пальцев.

На протяжении многих дней все служащие полицейской лаборатории Лиона ломали себе головы над необычными отпечатками. Что же это за таинственный вор? Наконец ответ дал сам Локар, предположивший, что отпечатки оставлены пальцами обезьяны. Одновременно он высказал мнение, которое до сего дня никем не опровергнуто, что обезьяну можно идентифицировать по отпечаткам пальцев так же, как и человека.

В один знаменательный день все владельцы обезьян (а таких было немало) явились вместе с ними в лабораторию. Не все обезьяны охотно давали свои пальцы для взятия отпечатков. Некоторые кусались, царапались и кричали. На таких надевали намордники, и двое мужчин их крепко держали. Локар оказался прав. "Преступником" была маленькая обезьянка, принадлежавшая итальянскому уличному музыканту. Вначале этот человек упорно доказывал свою невиновность, но когда полиция при обыске его комнаты обнаружила много украденных часов, итальянец признался. Он объяснил, что выучил обезьяну проникать через окно в

квартиру, где никого не было и где он подозревал наличие стоящей добычи. После судебного заседания находчивый уличный музыкант получил хорошую возможность в полном уединении поразмышлять некоторое время над новыми способами дрессировки, а обезьяна нашла уютное пристанище в зоопарке.

(Х. Хефлинг. Шерлок Холмс в наши дни. М., 1991)

СМЕРТЬ ПОДСТЕРЕГАЕТ ВЛЮБЛЕННЫХ

Превратившись из предмета роскоши в товар массового потребления, автомобиль приобрел особую популярность и как место, где любовники могли побыть наедине. Благодаря "гнездышку на колесах" можно было ускользнуть от любопытных взглядов, укрыться где-нибудь за городом, а то и просто в тускло освещенном переулке, чтобы без помех предаться радостям любви. Но в цивилизованном мире даже самое уединенное место имеет порой глаза и уши, а иногда и смертельные когти.

В ночь на 7 января 1953 года доктор Бернд Серве, секретарь по вопросам правовой охраны Объединения немецких профсоюзов, испытал это на себе. Серве подыскивал для своих любовных приключений самые отдаленные и уединенные места. Где-то между 22 и 23 часами он остановил свой "Опель-капитан" на шоссе, ведущем из Кайзерверта в Дюссельдорф. В этот поздний час здесь не было ни души. Парочка так увлеклась, что не услышала торопливых шагов, приближавшихся к машине. Внезапно дверца рядом с Серве распахнулась и почти в то же время распахнулась и вторая. "Влюбленные" в испуге отскочили друг от друга, но, прежде чем успели сообразить в чем дело, раздался выстрел. Доктор Серве рухнул. Профсоюзный деятель был мертв, убийца и след простыл.

По заключению судебного врача, пуля прошла через нижнюю челюсть Серве, зацепила язык, раздробила два шейных позвонка, при этом был задет спинной мозг, что и вызвало мгновенный паралич.

Несмотря на энергичный розыск, уголовной полиции Дюссельдорфа не удалось обнаружить никаких следов, кроме пули, поразившей Серве, или установить убедительный мотив преступления. Оставалось только предполагать, что преступникам была нужна машина, а не Серве.

Расследование зашло в тупик. Дело об убийстве доктора Серве перекочевало в архив нераскрытых преступлений. О нем уже почти забыли, когда в окрестностях Дюссельдорфа произошли два новых убийства.

Утром 28 ноября 1955 года владелец одной транспортной фирмы обнаружил в яме, вырытой экскаватором, автомобиль. Это случилось на северной окраине города, неподалеку от шоссе Кайзерверт-Ратинген. Хозяин решил засыпать яму и заглянул в нее, чтобы определить, сколько потребуется земли. Яма была заполнена водой, из которой выглядывала крыша автомобиля. Машину вытащили. В ней лежали два трупа.

В убитых опознали 26-летнего пекаря Фридриха Бере из Дюссельдорфа и его подругу, 23-летнюю Теа Кюрман из Брилона, пропавших еще 1 ноября.

Вечером 31 октября Бере был в одном из ресторанов в центре Дюссельдорфа вместе с Теа и ее отцом. Молодые люди привлекли внимание посетителей откровенной влюбленностью друг в друга. Незадолго до полуночи Бере вырезал на деревянной балке ресторана сердце с инициалами Теа и своими. После этого парочка ушла. Отец улыбнувшись подмигнул дочке и остался в ресторане.

Очевидно, влюбленные поехали на машине к лесу на северной окраине города. С тех пор их никто не видел.

2 ноября у родителей Бере раздался телефонный звонок. Голос в трубке сказал: "Слава Богу, что с этой свиньей покончено!" Анонимные звонки повторялись и в следующие дни. Уголовная полиция предполагала, что звонил убийца, так как трупы в это время еще не были найдены. Только убийца мог знать, что пропавших уже нет в живых. Самое удивительное, что звонки прекратились, как только телефон Бере был взят полицией под контроль. Кроме того, складывалось впечатление, что убийца хорошо знает семью. Когда дочь Бере однажды попыталась выдать себя за мать, звонивший быстро сказал: "Ты не фрау Бере!" и повесил трубку. Кто был этот хорошо осведомленный аноним, так и не удалось выяснить. Дюссельдорфская полиция безуспешно пыталась отыскать его среди знакомых семьи.

Полицай-президент Дюссельдорфа объявил о денежном вознаграждении в 5 тысяч марок за "полезную информацию, которая приведет к поимке преступника". Была создана специальная комиссия по розыску "убийцы любовных пар". Как и в убийстве Серве, остался неясным мотив преступления. При убитых не было найдено ни денег, ни украшений, но отец Бере утверждал, что дал сыну 200 марок, поэтому полиция после некоторого колебания все же предположила убийство с целью ограбления и сконцентрировала внимание на соответствующем круге лиц. Потом выяснилось, что Фридрих Берг получил 200 марок за две недели до убийства, так что неизвестно, были ли у него эти деньги в момент убийства. Таким образом, версия об убийстве с целью ограбления стала вызывать еще больше сомнений.

Комиссия продолжала заниматься расследование дела об убийстве Бере - Кюрман, когда пришло новое сообщение. Утром 9 февраля 1956 года к северу от Бю-дериха в сгоревшем стоге соломы была обнаружена машина с обуглившимися трупами 26-летнего водителя Петера Фалькенберга и 23-летней машинистки-стенографистки Хильдегард Вассинг из Дюссельдорфа. В последний раз парочку видели вечером 7 февраля в дюссельдорфском ресторане. После этого они бесследно исчезли.

Вскрытие показало, что Петер Фалькенберг был ранен в нижнюю челюсть выстрелом из ручного огнестрельного оружия калибра 5,6 мм и после этого прикончен ударом тупого предмета. Его спутницу оглушили ударами по голове, после чего задушили. Преступник связал ее веревкой и заткнул рот кляпом из тряпки и резиновых колец от консервных крышек.

Убив пассажиров, преступники вкатили машину в стог соломы и подожгли ее.

Трупы были найдены всего в двенадцати километрах от того места, где были убиты Бере и Кюрман. Несомненно, между обоими преступлениями существовала связь.

Уголовная полиция опять объявила о поимке преступников. Специальная комиссия получила подкрепление: теперь она состояла из шестидесяти человек. Было разослано 250 тысяч анкет с вопросами. Жители заполнили их, и уголовная полиция тщательно проанализировала ответы. Радио и пресса предостерегали супружеские и любовные пары от остановок в уединенных местах.

В середине марта арестовали одного подозрительного типа, но у него было прочное алиби.

Уголовная полиция еще подводила итоги опроса населения, когда было совершено новое нападение на любовников. Это произошло вечером 4 мая на лесной поляне недалеко от Бюдериха. Бандитов было двое. Женщина в ужасе бросилась бежать в сторону дороги. Преступник помчался за ней. Он уже догнал ее и вот-вот схватил бы, но в этот момент из леса выехал какой-то человек на мопеде, а на шоссе одновременно с ним показался мотоциклист. Преследователь оставил ее и побежал назад. Тем временем его сообщник, угрожая мужчине

пистолетом, требовал деньги. Прибежав на поляну, бандит крикнул об опасности, и оба моментально исчезли.

Это был первый случай, когда жертвам удалось уйти от убийц. К сожалению, в момент нападения в лесу было темно, поэтому ни мужчина, ни его спутница не могли описать внешность преступников.

Специальная комиссия во главе с комиссаром уголовной полиции Айнком по-прежнему терялась в догадках, когда поступило важное сообщение от одного лесничего. 10 июня дождливым воскресным вечером лесничий Шпет совершал обход по участку Штрюмпер Буш. Мокрые от дождя дороги были очень удобны для съезда с них в лес, и Шпет решил проверить, как живется "всякой божьей твари" в его лесу. Между 18 и 19 часами он заметил свежий след от мотоцикла. Шпет уже не в первый раз видел такие следы, часто их оставляли браконьеры, поэтому лесничий решительно двинулся вперед. Вскоре он увидел мужчину, который как раз маскировал папоротником свой мотоцикл. Когда же этот человек, одетый в маскировочный костюм, с кошачьей осторожностью скользнул в лес по узкой охотничьей тропе, Шпет крадучись пошел следом за ним, держа наготове заряженную трехстволку.

Шпет шел прямо под пулю браконьера, и, если бы тот действовал так же, как многие его собратья, на свете могло стать одной вдовой лесничего больше. Дело в том, что неизвестный спрятался в укрытии и выскочил прямо перед испуганным лесничим только тогда, когда тот чуть не наступил на него. Несмотря на неожиданность, Шпет не растерялся, и благодаря этому, наконец-то, совершился долгожданный поворот в расследовании таинственных убийств. Во-первых, он не долго думая схватил подозрительного мотоциклиста, во-вторых, успел заметить, как тот пытался выбросить какой-то предмет, который оказался заряженной пистолетной обоймой.

"УБИЙЦА ВЛЮБЛЕННЫХ ПАР"

Арестованный представился как Вернер Бост из Бюдериха и утверждал, что просто прогуливался по лесу, но ни лесничий, ни тем более полиция, которая давно знала этого субъекта, не поверила ему.

Бост уже трижды привлекался к судебной ответственности за валютные преступления, был осужден за крупную кражу и незаконное хранение оружия. Так что комиссара Айнка не могли ввести в заблуждение ни открытое юношеское лицо Боста, ни его уверения в невинности, произнесенные самым правдивым тоном.

Босту шел тридцать второй год. Он был внебрачным ребенком и воспитывался у бабушки. До 16 лет он носил фамилию Кореки. С 1950 года Бост с женой и двумя детьми жил в Бюдерихе, где пользовался хорошей репутацией. Он занимался дзюдо, интересовался химией, особенно ядами, и был буквально помешан на оружии. Всему Бюдериху было известно, что, стреляя с бедра из пистолета на расстоянии 3 - 4 метров, он поражал в яблочко маленькую мишень для стрельбы из пневматического ружья.

Поскольку во время ареста Бост пытался выбросить полную пистолетную обойму, уголовная полиция попыталась найти сам пистолет. Крупный отряд полицейских несколько раз безуспешно прочесал район Штрюмпер Буш, но только после того как Боста еще раз хорошенько допросили и он сам указал тайник, полиция конфисковала пистолет П 38 калибра 9 мм. Пистолет был заряжен и снят с предохранителя.

Теперь уголовная полиция могла предъявить арестованному обвинение в незаконном хранении оружия плюс в нескольких кражах и браконьерстве, но с

убийствами любовных пар полиция не видела никакой связи, да и никаких оснований для этого не было. Подозрение зародилось только после обыска в доме Боста, где нашли целый склад оружия, различные химикаты и значительное количество цианистого калия. Однако среди изъятого оружия не было ни пистолета, из которого убили пару Бере - Кюрман, ни того, из которого стреляли в доктора Серве. Поэтому пришлось ограничиться обвинением Боста в незаконном хранении оружия. Отделение по уголовным делам земельного суда Дюссельдорфа приговорило его к шести месяцам тюремного заключения.

Официально дело Боста было на этом закончено. Но дюссельдорфская специальная комиссия все больше склонялась к мнению, что Бост и был тот самый разыскиваемый убийца влюбленных. Негласное расследование продолжалось. При этом уголовная полиция натолкнулась на некоего Франца Лорбаха, который самоотверженно поддерживал жену Боста в это трудное для нее время.

Лорбах был также хорошо известен полиции, хотя и не имел судимостей. Маленький и тщедушный, но очень ловкий, с темными близко посаженными глазами и острым хищным носом, Франц Лорбах напоминал дикую кошку, всегда кого-то подстерегавшую и каждую минуту готовую к прыжку. Он очень интересовался охотой и всем, что было с ней связано. Лорбах, как и Бост был отъявленным браконьером. Их дружба вызвала подозрение полиции, тем более что и убийство доктора Серве, и последнее нападение на любовную пару были совершены двумя преступниками. В квартире Лорбаха немедленно произвели обыск и наряду с вещами, уличающими его в браконьерстве, обнаружили оружие и украшения, похищенные путем краж со взломом, совершенных в Бюдерихе и еще нераскрытых.

Так Франц Лорбах тоже угодил за решетку, и специальная комиссия сосредоточила на нем все внимание. С ним полиции повезло больше, чем с Бостом, который упорно отрицал участие в убийствах. Зная неустойчивость психики Лорбаха, комиссия переходила от строгого, официального тона допросов к более мягкому и, наконец, к прямо-таки отеческому тону и благодаря этому довольно успешно продвигалась к своей цели. Во многом им помог случай. Выкорчевывая живую изгородь у самого дома Боста, рабочие нашли тайник с оружием, где были и украшения, похищенные во время тех краж со взломом, за которые сидел Лорбах. Моток пеньковой веревки, куски ткани и резиновые кольца от крышек для консервирования довершили картину. Связь с убийством пары Фалькенберг - Вас-синг была совершенно очевидна.

Федеральное ведомство уголовной полиции провело экспертизу, которая показала, что найденная пеньковая веревка имела такое же кручение, как и та, которой была связана убитая Хильдегард Вассинг. Такое же заключение было сделано в отношении резиновых колец и кусков ткани.

Специальная комиссия нажала на Франца Лорбаха, и вскоре он сознался, что присутствовал и при убийстве доктора Серве, и при нападении на пару в Меребуше. По его словам, именно Бост застрелил Серве и подстрекал к нападению в Меребуше. Однако ни угрозами, ни посулами нельзя было заставить Боста подтвердить это обвинение. Четыре года и три месяца билась полиция, пытаясь изобличить его. Наконец прокурор предъявил обвинение.

Бост, которого комиссар уголовной полиции Айнк уже представил прессе как "убийцу любовных пар", отбыв шесть месяцев в тюрьме, был сразу переведен в камеру предварительного заключения. Все это время он старательно изучал уголовно-процессуальный кодекс, готовясь к своей защите. Судья и прокурор довольно быстро ощутили плоды этого "просвещения", когда стали поступать жалобы обвиняемого суду на содержание под стражей.

Тем временем обласканный полицией Франц Лорбах с одобрения прокуратуры готовился выступить в роли "главного свидетеля". До этого уголовное право

ФРГ не знало правового института "главного свидетеля", то есть сообщника преступников, который выдавал соучастников, чтобы избежать наказания или смягчить его. Такой вопрос даже не рассматривался в то время западногерманской юстицией и учеными-правоведами. Это произошло гораздо позже, когда расследовалось дело террористической группы Баадера-Майнхоф. Но Лорбах должен был заговорить во что бы то ни стало, и дюссельдорфская полиция решила прибегнуть к этому приему.

Лорбаху не нравилась еда в предварительном заключении, и он тотчас был переведен в полицейскую тюрьму, где стал получать пищу из столовой полицейского управления Дюссельдорфа. К нему приставили специального сотрудника, с которым он гулял по городу, он навещал время от времени свою семью, а иной раз ходил в кино. Шеф уголовной полиции Айнк не погнушался пригласить его к себе домой на чашку кофе.

Лорбах не остался в долгу перед любезными полицейскими. Во время прогулок по городу, которые нередко заканчивались в одной из дюссельдорфских пивных, он звонил Айнку и заверял его, что не собирается выкинуть никакого номера и оправдает возложенные на него надежды. Но самое главное, он открывал все новые преступления Боста. Само собой разумеется, всякий раз при этом подчеркивалось, что хотя сам Лорбах и принимал в них участие, но был, скорее, жертвой Боста, от которого зависел целиком и полностью.

Так Лорбах поставлял все новые и новые материалы обвинению. Земельный суд Дюссельдорфа должен был начать слушание дела 3 ноября под председательством директора суда доктора Неке. Дело Боста составляло уже 1400 листов и содержало все данные об убийствах любовных пар и о многих других преступлениях. В частности, Бост обвинялся в том, что в ночь с 2 на 3 июня 1851 года вместе с сообщником на лугу под Лохаузенем подстрелил из самодельного оружия корову и увез тушу в машине. Спустя месяц он с тем же сообщником устроил ночью на дороге из утыканых гвоздями досок западню для автомобилей. И в том и в другом случае у Боста был с собой заряженный пистолет 08. Но операция "западня" не удалась. Гвозди оказались слишком мягкими. В следующий раз, в ночь с 7 на 8 июля, была сооружена новая западня, с более крупными гвоздями, но опять безуспешно.

Летом 1952 года Бост познакомился с Францем Лорбахом. С этого времени они стали неразлучны, вместе браконьерствовали и упражнялись в стрельбе. Лорбах старался услужить новому другу чем только мог. Он брал для него в библиотеке книги о ядах и оружии и даже предлагал себя для "тренировок".

7 января 1953 года Бост посвятил своего верного помощника в план ограбления кассы одного из предприятий. Лорбах был слишком труслив, чтобы принять участие в такой операции, но вызвался помочь Босту угнать необходимый для этого автомобиль. Так было совершено убийство доктора Серве.

Поскольку Бост все отрицал, суд провел по делу об убийстве Серве выездное заседание, на котором Лорбах с такими деталями продемонстрировал, как было совершено преступление, что суд поверил его показаниям.

Правда, оставалась одна мелочь, вызывавшая сомнения. Лорбах уверял, что во время нападения распахнул правую заднюю дверцу машины. Но, по показаниям полицейского, который проводил осмотр места преступления в тот день, эту дверь вообще нельзя было открыть снаружи, что подтвердили также автомеханик и владелец бюро проката автомобилей.

Имелось еще одно обстоятельство, так и не выясненное до конца судом присяжных. Кому же принадлежал пистолет 08, из которого предположительно стрелял преступник? Завернутый в пыльную тряпку, он был найден каким-то мастеровым среди жестянок на откосе холма недалеко от дома Боста и передан в

полицию. Мастеровой утверждал, что показывал пистолет отцу Боста в присутствии его сына. Но отец не помнил, чтобы у сына был такой пистолет. Оружие было предъявлено нескольким общим друзьям Боста и Лорбаха, однако и они давали противоречивые показания о том, кто же был его владельцем, хотя опознать пистолет было очень легко: у него не было мушки, а на рамке рукоятки имелся дефект и характерные пятна ржавчины. Один из свидетелей заявил, что оружие принадлежало Лорбаху. Он утверждал, что не мог ошибиться, потому что сам как-то стрелял из него. Лорбах же доказывал, что из этого пистолета до убийства вообще не стреляли, а свидетель опознал пистолет только потому, что из всех предъявленных пистолетов лишь на этом не было мушки. Что касается Боста, то он заявил, что вообще впервые видит это оружие.

Не было никаких доказательств, что пистолет принадлежит именно ему, но суд допускал, что в момент убийства Серве он был в руках Боста.

В приговоре также указывалось, что Бост после убийства Серве, в середине июля 1953 года, вновь украл корову под Лохаузенем. Спустя несколько месяцев, 19 декабря, он вместе с Лорбахом и еще одним сообщником обворовал курятник в Бюдерих-Нидер-донке. Когда крестьянин и его работник хотели наброситься на грабителя с вилами, Бост выстрелил, но никого не задел. Пустую гильзу он подобрал.

Что делал Бост до 8 февраля 1956 года, полиция не знала. Но в этот день они с Лорбахом на угнанном мотоцикле направились в Дюссельдорф-Оберкассель, где собирались ограбить местную больничную кассу. Оба были вооружены и взяли с собой маски. Увидев, как оживленно в помещении кассы, Лорбах испугался и моментально исчез. Поколебавшись, Бост последовал за ним.

В ночь с 30 апреля на 1 мая Лорбах и Бост украли автомобиль из гаража одного крестьянина. И, наконец, на основании признания Лорбаха Бост был признан виновным в совершении нападения на пару в Меребуше. В тот вечер Лорбах попросил друга помочь ему выследить самца косули. Они вооружились пистолетами и поехали в лес. Прибыв на место, приятели неожиданно заметили, как метрах в ста от них вспыхнула спичка. Они подкрались ближе и увидели любовную пару.

Бост был осужден за все эти преступления, хотя сознался только в нескольких кражах скота. Во всех остальных случаях, особенно в деле об убийстве Серве, приговор почти исключительно опирался на показания полностью прирученного полицией "главного свидетеля" Франца Лорбаха.

Согласно обвинительному заключению, Бост совершил и убийства в ноябре 1955 года и в феврале 1956 года, то есть был разыскиваемым убийцей любовных пар. Обвинение основывалось на целом ряде улик. Лорбах показал, что ноябрьской ночью 1955 года Бост велел ему почистить пистолет. Из пистолета, правда, не стреляли, но его рукоятка была измазана желтой глиной. У самого Боста все лицо было в "крошечных брызгах крови". В ночь убийства Бере и Кюрман Лорбах, по его словам, отвез приятеля на мотоцикле как раз в этот район и там оставил его. Через несколько дней Бост вернул ему несколько сот марок, которые брал займы три года назад. Как известно, уголовная полиция поначалу исходила из того, что у Бере была при себе солидная сумма.

У Лорбаха было наготове и объяснение мотива убийств. Он заявил, что его друг "ненавидел капиталистов", которые могли себе позволить выезжать с подружкой в машине на природу. Итак, Бост - враг богатых! Но ведь ни одна из его жертв не была богата, не говоря уж о "капиталистах".

Суд опять назначил выездные заседания, но они не дали никаких результатов. Бравый полицейский свидетель не смог сообщить никаких сведений

по самому преступлению.

Улики, которыми располагал суд, были разложены на трех столах в зале судебных заседаний. Среди прочего была целая коллекция оружия, включая английский автомат.

Одна только полиция была представлена пятью экспертами: четверо были из Федерального ведомства уголовной полиции и один из ведомства уголовной полиции земли Северный Рейн-Вестфалия. Эксперт по огнестрельному оружию из Федерального ведомства, заявил, что допускает возможность убийства пары Фалькенберг - Вассинг и доктора Серве из одного оружия. Обе пули были выпущены из пистолета с шестью нарезками правого направления в канале ствола.

Такое устройство имели два конфискованных у Боста пистолета. Определить точно, каким из них пользовался убийца, не представлялось возможным.

Эксперт-химик из Федерального ведомства заявил, что в оборудованном под лабораторию подвале Боста были найдены химикаты, которые можно увидеть в большинстве лабораторий: денатурат, эфир, сера, селитра, муравьиная кислота и сода.

Третий эксперт из Федерального ведомства обнаружил цианистый калий в одной из бутылочек и шприце, конфискованных у Боста.

Что касается эксперта из земли Северной Рейн-Вестфалия, то ему с самого начала было совершенно ясно, что Бост интересовался главным образом такими химикатами, которые можно использовать для убийства или нападения. Чтобы сделать подобный вывод, ему было достаточно того, что у обвиняемого был изъят стрихнин и записи о некоторых приемах дзюдо.

Прокурор считал Боста полностью избалованным в совершении трех убийств и потребовал приговорить его трижды к пожизненному тюремному заключению, а за остальные преступления к различным срокам заключения, которые в сумме составляли семнадцать лет. Кроме того, прокурор настаивал на лишении Боста как злостного рецидивиста гражданских прав.

Прокуратура подозревала Боста и в убийстве Бере - Кюрман, но за недостатком улик считала возможным вынести оправдательный приговор. К главному свидетелю Лорбаху прокурор отнесся гораздо мягче. Кара за участие в убийстве доктора Серве составляла всего три года тюремного заключения. За все свои преступления Лорбах должен был получить четыре года и шесть месяцев тюрьмы. Три года, проведенные в предварительном заключении, засчитывались в меру наказания.

Оба адвоката обвиняемого начали свою речь о ходатайстве. Во-первых, они просили разрешить психологам обследовать Франца Лорбаха для установления правдивости его показаний. Во-вторых, они требовали, чтобы комиссар уголовной полиции Айнк санкционировал дачу показаний сыщиком, который в своем донесении в полицию выдвигал самые серьезные обвинения против Франца Лорбаха. Айнк получил это донесение еще во время расследования, но отмахнулся от него как от нелепой фантазии. Теперь адвокаты просили заслушать этого агента в качестве свидетеля. И, в-третьих, они настаивали на зачете заявки на патент, которая доказывала интерес Боста к изготовлению оружия.

Суд отклонил ходатайство о привлечении специалистов-психологов, мотивировав отказ тем, что участвующий в процессе психиатр обладает достаточными знаниями, чтобы вынести заключение о правдивости показаний Лорбаха. Заключение психиатра было положительным. В ответ на второе ходатайство суд ограничился лаконичным сообщением, что уголовная полиция отказала в разрешении на дачу показаний. Третья просьба была также отклонена, но интерес обвиняемого к изготовлению оружия принимался во

внимание.

Защита пыталась продолжать борьбу. В заключительном слове адвокаты указали на то, что обвиняемый задолго до суда был квалифицирован общественным мнением как "убийца любовников" и, следовательно, с самого начала не мог рассчитывать на справедливый приговор. Кроме того, основанием для обвинения могут быть только неопровержимые факты, но не дешевые трюки или неопределенные предположения. Однако ни в одном из трех рассмотренных случаев убийств не было неопровержимых доказательств вины Боста.

Настоящий убийца, возможно, все еще гуляет на свободе. Это доказывало, в частности, и очередное убийство пары 9 февраля 1958 года под Опладеном. Мало того, все внешние обстоятельства убийства были точно такими же. Но ведь Бост к этому времени был давно арестован.

Действительно, убийства любовных пар в то время были в ФРГ не редкостью. Спустя шесть месяцев после нераскрытого преступления под Опладеном, на которое сослался защитник Боста, в предместье Мюнхена в лесу был найден труп 16-летней девочки и ее 18-летнего друга. Они были застрелены. Убийца отодвинул трупы в сторону и подобрал гильзы. И на этот раз преступник не был найден.

14 декабря 1959 года, на шестнадцатый день слушания дела, был оглашен приговор. Когда вошел суд присяжных, все затаили дыхание. В переполненном зале царил мертвая тишина. Вернер Бост был бледен, но сохранял самообладание. Франц Лорбах затравленно озирался. В гнетущей тишине председатель огласил приговор. Вернер Бост признавался виновным в убийстве доктора Серве в совокупности с ограблением при отягчающих обстоятельствах и попыткой подстрекательства к убийству.

В случаях Бере - Кюрман и Фалькенберг - Вассинг Бост был оправдан за неимением доказательств. Правда, было установлено, что в ночь убийства Бере и Кюрман Бост находился на северной окраине Дюссельдорфа, то есть в непосредственной близости от места преступления, и вполне допустимо, что брызги крови на его лице свидетельствовали о совершенном убийстве, однако этого было недостаточно, чтобы признать его виновным. В деле Фалькенберг - Вассинг доказательства были более убедительными: в первую очередь, пеньковая веревка и резиновые кольца, обнаруженные в тайнике Боста. "Но - как заявил председатель земельного суда доктор Неке, - нельзя исключать возможность того, что пары были убиты одним или несколькими другими преступниками".

Бост был приговорен к пожизненному тюремному заключению, к лишению всех гражданских прав и как "злостный рецидивист" к содержанию в заключении после отбытия наказания.

Эта дополнительная мера наказания была введена во времена нацистского режима согласно "закону об особо опасных профессиональных преступниках и о дополнительных мерах наказания" от 24 ноября 1935 года и вошла в уголовный кодекс "третьего рейха" как параграф 42, а впоследствии была сохранена в уголовном праве ФРГ. В соответствии с 67 параграфом, пункт "д", содержание в заключении после отбытия наказания связано с очень длительными сроками. Как долго осужденный остается в заключении после отбытия наказания, целиком и полностью зависит от усмотрения суда. На основании этого закона нацисты отправляли в концентрационные лагеря и лагеря смерти антифашистов. Сегодня в ФРГ это положение используется также не только для борьбы с профессиональной преступностью, но и против анархистов.

Франц Лорбах, для которого даже органы государственного обвинения требовали весьма мягкого наказания, получил всего пять лет тюремного заключения. Таким образом, суд увеличил его срок на шесть месяцев по

сравнению с требованием прокурора. Может быть, он хотел продемонстрировать этим свою объективность. А может быть, членам суда было все-таки стыдно, что для вынесения приговора они воспользовались показаниями такого "свидетеля".

(Г. Файкс. Полиция возвращается. М., 1983)

БАЛЕТ В РОЗОВОМ ТЮЛЕ ИЛИ ШАЙКА СОВРАТИТЕЛЕЙ

Ночь была теплая, настоящая летняя. Сверкающий хромированными деталями большой темный лимузин - дорожный крейсер - бесшумно вырулил из-за поворота, притормозил и остановился перед многоэтажным домом. На втором этаже чуть дрогнула гардина, в окне показалась женская головка. Из машины вышла юная девушка в скромном белом балетном платье и, направляясь к дому, приветливо помахала перчаткой водителю. С материнской гордостью взирала на нее из окна незнакомка.

Водитель дал газ, и через несколько секунд машина скрылась за ближайшим углом. Девушка в белом вошла в подъезд, а немного спустя на втором этаже зажгли свет. Свет горел недолго: ровно столько, сколько потребовалось девушке, чтобы поделиться с полной ожиданий мамой восторженными впечатлениями о пышном великолепии балетного вечера и о покровительственных любезностях господ меценатов, в особенности - месье Сорлю. Затем малышка удалилась в свою комнату, а мать снова легла в постель и успокоилась в приятных сновидениях, главным содержанием которых было блестящее будущее ее талантливой дочери Мартины: ведь благодаря содействию Пьера Сорлю перед ней теперь открылся путь на сцену и в кино и, кто знает, может со временем девочка станет знаменитой балериной!

Так грезилась мать хотя весь вечер, с того самого часа как Пьер Сорлю увез с собой дочь, ее тревожили, ни на минуту не давали покоя вопросы, ответы на которые она не получила и теперь, после рассказа дочери: в самом ли деле этот Пьер Сорлю столь бескорыстен, каким пытается казаться, и не заведет ли ее Мартину дорога к искусству в постель к Сорлю или к какому другому меценату - мысли от которых голова идет кругом, особенно когда вспомнишь, что Мартине едва исполнилось пятнадцать. Но, с другой стороны, успокаивала она себя, ведь этот Пьер Сорлю уже много лет числится другом дома, а преждевременная потеря невинности для девушки ей-ей не самое худшее в жизни, да и что, собственно, может теперь изменить она, мать, если ее Мартина вбила себе в голову, что непременно станет знаменитой прима-балериной...

А тем временем за ближайшим поворотом Пьер Сорлю, мысли о котором не давали заснуть смятенной матери, беспокорно ерзал в своей роскошной машине, с нетерпением ожидая Мартину. Время поджидает: его самого давно уже ждут, а он все еще копается здесь. Впрочем, ждут-то, конечно, не столько его, сколько малышку, которую он обещал привезти. Сорлю же имел обыкновение выполнять свои обещания - доброе свойство, за которое его весьма ценили в определенных кругах. Да и как было не ценить человека, отлично умевшего потрафлять маленьким слабостям солидных (и весьма!) мужей.

Тридцатичетырехлетний Пьер Сорлю был типичным представителем тех, кого называют плейбоями. Нахальные усики-ниточки, темные глаза, завитые волосы, мужественное лицо и самоуверенная небрежность, с которой он носил свои сшитые на заказ у лучших портных дорогие костюмы, - не мужчина, а блесна, на которую так и норовят клюнуть молоденькие девочки. А фигура-то, фигура какая

спортивная! Мышцы и осанка остались у него еще со времен, когда он был чемпионом Бретани по велогонкам.

Потом его приглядела секретная служба DST: острая, сноровистая реакция в самых щекотливых ситуациях делала его незаменимым для шоферской работы в этой почтенной организации, в чем он и преуспевал, катая по стране высокопоставленных персон. За годы своей работы шофером в секретной службе велогонщик Сор-лю изрядно развил свои природные способности и обзавелся контактами, которые такгодились ему теперь.

Самым главным для него были, разумеется, знакомства с многочисленными важными и очень важными господами, раскрывавшими ему свои двери и свои уши. Не последнюю роль играли и уверенные светские манеры, благодаря которым он столь неотразимо влиял на женщин, ну и, конечно, колоссальная сверхбессовестность, позволившая ему жить припеваючи, не зная трудов праведных, до того самого момента, пока на его подбитое ватой плечо не легла рука следственного судьи Сакотта. Однако до этого рокового дня было еще далеко, и в упомянутый нами вечер Пьер Сорлю думал вовсе не о следственном судье и правосудии, а вещах куда более приятных.

Девушка все не шла, и он совсем уже было решил ехать в одиночестве, как вдруг открылась правая дверца и на сиденье рядом с ним скользнула Мартина, которую всего за полчаса до этого он высадил у подъезда ее дома.

- Все в порядке, можем ехать, - сказала она, теребя руками свое тоненькое платьице.

- Никто ничего не заметил? - озабоченно спросил Пьер.

- Никто, мои старики спят крепко, - ответила девушка, прижимаясь к нему.

Он притянул ее к себе, ловко прошелся привычными руками по маленьким крепким грудям и бедрам и небрежно поцеловал подставленные губы.

Девушка была разочарована: прежде поцелуи Пьера были более пылкими, руки - более нежными и глаза устремлены на нее, а не на часы. Мартина, конечно, отлично знала, что Пьер Сорлю здесь не только из-за нее и что она - далеко не единственная неопитка, которой он расчищает дорогу в большой свет. В балетной студии она предостаточно наслушалась от других девушек и о нем, и о его благосклонностях.

- Мы должны спешить, - сказал Пьер, дал газ и с бешеной скоростью погнался машину. Они промчались через весь город, миновали предместье и подъехали наконец к загородной вилле, этакому маленькому романтическому замку под названием Ле Бутар.

Там, в уединенном зале, целая коллекция пожилых господ - все как один из высших слоев общества - с нетерпением ожидала очередного представления.

Подчеркнуто приветливые, слегка утомленные искусством, эти господа слыли здесь покровителями молодых талантов. Быть или не быть девушке балериной, танцевать или не танцевать ей на большой сцене - все зависело от их благорасположения. Только вот балет-то, который показывали здесь этим богатым, разыгрывавшим из себя меценатов балетоманам, был совершенно особого рода.

Совсем еще юные, миловидные девушки в тончайших розовых и белых накидках, едва прикрывающих их обнаженные тела, извивались в танце, фигуры которого даже отдаленно не походили ни на классические, ни на фольклорные, что же касается целомудренности, то здесь ею и вовсе не пахло. Некая "голубых кровей" хореограф-дилетант приготовила в этом балете терпкий коктейль из юных, грациозных тел, нежных, прозрачных тканей и извращенной фантазии - этикие оптические "шпанские мушки", будоражащие притупленную

чувственность истасканных господ.

А потом... Потом пожилые господа занимались своей меценатской деятельностью в индивидуальном порядке: уединившись с той или иной юной актрисой в укромной комнатке или нише, каждый лично преподавал своей протее уроки хороших манер изысканного общества.

Так или примерно так протекало большинство представлений "розового балета", организованного бывшим сотрудником Сюртэ (он же - поставщик "кадров"), аранжированного разорившейся графиней, финансируемого и эксплуатируемого целой компанией богатых и влиятельных "меценатов".

Девушки из самых разных слоев общества выставляли напоказ свои юные тела и, по горло сытые домашними заботами, очертя голову шли на дудочку крысолова Сорлю. А было всем этим девушкам от 12 до 18 лет. Так и процветал этот "розовый балет" - квинтэссенция изысканнейших удовольствий определенных, весьма обеспеченных кругов - до самого конца ноября 1958 года, когда юстиция вдруг спохватилась и положила конец непристойному действу.

Началось все с того, что произошло нечто доселе неслыханное: среди бела дня на улице, в самом центре Парижа, к почтенному коммерсанту, солидному отцу подающей большие надежды дочери, привязалась девчонка-подросток. Девушка отнюдь не набивалась в любовницы (что, впрочем, для больших европейских городов вовсе не такая уж редкость), нет, она просто скромно требовала двести пятьдесят тысяч франков отступного. Получить их она желала немедленно и наличными, со своей же стороны обещала за это навсегда позабыть об известных ей, фактах распутного поведения тринадцатилетней дочери коммерсанта. В случае его отказа их оглашение якобы всерьез может грозить отцу конфликтом с полицией и законом.

Коммерсанта словно громом поразило. О художествах дочери он ничего не знал и понятно, охотно услышал бы о них поподробнее, однако девчонка ограничивалась лишь неясными намеками. Платить деньги коммерсант не стал, а немедленно помчался домой и взял в оборот доченьку вкупе с супругой.

То, что малышка рассказала о вечеринках Пьера Сорлю, звучало вполне безобидно, но, несмотря на мольбы полной недобрых предчувствий жены не раздувать историю, возмущенный коммерсант поспешил в полицию и сделал заявление о шантаже.

Дело передали следственному судье Тракселе, и когда уголовная полиция занялась им по-настоящему, то выяснилось, что маленькая вымогательница вовсе не сгущала краски, говоря о распутстве.

Дочка коммерсанта назвала целый ряд участвовавших вместе с ней в оргиях других девиц из добропорядочных буржуазных семейств. Следственное дело запестрело безупречными доселе именами. Замешанными в деле оказались представительницы семейств, истово пекущихся о своем реноме и своих гешефтах, семейств, для которых добрая репутация важнее невинности дочери. Одни родители почти уже совсем уверовали в быструю карьеру своих дочерей и теперь были весьма разочарованы, другим - за деловыми хлопотами печалиться о дочках было просто недосуг.

Скандал, в котором фигурировали бы их имена, был им всем совершенно ни к чему. Не удивительно, что добиться от них заявлений о совращении дочерей оказалось делом отнюдь не легким.

Но без таких заявлений руки у следственных органов были связаны, поэтому следственный судья Тракселе постарался (тем более, что поначалу именно так и казалось) представить дело таким образом, будто бы в нем замешаны лишь персоны малозначительные. Впрочем, с одной стороны, эти персоны стояли все же довольно высоко, что позволяло подтвердить сладкую

сказочку о равенстве перед законом всех граждан прекрасной Франции, но, с другой стороны, недостаточно высоко, чтобы серьезно повлиять на престиж государства. Французская юстиция крайне нуждалась в таком подтверждении своего беспристрастия. А что, скажите, может быть лучше для завоевания симпатий публики, чем роль бескомпромиссного защитника девичьей невинности?

Вначале именно так все и шло. Следственный судья Тракселе из всех сил старался преодолеть робость шокированных родителей и поскорее собрать нужные заявления. Но когда через красавчика Пьера и его розовых танцовщиц следствию стало известно о солидных господах, для которых, собственно, и был задуман весь этот розово-балетный притон, машина правосудия забуксовала, шаги полиции стали все медленнее и медленнее, а паузы между отдельными следственными действиями все длиннее и длиннее.

В конце концов, это ведь вовсе не пустяк - взять да и выступить против людей, которые одного подоходного налога платят в сумме большей, чем годовой бюджет всей юстиции! А какой вес в политике они имеют!

Даже падкие на паблисити комиссары полиции и те наступили на горло своей песне и стали говорить экивоками. Дело усугублялось еще и тем, что эти солидные господа, которые доставляли столько хлопот полиции и юстиции, принадлежали к разным политическим лагерям и группировкам - еще одна веская причина быть осторожными и постоянно держать нос по ветру. Один из меценатов, антиголлист, даже был некоторое время председателем парламента Четвертой республики, другой, крупнейший владелец ресторанов, был влиятельным голлистом, кое-кто (главным образом, ювелиры и промышленники) слыл правым, иные же охотно признавали, что придерживаются "левой ориентации", а модный парикмахер Гульельми был "придворным куафером" всего парижского высшего света... Нет, слишком уж плотно нашпиговано это дело всякими столбами да надолбами, капканами да волчьими ямами - и не позавидуешь полицейскому или следственному судье, который их проворонит!

Да, конечно, все они - люди разных политических взглядов, но политика политикой, взгляды взглядами, а в своем стремлении спустить всю эту историйку на тормозах, да так, чтобы битых черепков было поменьше, господа соучастники проявили трогательное единодушие. Прекратив на время взаимные распри, представители разных партий и блоков пустили в ход все свои возможности и добились того, что юстицию публично пригвоздили к позорному столбу, ибо она якобы раздувает из мухи слона. Оплеванная юстиция, столь опрометчиво разжегшая пожар, теперь из кожи вон лезла, чтобы любыми путями поскорее затушить его.

Акценты сместились. Пьер Сорлю стал мелким плутом, солидные господа - в худшем случае, такими добродушными дилетантами, которых бессовестно обманывали. Истинными же виновниками оказались "балетные мышки" и их помешанные на карьере родители, возмутительно равнодушные к поведению своих безнадзорных дочерей. Самих девушек сначала подвергли нескончаемым мучительным допросам в уголовной полиции и у следственного судьи, а затем выставили их под перекрестный огонь опытных адвокатов.

Кое-кого из них, особенно девушек из небогатых семей, тут же немедленно признали потаскухами. Что же касается самой системы, заведенной Пьером Сорлю, - предприятия, где тон задавали "солидные господа" вроде тех, из Ле Бутар, то в его осуждение со стороны правосудия не было сказано ни единого слова.

Для успокоения общественности из всей шайки совратителей обвинение было предъявлено двадцати двум наиболее скомпрометированным господам и гра-фине-балетмейстерше (разумеется, строго конфиденциально).

(Г. Файкс. Большое ухо Парижа. М., 1981)

"ЗАКЛИНАТЕЛЬ БЕСОВ"

Сотрудники франкфуртской уголовной полиции придерживались мнения, что их уже не удивит никакое преступление. Однако и у них мурашки забегали по коже, когда 26 октября 1959 года перед ними растворились двери сапожной мастерской 64-летнего Георга Краузерта на Казиноштрассе, 2.

На задней стене темной комнаты висел труп сапожника. Кисти и стопы его были пробиты гвоздями в десять сантиметров длиной, из обнаженной груди торчал заостренный металлический стержень, на лбу был вырезан крест. Мертвец был в одних штанах, остальная одежда в беспорядке валялась по всей мастерской. Жуткая картина не оставляла никаких сомнений в том, что Краузерта распяли в соответствии с религиозным представлением о таком виде казни.

Гаупткомиссар уголовной полиции Конрад и два его помощника, обер-комиссар Брейтер и обермейстер Радой, были в недоумении. Весь их совместный опыт, накопленный при расследовании бесчисленного множества убийств, в данном случае ничего им не подсказывал. Ограбление не могло быть мотивом убийства. В платяном шкафу сотрудники обнаружили 4000 марок наличными и сберегательную книжку еще на 4000 марок. Удивительно, что у простого сапожника, занимавшегося мелкой починкой обуви, вообще оказалось так много денег.

На расспросы Брейтера и Радоя об образе жизни покойного и круге его знакомств жильцы дома отвечали со странной сдержанностью. Все ссылались на то, что почти не знали Краузерта. Некоторые считали его чудаковатым нелюдимом, некоторые - религиозным фанатиком. Старуха, много лет выполнявшая для сапожника разные мелкие поручения, со страхом поведала Брейтеру:

- Он изгонял бесов. Очищал от порчи крестьянские дворы, когда хворала скотина или случался неурожай.

Комиссия по расследованию убийств интересовалась вначале не столько мистикой, с которой сапожник был связан при жизни, сколько его загадочной смертью. Сам себя распять он, конечно, не мог. Значит, надо было выяснить, кто это сделал. Жильцы дома не сообщали ничего существенного. Дело запуталось еще больше, когда стали известны результаты вскрытия. Оказалось, что Краузерт умер от удушения и был распят только через сутки после смерти. Приходилось, таким образом, считаться с возможностью, что убийство произошло где-то в другом месте, а в мастерской был совершен лишь ритуал распятия.

Комиссия по расследованию убийств не успела еще предпринять каких-либо шагов для проверки этой версии, когда в ночь на 27 октября получила сообщение, что в доме № 5 по Казиноштрассе последовательницы распятого собрались на тайную панихиду.

Дом был оцеплен, и в нем проведен обыск. На четвертом этаже сотрудники уголовной полиции застали тринадцать женщин, перебиравших четки; одна из присутствовавших при свете свечи вслух читала прощальное послание покойного сапожника. Участницы ночного сборища были задержаны, письмо изъято. Оно гласило:

"Это письмо должно быть сразу после моей смерти прочитано в полуночный час тринадцатью лицами. Христос явился мне и возвестил, что меня ждет смерть от рук двух убийц, которые получают за это 12 500 марок. Эта жертва

необходима, чтобы избавить наконец мир от нечистой силы. Если такова воля Христа, я готов умереть. Я желаю только одного: чтобы меня распяли точно так же, как был распят он".

Сравнение с бумагами в квартире Краузерта подтверждало, что письмо действительно было написано им собственноручно. Но что он хотел этим сказать? Кто были люди, собиравшиеся его убить? Тринадцать задержанных женщин не дали ответа на этот вопрос.

Ничуть не удивленные трагической кончиной своего учителя и уверенные, что он, подобно Иисусу Христу, вознесся на небо, тринадцать дам признались в конце концов, что состоят в секте, организованной Краузер-том. Секта, именовавшая себя "обществом лепестков розы", ставила своей задачей избавление мира от ведьм и дьявольских отродий. В качестве своеобразного членского билета последовательницы покойного постоянно носили при себе лист бузины с "нерукотворным" изображением Иисуса, каким тот явился сапожнику Краузерту в одном из видений.

О деятельности франкфуртского сектанта комиссия по расследованию убийств получила представление, ознакомившись с его дневником и расшифровав записанные корявым почерком названия мест, где он демонстрировал свое искусство по изгнанию нечистой силы. Точно странствующий проповедник, сапожник переходил из одной западногерманской земли в другую, предлагая в отдаленных деревнях за соответствующую мзду амулеты, обломки креста, рецепты магических снадобий и прочие знахарские средства.

Все началось в 1956 году. Маленькая дочь хильпартс-дорфского трактирщика уже несколько недель хворала. Не сведущий в болезнях детей грудного возраста 80-летний местный врач В. ничем не мог ей помочь. Прежде таких малюток лечила акушерка, но она переехала в Мюнхен, и с того времени едва ли не каждый третий новорожденный в деревне умирал. День ото дня становилось все хуже и маленькой Терезе. Вместо того чтобы отвезти девочку в город, в больницу, мать обратилась за советом к богомолке из соседнего села. Та как-то рассказывала ей, что сюда время от времени наезжает один кудесник, умеющий лечить недуги, против которых бессильно искусство самых опытных врачей.

- Он обладает огромной колдовской силой и вылечит твоего ребенка, - заверила та жену трактирщика. - Раз твоя дочь так тяжело больна, что врач не в состоянии помочь ей, значит, виноваты здесь демоны и ведьмы. - И она пообещала прислать "учителя", как только он снова окажется в этих краях.

Через несколько дней Георг Краузерт появился в деревне. Трактирщик не желал иметь дело со знахарями, но как раз в это время его не было дома. Краузерт велел матери маленькой Терезы занавесить окна, запереть двери и раздеть больную догола. Сам он при этом беспрестанно бормотал молитвы. Затем он с закрытыми глазами подошел к кровати, прикоснулся к тельцу малютки и, описав правой рукой в воздухе таинственные знаки, опрыскал больную какой-то жидкостью, отчего девочка отчаянно закричала. Испуганная мать разразилась рыданиями. Она боялась, уж не изменила ли "учителю" его сила. Но сапожник властным жестом призвал ее к молчанию, после чего со всем волнением, на какое был способен, объявил:

- В ребенка вселились бесы!

- Что же делать? - в страхе спросила мать. - Можете вы помочь? Можете?

"Учитель" не удостоил ее даже взглядом, словно наказывая за то, что она посмела усомниться в его искусстве.

- Сначала надо изгнать бесов из постели, - буркнул он. - Если это не поможет, прибегнем к более сильному средству.

Все необходимое для производства магических действий "учитель" носил в старомодном саквояже, из которого извлек заржавленные старые ножницы и три длинных стебля крапивы, вне всякого сомнения сорванных по пути сюда на ближайшем лугу. Подняв одной рукой ребенка, он другой разложил крапиву веером на простыне, а сверху прикрыл ножницами, раздвинув их в виде в креста. Свои действия он сопровождал заклинаниями.

- Кто тебя заговорил? Силу твою кто похитил? Если то мужчина был, с ним самим пускай стряется, что тебе он пожелал. Если женщина, да будет с ней самой твоя беда... Тебя заколдовали вдоль и поперек. Так пусть же поможет тебе Иисус Христос вдоль и поперек. Все что я говорю, говорится тебе на пользу.

После этого он уложил голого ребенка на крапиву и крест из ржавых ножниц. Малютка сразу так жалобно заплакала, что и мать не могла сдерживать слез. Краузерт снова велел ей умолкнуть. Достав из саквояжа порошок - вероятно, купленное в аптеке снотворное, - он дал его ребенку. В сердце матери, конечно, опять воскресла вера в чудеса.

"Учитель" бегал по комнате, жестикулировал, призывал на помощь святую троицу и бормотал раз за разом "Отче наш", пока маленькая Тереза не уснула под влиянием лекарства.

Мать, стоявшая на коленях подле кровати и не спускавшая с малютки глаз, вначале испугалась, что та умерла. Но затем, увидев, что девочка дышит ровно, подняла исполненный благодарности взгляд на человека, который, по всей видимости, одними только благочестивыми действиями сумел повлиять на болезнь.

- Теперь все будет хорошо? Могу я надеяться сохранить мою Терезу? - дрожащим голосом спросила женщина.

Франкфуртский сапожник, однако, высказался с осторожностью:

- Все в руках божьих, дочь моя, - елеинно сказал он.

- Если такова будет его воля, ты сохранишь свое дитя. Но мы должны помочь Богу. Мне необходимо окурить квартиру.

Не понимая, что он имеет в виду и что требуется от нее самой, женщина в растерянности смотрела на Краузерта. Начав складывать свои вещи, он пояснил:

- Не сейчас. Сегодня ночью, а может быть, завтра, а может быть, и послезавтра. В доме при этом должна царить абсолютная тишина. Каждый шорох помогает ведьмам. Я поживу у вас, пока настанет подходящий момент...

Краузерт прожил в трактире целых пять дней, время от времени давая маленькой Терезе порошок, чтобы она спала и дальше.

Конечно, трактирщица не могла утаить радости по поводу наметившегося выздоровления ребенка. Она рассказала обо всем мужу. Сперва тот хотел вышвырнуть ее из дому вместе с "учителем". Однако затем, убедившись, что малютка, раньше кричавшая ночи напролет, теперь действительно спокойна, и потолковав с суеверными завсегдатаями трактира, утверждавшими, что есть люди, способные изгонять нечистую силу, он тоже начал верить, что таинственный сапожник поможет девочке.

Известие, обсуждавшееся за столом в трактире, тут же, понятно, разнеслось по всей деревне. Со двора во двор передавалась новость: трактирщики заполучили к себе заклинателя бесов! И на следующее утро у сапожника Краузерта состоялся в трактире первый прием посетителей. Еще одна община попала под влияние франкфуртского кудесника.

На шестую ночь "учитель" объявил, что настал благоприятный момент для окуривания. Церемония, как и подобает шарлатанскому ритуалу, проводилась со всей торжественностью. Первым делом было приказано крепко-накрепко запереть

все двери и окна, не оставив нигде ни щелки, чтобы не допустить даже малейшего дуновения ветерка. Краузерт собственноручно заткнул ватой замочные скважины и вдобавок понатыкал туда иголок.

- Это чрезвычайно важно, - поучал он, - потому что, как только злые духи и ведьмы замечают, что начинается окуривание, они всеми силами стремятся пролезть в дом. А вы ведь знаете, что чертову отродью достаточно малейшей щелки, малейшей дырочки. Но вот острого все они боятся, как страшного суда.

Трактирщица благоговейно кивнула: она уже слышала об этом от богомолок. Заклинатель бесов между тем продолжал инструктировать:

- У ведьм очень тонкий нюх на все, что затевается против них. Поэтому возможно, что какая-нибудь из них постучит в окно, чтобы ее впустили во время окуривания. Но делать этого ни в коем случае нельзя, иначе злые чары притаятся здесь и в дальнейшем будут все больше набирать силу. Значит, если в окно постучат, не открывайте и не откликайтесь ни словом.

Совершенно заворожив этой речью своих слушателей, "учитель" приступил наконец к самой процедуре окуривания. Он положил в кухонную плиту принесенный с собой уголь (из арабских дров, как он объяснил) и подождал, пока тот раскалится, после чего отнес его на совке в спальню и смешал со смолой, извлеченной все из того же саквояжа. От этой смеси распространился такой адский запах, что у трактирщиков перехватило дыхание. Видя, как они затыкают носы и оттирают слезы, Краузерт в утешение им сказал:

- Так и должно быть. Все, что дымит и воняет, особенно надежно действует против злых чар.

Сопровождаемый плачущими хозяевами, сапожник с угольным совком в вытянутой руке обошел весь дом от погреба до чердака, громко распевая при этом церковные песни.

В общем зале Краузерт вдруг остановился, словно неожиданно что-то обнаружив. Свободной рукой он подал трактирщику знак следовать за ним и, подойдя к окну, отодвинул штору. Мимо, освещенная луной, проезжала повозка. Указав на нее пальцем, "учитель" спросил:

- Кто это?

- Хозяин извоза Хегнер, - ничего не подозревая, отозвался трактирщик.

- Он проехал мимо как раз, когда мы делали окуривание, - это не к добру! - глубокомысленно изрек "учитель".

Трактирщик не сразу понял всю серьезность сделанного замечания: Хегнер, копивший деньги на покупку грузовика, работал часто до глубокой ночи.

Краузерт, однако, продолжал твердить, что появление извозчика не сулит ничего хорошего, и хозяйка тут же шепнула мужу, что она, мол, всегда говорила: с Хегне-ром что-то не в порядке - разве добрый христианин станет так мучить своих лошадей, гоняя их до полуночи? С этой минуты трактирщики твердо решили, что либо хозяин извоза Хегнер, либо кто-то из его работников навел порчу на маленькую Терезу.

Сапожник все же довел окуривание до конца. Из своего чудесного саквояжа он извлек семь красных восковых пластинок и, разложив их на столе, велел хозяйке принести свечу. Затем, раскалив в пламени свечи иглу, нацарапал на пластинках одно из своих обычных маловразумительных изречений: "Безбожники рады творить зло, но праведное семя прорастет". Отцу ребенка "учитель" велел на рассвете закопать эти пластинки в семи разных местах приусадебного участка, чтобы полностью обезвредить от нечистой силы всю территорию.

Трактирщик, однако, так устал за ночь, что проспал рассвет и не смог закопать пластинки в положенное время. Он решил, что завтра непременно

наверстают упущенное. Но маленькая Тереза умерла в тот же самый день. Старый сельский врач, заполняя свидетельство о смерти, констатировал воспаление легких. А заклинатель бесов, еще находившийся в трактире, когда малютка испустила последний вздох, хладнокровно заметил:

- Я ведь вам сразу сказал, когда мимо проехал извозчик, что не к добру это.

Услышав, как хозяйка упрекает мужа, проспавшего рассвет и не выполнившего данного ему поручения, "учитель" возмущенно покачал головой и объявил, что трактирщик сам повинен в смерти ребенка.

За изгнание нечистой силы Краузерт потребовал гонорар в 450 марок. Несчастные родители были далеки от мысли, что сапожник своими шарлатанскими фокусами окончательно доконал малютку. Всю вину за случившееся они возлагали на Хегнера, который своим появлением во время окуривания свел на нет священнодействия "учителя" и накликнул смерть.

Фанатизм суеверных односельчан едва не довел Хегнера до самоубийства. Стоило несчастному показаться на улице, как мальчишки швыряли в него камнями и грязью. По вечерам женщины с бранью стучались к нему в окна, стремясь застигнуть его за чтением сатанинской книги с черными страницами и белыми буквами. В сочельник неизвестные облили бензином и подожгли его забор. А в новогоднее утро на его воротах оказалось повешенное на толстой веревке чучело, изображавшее его самого.

Все это обермейстер франкфуртской уголовной полиции Радой сумел в конце концов выведать.

Радой полагал, что работа его не осталась напрасной: он обнаружил след, ведущий из Хильпартсдорфа во Франкфурт, куда переехал извозчик Хегнер; вполне вероятно, он-то и рассчитался с франкфуртским сапожником за все зло, которое тот ему причинил. Однако уже довольно скоро Радую пришлось убедиться, что, и помимо Хегнера, есть много людей, погубленных Краузертом, ставших жертвами его борьбы с нечистой силой и имевших достаточно оснований желать его смерти.

Протоколы по делу Краузерта, составленные тремя сотрудниками франкфуртской комиссии по расследованию убийств, выглядят точно летопись средневековых ужасов. Вот лишь некоторые выдержки:

"В деревне Эссенроде, под Брауншвейгом, Краузерт появлялся каждые четыре-шесть недель и регулярно производил изгнание нечистой силы из крестьянских дворов за плату в 100 марок. 19 стариков и старух были заподозрены им в связи с дьяволом и объявлены причиной всех случившихся в деревне несчастий. Богатому крестьянину Хензеляйту, свиньи которого болели рожей, он посоветовал не обращаться за помощью к местному ветеринарному врачу М., так как тот является колдуном. Вместо этого Краузерт рекомендовал каждые три дня отрезать у свиней по кусочку левого уха, чтобы разрушить сотворенное ветеринаром колдовство.

Потеряв в конечном счете 14 свиней, Хензеляйт ночью подстерег ветеринара на улице и выстрелил в него из охотничьего ружья. Врач получил опасное ранение и лишился глаза. Брауншвейгский суд присяжных приговорил Хензеляйта к 18 месяцам лишения свободы и направил на лечение в больницу. На процессе Хензеляйт отказался назвать имя подстрекателя. Краузерт не был привлечен к ответственности. В Эссенроде большинство было твердо убеждено, что ветеринарный врач действительно колдун и получил по заслугам. Доктору М. пришлось оставить эти места, так как крестьяне его бойкотировали".

Другой трагический случай произошел в 1958 году в Виденроде, который Краузерт также посещал регулярно. Вот что говорится в протоколах:

"19-летний подмастерье столяра Хейнц Самман обратился за помощью к Краузерту, желая добиться взаимности любимой девушки. Краузерт произвел так называемое испытание маятником. Привязав конский волос к кольцу, купленному юношей для помолвки, он стал размахивать этим кольцом, как маятником, над горящей свечой. Хейнцу было предложено расставить вокруг свечи фотографии всех своих родных и друзей. Маятник несколько раз коснулся фотографии деда Хейнца, после чего Краузерт сказал: "Теперь ты видишь, кто заговорил твою невесту". В ту же ночь юноша топором зарубил деда, а затем повесился на чердаке".

Обер-комиссар уголовной полиции Брейтер провел расследование в Баден-Вюртемберге. В протоколе говорится:

"В Бейльштейне Краузерт в течение восьми лет слыл заклинателем нечистой силы и чудо-врачевателем. Он заявлял, что "озарен святым духом" и призван помогать людям в их отчаянной борьбе с дьяволом.

Больные раком и туберкулезом, которым врачебное искусство было уже бессильно помочь, толпами стекались к нему. Краузерт уверял их, что они вовсе не страдают никакой болезнью, а просто одержимы дьяволом, которого он берется изгнать. Часто такое изгнание длилось по три дня и доводило пациентов до полного изнеможения. Вдобавок Краузерт налагал на них строгий пост. По сведениям окружной больницы, там зарегистрировано шестнадцать случаев, когда старые люди умерли сразу же после изгнания из них бесов и наложенных Краузертом постов. Несмотря на это, клиентура его не уменьшалась. На частных машинах и на автобусах в Бейльштейн приезжали больные даже из Рурской области. В местной печати Краузерт публиковал объявления о творимых им чудесах и об исцелении тяжелобольных. Он высылал также наложенным платежом пакетика с якобы освященными травами. Исследование содержимого одного такого пакетика, предназначенного для излечения рака кишечника, показало, что это всего-навсего высушенные листья плюща, не стоящие и десяти пфеннигов. Краузерт же запросил за пакетик 80 марок. При ишиасе и люмбаго он давал мешочек с травами, который надо было восемь дней носить между лопатками. Проверка показала, что в нем находится мелко порубленный вересковый корень.

Однако подлинная трагедия разыгралась в деревне Флейн. Дочь мельника, девушка 21 года, страдала тяжелой формой эпилепсии. Краузерт сумел убедить несчастных родителей, что их дочь заколдована своей умершей бабкой. По его указанию больная была доставлена в Бейльштейн для изгнания беса. Дело происходило зимой. Заставив девушку раздеться донага, Краузерт вылил на нее двадцать ведер ледяной воды. Затем якобы с целью изгнать напуганных этой водой бесов он стал избивать больную цепом. После такого "лечения" несчастная девушка трижды покушалась на самоубийство. Сначала она перерезала себе вены, затем при 15-градусном морозе убежала в лес, чтобы замерзнуть, и, наконец, выбросилась из чердачного окна, получив при этом тяжкие повреждения. Родители сочли, что во всех этих попытках покончить жизнь самоубийством повинна покойная бабка. Привлекать к ответственности Краузерта они не стали".

В другом протоколе описана смерть 46-летней Анны Меркель из Вельцхейма. Женщина, подобно многим своим односельчанам, принадлежала к созданному Краузертом "духовному кружку", в котором он готовил своих приверженцев к вечному блаженству. С этой целью он принуждал их к покаянию. Каждого он регулярно приводил к исповеди, после которой назначал покаяние. Фрау Меркель призналась ему на исповеди, что многократно в лесу изменяла с деверем своему мужу. В виде покаяния Краузерт велел ей семь ночей подряд босиком и в одной

ночной рубашке отправляться в лес на то же самое место и, перебирая четки, читать молитвы. Эти покаянные испытания проводились в январе 1958 года. На седьмую ночь стоял трескучий мороз. Утром фрау Меркель не вернулась домой. Муж ее, не имевший представления об этих ночных упражнениях, решил, что она просто сбежала от него, так как накануне он пришел домой пьяный. Только через неделю, узнав от соседей о тайных покаяниях жены, Меркель заявил об ее исчезновении в полицию. 250 полицейских прочесали лес и в конце концов нашли труп замерзшей фрау Меркель.

Протоколы комиссии по расследованию убийств, посвященные шарлатанской и знахарской деятельности франкфуртского сапожника, составляют четыре объемистых тома.

Убийство Краузерта так и осталось нераскрытым. Сколько материалов ни собрала франкфуртская комиссия по расследованию убийств, сколько версий ни проверила, установить, как и кем был убит Краузерт, не удалось. Постановление о прекращении следствия заканчивается следующим предположением:

"Можно думать, что Краузерт стал жертвой собственных религиозных преступлений. Он причинил людям столько несчастий, что было бы вполне естественным, если бы кто-нибудь из пострадавших решил отомстить ему".

(Г. Продль. Фемида бессильна. М., 1974)

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА С ВИЛКОЙ

Вдова Эмма Лаш живет в Вене на улице Тухла-убен, 3 - в самом центре города, всего в двух шагах от площади Петерсплатц. Тухлаубен - оживленная улица, на ней всегда много спешащих пешеходов и туристов, осматривающих исторические памятники Вены. Эмма Лаш выглядит моложе своих шестидесяти пяти лет, она живет на пенсию мужа. У нее много свободного времени, и она часто гуляет и сидит на скамейках у собора Святого Петра.

Во вторник 6 августа 1963 года уже с утра было жарко. По городу бродили иностранцы и все фотографировали. Эмма Лаш зашла в аптеку на улице Ам Грабен, чтобы купить таблетки. Во второй половине дня, в 16.50, в самую жару возвращалась домой. Она остановилась перед входной дверью, открыла сумочку и стала искать ключ от лифта. Вдруг чья-то ладонь зажала ей рот. Кто-то держал ее сзади, сдавив руками, словно клещами. Эмма Лаш попыталась вывернуться и увидела незнакомца. Это был парень с большими запавшими глазами, высоким лбом и поредевшими курчавыми каштановыми волосами.

- Он толкнул меня и оттеснил в угол. Сначала я подумала, что это студент, который хочет мне что-то продать. Затем посмотрела ему в лицо: у него было циничное выражение, он кривился, словно его сводили судороги. Он потребовал деньги и тут же достал вилку, которую приставил мне к шее. Я почувствовала острые зубья. Мне показалось, что он ищет подходящее место для удара. Он был весь мокрый от пота, и от него неприятно пахло. Но больше всего меня вывело из себя то, что он напал на меня в застекленном подъезде нашего дома среди бела дня. Нас было видно с улицы, вокруг ходили люди. Он разозлил меня. Я размахнулась, выбила у него из руки вилку и сказала, чтобы он убирался. Он меня толкнул, я упала на колени и разбила их. У меня текла кровь. Он убежал. Я встала и побежала за ним. Заметила, как он скрылся в доме напротив.

- Это он хорошо придумал, - сказал полицейский, который первым

оказался на месте происшествия. - Дело в том, что в доме напротив, Тухлаубен, 5, два входа и, естественно, два выхода. Он рассчитывал скрыться, выйдя через соседний вход в сторону подземной стоянки автомобилей. Однако эта пожилая дама оказалась сообразительной и разгадала его трюк.

- Я подумала именно так, как сказал полицейский. Я не побежала за ним, а осталась ждать внизу. Людей, которые собрались возле меня, я попросила скорее позвать полицейского, сказала, что не могу уйти отсюда, чтобы этот парень от меня не сбежал. Никто ничего не понимал, и я попросила, чтобы кто-нибудь сбежал на перекресток, где есть полицейский пост. Но они не двигались с места, только глазели. Наконец одна дама выполнила мою просьбу.

Пришел полицейский, и Эмма Лаш быстро объяснила ему, в чем дело. Он зашел в дом, взбежал по ступенькам и через минуту снова появился внизу с мокрым от пота молодым человеком.

- Это он? - спросил полицейский.

- Могла ли я знать точно, он это или нет? Ведь я лишь какое-то мгновение видела его лицо. Даже не запомнила его. Помню только, что лицо его от волнения сильно дергалось. Теперь он, потупившись, стоял возле полицейского и был похож на барашка. Он выглядел как пай-мальчик. И еще одно обстоятельство сбilo меня с толку. Парень, приставивший мне к горлу вилку, был в свитере, а этот - в рубашке.

- Ну так что, госпожа, это он? - повторил свой вопрос полицейский.

- Что мне было делать? Если бы я рассказала о свитере и засомневалась, он ли это, то полицейский отпустил бы его и все было бы кончено. Но я не хотела также обвинить невиновного. Пусть он что-нибудь скажет, господин полицейский, - нашла выход из положения старушка.

- Что я должен сказать? - спросил подозреваемый.

- Ну, например, гони деньги! - решительно сказала Эмма Лаш.

- Он ни за что не хотел этого произносить, - оправдывалась она впоследствии. - Выкручивался, переминался с ноги на ногу, и мне стало ясно, что это он. Почему он не хотел сказать эту фразу, если это был не он? И я сказала полицейскому, что это он. Точно он. Пока мы ждали полицейскую машину, которая должна была нас отвезти в участок, я быстро зашла в дом номер пять. Примерно на шестом этаже что-то блеснуло. Это была вилка.

В полицейском управлении Эмма Лаш первым делом попросила стакан воды и приняла две таблетки.

- Дело в том, что у меня высокое давление и мне нельзя волноваться, господин комиссар.

Она достала из сумочки расческу и зеркальце. Причесалась и осмотрела шею. Затем махнула рукой - через пару дней не останется никакого следа.

- В полицейском управлении меня держали долго, - рассказывала она потом. - Я добралась домой уже около одиннадцати вечера. Я боялась оставаться дома одна и позвонила своему врачу. Он принял меня, сделал успокаивающий укол и уложил на диван в приемной. Но все равно я не заснула: все время думала о свитере. Рано утром вместе с полицейским мы отправились к тому дому. Свитер лежал на самом последнем этаже на лестнице возле чердака. Выходит, я не ошиблась. Мы поймали того, кто нападал. Позднее господин полицай-президент сказал, что взял бы меня к себе на службу, если бы я была немного моложе. Того парня звали Йозеф Вайнвурм. Он оказался "убийцей из театра", который приводил в ужас всю

Вену. Пеперл, как называла его мать, был неоднократным убийцей.

Он родился 16 сентября 1930 года в Хаугсдорфе в Нижней Австрии. С детства он был трудным ребенком. Во время войны посещал начальную школу, но

учился плохо. После 1945 года его родители переехали в Вену, где открыли небольшой универсальный магазин. Ему не было и шестнадцати, когда он понял, что легче всего добывать деньги воровством.

В марте 1947 года отец послал его с продуктовыми карточками в управление, куда их следовало отдать. Он продал карточки, а деньги оставил себе. Контора продовольственного управления была расположена в здании сельскохозяйственного училища в Шульгас-се. Однажды Вайнвурм шел по коридору и заметил 17-летнюю студентку, направляющуюся в туалет, и осторожно пробрался вслед за ней. Направив на нее пистолет, он стал заставлять ее раздеваться. Девушка стала звать на помощь, выбила у него из рук пистолет и убежала. Он бросился наутек, но школьный сторож поймал его. Вызвали полицию, допросили девушку. Прокурор суда для несовершеннолетних выдвинул против Вайнвурма обвинение.

Его осудили, но, приняв во внимание его молодость, не отправили за решетку. Он получил четыре года условно. Уже тогда его направили на обследование в психиатрическую клинику. Судебный эксперт написал в заключении, что "настоящий субъект - психически неуравновешен, находится на грани психоза. Импульсивен, время от времени им овладевают непреодолимые желания, сменяющиеся просветлениями сознания, когда он критически оценивает свои поступки и даже осуждает их. Он полностью способен нести ответственность за свои действия, но его психическое состояние может считаться смягчающим обстоятельством".

Было непростительной ошибкой, что аморальный аспект его правонарушения не был отмечен. Тогда при расследовании дела о массовом убийце, он бы автоматически попал в список подозреваемых. Дело в том, что, как свидетельствует опыт судебных психологов, существует большая вероятность того, что молодой человек с таким психическим нарушением способен совершить дальнейшие преступления против нравственности.

Йозеф Вайнвурм после судебного разбирательства находился в удрученном состоянии. Купил новый револьвер и демонстративно прострелил себе руку. Однако сделал это так осторожно, что задел только мягкие ткани, и рана быстро зажила. Но это не помогло ему избавиться от болезненной ненависти к женщинам, наоборот, она стала еще больше. В своем нравственном падении и преступлениях он обвинял женщин. Вероятно, именно поэтому он ограбил владелицу магазина золотых изделий, подругу своих родителей. Он взял у нее на выбор пару мужских наручных часов будто бы для того, чтобы посоветоваться дома, какие лучше купить, и тут же за треть цены продал их.

Ясным морозным днем 22 января 1949 года Вайнвурм попытался ограбить на Вилдиретмаркт парикмахершу. Приставив к ее груди длинные канцелярские ножницы, он хотел отнять у нее сумку. Но ему вновь не повезло. Он был задержан. Когда потерпевшая стала звать на помощь, он забежал в первый же попавшийся на пути дом, но люди догнали его на лестнице. Вызвали полицию, преступник предстал перед окружным судом, но и на этот раз избежал наказания. Прокурор вновь потребовал отправить его на обследование в психиатрическую больницу, где было установлено, что Йозеф Вайнвурм душевно болен и нуждается в лечении в клинике.

Его направили в лечебницу для душевнобольных "Ам Штайн хоф", которую он покинул через год. В полицейской картотеке он не был зарегистрирован как человек, совершивший преступления против нравственности, отмечались только его мелкие кражи. Так австрийская бюрократическая система позаботилась о том, чтобы психически ненормальный преступник мог продолжать действовать и дальше.

Он вернулся домой, и родители простили его. Некоторое время он жил нормальной жизнью, но уже в январе 1953 года снова оказался в камере, потому что его задержали при попытке ограбления театрального гардероба. Оказалось, что он стал специализироваться на кражах пальто, оставленных в гардеробах кафе, баров, в школьных раздевалках. Действовал Вайнвурм исключительно в Первом венском районе. Он снова предстал перед судом, и прокурор и очередной раз потребовал его обследования в психиатрической клинике.

На этот раз судебные врачи признали его не психопатом с социально опасными склонностями, а патологическим преступником, для которого совершение преступлений стало обыденностью.

Йозефа Вайнвурма приговорили к четырем годам заключения со строгим режимом. Он, казалось, раскаялся, что совершил преступления, примерно вел себя, и его освободили досрочно. 5 октября 1955 года за ним закрылись двери тюрьмы в Штайне, и он снова принялся за старое. 22 ноября 1955 года его задержали и осудили еще на четыре года заключения со строгим режимом. На этот раз его освободили 11 марта 1961 года, но через месяц снова задержали за кражу. Преступление было незначительным, но его приговорили к восемнадцати месяцам заключения со строгим режимом и направили на принудительные работы в Геллер-сдорф, где он пробыл до 5 марта 1963 года.

"УБИЙЦА ИЗ ТЕАТРА"

Венский государственный оперный театр - гордость столицы Австрийской Республики. Во время войны здание было разрушено, позже с большими усилиями и огромными затратами его удалось реставрировать. В настоящее время здесь опять десять месяцев в году даются представления, и каждый сезон в театре проходит прекрасный оперный фестиваль.

Во вторник 12 марта 1963 года давали оперу Вагнера "Валькирия". Спектакль начинался в восемнадцать часов, однако исполнители и служащие театра должны были быть на своих местах уже в семнадцать. Гертруда Гросс работала в театральной уборной, отвечала за парики и прически артисток. В 17.05, уже переодетая в белый халат, она шла привести себя в порядок в женскую душевую, расположенную в боковом крыле здания, где также находятся репетиционные залы и раздевалки балерин и статистов. В "Валькирии" не задействованы артисты балета, поэтому здесь было пусто.

- Опишите, пожалуйста, что вы увидели, - начал допрос комиссар Кронер.

Гросс не знала, с чего начать. Ей было 22 года, нервы у нее должны были быть еще здоровыми, но она дрожала всем телом и сначала беззвучно шевелила губами.

- Так, значит, Гертруда, вы открыли дверь... - подсказал ей комиссар.

- Открыла дверь в душевую и на полу увидела ее тело. Столько крови, столько крови...

- Вы включили свет?

- Нет. Даже не потянулась к выключателю.

- Как же вы разглядели?

- Из коридора падало достаточно света.

- Что вы сделали, когда пришли в себя?

- Позвала нашего пожарника.

- Почему именно пожарника?

- Не знаю. Затем он привел нашего врача.

- Вы имеете в виду театрального врача, находившегося на дежурстве?

Врач установил, что 10-летняя девочка, со страшными колотыми ранами в левой груди и животе, мертва.

Исполнители уже приготовились в гримерных, оркестранты расположились на своих местах, а главный дирижер Герберт фон Караян надел фрак.

Перекрыли ближайшие кварталы, вызвали подкрепление, на улицы Оперинг, Филармоникерштрассе, Кертнерштрассе и Оперигассе прибыли патрульные машины. Специалисты из отдела по расследованию убийств выставили охрану возле места происшествия. Душевые находились на втором этаже здания, в них не было окон, к ним можно было подойти только со стороны центральной лестницы, которая вела на четвертый этаж, а также через запасной выход, отделенный от коридора дверью-вертушкой из непрозрачного стекла.

Душевая была оборудована как обычно: две раковины с зеркалами и четыре душевых кабины. У стены напротив двери стояла простая деревянная скамейка.

Убитая лежала на спине, ноги частично находились под деревянной скамейкой. На левом запястье у нее были часы. Они шли. Девочка лежала в луже крови. Слева от трупа валялась голубая шерстяная кофточка, на вешалке висело серо-зеленое клетчатое зимнее пальтишко и пестрый шерстяной шарф. В кармане у нее нашли ключ и автобусный билет. Девочка приехала в оперный театр маршрутом № 6. Почему она здесь оказалась? Осмотрели ее сумку, но не обнаружили ничего существенного. Несколько конфет, носовой платок, шерстяные рукавицы, товарный чек и программка спектакля.

- Это убийство вызвало среди венцев панику, господин старший комиссар, - сказал советник Хегер своему подчиненному. - Необходимо ускорить расследование.

- Пока мы не намного продвинулись, господин надворный советник, - сказал старший комиссар Кронер. - Следы крови нам ни о чем не говорят. Это кровь только убитой. Нож не был обнаружен, единственный отпечаток подошвы из искусственной резины на полу может, но не обязательно, принадлежать убийце. Поэтому единственными следами являются пятна крови на двери в фойе и у выхода на улицу Кертнерштрассе, через который убийца покинул здание.

Что понадобилось убитой девочке в здании театра? Она могла быть членом детской балетной труппы. Старший комиссар в первую очередь ознакомился со списком всех учениц. Шестой автобусный маршрут ведет к Девятому району. И парогон, найденный у убитой, был куплен в москательном магазине этого района. Старший комиссар еще раз изучил список девочек детского балетного ансамбля и установил, что в Девятом районе проживает только Дагмар Фурих, 11-летняя ученица женской гимназии, расположенной в районе Вена-IX. В детском ансамбле она танцует уже два года, живет с матерью и 16-летней сестрой Сильвией. Из дома она вышла примерно в пятнадцать минут пятого, т. е. в пять часов вечера у нее начиналась репетиция.

Поиски убийцы пока не дали никаких результатов. У полицейских не было ни одной зацепки. В здании во время убийства было много театральных работников, а вскоре театр заполнили две тысячи зрителей. Если и были оставлены какие-нибудь следы, то после выхода зрителей из театра найти их было уже невозможно.

Уже в тот же вечер в полицию позвонил чиновник управления национальной безопасности и сообщил, что его дочь, также воспитанница детской балетной труппы, рассказала некоторые подробности, которые смогут заинтересовать следователя. Кронер сел в машину и отправился к родителям девочки. Ее разбудили.

- Я поднималась по черному ходу, - рассказывала Зузана, - на втором этаже встретила какого-то господина.

- Где это было, Зузанка? - спросил старший комиссар. - Скажи точно.

- У двери-вертушки. На задней лестнице.

- Что было потом?

- Я поздоровалась, он также, потом стал спускаться вниз. Но мне этот господин почему-то не понравился, поэтому я поднялась на третий этаж и сверху стала наблюдать за ним. Он повернулся и снова пошел наверх. Мне показалось странным, что он сначала пошел вниз, а потом стал возвращаться.

- Куда он направился?

- К вращающимся дверям. Около них остановился.

- А потом?

- Потом я уже его не видела. Пошла дальше, чтобы он не узнал, что я за ним подсматривала.

- Как выглядел этот господин, Зузанка?. Ты могла бы его описать?

- Конечно, господин комиссар. Ему примерно 32 года, рост около 172 сантиметров. Он толстоват, но не очень. У него овальное грубое лицо. Под мышкой он нес портфель.

- Какие у него были волосы?

- Каштановые.

- Что на нем было надето?

- Серая одежда.

- На нем был плащ? Ведь сейчас холодно.

- Нет. Я подумала, что это какой-то служащий театра, может быть, рабочий сцены.

Это было весьма многословное описание подозреваемого. Вероятно, Зузанка хотела доставить удовольствие своему отцу, служившему в полиции, а также подчеркнуть свою наблюдательность. Но это было лучше, чем ничего.

- Ты видела во второй половине дня Дагмар Фурих?

- Нет. Она не пришла на репетицию.

- Она не встретилась тебе в гардеробе? Не переодевалась?

- Нет. Просто не пришла.

Старший комиссар доложил об услышанном надворному советнику, немедленно приказавшему разослать описание подозреваемого во все полицейские участки, а также сотрудникам пограничной службы. На телетайпе стояла отметка "23. 26". Таким образом, еще до полуночи стали известны приметы подозреваемого. Но все равно это ничего не дало. На следующее утро были допрошены водители автобусов шестого маршрута, швейцары служебного театрального входа со стороны Кертнерштрассе, но никто из них не вспомнил ни девочку, ни мужчину соответствующей внешности.

Полиции было известно почти точно время, когда Дагмар Фурих вышла из дома и отправилась на автобусную остановку. Старший комиссар Кронер нашел девочку такого же возраста и с ее помощью проверил, сколько времени потребовалось Дагмар, чтобы добраться до театра. Фурих должна была приехать на Кертнерштрассе приблизительно в 16.31, а с убийцей могла встретиться около вращающихся дверей где-то в 16.38. Это было все. Пятна крови на дверях, вероятно, остались от прикосновения окровавленной перчатки или рукава, но это не были отпечатки пальцев. Представлялось маловероятным, что преступник сам поранился и измазал дверь собственной кровью. Из лаборатории вскоре поступило сообщение: речь идет о крови той же группы, что и у убитой Дагмар Фурих.

Судебный врач установил, что орудием убийства послужил кинжал или нож шириной примерно 14 мм и длиной не менее 12 см. Приняв во внимание силу, с которой были нанесены семнадцать колотых ран, он пришел к выводу, что это

был не складной нож, а кинжал с прочно закрепленным клинком. Сообщения о вероятном оружии убийства попали в газеты вместе с описанием преступника, и в полицейском управлении беспрерывно звонили телефоны. Несколько человек были убеждены, что видели, как убийца выходил из здания театра, одна женщина даже утверждала, что на рукаве ее шубы были следы крови: возможно, он вытерся о ее рукав. Согласно одному утверждению, на убийце было зимнее пальто, но у него не было портфеля, в других сообщениях говорилось, что он был только в сером пиджаке. То он был молодой с красивым лицом, то лицо его было изрыто оспой. То он был высокий, стройный, то маленький и коренастый. Преступником мог быть кто-то из работников театра, т. к. судя по всему, он хорошо ориентировался в здании театра, однако это мог быть и любой человек, открывший двери и вошедший внутрь, поскольку для входа в здание не требовалось никакого документа, и посетители у дежурных при входе не отмечались. К тому же у боковых входов, которые были также открыты, вообще никто не дежурил.

Убийство 11-летней Дагмар Фурих взбудоражило общественное мнение. В газетах стали появляться все более острые статьи, в которых критиковалась беспомощность полиции. Волнение возрастало. Полицейские проверили четырнадцать тысяч подозрительных мужчин, перебрали известных садистов, насильников, сексуальных маньяков, душевнобольных, обнажавшихся в общественных местах. Инспекторы старшего комиссара Кронера обыскали склады химчисток и прачечных. Но все усилия были напрасными. Не удалось обнаружить ни единого следа. Однако они сошлись в одном: убийцей Дагмар Фурих был ненормальный, сексуально неуравновешенный преступник, т. к. отсутствовал какой бы то ни было мотив убийства. Было более чем вероятно, что такой преступник повторит свое ужасное злодеяние. Этому не могли помешать ни полиция, ни венская общественность. Старший комиссар Кронер и его шеф, надворный советник Хегер, беспомощно ждали следующего преступления, надеясь, что на этот раз убийца совершит ошибку. Так прошло целых три месяца.

В понедельник 17 июня 1963 года две подружки-студентки отправились в кинотеатр непрерывного сеанса, расположенный на венской площади Ам Грабен. Время приближалось к шести часам вечера, и на улице еще было светло. Когда они вошли в темный зал, Вальтрауд Энгельмайер почувствовала сильный удар в область поясницы. Она быстро обернулась и увидела силуэт мужчины, спешащего к выходу. Студентки сели на свободные места. Вальтрауд потрогала поясницу и почувствовала, что идет кровь. Ее подруга позвала билетершу, которая вызвала скорую помощь. В больнице выяснилось, что у нее глубокая колотая рана в области поясницы. Раненая не могла помочь полиции описать преступника, поскольку вошла с солнечной улицы в темный зал кинотеатра. В ту минуту, когда ее ударили, она почти ничего не видела. Но спешившего мужчину видела билетерша:

- Примерно шестидесяти пяти лет. Крепкий, с темными курчавыми волосами. На нем была какая-то темная спортивная куртка. Брюки? Думаю, что темные.

Естественно, была проведена параллель между двумя преступлениями. Нападение на студентку в полумраке кинозала было таким же бессмысленным, как и убийство юной балерины в театре. И на этот раз отсутствовал какой-либо мотив преступления. Но и в первом, и во втором случае преступник исчез без следа.

Американская студентка Вирджиния Шиф путешествовала во время каникул по европейским странам. Посетила и Австрию. 29 июля она поехала из Зальцбурга в Вену, переночевала в студенческом общежитии в Петслайндорфе и на следующий

день осматривала достопримечательности города. Посетила Августинский храм на Августинштрассе. Она вошла в храм и присела на одну из задних скамеек. Ноги ее гудели от усталости. Едва она присела, как от главного алтаря справа к ней подскочил неизвестный, схватил ее за грудь, затем ударил в лицо прямо над правым глазом. Она вскочила и побежала по направлению к главному алтарю. Нападавший бросился было к боковому входу, однако через несколько шагов обернулся, вытащил нож, догнал студентку и несколько раз ударил. Поскольку Вирджиния Шиф была американкой, то подумала, что на нее напали, чтобы завладеть сумочкой. Поэтому она несколько раз на ломаном немецком языке пыталась объяснить нападавшему, что у нее нет денег. Затем стала звать на помощь, и это, по всей вероятности, спасло ей жизнь. Нападавший бросился наутек. К раненой студентке подбежали туристы, а гид группы иностранцев вызвал скорую помощь. В больнице выяснилось, что Шиф получила несколько очень опасных колотых ран.

- Он выглядел вполне прилично, - сказала она позднее старшему комиссару Кронеру. - Его рост примерно 178 см, ему где-то 28 - 30 лет. Стройный, коротко остриженные светлые волосы. С загорелым лицом.

- Вы узнали бы его на фотографии?

- Думаю, что да, - уверенно ответила она, но полицейские не могли показать ей фотографию, ее просто не было. Тем не менее они с самого начала полагали, что речь идет о том же самом преступнике. Ведь у убийства в театре и нападений на студентку в кинотеатре и на американку в церкви имелись характерные признаки: они были абсолютно бессмысленными, отсутствовал какой-либо мотив, убийца не пытался ограбить своих жертв. И вот что еще: все нападения были совершены в Первом венском районе.

2 августа произошло очередное преступление. На этот раз жертвой оказалась продавщица табачного киоска Мария Бруннер сорока одного года.

- Было немногим более семи часов вечера, когда я закрыла киоск, - рассказывала она. - Я шла домой. По дороге еще задержалась в городском парке и присела на скамейку недалеко от памятника Иоганну Штраусу. Стоял прекрасный теплый вечер и посидеть под деревьями было одно удовольствие.

- Как долго вы задержались в парке? - спросил комиссар. - Около часа. Вдруг почувствовала удар в спину. Сначала я подумала, что в меня попал мяч, - два мальчугана неподалеку играли в футбол. Больше я ничего не почувствовала. Я встала, чтобы идти домой. Одна дама, ее зовут Тоуркофф, сказала, что у меня идет кровь, и указала на парня, который меня ударил.

- Вы его видели?

- Конечно. Он спешил к выходу из парка.

- Вы заметили, как он выглядел?

- Да. Другие тоже его видели. Ему было примерно 25 лет, рост около 172 см, стройный, темные волосы зачесаны назад.

- Как он был одет, госпожа Бруннер?

- Зеленая рубашка, темный костюм и светлый галстук. Он был похож на студента.

Продавщицу табачного киоска Марию Бруннер доставили в больницу, где врачи обнаружили восемнадцатисантиметровую колотую рану.

Полицейские не знали, что и предпринять. Согласно показаниям свидетелей, убийцей мог быть едва ли не каждый мужчина, не весивший добрый центнер и у которого не было лысины. После пятницы 2 августа преступник, державший в напряжении всю Вену, сделал короткий перерыв. Но уже в жаркий летний день 6 августа с вилкой в руках напал на госпожу Лаш. Однако пенсионерка не испугалась и помогла его задержать.

Полиции недостаточно арестовать убийцу, необходимо доказать его виновность. У старшего комиссара Кро-нера были вполне обоснованные подозрения, что Вайнвурм и есть убийца из театра. Однако ему необходимо было получить признание, подозреваемого в совершении преступлений. Он понимал, что многократно судимый Вайнвурм будет все отрицать, поэтому решил прибегнуть к психологическому трюку. Он устроил очную ставку преступника со свидетелями и жертвами нападений, и все его узнали. Однако об убийстве в театре на допросе Кронер не обмолвился ни словом. Наоборот, он всячески уводил в сторону от этого случая внимание подозреваемого и пытался косвенными вопросами выяснить, где Вайнвурм появлялся, куда ходил и ездил, с кем встречался в период с момента выхода на свободу из тюрьмы в Геллерсдорфе и до 12 марта 1963 года, когда была убита маленькая Дагмар.

В это время в газетах были напечатаны фотографии Вайнвурма и призыв к общественности с просьбой, чтобы в полицию обратились все, кто его знает. В первый же день позвонили по телефону, а затем пришли два официанта и заявили, что он был завсегдатаем их бара. Приходил, усаживался за стойки, заказывал две порции белого вина и смотрел телевизор. С кем он встречался? С каким-то щеголем старше его. Согласно одной версии, это был 54-летний гомосексуалист, многократно судимый, бывший официант, согласно другой - виолончелист из оркестра кабаре, с которым он познакомился в тюрьме в Штайне. С пасхальных праздников Вайнвурм жил у него.

- Что вы делали 12 марта, господин Вайнвурм? - спросил старший комиссар.

- Сразу после обеда уехал в Зальцбург, а оттуда на следующее утро в Мюнхен, - не раздумывая, ответил Йозеф Вайнвурм.

- Чем вы добирались до Зальцбурга?

- Поездом.

Для полиции нетрудно установить, кто, когда и куда ехал. Кассиры, контролеры, проводники - у них у всех хорошая память на пассажиров. Коллеги старшего комиссара быстро установили, что Йозеф Вайнвурм действительно выехал в Зальцбург, но вечером - двенадцатичасовым экспрессом "Винер вальцер", а значит во время убийства в театре он еще находился в Вене.

Старший комиссар сообщил ему об этом. Подозреваемому показали протоколы показаний опознавших его жертв и снова подчеркнули, что признание вины является смягчающим обстоятельством для суда. Но он продолжал утверждать, что не имеет ничего общего с убийством, ни на кого не нападал ни в кинотеатре, ни в костеле Святого Августина.

- Дело ваше, Вайнвурм, - сказал старший комиссар. - Я предоставил вам последнюю возможность облегчить вашу совесть. Вы не сможете вечно лгать.

Однажды тяжесть ваших преступлений раздавит вас.

Преступник не выдержал и двух недель. Во вторник 27 августа он постучал в дверь камеры и сообщил надсмотрщику, что хочет говорить с главным комиссаром Кронером. Когда его привели к комиссару, он сказал:

- Это действительно был я. На всех этих женщин нападал я. И маленькую Дагмар убил я.

- Зачем вы это сделали?

- Не знаю. Вдруг на меня что-то нашло. Это ужасно, я понимаю это.

Глаза его бегали, руки тряслись, лоб покрылся испариной. Он смотрел по сторонам, будто искал нужные слова на стенах, посматривал на дверь... Наконец Вайнвурм стал рассказывать.

- Я направился в город. Я каждый день ходил в город. Больше всего любил прогуливаться по улицам Первого района. Я хотел где-нибудь, что-нибудь

украсть. Что-нибудь незначительное. Подошел к Кертнерштрассе, к театру. Увидел, что много людей входит в театр и выходит из него. Я присоединился к группе каких-то мужчин и вошел в здание.

- Что вы делали внутри?

- Ничего. Бродил, смотрел, как все выглядит.

- Вас никто не заметил?

- Кажется, нет.

- Никто вас ни о чем не спрашивал?

- Нет.

- Сколько времени вы там пробыли?

- Часа два.

- Значит, вы уже там хорошо ориентировались?

- Конечно. Подошел также и к дамскому туалету. А незадолго до шести очутился в месте, где затем все и произошло.

- Откуда вы знаете, что было около шести?

- Я посмотрел на часы. Мне пришло в голову, что уже пора уходить. Было 17.50. Такой темный коридор! Я пошел к выходу, но услышал какие-то голоса.

- Что вы делали весь день? С самого утра, когда встали? Позавтракал и примерно в десять часов вышел на улицу.

- А где вы ночевали?

- У своей матери. Взял старый портфель из искусственной кожи, в нем были мои документы и нож.

- Какой нож?

- Автоматически раскладывающийся. Я купил его не так давно. Так вот, я пошел в центр.

- У вас была какая-нибудь цель?

- Кажется, нет. Но мне было не совсем хорошо. С самого утра было какое-то странное чувство. Поэтому я зашел выпить белого вина.

- Хотели набраться смелости?

- Вероятно. Не знаю. У меня с утра было предчувствие, что сегодня что-то случится. Я всегда перед этим чувствовал волнение, возникала дрожь. Ни на чем не мог сосредоточиться. И меня охватывала злость, что я не могу ни на что решиться.

- Вы чувствовали ярость?

- Да.

- На кого?

- На женщин.

- А после того, как вы выпили вино?

- Мне стало лучше. Тогда я уже понял, что кого-нибудь зарежу.

- Как вы вошли в здание театра?

- Через маленькие двери. Как и перед этим. Подождал, пока стало заходить много людей и смешался с ними.

- Что вы делали внутри?

- Ходил.

- В конце концов вы оказались на втором этаже возле балетных залов.

- Да. И все время встречал только женщин.

- Куда они направлялись?

- Большой частью сразу же скрывались за какими-то дверьми или входили в лифт. Я стал спускаться по лестнице вниз. Там мне повстречалась какая-то женщина, и я последовал за ней на третий этаж. Она вошла в какое-то помещение, а я достал нож и добрых десять минут поджидал ее. Она не вышла. Тогда я плюнул на нее и вернулся в коридор, из которого был вход в

репетиционные залы. По коридору шла девочка. Я направился за ней. Но затем я услышал шаги и увидел какого-то парня. Он шел по лестнице вверх. Тогда я быстро завернул за угол. И в эту минуту я услышал женские голоса. Наверху шли дети. Я спрятался за стеклянными дверьми. Там было довольно темно. Никто меня не заметил. Затем я увидел ее.

- Дагмар Фурих?

- Я не знал, как ее зовут.

- Что вы сделали?

- Вышел из темноты и спросил, куда она идет?

- Что она сказала?

- Сначала поздоровалась. Сделала небольшой реверанс и сказала, что идет в балетный класс. На репетицию. Я сказал, что это чудесно и что тоже иду туда, но репетиция будет в другом месте. Предложил ей идти со мной, пообещав показать, где будут занятия. И отвел ее к душевой.

- Почему именно к душевой?

- Потому что при первом посещении театра я услышал, что там кто-то принимал душ, и подсмотрел в замочную скважину. Увидел там женщину, и мне подумалось, что не плохо бы ее в душе заколоть.

- И девочка с вами сразу же пошла? Ей не показалось все это подозрительным?

- Нет. Я спросил, отметилась ли она уже? Она ответила, что нет. Тогда я вошел с ней в душевую.

- Ей не показалось странным, что именно в душевую?

- Показалось. Она хотела уйти. Но я сказал, чтобы она раздевалась. Она не захотела. Тогда я ударил ее, она отлетела к стене и упала. Стала звать на помощь.

Сначала я ее душил и, может быть, даже задушил. Я был очень зол. Потом вытащил кинжал и стал наносить ей удары, словно ополоумев. Потом выскочил из душевой, быстро спустился и вышел через боковой вход на Кертнерштрассе.

Никто не заметил преступника, никто не задержал. Он обнаружил, что запачкал в крови пальто, поэтому быстро его снял. Окровавленные перчатки тоже. Вошел в первое попавшееся кафе и украл в гардеробе пальто. Затем убийца побежал во двор Хофбурга и спрятал пальто и перчатки за ящиком с садовыми инструментами. Примечательно, что эти вещи не были никем обнаружены.

Он все рассказал. Ему стало легче, и он заулыбался. Хотел освободиться от всего груза сразу, поэтому даже припомнил, в какой канал выбросил нож; полицейские нашли его в указанном месте. Через некоторое время ему стало жаль ножа, и он отправился к мастеру, который его изготовил, и хотел купить точно такой же. Но таких уже не было.

- Тогда я купил себе другой. Но это уже было не то. При нападении на женщину в парке он сломался, поэтому мне пришло в голову, что можно использовать и вилку. Я пошел в трактир, заказал гуляш и украл вилку. Она была острой, как нож.

- Вы сожалеете, что совершили свои преступления, Йозеф Вайнвурм? - спросил старший инспектор.

- Да. Сожалею. Но я не мог поступить иначе.

- Вы признаете себя виновным?

- Я? Нет! Все преступления на совести тех, кто преждевременно освободил меня из тюрьмы. Вам придется вынести меня из камеры вперед ногами, или же я снова примусь за старое. Помните это, господин комиссар, - вперед ногами!

Он предстал перед судом 6 апреля 1964 года. Специалисты дискутировали о его психическом состоянии, решали, способен ли он отвечать за свои поступки. Наконец они пришли к заключению, что способен, т. к. он является сексуально извращенным патологическим преступником, но ни в коей мере не душевнобольным. Суд приговорил его к пожизненному заключению со строгим режимом, и Вайнвурм согласился с наказанием. Присутствовавшим даже показалось, что он с облегчением вздохнул.

(В. П. Боровичка. Невероятные случаи зарубежной криминалистики. М., 1991)

АД НА... "АНГЕЛЬСКОМ РАНЧО"

Говорят, что все тайное рано или поздно становится явным. К сожалению, справедливость не очень торопится поскорее вывести тайное на свет и покарать преступление суровой рукой закона. В случае, о котором рассказывается здесь, Фемида занесла свой карающий меч только через десять лет. Хотя не требовалось особой пронизательности для того, чтобы свершить возмездие на много лет раньше. Процесс над сестрами Гонзалес, состоявшийся в Мексике в 1964 году, открыл миру жуткие факты - по числу жертв сестры Гонзалес смело могли претендовать на место в книге рекордов Гиннеса. В то же время все обстоятельства дела были настолько обыденными, что от этого становилось еще страшнее.

На скамье подсудимых рядом с обвиняемыми рангом поменьше сидели две главные преступницы - 56-летняя Дельфина де Хесус Гонзалес Валенсуэла и ее 42-летняя сестра Мария. Мрачные, обрюзгшие, рано постаревшие, они давно утратили женскую привлекательность, но успели сколотить немалое состояние.

Официально они считались владелицами "Ангельского ранчо" в пустынной местности близ города Леон. На этом ранчо готовили проститутку для домов терпимости в Европе и Америке. Сами сестры владели также несколькими подпольными публичными домами в Мексике - в городах Леон, Сан-Франциско-дель-Ринкон, Лагос-де-Морена и др. В молодости они начинали как женщины легкого поведения, сколотили капитал, занялись сводничеством, стали поставлять проститутку по индивидуальным заказам и в публичные дома. На этом поприще они оказались удачливы, так как конъюнктура подбросила им буквально золотую жилу. Дело в том, что в течение долгого времени "живой товар" для публичных домов вербовался в Европе и в США. По обе стороны Атлантического океана славились своей утонченностью француженки, за бурный южный темперамент ценились итальянки, эстеты влюблялись в блондинок скандинавок. Но цивилизованные женщины стоили дорого, за свой нелегкий труд они требовали весьма солидный гонорар.

Иное дело - Мексика. Чтобы не умереть с голоду, многие женщины готовы были работать за бесценок.

Среди них было немало симпатичных, привлекательных и просто красивых. Когда владельцы публичных домов осознали этот факт, их взоры обратились к странам "третьего мира". Перед ними оказалась почти неразработанная целина, обильно плодоносящая "живым товаром". Все повторилось, как во времена работорговли, но только с точностью до наоборот: теперь корабли с рабынями через Атлантический океан плыли не с Востока на Запад, а с Запада на Восток. Девочки, девушки, женщины из Латинской Америки в массовых количествах появились в публичных домах Европы, а те, кто их доставил, хорошо погрели на

этой операции руки. Сестры Гонзалес в Мексике заняли ключевые позиции в области сводничества и торговли проститутками. Их клиентами оказались самые высокие политические лидеры и самые богатые промышленники. Они были вхожи в лучшие дома, где собиралась мексиканская элита. Неудивительно, что полиция сквозь пальцы смотрела на их бизнес.

Технология была проста. Девочек покупали в бедной семье. Родители охотно отдавали свою ...надцатую дочь, лишь бы в семье стало одним ртом меньше. За красивую девочку-подростка обычно платили 500 песо. Для родителей бедняков это была колоссальная сумма, а для владелиц борделя - сущие гроши. Так что обе стороны считали сделку чрезвычайно выгодной. Родителям говорили: "Ваша дочь будет работать служанкой у интеллигентных, высокопоставленных людей". Это вполне устраивало родителей. Тем более, что они и в самом деле видели некоторых девушек из дома сестер Гонзалес в компании именно таких людей, как им говорили: богатых, хорошо одетых, разъезжающих на дорогих автомобилях. Полный запрет на общение с дочерью в дальнейшем встречался с пониманием: конечно, девушке, которая будет работать у таких богатых людей, неприлично общаться с бедняками, хотя бы они и были ее родителями.

Так дочь навсегда исчезала из дома, и никто ее больше не искал. Для девочки же начинался путь мучений и жесточайших страданий. Ее сразу же предупреждали: "Не вздумай убежать! За тебя уплачены деньги! Если убежишь, не отработав этой суммы, - поймаю и убью!" Жизнь сразу же показывала, что угрозы не были пустым звуком. Прием новенькой, как в концлагере, начинался с клеймения: клеймо ставилось самым мучительным образом, с помощью раскаленного металла, на левом предплечье. Если кто-то решался бежать, то после поимки процедура клеймения продолжалась заново.

Все, кто жил на ферме, были заняты тяжелой работой. Сестры Гонзалес были полновластными хозяйками своих рабынь. Их распоряжения должны были выполняться немедленно и беспрекословно. Любая провинность сурово и очень изобретательно наказывалась. Впрочем, наказание могло последовать просто по прихоти хозяйки, безо всякой провинности со стороны девушки. Девочек заставляли часами стоять на коленях, на твердых кукурузных зернах. Чтобы пытка была еще более мучительной, им запрещалось двигаться, а в руках полагалось держать по кирпичу.

Время от времени надсмотрщица била стоящих на коленях толстой палкой. Практиковались и обычные телесные наказания - порка по обнаженному телу розгами, плетью, мотком веревки. Два шофера занимались "профессиональной подготовкой девочек" к работе в публичном доме, почти ежедневно насилюя рабынь.

Самых сексуальных и красивых девочек быстро продавали в публичные дома Европы и Америки. Владельцы борделей платили за них от 150 до 400 долларов. Товар сортом ниже шел в мексиканские публичные дома, принадлежавшие сестрам Гонзалес.

Этим девушкам доставался удел гораздо худший: когда они переставали пользоваться спросом у клиентов и больше не могли заниматься проституцией, их просто умерщвляли. Тот же конец ждал и младенцев, если какая-либо из проституток беременела.

Полиция, делая обыск в борделях сестер Гонзалес на "Ангельском ранчо", обнаружила груды человеческих костей. Тайные захоронения были почти около каждого из пяти борделей и на ферме. Всего было убито не менее 100 человек. Многие, как рассказали уцелевшие свидетельницы, погибли в жесточайших мучениях: их сожгли живьем. Страшные пытки перед смертью приходилось перенести тем, кто отваживался бежать (побеги, как правило, оканчивались

неудачей - ведь ранчо охраняли профессиональные охранники во главе с отставным армейским капитаном Зуньигой). Но и жить в этом аду было невозможно: в маленьких, грязных комнатах держали взаперти по пять человек в каждой. Еда, очень скудная, давалась только один раз в день. Зато заставляли пить алкоголь и колоться наркотиками (алкоголь и наркотики окончательно подавляли у рабынь волю к сопротивлению).

Проституция и наркотики всегда идут рука об руку. Сестры Гонзалес были тесно связаны с гангстерами из международной наркомафии. Они были одними из посредников в контрабанде героина. Их арест был связан с арестом наркодельцов во Франции, "подставленных" полиции гангстерами-конкурентами. Когда французские гангстеры сели в тюрьму и были обнаружены следы, ведущие в Мексику, Интерпол быстро "вычислил" сестер Гонзалес. Тогда была дана команда мексиканской уголовной полиции, и на "Ангельское ранчо" прибыл хорошо вооруженный отряд.

Преступления, творимые в этом аду, словно в насмешку названном "Ангельским ранчо", даже не были замаскированы. Выжившие свидетельницы охотно и очень подробно рассказывали о своей жизни в "лагере смерти". Их слова подтверждались материальными уликами: орудия пыток, деревянными колодками, палками для наказания и т. д.

В окрестностях ранчо были эксгумированы трупы примерно 33 женщин и детей. Кроме того, было найдено много человеческих костей в самых разных местах, например, под полом бара в публичном доме в Леоне. То, что творилось за оградой "Ангельского ранчо", было секретом Полишинеля: многие крестьяне из близлежащих сел знали, что там заставляют заниматься развратом, бьют и убивают женщин и девочек, находящихся на положении рабынь.

Страшная правда о гибели детей, отданных в дом сестер Гонзалес, доходила и до многих родителей. Но полиция не считалась с жалобами бедного, неграмотного населения. Это покровительство преступникам объяснялось просто: от сестер Гонзалес полиции перепали изрядные суммы. Да и не хотелось связываться с теми, кто мог найти себе защитников в самых высоких кругах. Если бы не Интерпол, возможно, мексиканская полиция так бы и не решилась на арест богатых и влиятельных своден.

В октябре 1964 года сестры Гонзалес были приговорены к максимальному наказанию, возможному по мексиканским законам: к 40 годам каторги. Их осудили за 80 доказанных убийств, 19 сообщников (в том числе капитан Зуньига с пятью солдатами) были приговорены к разным срокам тюремного заключения - от одного года до тридцати пяти лет.

(В. Ермаков. Версия-плюс, № 8, 1996)

В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДКЕ УБИЙЦА ВСЕГДА ЖИВЕТ ГДЕ-ТО РЯДОМ

Родители британской школьницы Джоанны Янг, чье убийство не было раскрыто, и три с лишним года спустя после смерти девочки верят, что преступника найдут.

Тело 14-летней девушки было найдено меньше чем в километре от дома. Она лежала лицом вниз в заполненной водой яме немного в стороне от дороги. Ее ударили по голове, она потеряла сознание. Умерла она от того, что захлебнулась водой в бессознательном состоянии. Если бы это место не было столь безлюдным, девочку еще можно было спасти. Но преступник точно знал, где он может чувствовать себя в безопасности.

Полиция не сомневается, что убийца - местный житель. Возможно, он был среди тех, кого полиция допрашивала в первые дни после убийства.

Она вышла вечером в город, зашла в кафе, а потом исчезла. Врачи не смогли определить, была ли она изнасилована, потому что она пролежала три дня в воде.

Ее родители и соседи с ужасом думают о том, что убийца, видимо, живет где-то рядом с ними. Они знают убийцу, возможно, работают вместе с ним или встречаются в магазине, на почте, в кино. Здравуются, обмениваются любезностями. Так часто бывает в маленьких городках, когда убийство совершает не гастролер, а местный, кто-то из своих. Тогда тень подозрения словно ложится на всех, и люди тревожно наблюдают друг за другом. Они перестают верить соседям, даже тем, кого знают всю жизнь. Они боятся отпускать детей к самым близким друзьям. А вдруг кто-то из них и есть умело притворяющийся благонамеренным гражданином преступник?

По другую сторону океана один маленький городок в штате Нью-Йорк вот уже двадцать с лишним лет живет в таком же напряжении. Там одна за одной были убиты три девочки. Их тела были найдены в одном и том же районе. Все трое происходили из бедных католических семей. Всех трех матери воспитывали в одиночку - без помощи исчезнувших отцов.

Ванде и Мишель было по одиннадцать лет, Кармен - 10 лет.

Кармен убили в 1971 году, Мишель и Ванду - в 1973-м.

Всех троих преступник похитил примерно в одно и то же время - когда они после обеда направлялись в магазин, выполняя ответственное мамино поручение. Преступник насиловал девочек, потом душил.

На одежде всех трех девочек была найдена кошачья шерсть белого цвета. Возможно, преступник приманивал их с помощью котенка, с которым предлагал поиграть или даже обещал его подарить.

Поскольку и фамилии девочек начинались на одну и ту же букву, то полиция предполагала, что преступник, скорее всего, работал в школе или в социальной службе, имел доступ к личным делам девочек, знал, что они живут без отцов и что за ними присматривают не так внимательно, как за другими детьми.

Тогда полиция допросила почти 800 подозреваемых, но даже никого не арестовала - ввиду полного отсутствия доказательств.

Бывший начальник полиции, который двадцать с лишним лет назад руководил следствием, говорит, что неудача в этом деле была главным разочарованием его жизни.

"Это невозможно забыть, потому что речь шла о маленьких девочках. За такое преступление убийца обязательно должен ответить. Если бы у нас тогда было такое оборудование и такие технологии, как сейчас, скажем, возможность сделать анализ ДНК, мы бы его, скорее всего, нашли.

Двадцать лет назад расследование было прекращено - дело безнадежное. Теперь полиция возобновляет дело".

Один осужденный преступник, отбывающий наказание в тюрьме строгого режима, заявил властям, что он знает, кто убил девочек, в обмен на ценную информацию он, разумеется, просит, чтобы ему скостили срок. Имя подозреваемого держится в секрете, но уже стало известно, что тот, на кого он указал, живет там же, по соседству с семьями убитых девочек.

Иногда справедливость торжествует с очень большим опозданием. Только что в том же самом Нью-Йорке был вынесен приговор по делу об убийстве, совершенном четверть века назад.

Скрывавшийся двадцать лет Рикардо Капуто, уроженец Аргентины, был

приговорен к длительному тюремному заключению за убийство. Тогда он был двадцатилетним. Теперь ему за сорок. Он сам сдался властям и пожелал быть наказанным.

В 1974 году он жестоко избил, а затем задушил нейлоновым чулком женщину, которая пыталась его спасти.

Его неприятности с законом начались еще в 1971 году, когда его впервые арестовали за то, что он до смерти избил свою подружку. Тогда судебные власти полагали, что он не конченный человек, что ему можно и нужно помочь. Его признали недееспособным и отправили в больницу. Там им занялась молодая врач-психиатр, которая верила в перспективы социальной и психологической реабилитации преступников. За свою веру в возможность перевоспитания она заплатила собственной жизнью.

Теперь Капута признался, что на его руках кровь еще двоих. В Сан-Франциско он тоже убил одну женщину. Затем он благополучно проскользнул мимо пограничных властей в Мексику и еще одно преступление совершил в Мехико.

Он скрывался двадцать лет. За это время он дважды женился, у него несколько детей. Он зажил спокойной семейной жизнью - "с женой, детьми и даже с собакой", как он сам выразился в телеинтервью. И все-таки он решил отдать себя в руки правосудия, потому что ночью ему снились кошмары, он не смог забыть то, что он сделал.

- Мне очень жаль, - говорит он теперь. - После убийства я словно заболел. Я даже лежал в больнице, но врачи мне не смогли помочь. Я не мог этого выдержать. Я надеюсь только на то, что Бог меня простит...

Матери трех девочек теперь надеются, что справедливость - хотя бы и с опозданием на двадцать лет - восторжествует, и полиция найдет убийцу.

А в Англии отец убитой девочки Роберт Янг не перестает повторять:

- Мы хотим, чтобы убийцу поймали. Тогда нам станет немного легче.

Супруги Янг по-прежнему внимательно следят за словами и лицами своих соседей и все ждут, что в какой-то момент, потеряв бдительность, убийца проговорится, скажет что-то такое, что поможет понять: преступник - это он.

(Л. Млечин. Известия, 31 января 1996)

"НЕЙЛОНОВЫЙ УБИЙЦА"

Долгое время имя этого человека не сходило со страниц газет во всем мире. Не удивительно - Тед Банди. Больше известный под прозвищем "нейлоновый убийца", - главное действующее лицо на одном из самых шумных судебных процессов в Майами, штат Флорида. На совести этого интеллигентного 32-летнего психолога, покорившего своим обаянием даже тюремных надсмотрщиков, - 36 жертв.

Ее звали Линда Энн Хили. Она была красива: высокая, с длинными каштановыми волосами. Когда она погибла, ей был всего 21 год. Линда стала первой жертвой "нейлонового убийцы".

Она исчезла в ночь на 31 января 1974 года из своей комнаты в студенческом общежитии университета Сиэтла. В этом полумиллионном городе, столице американского штата Вашингтон, живут 37 тысяч студентов. Никто не знал, где девушка. У Линды не было любовных приключений, а Сиэтл считался относительно спокойным по уровню преступности городом.

Девушку нашли только через тринадцать месяцев. Ее могилу в лесных

зарослях к востоку от города обнаружили студенты. Кроме Линды, личность которой удалось установить только три дня спустя по прикусу, там были еще два трупа - две убитые девушки, имена которых до сих пор не выяснены.

Рядом с могилой девушек под толстым слоем опавшей листвы были случайно найдены еще три трупа.

Итак, шесть погибших девушек; шесть из десяти, пропавших в Сиэтле за короткое время. Жителей города охватила паника.

Первую ниточку к убийце потянула одна девушка, не раскрывшая своего имени. По телефону она рассказала полицейскому инспектору, что однажды на улице с ней заговорил молодой, внешне привлекательный юноша. Он пригласил ее в кино, назвавшись Тедом. Она решительно отказалась и постаралась от него отделаться.

Тед - убийца девушек? Газеты западного побережья США дружно заговорили о "жертвах Теда". А через несколько недель он снова напомнил о себе.

В воскресенье две студентки - Дженис Отт, 21 год, и Денис Мэсланд, 20 лет, отправились погулять в парк и не вернулись. Очевидец происшествия сообщил в полицию: "К ним подошел молодой симпатичный парень и, сказав, что его зовут Тед, сел с ними в коричневый "фольксваген" и уехал. Прошло еще несколько месяцев, прежде чем появилась вторая ниточка. И снова анонимный звонок в полицию:

- Я знаю этого Теда. Это наверняка Тед Банди, - сказал молодой женский голос. - Интересный парень с приятными манерами.

Теда Банди видели в Солт-Лейк-Сити, крупнейшем городе штата Юта. И здесь тоже стали исчезать девушки; двух из них нашли мертвыми.

2 октября 1974 года: пропала 17-летняя официантка. 16 октября 1974 года: 17-летняя Мелисса Смит, дочь офицера полиции, не вернулась из пиццерии. Через несколько дней труп обнаженной девушки со следами изнасилования нашли в придорожной канаве. 8 ноября 1974 года: Деби Кент, тоже 17 лет, не вернулась из школы домой. И, наконец, пропала 17-летняя Лаура Эйми; через неделю у водосточной канавы обнаруживают ее истерзанный труп.

Впервые полиция установила одну особенность: у Мелиссы Смит и Лауры Эйми на шее был завязан нейлоновый чулок. Все убийства свидетельствуют о ярко выраженных сексуальных отклонениях преступника. ФБР начинает охоту на "нейлонового убийцу".

В городе Сиэтл, где за полгода были убиты десять девочек-подростков, в полицию позвонила девушка, не пожелавшая себя назвать:

- Только Тед Банди мог убить этих девушек. Видный, с отличными манерами. Я его знаю, я знакома с его сексуальными трюками. Быть с ним - всегда большое удовольствие. Но после всех убийств я хочу, чтобы вы знали о нем.

После этого звонка Тед Банди был автоматически занесен в список 2877 подозреваемых.

Невероятно, но факт: этот человек, юрист и психолог, именно в городе Сиэтл входил в состав комиссии по борьбе с преступностью, где он вплотную занимался... вопросами изнасилований!

Он составил нечто вроде инструкции, озаглавленной: "Так женщины должны защищаться от насильников". Вот его рекомендации: "Никогда не отвечайте незнакомому мужчине, заговаривающему с вами; никуда не ходите с незнакомцем, даже если он обаятелен, и не садитесь в его машину. А если вы окажетесь в безвыходном положении, то вам остается лишь одно: не оказывайте сопротивления, отдайтесь ему - и хорошенько запоминайте детали: одежду

насильника и диалект, на котором он говорит".

Это было 16 августа 1975 года. Сержант Роберт Хейуорд сворачивает, сидя в патрульной машине, в узкий переулок в городе Солт-Лейк-Сити в штате Юта. Уже смеркалось, с озера потянул приятный ветерок. Вдруг сержант обнаруживает окрашенный в коричневый цвет "фольксваген": в машине спит мужчина, положив голову на баранку. Сержант дает задний ход и включает свет. Незнакомец просыпается и включает мотор. Сержант едет за ним, через 300 метров обгоняет его, преграждает ему путь и выхватывает пистолет.

- Документы! - требует он. Незнакомец предъявляет свое студенческое удостоверение.

"Теодор Банди, студент юридического факультета", - читает полицейский и спрашивает:

- Почему вы спите в машине?

- Я был в кино. По дороге домой я почувствовал усталость.

- Какой фильм вы смотрели?

- "Пылающий ад".

Полицейский не удовлетворен этими ответами. Он обращает внимание и на некоторые странные факты. Правое сиденье снято и положено на заднее сиденье. В ящике для перчаток он находит лыжную маску, нейлоновый чулок, ледоруб и наручники.

- Наручники? - удивленно спрашивает полицейский.

- Я нашел их, - невозмутимо отвечает Банди.

- А зачем вам нейлоновый чулок и ледоруб?

- Ледоруб мне бывает нужен, когда я зимой застреваю в сугробе, а нейлоновый чулок я натягиваю на лицо - он защищает от холода.

Сержант все-таки увозит подозреваемого в полицейский участок. Он выясняет, что "Пылающий ад" не значится в программах кинотеатров. Банди помещают в камеру предварительного заключения, поскольку он пытался убежать от полицейского, а это равнозначно оказанию сопротивления стражу порядка.

На следующий день полицейский узнает, что Тед Банди подозревается в многочисленных убийствах девушек в Сиэтле, а теперь и в Солт-Лейк-Сити.

В тот же день состоялась очная ставка. 20-летняя Кэрол Даронч, с которой в одном из торговых центров заговорил молодой человек, а затем увез ее в своей машине узнает Теда Банди.

Кэрол рассказывает:

- Это было 27 ноября 1974 года. Он заговорил со мной, представившись работником полиции, и попросил пойти с ним на стоянку: произошел наезд, и, может быть, пострадавшая машина - моя. На стоянке он потребовал, чтобы я села в его машину. Я так и сделала, не задумываясь, так как он произвел на меня хорошее впечатление. Он был вежлив и обаятелен. Но вдруг машина стремительно тронулась, и не успела я опомниться, как он надел на меня наручники. Я звала на помощь, но никто меня не слышал. Когда на повороте машина замедлила ход, я локтем толкнула дверцу и выкатилась из машины. Рядом со мной остановилась другая машина, водитель помог мне, а "фольксваген" умчался.

Через несколько дней после очной ставки была обнаружена еще одна улика: в машине Теда Банди обнаружили волосы Кэрол Даронч.

Накануне судебного процесса Теду разрешают готовиться в библиотеке к предстоящему судебному разбирательству. Улучив момент, когда за ним никто не следит, Тед выпрыгнул в окно.

Его задержали и поместили в одиночную камеру в штате Колорадо.

Однако никого не насторожил тот факт, что заключенный отказывался есть

и стремительно терял в весе. Потеряв 30 фунтов, он выбрался из камеры через вентиляционную шахту и вновь бежал из тюрьмы.

18 января 1978 года человек, натянувший на голову лыжную маску с отверстиями для глаз и носа, через черный ход проникает в одноэтажное здание студенческого женского общежития "Чи Омега" в главном городе штата Флорида - Теллахасби.

Он держит в руках увесистую дубинку, открывает одну из дверей и набрасывается на спящую 20-летнюю Лизу Леви. Изнасиловав девушку, он убивает ее. Не слышно ни крика, ни зова о помощи.

Незнакомец выскальзывает из комнаты, открывает дверь напротив. Очередная жертва: Маргарет Бауман, 21 год, тоже изнасилована и тоже убита. И вновь - тишина.

Убийца следует дальше по темному коридору. Третья комната - третья жертва. Четвертая комната - четвертая жертва. Первые две девушки, однако, выжили, хоть и были в тяжелом состоянии. Но они ничего не могут вспомнить.

Человека с лыжной маской на лице хорошо запомнила 22-летняя Нита Нири. Она случайно встретила его в тот день в коридоре студенческого общежития. Он ее ударил и повалил на пол. Она стала одной из важнейших свидетельниц обвинения.

Государственный-прокурор Ларри Симпсон имеет настоящий козырь - неопровержимые улики: два отпечатка укусов.

Дело в том, что убийца укусил Лизу Леви в грудь и ягодицу. Медицинский эксперт подтвердил, что это - след от зубов Теда Банди...

Все убийства, в которых Федеральное бюро расследований обвинило Теда Банди, имеют ряд общих признаков: трупы девушек были обнаженными, всех девушек убивали при помощи дубины, а иногда и ледоруба, на всех трупах были видны следы сексуальных истязаний, все девушки были подростками или чуть старше 20 лет. Все девушки были красивыми, стройными, темноволосыми... и вокруг шеи у большинства девушек был повязан нейлоновый чулок.

Во многих случаях было ясно, что жертвы на первых порах не сопротивлялись сексуальным выкрутасам "нейлонового убийцы", а быть может, и поощряли его. Уже в 1974 году можно было подтвердить это предположение.

15 февраля 1978 года полицейскому Дэвиду Ли удастся восстановить подмоченную репутацию властей. "Фольксваген", отъезжающий от стоянки ресторана, закрытого уже несколько часов, кажется ему подозрительным. Он останавливает машину, выхватывает пистолет и говорит водителю: - Выходи и ложись на землю лицом вниз.

Дэвид Ли подходит к человеку, вынимает наручники, и в тот же момент незнакомец вскакивает и убегает.

Полицейский стреляет в воздух. Никакой реакции. Раздается второй предупредительный выстрел, бегущий падает, полицейский наклоняется над ним и прижимает его голову коленом к земле.

- Меня зовут Тед Банди - тяжело дыша, говорит незнакомец. - Я тот самый знаменитый Тед Банди, которого разыскивает ФБР.

Кто же этот Тед Банди, так самоуверенно стоящий перед судом, очаровавший двенадцать присяжных своими изысканными манерами и, несмотря на присутствие трех адвокатов, защищающий себя сам?

Он родился в доме отдыха для одиноких матерей 24 ноября 1946 года. Место рождения - Берлингтон, штат Вермонт. Мать его принадлежала к уважаемой и состоятельной филладельфийской семье. Тед появился на свет в результате бурной, но короткой любви с солдатом, вернувшимся из Европы после второй мировой войны.

Три года молодая одинокая женщина прожила со своим сыном в доме родителей, подвергаясь унижениям и упрекам. В 1949 году она переехала в Такому, в 60 км к югу от Сиэтла, где 25 лет спустя нашли десять убитых девушек.

В Такоме Тед обрел новую родину. В 1951 году мать его вышла замуж. От ее брака с Джоном Банди - низкорослым, скучным и вялым по натуре поваром, работавшим в военном госпитале, появилось еще четверо детей. Тед, усыновленный отчимом, прекрасно ладил со своими братьями и сестрами.

- Он всегда был хорошим мальчиком, - убежденно заявила его мать журналисту, бравшему у нее интервью сразу после ареста сына. В школе он учился лучше других. В нашей семье никто не понимает, как он мог оказаться замешанным в эти убийства. И все, кто знают Теда, не верят, что он способен на это. Даже психиатры считают, что мой мальчик абсолютно нормален.

Единственное, что ее всегда удивляло, это его полное равнодушие к родному отцу; он никогда о нем не спрашивал.

Тед впервые поцеловался с девушкой в 18 лет, после окончания школы. Приятельница его матери сообщила репортеру:

- Девочки его совершенно не интересовали. Даже в колледже он не мог преодолеть своей застенчивости.

- Я очень неуверенно себя с ними чувствую, - признался он как-то своему приятелю.

После первой близости с девушкой он выглядит разочарованным:

- В этом нет ничего интересного. Теду надоела учеба, и он бросает колледж; бродит по улицам без дела, время от времени подрабатывает; катается на лыжах в горах Колорадо, где встречает много красивых девушек.

Обретя уверенность в себе, он переезжает в Филадельфию, изучает там юриспруденцию; вскоре, однако, бросает университет и возвращается на тихоокеанское побережье, где, помимо права, изучает психологию. Экзамен по этому предмету он сдает отлично.

Впереди - политическая карьера. И тридцать шесть смертей...

(КОД, № 6, 1996, по материалам "Weekend")

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Сообщения об убийствах не сходят с первых полос газет. Поэтому и выстрелы на территории одного из предприятий Мичуринска, сразившие бригадира Владимира С, не особенно взбудоражили бы горожан, если бы не одно обстоятельство. Но сперва немного истории.

В ноябре 1974 года в учебном тире Тамбова 19-летняя

Татьяна Н. хладнокровно разрядила малокалиберную винтовку в однокурсника. И точным попаданием в сердце убила его наповал... Суд квалифицировал это деяние как убийство из ревности, нашел смягчающие вину обстоятельства и вынес довольно мягкий приговор - 5 лет лишения свободы.

Негромкий выстрел имел огромный общественный резонанс. Татьяне Н. сочувствовали, особенно сверстницы, которым не чужды любовные катастрофы. События в Тамбове стали темой молодежных дискуссий, сформулировать которую в общих чертах можно так: что делать Лене, если она любит Колю, а Коля любит Наташу. Ответ иногда звучал категорически: убивать изменщика проклятого надо. О самом погибшем вспоминали реже.

И вот снова выстрел. Снова погиб молодой человек. И вновь убийца -

женщина...

В тот же день подозреваемую в убийстве задержали. Улики были налицо: сцену убийства видели многие, они опознали стрелявшую. Убийцей оказалась... Татьяна Н. И хотя она действовала, как заправский киллер, убивала не по чьему-либо заказу, а, как бы это сказать поточнее, по зову сердца.

Мимолетное увлечение Владимира С, человека обстоятельного и семейного, Татьяной Н. с его стороны не предполагало продолжения. Сама же Татьяна восприняла его холодность как оскорбление. Ее назойливость стала достоянием окружающих, вызывала публичные насмешки. И Татьяна начала готовиться к акту возмездия. Подготовка сопровождалась предупредительными мерами: Татьяна попыталась объяснить с женой своего обреченного избранника, писала ему письма: "Мне не нужна жизнь без тебя...", "Бросай свою Наташку..." - и наконец: "Я боюсь повторения истории двадцатилетней давности..."

Уже в это время она собирала деньги на оружие, ограничивая и без того мизерные расходы с зарплаты на себя и детей. А когда по случаю купила на рынке пистолет, приступила к тренировкам: восстанавливала утерянные навыки, укрепляла руку, проверяла надежность боя. Почувствовав уверенность в своих силах, отправилась расстреливать любимого. Второго в ее жизни...

Следствие по этому убийству длилось больше года. Следователь тщательно проверял все обстоятельства дела, искал скрытые мотивы. И все время сомневался: в здравом ли уме находилась женщина, совершившая преступление, к которому долго и тщательно готовилась. Комиссия из семи врачей-психиатров каких-либо признаков психического расстройства у Татьяны не обнаружила.

Суд приговорил Татьяну Н. к восьми годам лишения свободы. Судебная коллегия областного суда жалобу осужденной отклонила. О малышах Кармен-рецидивистки Тамбовской губернии позаботятся ее родители.

(КОД, № 6, 1996)

ПОД ТЯЖЕСТЬЮ УЛИК

"Под тяжестью улик он признался в совершении преступления" - читаем мы в сообщениях на уголовные темы. Подозреваемый в большинстве случаев признается в совершении преступления "под тяжестью улик" только тогда, когда видит, что его искреннее признание будет считаться смягчающим вину обстоятельством.

Так было и в случае с неоднократно судимым вором-взломщиком Ал ад аром Санто. Его поймали в ночь с 19 на 20 марта 1975 года, когда он с соучастником - Шандором Хунором - нес украденные из разбитой витрины магазина магнитофоны.

- Мы возвращаемся с вечеринки, товарищ участковый, - заплетающимся языком говорил Санто, изображая подвыпившего человека, - а сейчас несем магнитофоны домой, мы обеспечивали музыку.

На следующий день на допросе сказка звучала уже по-другому.

- Вместе с моим другом Шандором Хунором мы были в кино на вечернем сеансе, - давал показания опытный преступник. После этого мы немного выпили, а затем пошли прогуляться. На Музейном кольце нас окликнули два молодых человека и предложили магнитофоны и радиоприемник. Они просили за все 3000 форинтов, но у нас было только 1000, но они согласились и на это. От соблазна нельзя было удержаться! Я знаю, что совершил скупку краденого, но я дам точное описание продавцов. Прошу отпустить меня на свободу. Я подам

жалобу в отношении постановления о предварительном аресте. Если вы меня сейчас не освободите, то больше и не спрашивайте меня об этих магнитофонах, с сегодняшнего дня я желаю говорить только о женщинах и футболе.

В последующие дни, однако, речь шла не о футболе, а скорее о женщинах.

Первым признался Шандор Хунор. Он подробно рассказал, как они запланировали ограбить витрину на улице Барошш и как сделали это. Хунор утверждал, что сам принимал участие только в этом преступлении, но Санто вместе с женщиной по имени Маргит ограбил уже много витрин.

Данные подтвердили, что с 7 октября 1974 года, после того как Санто отбыл предыдущее наказание, увеличилось количество ограбления витрин в 5, 6, 7 и 8 районах. Но кто такая Маргит?

Спустя некоторое время описание ее примет лежало на столе следователя. Тут помог случай. Когда стали поднимать досье по делам о кражах, то обнаружили рапорт одного постового милиционера, который обратил внимание на целующуюся парочку влюбленных.

Вначале он прошел мимо, но через несколько минут что-то заставило его обернуться. Мужчина уже отстранился от партнерши и пытался что-то вынуть из стоящей на обочине машины. Когда он увидел вновь приближающегося милиционера, то вместе с девушкой бросился бежать. Преступники скрылись, но описание их внешности лежало среди бумаг. Описание внешности мужчины совпадало с портретом Санто. Было высказано предположение, что "партнершей" могла быть Маргит.

Далее расследование шло крохотными шажками и порою заходило в тупик.

И вдруг - вновь интересные данные. Выяснилось, что Санто уже восемь раз снимал номер в одной из будапештских гостиниц. Одновременно с ним соседний номер занимала некая Маргит Фараго. Описания внешности девушки, скрывшейся с Санто от милиционера, и Маргит Фараго совпадали. Когда стали собирать данные о Фараго, выяснилось, что в последнее время она продавала слишком большое количество вещей, и причем это происходило на следующий день после ограбления. Маргитка, как ее звали знакомые, на удивление всегда могла предложить по дешевой цене вещи, схожие с теми, что были похищены из витрин.

Этих данных уже было достаточно для допроса девушки. Однако опытный преступник, видимо, научил ее, как отвечать. Она все отрицала. Да, действительно, они с Санто были в хороших отношениях, но ни о каких преступлениях она понятия не имеет. По просьбе

Санто она продавала много чего, но у нее и мысли не возникало, что эти вещи добыты преступным путем. Когда Санто просил продать их, то объяснял, что редко бывает у себя дома и покупателям легче обратиться к ней.

Семь женщин приблизительно одного возраста стояли в кабинете следователя. Милиционер, рапортовавший о "влюбленных", сразу же опознал "симпатичную партнершу".

Соппротивление Маргит Фараго было сломлено. Она призналась. Да, с Санто они совершили восемь ограблений. Она обычно подстраховывала и занималась сбытом краденого.

Многие подробности ее показаний совпадали с данными протоколов осмотра мест происшествия. Фараго также показала, что до нее Санто разыгрывал роль влюбленного с другой женщиной.

Ни протоколы допроса Шандора Хунора и Маргит Фараго, ни собранные многочисленные улики не убедили Санто в том, что лучше сознаться в совершении преступлений. Но совершенно неожиданно на него повлияло известие о том, что Маргит Фараго беременна и что он является, по словам Маргит, отцом будущего ребенка.

Закоренелого преступника как будто подменили. Он сам попросился на допрос и впал в другую крайность. Всю вину он хотел взять на себя, чтобы спасти Маргит и чтобы ребенок родился не в тюрьме.

Но Санто уже не мог переродиться. В своих показаниях он рассказывал только о тех преступлениях, о которых могла знать Маргит Фараго. В других преступлениях Санто призналась его бывшая приятельница - Эдит Паль, ранее имевшая судимость. Уже на первом допросе она показала, что вместе с Санто они совершили четыре кражи.

После предъявления ее показаний Санто понял, что проиграл. Прокуратура предъявила ему обвинение в совершении 12 краж со взломом, в результате которых было похищено товаров на сумму 45 028 форинтов.

(Г. Катона, И. Кертес. По следам преступления. М., 1982)

КОРОЛЬ ВЗЛОМЩИКОВ И ЕГО СВИТА

Венгрия. В декабре 1975 года перед областным судом предстало пять человек: Дьердь Хевеши, человек без определенных занятий, Каройне Кишш, Нан-дор Рожаш - водитель, Дьердь Лантош - заведующий рестораном, Янош Шюмеги - студент.

С точки зрения возраста, профессии, круга интересов - это была очень разношерстная компания, но ее связывал очень крепкий узел: все эти люди были преступниками, соучастниками и сообщниками в наиболее крупной за последние десятилетия серии краж со взломом.

Суд вынес им строгое наказание, пропорциональное тяжести деяния каждого: Дьердя Хевеши за нанесенный ущерб в особо крупных размерах путем краж со взломом суд приговорил к 10 годам тюремного заключения строгого режима, Каройне Кишш как непосредственную соучастницу - к 3,5 годам тюрьмы. Остальные преступники также получили соответствующее наказание.

Как могла образоваться эта преступная банда, которая за неполных четыре года нанесла ущерб общественной собственности и личному имуществу почти в 800 000 форинтов?

Эту компанию создал Дьердь Хевеши. До того как Дьердь Хевеши стал главным действующим лицом этой уголовной истории, на его жизненном пути не было никакого сенсационного события. Он вырос в обычной семье, ходил в среднюю школу, но экзамена на аттестат зрелости не сдал. Работал в различных местах, однако нигде не смог закрепиться. Ссылаясь на личные противоречия с коллегами, начальниками, он часто менял место работы. То же самое было характерно и для его семейной жизни. Он развелся с двумя женами и после этого поддерживал более или менее длительные связи со многими молодыми женщинами.

Окружающие люди знали Дьердя Хевеши как тихого, серьезного молодого человека. Хотя было известно, что в десятилетнем возрасте он уже предстал перед судом за кражу, но ни родители, ни родственники, ни знакомые не предполагали, что он преступник. Только очень немногие знали, что Хевеши нигде не работает и штамп о месте работы в его удостоверении личности - фальшивый.

В эти годы в Л. преступления были частой темой разговоров. В городе хозяйничал неизвестный взломщик. Осенью 1972 года непрошеным гостем были совершены кражи в детских яслях. Летом следующего года неизвестный преступник взламывал двери квартир и крал деньги, драгоценности, ценные

технические приборы, магнитофоны, фотоаппараты. После этого наступил черед контор предприятий и учреждений. Вор, взламывая двери, перепиливая решетки на окнах, проникал в помещение контор и вскрывал сейфы и металлические кассы. Он забирал прежде всего наличные деньги, но не брезговал и сберегательными книжками, марками и различными электротехническими товарами.

Естественно, что гораздо больше, чем жителей города, серия взломов волновала милицию: за четыре года была совершена 31 подобная кража. На месте каждого взлома велась тщательная работа по обнаружению следов.

14 апреля 1975 года из конторы производственного кооператива, расположенного недалеко от города, сообщили о краже со взломом. Кассир кооператива не соблюдал правил обращения с деньгами, не просил от руководства кооператива охраны для крупной суммы денег, и взломщику удалось заполучить добычу в 230 000 форинтов. Криминалистам удалось зафиксировать тридцать самых различных следов. Они сделали слепки орудий, при помощи которых была взломана решетка, собрали микроскопические пылинки, оставшиеся от перепиливания замка, и среди них сломанные зубья стальной пилы преступника, взяли пробу краски, покрывающей взломанный ящик кассы, демонтировали замки на взломанном окне. В том месте, где преступник проник в здание, были обнаружены мельчайшие, видимые только с помощью лупы ворсинки материала. На полу, который был покрыт толстым слоем шамотной пыли, зафиксировали следы каблучков и взяли образцы шамота. Наряду с поиском следов преступления группа следователей получила задание разыскать тех свидетелей, которые сообщили бы любые, даже самые незначительные, сведения о неизвестном преступнике.

Иногда казалось, что удалось напасть на след неизвестного преступника. В результате принятых мер был обнаружен целый ряд мелких преступников, но главный все еще не попадался.

О принимаемых милицией мерах узнал и Дьердь Хе-вешы. Он стал более осторожным, но не оставил свою преступную деятельность. Он не учел закон, что преступник, совершивший то или иное преступление, еще может оставаться в тени, но с совершением каждого нового преступления все больше увеличивается опасность разоблачения. Перед следователями все четче вырисовывался портрет неизвестного взломщика.

В результате целенаправленной розыскной работы в мае 1975 года кольцо вокруг Дьердя Хевеши сомкнулось. Хотя он строил большие планы в отношении того, каким образом покинет страну, милиция оказалась более оперативной, чем он. Арестовали его прячущимся на полу автомашины. Были найдены все тайники, где Хевеши прятал ценную, состоящую из более чем сотни предметов, добычу и инструменты. На свет был извлечен целый арсенал всяческих приспособлений для взломов. На протяжении недель специалисты-эксперты проводили идентификацию обнаруженных в тайниках инструментов.

Раскрытие серии взломов, нанесших ущерб в 800 000 форинтов, было непростой задачей, но работа следователей была чрезвычайно упрощена двумя обстоятельствами. Тщательный поиск следов на месте совершения тридцати четырех преступлений и показания свидетелей дали против Дьердя Хевеши столько улик, что его виновность не подвергалась сомнению. Если бы Дьердь Хевеши во время допросов и не заговорил или же все отрицал, то и тогда можно было бы доказать совершение им краж со взломами.

Однако Дьердь Хевеши не молчал, а говорил, причем непрерывно и очень обстоятельно. Что же явилось причиной того, что "король взломщиков", который во время подготовки и совершения преступлений проявлял такую осторожность и профессионализм, так легко сделал признание? Мы можем усмотреть две причины:

опыт Хевеши в совершении преступлений и его амбицию.

Хевеши понимал, что, несмотря на все ухищрения, он оставлял после себя громадное количество следов. Пока он был на свободе, он пытался провести следователей, но не недооценивал их. Когда же его арестовали, то он понял, что игра проиграна и если даже он будет все отрицать, то и в этом случае докажут совершение им этих преступлений.

Представляется также, что Хевеши в конце концов должен был кому-то рассказать о своей преступной славе. В нем сработало желание исповедаться. Поэтому он вел подробный дневник о всех событиях своей жизни и посвятил одного-другого своего знакомого в секрет краж. Он рассказал и о том, что очень "возмутился", когда одна его знакомая, которой он прозрачно намекал, что он и есть тот самый разыскиваемый взломщик, не поверила ему. Он привел ей некоторые доказательства, показал свою добычу, и только таким образом ему удалось убедить женщину.

Несмотря на жажду исповедаться, Хевеши отчетливо представлял себе, насколько важно для преступника сохранение тайны. "Этот человек болтлив, и поэтому его опасно было посвящать в мои планы", - заявил он при случае об одном своем знакомом.

Страстно желаемый успех Хевеши нашел для себя не в честном труде, не в устроенной личной жизни, а в совершении преступлений.

Не лишено интереса и то обстоятельство, как образовалась вокруг Хевеши преступная банда. Как стали агент госстраха, водитель, заведующий рестораном и студент пособниками, сообщниками или укрывателями краденого?

Желание легко нажиться, превратно понимаемая дружба, безразличие или просто трусость были связующими звеньями между членами преступной банды. Роли внутри компании были неоднозначными. Хевеши совершал взломы в одиночку, роли всех прочих членов банды были второстепенными, они всегда выполняли какую-либо вспомогательную работу.

Кишш Каройне предоставляла ему свою автомашину. Хевеши, несмотря на удачные взломы, не хватало денег на покупку машины. Кроме этого его удерживала от покупки и осторожность. Для него было удобным, чтобы Кишш Каройне и водитель Нандор Рожаш за 10 - 15% добычи доставляли его на место, ждали невдалеке во время совершения преступления, а затем быстро увозили на машине. Хевеши вскоре убедился в надежности Кишш и ее сожителя и, когда ему было необходимо, прибегал к их услугам.

Заведующий рестораном Дьердь Лантош был давним коллегой Хевеши. Когда после длительной разлуки они вновь встретились, то Хевеши уже был взломщиком. Привлечение заведующего рестораном произошло очень просто: Лантош очень любил снимать фильмы, а Хевеши однажды украл автоматическую кинокамеру. Заведующий предложил продать ему кинокамеру. Предложение было очень выгодным: камеру можно было приобрести за половину обычной стоимости, причем даже эти деньги не надо выплачивать сразу же. Сделка состоялась, и на следующий день Хевеши намекнул на возможность приобретения других дешевых вещей, а вскоре уже играл в открытую.

Для студента приманкой послужил электронный прибор, украденный во время одного из взломов. Он приобрел его с добрым намерением, заплатил за него и лишь позднее догадался, что приобрел краденую вещь. Он испугался, хотел вернуть назад, но вместо этого позволил Хевеши успокоить себя: не бойся, мы не провалимся. После этого шаг за шагом в преступную деятельность втягивался и он: выписывал адреса из телефонной книги, вместе ходил на разведку в места совершения будущего преступления, позднее помогал в испытании и совершенствовании инструментов взлома.

Хевеши стремился привлечь к своим делам и знакомых женщин. Он использовал прогулки для выбора места совершения преступления. Одни женщины протестовали, не хотели входить в выбранный им подъезд, но были и такие, кто соглашался.

Кроме Хевеши никто из членов преступной банды не принимал непосредственного участия в кражах, но они помогали деятельности этого опасного преступника. И будучи привлеченными к уголовной ответственности, они разделили его судьбу.

(Г. Катона, И. Кертес. По следам преступления. М., 1982)

КРАСНОДАРСКИЙ МАНЬЯК

Десять лет продолжался розыск преступника, нападавшего на одиноких женщин, насильовавшего и убивавшего их с особым цинизмом и жестокостью.

- Мы даже предполагали, что в районе орудовал известный всем Чикатило! - рассказывает Валерий Германович Машков, заместитель начальника Гульке-вичского РОВД Краснодарского края. - Направляли запросы в Москву и Ростов, сравнивали результаты экспертиз... Но вот Чикатило задержали, а у нас в 1992-м - снова два убийства...

Но обо всем по порядку. 21 июня 1982 года дети, игравшие в саду у средней школы № 4, в страхе разбежались до домов: под густо разросшимся кустом смородины лежала какая-то женщина. Родители сообщили об ужасной находке в милицию, и на место происшествия срочно выехала следственно-оперативная группа. На обезображенном до неузнаваемости трупе эксперты обнаружили множество колото-резаных ран, рубленые раны имелись на голове жертвы. Погибшей оказалась некая Валентина К-ва, молодая и не лучшего поведения женщина, растратившая природную красоту в постоянных загулах и пьянке. Убийца изнасиловал ее, встретив ночью в том злополучном месте, забрал одежду и нехитрые украшения, после чего обезобразил тело с помощью ножа и топорика.

t

Вернувшись домой, маньяк переоделся и, разбудив жену, повел ее... к неостывшему трупу.

- Смотри, Зойка! Будешь выделываться - то же случится и с тобой, поняла?!

У женщины чуть не подкосились ноги от страха. За себя и дочь, которой едва исполнилось несколько месяцев и которая спала в тот миг в детской кроватке. А садист продолжал глумиться. Несмотря на дождь, он привел жену на берег речушки Самойлова Балка и бросил при ней в воду узелок со своей "рабочей" робой и вещами погибшей. Вода скрыла и топорик, служивший ему орудием убийства.

Следующей жертвой стала Аня Н. Ее одежду - плащ, черную юбку и нижнее белье - нашла в своем шкафу жена убийцы, но никому об этой страшной находке не сказала: слишком свежи были в памяти "уроки" мужа, которые он давал ей в школьном саду и на берегу речки.

А потом были убийства еще двух женщин. Сотрудники милиции предполагали, что убийство Ольги Ю. совершил кто-то из ее родственников. В результате тщательной проверки круг подозреваемых стал сужаться, и в поле зрения попал Сергей Овчинников, крестивший детей погибшей и приходившийся ей кумом.

Март 1992 года - решающий месяц в изобличении маньяка-убийцы. 20 марта

в поселке НИИС, что в полутора километрах от райцентра, между трассой и пешеходной дорожкой под сосной был обнаружен труп женщины. Ею оказалась Татьяна П-ва. Вновь были опрошены сотни людей, нашлись свидетели. Учащийся зооветеринарного техникума 17-летний Андрей в темноте видел некоторые моменты происходящего, слышал крики жертвы. Один из местных жителей видел мужчину, перепрыгнувшего через забор вблизи места происшествия. За домом Овчинникова было установлено наблюдение, а вскоре получена санкция прокуратуры на его задержание.

Задержали маньяка мастерски! К очереди за хлебом, где он стоял, подъехала машина, и все. Никто из стоявших там людей ничего не заметил: вроде стоял человек и - нет его.

Маньяка-убийцу по приговору суда расстреляли.

(Версия-плюс, № 3, 1996)

ДИКИЙ МАРШРУТ

Генри Ли Лукас уже несколько лет ждет казни в камере смертников. Шансов на помилование нет, но и приговор, вероятно, не будет приведен в исполнение...

"Я был довольно видным парнем, но дыра на лице вместо выбитого глаза приводила меня в отчаяние. Часто смотрел в зеркало, думая о том, почему все считают меня последним человеком. Самой жестокой была мама, она называла меня дьявольским отродьем и проклятьем своей жизни.

Лукас убил мать. Размозжил ей голову бутылкой, а тело разрезал более чем на 100 кусков. В 16 лет лечился в заведении для психически больных. После того, как был признан здоровым, сел в автобус и отправился искать счастья на Западе.

"Я ничего не умел, а мой искусственный глаз и тюремная куртка выглядели подозрительно. Поселился в дачном прицепе на заброшенной стоянке, питался отбросами. В это время приехала старая проститутка Бетти. Она напомнила мне мать, поэтому убил ее молотком, а затем задавил автомобилем".

Переломным моментом было знакомство с Оттисом Тулом в баре для гомосексуалистов в Сент-Луисе.

Тридцатилетний приятель имел богатое криминальное прошлое. Вместе заманили в безлюдное место водителя цистерны, убили его и отправились на машине на юг.

В кабине грузовика была койка, кондиционер, холодильник, а изобретательный Оттис сконструировал душ, который использовался для смывания пятен крови. Ежедневно проезжали сотни миль, подсаживая "голосующих", которые не знали, что это их последний путь.

"Оттис был генератором идей. Украл где-то книжку с описанием обычаев людоедов, благодаря чему мы смогли расширить наше скромное меню. Обычно насиловали свои жертвы дважды: до и после убийства, а потом вырезали длинные полосы мяса и жарили на сковороде. Не все люди были нам по вкусу, но если приправить мясо кетчупом, блюдо было не намного хуже гамбургера".

Аппетиты каннибалов были огромными, это подтверждается тем, что за год скитаний они убили 97 человек. Возраст и пол жертвы значения не имели, и приговор выносился после того, как они убеждались, что пассажир планирует длительный выезд в другой штат. Насилия и убийства производили в укромных местах, после трапезы закапывали останки. Обычно отрезали голову,

расквашивали лицо молотком и прятали в другом месте. Последней жертвой в этом ряду стал Отгис, "приговоренный" к смерти Луксом за измену.

"Я опасался, что он убьет меня и продолжит путешествие с мексиканским бандитом. Оба умели водить машину. К сожалению, вынужден был оставить грузовик в предместье Меттл-Рока, поскольку он был весь окровавлен".

Убийца двинулся дальше один, оставляя ужасные следы на обочинах шоссе и автострад. Жертвами были мужчины, женщины и дети, безжалостно убитые молотком, ножом или проволоочной петлей.

"Меня постоянно бил озноб, а отчаяние и страдания жертв приносили некоторое облегчение. Смотрел им в глаза и убивал, как только, смирившись, они переставали бояться. Понимал, что делаю зло, но чувство мести за испорченное детство было сильнее. Хотел их жизни, тепла и мяса".

В 1981 году он заболел воспалением легких, следствием чего были частичный паралич рук и потребность в уходе. Поиски подруги продолжались несколько месяцев, их страшным итогом стали 30 пропавших без вести женщин. В 1981 году пришел к мысли взять девочку из приюта, а для этого требовалось собрать документы о трудовой деятельности и счете в банке. Приобретение бумаг стоило жизни десяти мужчинам.

Обмануть начальницу детского дома было несложно; благодаря этому выехал на автостраду с четырнадцатилетней удочеренной Бецки. Миновали несколько штатов, доехав до Техаса. Здесь несколько недель жили у пожилой женщины Катерины Рич, помогая ей ухаживать за горным садиком, потом вступили в протестантскую секту.

"Приняли нас в общину без всяких вопросов. Бецки целыми днями пела псалмы и начала забывать обо мне. Не заслуживала оставаться в живых. Напоил ее отваром кактуса, и мы вышли на шоссе..."

Тела девочки не нашли, поскольку расчлененный труп убийца разбросал на расстоянии 40 миль вдоль шоссе. Через два дня Лукас вернулся в коммуну, сказав, что Бецки уехала неизвестно куда. Никто не проверил его слов.

"В сентябре снова начал мерзнуть, но смерть какого-то случайного человека была не в состоянии дать мне тепло на длительное время. Приехал к старушке и застрелил ее в роще".

Останки госпожи Рич нашли 7 июня 1983 года. Через два дня Лукас потерял свой револьвер. Анализ пуль и отпечатков пальцев дал основание для ареста. В декабре предстал перед судом по обвинению в трех убийствах. Процесс был очень громкий, привел к введению в Техасе смертной казни.

Обвиняемый в последнем слове сознался еще в одном убийстве. Ему не поверили, но произвели проверку и нашли труп. На очередном процессе его снова приговорили к смерти, но финал был похожим - указание очередного места убийства и трупа. До февраля 1991 года Лукас признался в 357 убийствах и указал места, где были спрятаны тела.

"Должен тянуть время, - сказал он с улыбкой на пресс-конференции, - поскольку меня слишком быстро обвиняют. Хватит выявления одного трупа в месяц. Я убил более 600 человек. Не успеют меня казнить..."

И продолжение этой истории: все же в Техасе казнили этого самого крупного серийного убийцу в истории США. Дело его, однако, оставляет много сомнений. Как говорил классик: "А был ли мальчик?"

Из своих 59 лет Генри Ли Лукас просидел в тюрьме 33. Если отбросить еще годы детства, то у него оставалось не так уж много времени на 600 с чем-то убийств, в совершении которых он признался.

"Я не представляю, чтобы кто-нибудь, во всяком случае человек, был способен убить 600 человек, - заявил сам Лукас корреспонденту "Вашингтон

пост" в конце сентября 1994 года. - Я сочинял самые жуткие детали, которые только можно себе вообразить насчет того, как я уродовал людей. Я заявил, что порубил одну девушку на куски и сделал из нее гамбургер. Да не делал я ничего такого".

(Детективная газета, № 8, 1995) (КОД, № 12, 1996)

ОХОТА ЗА ТРУПАМИ

В калифорнии оглашен приговор по одному леденящему кровь делу.

Двое бывших калифорнийских гробовщиков, признанных виновными в краже органов и торговле оными, были приговорены к максимальному сроку, а именно: к 3 годам и 8 месяцам тюрьмы. Они "крали сердца мертвецов и разбивали сердца живым", как образно заметил судья.

Воровством органов занимались 60-летний Джерри Сконс и его 57-летняя жена Лориент Сконс, державшие похоронное бюро в городке под названием Паса-дим. Жену также признали виновной в подделке донорских разрешений на посмертное использование органов.

...В 50-е годы американская комиссия по атомной энергии активно изучала ткани и кости усопших для выяснения того, как в них откладывается после ядерных испытаний стронций-90. Результаты этих изысканий начали обсуждаться в научной литературе еще в 1957 году. Однако курс на рассекречивание документов взятый администрацией Клинтона в последние годы, привел к обнаружению новых материалов, свидетельствующих о масштабах правительственной "охоты за трупами" в 50-х годах и особенно после 1954 года, когда в Тихом океане была испытана водородная бомба. Всего за подотчетный период было собрано и изучено тысячи полторы тел без извещения родственников.

Возвращаясь к калифорнийским "похитителям сердец", отметим, что они не первые, кого задержали за подобным промыслом. В 1987 году, например, во Флориде возбудили иск против пятерых граждан, будто бы похищавших человеческие органы в похоронных конторах для продажи в Саудовскую Аравию и Гондурас.

(КОД, № 3, 1996)

ОДИНОЧКА

1 декабря 1989 года артисты ленинградской рок-группы Рацен, Макаров и Красный ужинали в ресторане киевской гостиницы "Москва". В 22 часа 15 минут они вернулись в номер и увидели, что балконная дверь приоткрыта. Не было оставленных на спинках стульев импортных кожаных курток и некоторых других вещей.

Бригада Ленинского райотдела милиции обнаружила на балконе следы обуви. Недалеко от балкона снизу вверх был протянут молниеотвод. Служебная собака внизу возле молниеотвода взяла след, нашла на косогоре выброшенные перчатки, вывела на Крещатик и там работу прекратила. Для установления преступника при райотделе была образована специальная группа.

2 декабря в 22 часа заместитель директора киевского ресторана "Русь" Воронова зашла в рабочий кабинет, в котором отсутствовала 2 часа и увидела,

что окно, выходящее на крышу пристройки, разбито. Из шкафа исчезло велюровое пальто с воротником из меха ламы, норковая шапка, сумка с деньгами и документами.

Бригада Печерского райотдела милиции установила, что разбито также окно в кабинете санитарного врача. Крышка находящегося там сейфа отогнута. Правда, похищать из сейфа было нечего. При райотделе для установления вора была создана специальная группа.

5 декабря 1989 года гражданин Югославии Стоянович, вернувшись после ужина в номер, находившийся на втором этаже гостиницы "Октябрь" в Черкассах, не обнаружил кейса, в котором были 2 тысячи марок ФРГ и 100 долларов США, трех кожаных курток и ряда других вещей.

В тот же вечер несколько ранее французский гражданин Савуайан Дидье в той же гостинице проснулся от звона разбитого стекла. На балконе он увидел человека с металлическим прутом в руках. Дидье закричал. Человек быстро перелез через перила и стал спускаться вниз. Подбежав к окну, Дидье увидел обращенное вверх лицо. С его слов милицией был изготовлен фоторобот неизвестного.

13 декабря из гостиницы "Братислава" в Киеве были похищены вещи и деньги граждан ГДР Мануэлы Ба-цель и Никель Квеер. Двери на балкон в их номере были открытыми.

7 января 1990 года из гостиницы "Мир" в Киеве были похищены деньги и вещи гражданок Макаровой и Коноваловой, а 13 января деньги и вещи гражданина Юнусова из гостиницы "Дружба".

Утром 27 февраля 1990 года работники бухгалтерии ресторана "Шахтер" в Донецке не обнаружили сейфа, в котором было оставлено на ночь более 16 тысяч рублей. Срочно вызвали милицию. Сейф нашли на крыше прилегающей к бухгалтерии пристройки, в тридцати метрах от окна. Дверца сейфа была сбита металлической трубой.

Милиции удалось снять на крыше отпечаток кроссовки неизвестного.

Александру Трохименко не везло в жизни. Его отец распisan с матерью не был, оставил ее еще до рождения сына. При регистрации в загсе ребенка записали на фамилию матери, отчество она дала ему экзотическое - Жанович.

Скорее всего оно выплыло со страниц какого-то французского романа. Бог весть какими путями попавшего в руки колхозной доярки. Старшую сестру Александра, в метрике которой вместо фамилии отца тоже стоял прочерк, она нарекла полностью на иностранный манер - Анитой Жановной.

Никакого Жана ни в их селе на Черкасщине, ни в его округе и близко не было. Но выдумала она себе красивого, сильного и смелого Жана - не чету местной простоте. Со временем житейские хлопоты, видимо, полностью вытеснили из головы доярки французский роман. Сына она назвала обычным русским именем. А отчество дала такое же, как у дочери.

Здоровьем доярку Бог не обидел. Но тяжелая работа, личная неустроенность, заботы о малолетних детях и больных родителях стали для нее непосильной ношей. Простудилась, махнула рукой - когда там было вылеживаться?

Осложнение перешло на легкие. На первых порах она не обращала внимания. И упустила время. Лечиться начала, когда туберкулезный процесс принял открытую форму.

Детей пришлось отдать в интернат - самой не по силам было за ними ухаживать. В двенадцать лет Александр остался круглым сиротой - дед и бабка умерли почти в одно время.

В интернатах известно какая жизнь. Далеко не все, конечно, в них плохо.

У него остались в памяти добрые слова воспитателей, учителей. Но больше приходилось слышать злых. Немало повинен в этом и прямой, неуживчивый характер, доставшийся по наследству скорее всего от неизвестного отца.

В 13 лет с ним случилось невероятное приключение. В укромном закутке интернатского двора он нашел бутылку вина. Решил попробовать. Налил немного - вкус сладкий, приятный. А вскоре легко и удивительно радостно закружилась голова. Он выпил всю бутылку и стал невменяемым.

Для интерната это было ЧП. От воспитанника Трохи-менко поспешили избавиться и отправили его в психиатрическую больницу на исследование.

Никаких психических аномалий врачи у мальчика не нашли. Снова его определили в интернат, уже другой, в пригороде Киева Пуще-Водице. Здесь он закончил 8 классов.

Решил учиться дальше. В девятый класс поступил в Смеле, в тот самый интернат, из которого был выдворен. И снова повздорил с руководством. Пришлось забирать документы и идти в ПТУ.

В ПТУ - тоже известно какая жизнь. Общежитием, питанием, формой был обеспечен. Но это и все. Многие его сверстники носили импортные джинсы и куртки, имели кассетники и даже мотоциклы.

И обида поднималась в его душе, не обремененной воспитываемыми с ранних лет моральными правилами. Ему тоже хотелось иметь все эти прекрасные вещи, не ждать, когда сможет заработать на них деньги - иметь сейчас.

Увидел во дворе одного из домов оставленный без присмотра магнитофон - беспечность проявил работавший в Черкассах гражданин ГДР. Не долго раздумывая, он спрятал магнитофон под куртку, принес в общежитие...

На следующий день он уже давал показания милиции. Его пожалели, уголовное дело не завели, передали материалы в комиссию по делам несовершеннолетних.

Тоска по красивой жизни не переставала грызть душу. Вскоре он притащил в общежитие переносной телевизор, который украл из багажника стоявшей в гараже машины. В тот же день похвастался знакомым: вот, мол, приезжал богатый родственник, подарил. Но воспитателя провести не удалось.

Суд приговорил его к 2 годам лишения свободы. Пока условно, но с обязательным привлечением к труду в специально определенных местах - на бытовом жаргоне - "химии". А там... Что такое "химия" - опять же ни для кого не секрет. Никак не место, где люди перевоспитываются. И попал он еще неудачно. Непрекращающееся пьянство, матерщина, драки. Может, и втянулся бы в эту жизнь, но не нашел для себя компании по душе, попал в коллектив, в котором все были старше его. Не выдержал, сбежал. Оставшиеся до конца срока год и 49 дней отбывал не условно.

На свободу вышел 21 августа 1981 года. Что делать дальше? У сестры своя семья, она и сама не устроена, снимает где-то угол. Ни жилья, ни одежды приличной. В кармане тридцатка. Он купил водки. Ночевал на вокзалах. На пятый день решил ограбить машину - было это в Кременчуге. Разбил вечером в "Москвиче" боковое стекло, открыл дверцу. Во внутреннем шкафчике нашел очки, авторучку, фонарик - всего на 16 рублей.

Недалеко стояла вторая машина, боковое стекло было слегка приоткрыто. Опустил его ниже. Здесь и вовсе нечем было поживиться. Сел за руль. Водить машину он не умел, стал наугад крутить свечу зажигания. Мотор заработал, машина тронулась. Отъехал метров 25, остановился. И попал в руки милиционеров. Теперь за воровство и угон машины был приговорен к 3 годам лишения свободы.

Освободился 27 августа 1984 года, отбыв полный срок наказания. Так же,

как и раньше, без своего угла, в лагерной робе, так же с 30 рублями в кармане. И ночевал первую ночь на вокзале. Только теперь он уже был старше, опытней и злее. Теперь решил фонарики и авторучки не воровать. Если уж брать, то брать что-либо посерьезней.

Приехал в Пуще-Водицу, где когда-то учился. Через балкон забрался в номер санатория "Труд", в чемодане под кроватью нашел 200 рублей. В соседнем номере взял 93 рубля, часы с браслетом и джинсы. Получилось все удивительно просто. "Так и надо жить, - решил он, - только надо знать, какой номер брать".

Купил вина, водки. Новым знакомым, у которых ночевал, сказал, что нашел сто рублей на трамвайной остановке. Пьяным был задержан милицией. И не нужно было милиционерам быть Пинкертонами, чтобы догадаться, кто совершил кражу в санатории.

На этот раз на свободе он был 29 дней. В лагерь отправился на 5 лет. Отбыл от звонка до звонка.

Как прошли эти годы? Прочитируем характеристику, подписанную начальником исправительно-трудовой колонии:

"По характеру хитрый, лживый, наглый, склонен к употреблению наркотиков, к туеядству, бродяжничеству, воровству, игре на материальный интерес, участию в группировках отрицательной направленности. На будущее планов не имеет, намерен продолжать бродячий образ жизни, заниматься воровством".

Из текста видно, что это скорее не характеристика человека, а характеристика его взаимоотношений с начальством колонии.

Из этой же характеристики явствует, что за время пребывания в колонии он имел 69 взысканий. Подобное кажется невероятным. Обычно осужденных, у которых зарегистрировано нарушений вдвое меньше, переводят на тюремный режим.

На свободу он вышел 5 октября 1989 года. Все как раньше, только в кармане всего 20 рублей. В Сумы, куда его определили под надзор милиции, не поехал. Кто там ждет?

Теперь он знал, что делать. Прежде всего надо было прилично одеться, обзавестись карманными деньгами.

Приехал в Киев.

Через окно забрался в университетское общежитие.

Все, что ему было нужно, нашлось в студенческой комнате.

18 октября его поздно вечером задержали пьяным в общежитии школы-интерната, где он когда-то учился. Потянуло вдруг в родные пенаты, хоть вообще-то общительностью он не отличался. На воле почти не жил, в колонии приятелей тоже не завел. Освободившись, воровать ходил один. Но вот, тошно стало одному.

Одет на этот раз он был вполне современно, в руках транзисторный приемник, в кармане - около тысячи рублей. Объяснил, что деньги - это возвращенный долг, приемник купил за сотню у незнакомого парня.

Все это было краденым. Но еще не имела милиция ориентировки.

Как бродягу, не приехавшего после освобождения к назначенному месту жительства, его поместили в приемник-распределитель. В приемнике держат месяц. Потом обязательно куда-то определяют. А куда было определить его? Опять в колонию? Так вроде еще преступления не совершил. В Сумы, к месту надзора? Так оказалось, что документы у него не в порядке. В справке, выданной в колонии, клерк, сделав несложный перевод с французского на русский, записал его не Жановичем, а Ивановичем. И получилось, что по

единственному имевшемуся на руках документу он это не он, а другой человек. И порекомендовали ему ехать назад в колонию переписать справку. Так он и поехал! Не совсем же свихнулся, чтобы какую-то справку переписывать.

Выйдя из распределителя, он, что называется, выдал гастроль. О ней рассказано в начале очерка.

14 марта в Енакиево вместе со знакомыми он ввязался в пьяную драку, достал нож и несколько раз что было силы ударил своего противника. В тот же вечер сел в поезд, вернулся в Киев.

"Теперь крышка, - мрачно думал он, протрезвев. - Наверное, я его убил".

В Енакиево по факту нанесения ножевых ранений было возбуждено уголовное дело. Экспертиза квалифицировала их как легкие телесные повреждения. Во время драки он был пьян и его удары почти не имели силы.

В Киеве он на время затаился. Нашел подругу, поселился в ее доме, на первых порах денег хватало. 29 апреля пьяный был подобран милицией и доставлен в вытрезвитель. Оттуда, как неисправимый бомж, опять попал в приемник-распределитель. А там выяснилось, что он разыскивается по подозрению в нанесении ножевых ранений в Енакиево. И пошла следственная раскрутка.

Киевский городской суд под председательством Н. Л. Кузьмина признал его особо опасным рецидивистом и приговорил к 12 годам лишения свободы в колонии особого режима с конфискацией всего личного имущества. Какое у него имущество?

Здесь описаны лишь те эпизоды воровства, которые вменяются ему в вину судебным приговором. В обвинительном заключении этих эпизодов в два раза больше. Обвинение по многим из них суд счел недоказанными, выделив их из дела в отдельное производство, вернул на доследование.

Кражи в гостиницах не редкость. Многие быстро раскрываются, многие остаются нераскрытыми и фиксируются таковыми по территориальной принадлежности в отделе милиции, снижая производственные показатели.

16 декабря 1989 года с 20 до 21 часа неизвестный проник через окно в 105-й номер гостиницы "Москва" и похитил 276 рублей, магнитофон "Легенда" и кроссовки.

Примерно в это же время или чуть позже в гостинице "Славутич" были похищены 1150 рублей и дубленка из 302 номера у гражданина Магавариани и кейс гражданина Мамедова из номера 304. Вор, по всей видимости, проник через балкон. Следствие во всех трех кражах обвинило Трохименко. Суд не счел доказательства убедительными. Время совершения краж было определено недостаточно точно. Если оно совпадало, то очевидно, что их не мог совершить один человек. Но даже если теоретически вор мог успеть побывать в обеих гостиницах, весьма мало вероятно, чтобы после одной кражи он тут же помчался бы на такси совершать другую.

16 октября 1989 года неизвестный ночью проник через балкон в номер 320 гостиницы "Славутич" и похитил 1000 рублей и часы у спящего гражданина Салтанова. Оттуда через балкон забрался в номер 322 и похитил 350 рублей у гражданина Панова, затем 322 рубля у гражданина Хасанова из номера 327. Факт кражи не вызывал сомнения. Но у суда возникло сомнение относительно обстоятельств. Как мог вор с балконов четных номеров перебраться на балкон нечетного номера, находящийся с другой стороны здания?

14 апреля 1990 года в гостинице "Братислава" у несовершеннолетнего Лосева из номера 709 были похищены деньги и вещи на общую сумму 1000 рублей, у гражданина Капанидзе из номера 806 - 1648 рублей.

27 декабря 1989 года в этой же гостинице из номера 1110 у гражданина

Канджая исчезли кожаный плащ и брюки общей стоимостью 1000 рублей.

Во всех трех случаях вор, по обвинительному заключению, забрался через балкон.

Следствие обвинило в кражах Трохименко. Суд посчитал обвинение недоказанным, поскольку не было добыто убедительных объяснений того, как Трохименко смог забраться на балконы седьмого, восьмого и тем более одиннадцатого этажей. Да и зачем ему залезать столь высоко, когда на одинаковый успех он мог рассчитывать и на более низких этажах?

Встретился с Трохименко автор данного материала Кирилл Иванченко уже после приговора в следственном изоляторе, когда он готовил кассационную жалобу в Верховный Суд УССР. Правда, особых надежд на нее не возлагал.

- В чем же, по-вашему, приговор не справедлив? - спросил, понимая, что почти каждый осужденный считает приговор чересчур суровым.

- Эпизод с рестораном "Шахтер". Я там ни при чем. На крыше пристройки я был, верно. Забрался, чтобы найти номер для ночлега.

Это прозвучало неожиданно.

- Номер для ночлега?

- Ну, да. Я не раз так ночевал. Залезу вечером в пустой номер - и сплю до утра. Потом тихонько выбираюсь.

Каждый устраивается в гостиницу, как умеет. Несмотря на то, что, как правило, свободных мест в ней нет.

- А сейф не мой, я бы не поднял его - он 80 килограммов весит.

- Написано в обвинении, что вы по комнате катили его на счетах.

- Это же глупость. Какие счета сейф выдержат? И, потом, на крыше он лежал в 30 метрах от окна. А следа волочения нет. Ну как бы я смог на себе его перенести?

- Вы отказались на суде от многих краж, в которых сознались на следствии. Почему сразу брали на себя лишнее?

- Эпизодом больше, эпизодом меньше - мне какая разница? Ответ, в общем, один. Следователи просили - я и брал на себя. Мне за это водку давали.

- Откуда у них водка?

- Была. Правда, один раз. Несколько раз я подруге звонил, она приносила. Пил из горла, прямо в кабинетах следователей.

- Когда, в каких отделах?

Он ответил. Но здесь адреса не называются - не собраны доказательства. Да и нужно ли их собирать? В общем, не секрет, что подобный метод следствия существовал давно, существует и вряд ли исчезнет в будущем.

- Кроме донецкого эпизода, со всем в приговоре согласен?

- В общем, да. Правда, еще эпизод в гостинице "Москва" не мой. Там третий этаж высоко. У меня рука больная, по громоотводу я туда просто не мог бы забраться.

- Но доказательства собрали убедительные. Отпечаток обуви, выброшенные перчатки.

- Так в следствии же профессионалы работают. Они умеют дела в суд оформлять. Но здесь я не в претензии - пусть будет эпизодом больше. А за ресторан буду апеллировать. Там особо крупный размер - это дополнительная статья. Из-за нее мне 12 лет влепили.

- Долгий, конечно, срок. Но ведь сколько краж и четвертая судимость.

- Отвечать за все надо по закону. Прокурор просил даже 14 лет. Да знал бы я, лучше бы вышел на толпу - и из автомата... Больше бы не дали.

- Здесь "вышка" была бы.

- Если бы квалифицировали, что я действовал из хулиганских побуждений, никогда.

- Вам предъявлен иск на 25 тысяч. Понятно, что оплатить его вы не сможете. Люди ни за что пострадали.

- А я чего хорошего от людей видел? Да и не последнее я у них забрал, если они селились в люксах и тысячи в пиджаках оставляли.

- В перечне украденного вами много вещей: кожанки, шапки, джинсы, свитера...

- Перечни эти слишком раздуты.

- Сейчас вещи стали дефицитом, продаются втридорога. Но вы-то, видимо, спускали их почти даром?

- Вообще даром. Дарил в основном, не продавал.

- Зачем же брали?

- Я говорю, что навесили лишнее. Я деньги в основном искал. Ну там шапку, еще кожанку. А шмутки мне зачем - кому их продавать?

- Неужели в колонии не запаслись адресами скупщиков?

- Нет, не запасся.

- Вы считаете себя вором?

- Я воровал, но я не вор.

Ответ удивительный. Настоящий вор в законе гордится своим статусом. Он не скажет, если это неизвестно заранее, с кем воровал, сколько украл, кому сбыл. Но о том, что он вор, что уже никогда не будет горбатиться, заявляет с самодовольством.

У Шукшина в "Калине красной" есть точные, не посвященным непонятные слова. Смысл таков:

- Оставь его, он был мужиком, не вором, - говорит один из прежних "коллег" о главном герое.

Воры блюдут чистоту касты, отмежевываются от всех остальных, называя их мужиками или фраерами.

Таким образом, в касту он не принят. Но за короткое время, которое пробыл на свободе, совершил столько краж, что и профессионалу мог нос утереть.

- У вас уже опыт. В зоне приспособитесь, выйдете досрочно.

- Не умею я приспособливаться. Буду мотать весь срок.

- А дальше? За старое?

- Зачем? Я бы и сейчас, если бы мне дали нормальный документ, да жить было где, пошел бы работать. А то вышел - ни кола, ни двора, ни денег, одежда тюремная. Куда такому идти?

- Так ведь и потом такое будет.

- Только я потом не таким буду. Все, хватит. Сколько можно по зонам погибаться?

Хочется думать, что говорит он искренне. И дай ему, как говорится, Бог. Только пошла его жизнь наперекосяк, через пень-колоду. Куда он от нее денется?

(К. Иванченко. Банда Ващука. Киев, 1991)

БРОДЯЧИЙ АНГЕЛ СМЕРТИ

"Привет, я Тед" - так представлялся этот симпатичный молодой человек незнакомым женщинам. Прощание часто завершалось для них трагически. Теодор

Банди был самым отвратительным маньяком в истории человечества.

Убийственно красивый, с глубокими выразительными глазами, Теодор Банди представлял собой мечту любой женщины. Три наивных слова: "Привет, я Тед" - безошибочно открывали ему путь к их сердцам. Блондинки, брюнетки, рыжеволосые, что называется, штабелями падали к его ногам. Банди привлекал женщин, как магнит притягивает к себе металлические скрепки из коробочки.

Но эти же три коротких слова оказались смертельным приговором по меньшей мере пяти десяткам женщин, поскольку Теодор Банди был самым отвратительным маньяком, когда-либо известным Америке и всему миру. Используя свою внешнюю привлекательность, он долгие четыре года шастал по городам и весям США как некий бродячий ангел смерти.

Жертвы Банди умирали в страшных муках, подвергнутые такому изощренному сексуальному насилию, что Теда называли то вервольфом, то вампиром, то потрошителем... Он убивал, убивал и снова убивал, пока не попался в результате банальнейшей полицейской операции - проверки личности.

Один из любимых "охотничьих" трюков садиста заключался в использовании фальшивой гипсовой повязки. Он надевал ее на руку и в каком-либо не очень оживленном месте изображал попытку поднять тяжелый предмет или сменить колесо у машины. Дожидался, пока симпатичная женщина предложит свою помощь, произносил: "Привет, я Тед..." И жертва оказывалась на крючке.

В конце концов Теда Банди "поджарили" на электрическом стуле во Флориде в 1989 году. Ни одна слеза не пролилась по нему. Более того, местный шутник крикнул зевакам, толпившимся в этот день у ворот тюрьмы: "Выключите ваши кофеварки, люди, сегодня вся электроэнергия понадобится здесь!"

Банди оставил после себя такие проявления злодейства, которые поставили его в списке маньяков на одно из первых мест.

Он был виртуозным лжецом. Его патологическая ненависть к женщинам, как полагают специалисты-психиатры, зародилась где-то в раннем детстве. Подростком он пристрастился к "крутой" порнографии, которая, как Тед говорил потом, "разбудила всех демонов", подтолкнувших его к череде убийств.

Теодор появился на свет в доме для матерей-одиночек в городе Берлингтон, штат Вермонт. Родила его девятнадцатилетняя Луиза Коуэлл. Первые четыре года мальчик провел вместе с матерью в жалкой квартирке по соседству с благотворительным приютом. Потом в поисках лучшей доли Луиза с сыном отправилась за три тысячи миль через всю Америку в город Сиэтл. Здесь ей удалось выйти замуж за Джони Банди, который работал поваром в военном госпитале. Банди усыновил Теда. Потом в семье появилось еще четверо детей.

Тед был отштампован по общеамериканскому шаблону. Сначала бойскаут, начинавший и проводивший свой день по расписанию, аккуратно подстригавший газон в выходные. Потом прилежный ученик средней школы, член легкоатлетической команды. Уже тогда у него появились подружки. Позже они и те, что сменили их в Вашингтоне, где Тед был студентом-юристом, рассказывали на следствии и в суде, что в постели Тед проявлял садистские наклонности. Особенно он любил жестокие игры в "господина и рабыню".

Окончив школу, Тед поступил сначала в университет Сиэтла, но потом перевелся в Вашингтон. Однако в 1967 году бросил юриспруденцию, чтобы посещать факультативный курс китайского языка в Стэнфордском университете. Легкомысленный и поверхностный, он оказался неспособным к напряженной повседневной работе.

В конце концов Тед бросил занятия и отправился обратно, на запад. В Сиэтле он провел зиму, перебиваясь случайными заработками, в том числе помогая республиканцам в их предвыборной кампании. А потом, в 1969 году, ни

с того ни с сего уехал в Филадельфию.

Эти метания имеют в истории Теда Банди немаловажное значение. Во время своих поездок он понял, как огромна Америка и как легко человеку, совершившему преступление, затеряться в ней.

В 1971 году, вернувшись в Сиэтл, по иронии судьбы он работал консультантом в местном центре помощи жертвам насилия. Энн Рул - одна из тех, кто знал Банди в то время, социолог, автор нескольких бестселлеров, основанных на реальных фактах криминальной истории Америки. В начале семидесятых годов она вместе с Банди работала на "горячей линии" в Сиэтле. В связи с делом Банди Энн писала:

"Когда люди спрашивают меня о Тедде, я всегда подчеркиваю: человек, которого я знала в Сиэтле, представлял собой симпатичного, приятного в общении двадцатидвухлетнего парня. Он интересовался политикой, умел разговаривать по телефону, был остроумным и обаятельным.

Я была в дружеских отношениях с Тедом Банди и никак не могла предполагать, что он окажется маньяком-убийцей. Никогда даже вообразить такого не могла! Когда я увидела его лицо в последний раз - перед казнью, я заметила все тот же внимательный взгляд, все тот же наклон головы, которые говорили: "Вы можете довериться этому человеку".

Во время работы в Сиэтле Банди написал брошюру на тему об изнасиловании, где непроизвольно проявил свою сущность в таких строках: "Многие насильники вовсе не являются больными людьми. Это личности, которые верят, что могут безнаказанно навязать свою волю другим".

Первый кровавый шаг Тед совершил в 1974 году, когда ему было 28 лет.

Ложась спать вечером 31 января, Линда Энн Хили, двадцатилетняя студентка юридического университета штата Вашингтон в Сиэтле, завела будильник на семь часов утра. Она должна была подготовить для местной радиостанции информацию о состоянии лыжных трасс и боялась проспать. Через два часа после отмеченного времени, когда ее соседка по общежитию вошла в комнату, Линда лежала бездыханная. На подушке ее расплылось огромное пятно крови.

Шестью неделями позже, 12 марта, Донна Мэнсон вышла из общежития и направилась на студенческий концерт, который должен был проходить на окраине города. Больше ее никто не видел.

Восемнадцатилетняя Сьюзен Ренкорт 17 апреля вышла из здания университета после занятий и отправилась в кинотеатр. И тоже пропала. За ней в неизвестность последовали: 6 мая - Роберта Парке, двадцати двух лет; 6 июня - Бренда Болл, ее ровесница; 16 июня Джорджина Хокинс, восемнадцати лет.

Среди десятков тысяч любителей позагорать на берегу озера под Сиэтлом 14 июля был симпатичный молодой человек с рукой на перевязи. Он подошел к девушке по имени Джанис Орт, лежавшей возле воды, и вежливо попросил: "Вас не затруднит помочь мне погрузить легкую лодку на крышу машины?" Двухлетняя Джанис взяла свою одежду, велосипед и пошла с молодым человеком к его машине. Она оказалась жертвой под номером семь. В тот же день после обеда Денайс Нэсланд вместе с друзьями отправилась отдыхать возле бурного ручья, впадающего в озеро. В четыре часа пополудни она вышла из воды и пошла в общественный туалет неподалеку.

Лишь месяца через два группа охотников на куропаток наткнулась на останки Джанис и Денайс под деревьями. Трупы оказались раздетыми. Не составило труда определить, что девушки умерли в результате чудовищного сексуального насилия.

Когда детективы занялись этим делом, выяснилось, что в тот день симпатичный молодой человек с рукой на перевязи пытался заговорить по меньшей мере с десятком женщин. И ко всем он обращался со словами: "Привет, я Тед!"

"ДНЕВНЫЕ КОМАНДИРОВКИ" МАНЬЯКА

30 августа Банди уволился с государственной службы экстренной помощи в Сиэтле, перебрался в Солт-Лейк-Сити и устроился на работу в юридическую школу при университете штата Юта. Не прошло и двух месяцев, как в Юте начались убийства.

Мелисса Смит, восемнадцати лет, - изнасилована и убита 18 октября. Лайра Эйм, семнадцати лет, - жестоко избита и задушена 31 октября. Дебра Кент, ее ровесница, - убита 8 ноября. Дебра оказалась вторым объектом нападения маньяка в тот вечер. Юной Кэрол Ронч чудом удалось избежать гибели, когда, представившись полицейским офицером, преступник заманил ее в свой "фольксваген". В тот момент, когда автомобиль замедлил ход, Кэрол, хотя садист надел на нее наручники, изловчилась и вывалилась на тротуар. Тед кинулся за ней с железным прутом, но она оказала ему отчаянное сопротивление. Спасла девушку проходившая мимо пожилая супружеская пара.

Затем эпидемия убийств перекинулась из Юты в штат Колорадо. Позже Банди утверждал, что за период с конца января по апрель 1975 года он убил в Колорадо четырех женщин.

Его кровавый разгул казался безграничным. А для детективов, которые сбились с ног в поисках маньяка сразу в трех штатах, он оказался наихудшим типом преступника - кочующим убийцей. Не "засветившись" нигде, он мог появиться в любом месте.

Удача улыбнулась блюстителям закона ранним утром 16 августа. Офицер дорожной полиции штата Юта Роберт Ховард находился за рулем патрульной машины рядом со своим домом в городке Грангер. До конца смены оставалось еще двадцать минут, и он ждал, чтобы ровно в три часа ночи доложить, что свободен.

Рация, как обычно, была включена. Он услышал переговоры двух коллег, которые преследовали каких-то хулиганов. Включив мотор, Ховард рванулся к ним на помощь. По пути он заметил, как при приближении его машины от тротуара отъехал "фольксваген" и, не зажигая фар, начал быстро набирать скорость, Ховард последовал за ним, включив сирену.

Но сирена не помогла, "фольксваген" не остановился. Двенадцать кварталов Ховард преследовал машину, а когда настиг, водитель "фольксвагена" все-таки сбросил скорость, прижал свою машину к тротуару и вышел навстречу полицейскому. Держа револьвер наготове, Ховард осмотрел салон и багажник автомобиля. Он обнаружил наручники, небольшой лом, лыжный шлем с забралом, который надевают при скоростном спуске, и нейлоновый чулок. По поводу последнего водитель сказал, что это "просто тряпка". Невероятно, но факт: офицер Ховард ограничился тем, что составил на водителя "фольксвагена" по фамилии Банди протокол за "неподчинение остановиться". И отпустил его.

Позже, когда дорожная полиция Юты связалась с уголовным розыском штата, выяснилось, что внешние данные Банди полностью совпадают с описанием человека, который напал на Кэрол Ронч.

Банди был арестован на следующий день в своей квартире.

Первоначальное обвинение, выдвинутое против него, - наличие

принадлежностей для грабежа. А тем временем Кэрол Ронч опознала Банди по фотографии и заявила, что его машина похожа на ту, в которую ее затащил преступник. И тем не менее Банди поначалу отпустили под залог.

Когда же через пару дней Кэрол опознала его на очной ставке среди других людей, ему предъявили обвинение в киднэппинге - похищении человека.

Так уж случилось, что офицер дорожной полиции Роберт Ховард был родным братом капитана уголовной полиции Питера Ховарда, который возглавлял расследование дел о похищении Кэрол Ронч и убийстве трех других девушек.

Когда Роберт рассказал Питеру о Банди, брат-сыщик вспомнил об одном междугороднем телефонном звонке. В ноябре 1974 года с ним связалась бывшая невеста Банди, девушка по имени Лиз Клопфер. Она дважды звонила Питеру из Сиэтла и умоляла обратить внимание на Банди как на возможного виновника происшедших в Юте убийств. Ховард распорядился тогда произвести обычную проверку, она не выявила ничего подозрительного, и на том полиция успокоилась.

Банди невероятно повезло. Хотя он и попал в поле зрения полиции Юты, не было никаких доказательств его причастности к убийствам в других штатах. И опять его выпустили под залог, оставив лишь обвинение в попытке похищения девушки и хранении принадлежностей грабителя.

Женщины, которые видели Теда на берегу озера в тот роковой день, когда погибли Джанис Орт и Денайс Нэсланд, в один голос уверяли, что тот молодой человек совсем не похож на Банди.

Как объяснил позже следователь прокуратуры штата Юта Дэвид Йокум, "произошло это потому, что Банди менял часто свою внешность, как другие люди меняют нижнее белье".

Суд над Банди по обвинению в киднэппинге начался 23 февраля 1976 года. От своего права требовать суда присяжных он отказался. После долгих апелляций, споров и прочих юридических казусов процесс, наконец, закончился. Банди приговорили к пятнадцати годам тюремного заключения. Но в Юте он срок не отбывал, поскольку его этапировали в штат Колорадо, чтобы отдать под суд по обвинению в убийстве студентки по имени Кэролин Кэмпбелл. 30 декабря воспользовавшись стопкой книг и проявив завидную ловкость, Тед бежал через крышу тюрьмы города Колорадо-Спрингс. Оказавшись на воле, он угнал полицейский автомобиль...

15 января 1977 года оказался самым кровавым днем в календаре преступлений Банди. В Таллахасси, столице штата Флорида, вооружившись толстой деревянной дубинкой, он проник в женское общежитие местного университета.

Девушки-студентки только что вернулись с рождественских каникул. Диана Коссин, одна из тех, кто к счастью не пострадали в тот ужасный вечер, рассказала, что большинство девушек перед сном собрались в гостиной посплетничать и обменяться новостями: "Я увидела, что Маргарет Баумен уходит, и спросила что-то вроде "А как твои дела, Маргарет?" Она ответила: "Могли бы быть лучше". И вышла. Это был последний раз, когда я ее видела".

Едва огни в общежитии погасли и все стихло, Банди принялся за дело. Он взбежал по лестнице на второй этаж и открыл дверь первой попавшейся комнаты. В ней оказалась Маргарет Баумен, двадцати одного года. Дубинкой он избил девушку до полусмерти, задушил ее, а потом отгрыз большие куски мяса от ягодиц. Затем вскочил в комнату напротив и тем же гнусным образом расправился с двадцатилетней Лизой Леви.

В тот вечер Банди жестоко избил еще двух девушек - Карен Чандлер и Кэти Клейнер. Лишь после этого он покинул общежитие. Карен и Кэти не только

подверглись надругательствам, испытали неопиcуемый ужас, но по сей день вынуждены гримироваться, чтобы скрыть глубокие шрамы на лицах от ударов и укусов.

8 февраля Банди убил самую молодую из своих жертв - десятилетнюю Кимберли Лич. Произошло это в городе Лейк-Сити, штат Флорида. По-садиcтски расправившись с девочкой, он бросил ее изуродованное тело в свинарник.

Но уже на следующей неделе удача повернулась к Банди спиной. В три часа ночи патрульный полицейский Дэвид Ли из управления полиции города Пенсакола заметил подозрительный "фольксваген", отъехавший от ресторана. Мгновенная проверка на компьютере показала, что машина числится в угоне.

Ли бросился в погоню. Заметив его, водитель "фольксвагена" остановился, выскочил из машины и кинулся на подбежавшего полицейского, пустив в дело дубинку, Ли оглушил его и скрутил. Придя в себя, водитель назвалcя Кеном Мишером и пробормотал: "Лучше бы ты меня убил..." Названная им фамилия была одной из многих, которыми Банди пользовался. Всего таких фамилий в списке оказалось тридцать одна.

Следствие по делу Банди тянулось долго. Более того, вместо обвинения по меньшей мере в дюжине убийств, ему вменили в вину лишь убийство школьницы Кимберли. Зато улики были неопровержимыми. В частности, на теле маленькой девочки были обнаружены следы глубоких укусов, которые точно соответствовали его зубам.

Во время судебного процесса Банди получал письма со словами поддержки, даже брачные предложения от женщин, которые никак не могли поверить, что этот красивый, обаятельный мужчина способен на такие отвратительные преступления.

После признания его виновным в убийстве Кимберли Банди еще восемь лет жил под тенью электрического стула, утверждая, что невиновен. Лишь убедившись, что конец неотвратим, Тед "раскололся" - признался почти в сорока убийствах. Составив страшный список своих жертв, он заявил: "Я заслужил за это смерть". Однако в полиции до сих пор убеждены, что за ним числится гораздо большее количество трупов.

В списке Банди были жертвы из штатов Айдахо, Калифорния, Мичиган, Пенсильвания и Вермонт. Некоторые свои преступные вылазки он называл "дневными командировками": приезжал в какой-нибудь город, наугад находил жертву, расправлялся с ней и тут же улетал обратно.

После десяти лет пребывания в камере смертников Банди наконец-то был казнен на электрическом стуле в феврале 1989 года в тюрьме города Гейнсвилл.

(Народная воля, ноябрь 1996)

ОБЫКНОВЕННЫЕ УБИЙСТВА

Трое полгода держали в страхе полуторамиллионный город. Когда они, наконец, предстали перед судом, город мог бы посмеяться над недавним своим страхом - так ничтожны оказались те, кого перепуганная молва наделяла черной мифической силой. Но городу было не до смеха - слишком много слез, слишком много горя успел накопить город за те месяцы, что позволял троим безнаказанно развлекаться в многолюдной своей пустыне. Сколько же дали им натворить!

Вот сообщения, наполнявшие город тревогой, тоской, ужасом. Попробуйте

запомнить элементы одежды - вещам суждена впечатляющая жизнь.

"Управлением внутренних дел Новосибирского облисполкома разыскивается без вести пропавшая Исаен-ко Елена Антоновна, 1963 года рождения, которая ушла из дома 24 августа 1989 года и не вернулась. Ее приметы: рост 177 см, среднего телосложения, волосы русые, средней длины, брови дугообразные, была одета - юбка из джинсовой ткани "варенка", свитер серого цвета... При себе имела сумку красного цвета в черный горошек...". "13 ноября 1989 года в 21 час несовершеннолетняя Артюшенко Лена на Красном проспекте возле ВПШ села в легковую машину... Приметы пропавшей: на вид 17-19 лет, рост 164, худощавого телосложения... Была одета: шапка-формовка из меха рыжей лисы..."

"...Разыскиваются пропавшие без вести Калюжная Виолетта Владимировна, 1971 года рождения, и Китаева Лариса Владимировна, 1966 года рождения, которые 1 марта 1990 года около 20 часов вышли из парикмахерской по улице Коммунистическая с целью поймать такси и поехать домой и пропали.

Приметы Калюжной: на вид 16 - 17 лет, рост около 150 см, худощавого телосложения, одета - черное кожаное пальто с песцовым воротником, спортивные брюки темно-синего цвета "Адидас"...

Приметы Китаевой: на вид 18 лет, рост 153 - 155 см, среднего телосложения, одета - на голове шарф белого цвета, коричневая дубленка с меховым воротником..."

Телеэкран подолгу держал фотографии пропавших. Эффектная, цветущая женщина. Прелестная юная первокурсница. Две милые девушки - задорная и задумчивая. Жизнь в моментах безмятежного запечат-левания - и шоковая информация. Пропали без вести?! В тысячеглазой городской толчее?!

Труп Леночки Артюшенко был обнаружен выехавшим с семьей на отдых горожанином в лесопарке возле села Мочище в воскресенье, 19 ноября.

На трупы Китаевой и Калюжной наткнулся 27 марта прохожий в перелеске Академгородка.

Трупы кричали: убийцы (или убийца?!) не только насильники, но и алчные грабители - не пренебрегали даже старенькими женскими брюками "Адидас"...

Елена Исаенко исчезла бесследно. Экстрасенсы сказали безутешной матери: дочери нет в живых, искать надо недалеко от города, там, где березы, березы, березы...

Но в городе, в одном из частных гаражей, милиция нашла красную сумочку в черный горошек с косметичкой, портмоне, зонтиком, продуктовыми талонами. Мать в рыданиях опознала вещи потерявшейся дочери. Скоро найдется и дочь - точнее, ее останки. За городом, в березах.

Зачитывая с телеэкрана сообщения о без вести пропавших, капитан милиции Владимир Чеплыгин, известный новосибирцам как ведущий "уголовной хроники" в местной программе "Панорама", настойчиво призывал женщин не садиться в частные машины.

При дурном состоянии городского транспорта пользы от таких предупреждений немного, но милиция просила и просила горожанок быть осторожнее с частниками. Горожанки пугались у домашних экранов, а на улицах после долгого нервозного топтания на остановках с беспечной благодарностью впархивали в любезно тормознувший автомобиль. Об убийствах знал весь город.

Мелкие происшествия иного свойства милиция огласке не предавала - щадила женщин, переживавших то, о чем не кричат на каждом углу. Да и отношение, по-видимому, к этим происшествиям у милиции было неоднозначное.

Поступают такие, к примеру, заявления. (Фамилии потерпевших, разумеется, не называю. И подробности надругательства опускаю - противопоказано этой мерзости тиражирование.)

Двадцатилетняя Галя:

- Около 24 часов стояла на остановке... Голосовала. Остановились "Жигули" белого или бежевого цвета. Трое парней согласились меня подвезти. Один, назвавшийся Максимом, предложил мне выпить за прошедший праздник - День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Я согласилась. Меня в жизни никогда не обижали, и я в тот период ничего опасного от них не ожидала. Сначала выпил парень в красной куртке. Он постоянно говорил, что ему в этой жизни ничего не надо, кроме как выпить, он любит весело пожить. Потом Максим налил водки мне в стакан. Там было граммов пятьдесят, я выпила и скоро почувствовала слабость, меня прошиб холодный пот, стала бить лихорадка, я заплакала. У меня было такое состояние, что я ничего не соображала и не понимала...

Разбудили они меня у моего общежития. Я была в каком-то тумане...

Когда я проснулась, то увидела, что у меня исчезли золотые украшения...

Двадцатилетняя Марина:

- Возвращалась с подружкой из гостей около полвторого ночи. Увидели "Жигули" светлого цвета. Стали махать руками, машина остановилась. За рулем мужчина, лицо худощавое, вытянутое, назвался Олегом, второй, рядом, сказал: "Максим". Мы с Викой сели на заднее сиденье. Вика предложила пригласить парней ко мне, выпить-посидеть, кто-то из них ей понравился. Я согласилась, мне было все равно.

Когда я и Вика выпили по стакану вина, Максим сказал, что он работает в цирке и может показать фокусы. Для фокуса он попросил шапку... Мы с Викторой еще выпили вина - налил Максим, и скоро я почувствовала слабость, сонливость... Когда проснулась, во рту сухо, голова дурная... У нас исчезли деньги, шапки, вещи, плащ черный...

Не испытывала милиция ни потрясения, ни большого сочувствия к заявительницам - их собственное легкомыслие было очевидным, а розыски шапок и колечек не вдохновляли правоохранителей на подвиги. Ссылки же потерпевших на "слабость, сонливость, невменяемость" воспринимались, возможно, даже не без снисходительной усмешки - перебрали девочки...

Незнакомцы, конечно, мерзавцы, но если гоняться за мерзавцами, то кто же будет ловить негодяев?

Тридцатилетняя Светлана:

- В половине девятого вышла с работы. Села в "Жигули" возле театра. В машине трое. Поехали. Сворачивают не туда. Чувствую - беда. Попыталась на ходу открыть дверь - не открывается. Стекло не открывается. Начала бить в стекло. Они были очень агрессивны. Один ударил меня сначала по лицу - заставлял водку пить. Я вообще не пью... Напоили силой... Остановились на каком-то пяточке... Я уснула... потом какая-то стройка... Первым насильничал водитель. Он очень долго меня мучил... Потом тот, который назвался Фейдой... Выставили на улицу. Попросила отдать шапку - на улице холодно. А, говорят, так ты ничего не поняла?! Я поняла, что надо спасаться, пока жива... В машине, когда от меня требовали гнусность и я отказывалась, кто-то из них проводил мне лезвием топорика по шее...

Тридцатисемилетняя Наталья Сергеевна:

- ...машина проехала нужный поворот. Я заволновалась. Водитель не останавливался. В какой-то момент неожиданно услышала голос с заднего сиденья. "Закрой окно", - требовательно сказал мужчина сзади. Удивилась. Сколько ехали, не ощущала присутствия в машине кого-то еще. Хотела повернуться, но сидящий сзади схватил меня за шею и стал душить. Я не могла даже оглянуться. А второй мужчина навалился на меня и вытащил нож... Потом

водитель снял с меня украшения... Второй выбросил меня из машины... выкинул сапоги... шуба осталась в машине...

Нина, двадцати восьми лет:

- Села в машину в начале второго. Заставили выпить водки. Не хотела. Тогда получила кулаком в челюсть. Потеряла сознание. Очнулась от свежего воздуха. Выбросили где-то у забора. В больницу попала в начале пятого...

Дело возбуждалось, приостанавливалось и прекращалось - "в связи с неустановлением лиц, совершивших преступление".

Город и дня не живет без происшествий, но эти, множась, выстраивались в цепочку случаев не случайного сходства. А обесчещенные и ограбленные гражданки в описаниях автомобиля и преступников были неточны, сбивчивы, противоречивы. Унижение, бессилие, страх, стыд лишали наблюдательности.

Следствие по делу об исчезновении Елены Исаенко было прекращено 14 марта 1990 года, следствие по факту убийства Елены Артюшенко приостановлено 20 марта. А 28 марта областная прокуратура приняла постановление о создании следственной группы в связи с убийством Китаевой и Калюжной.

В тот день, когда город узнал еще о двух трупах, милиция получила очередное заявление от некой Ольги.

По сути происшедшего заявление не отличалось от предыдущих.

Ольга сообщала:

- ...Когда я поняла, что везут меня в другую сторону, стала возмущаться: "Что за дела? Куда едем?" - "Покатаемся", - говорят. Попыталась открыть окно - ручек не было. Выехали на колыванскую трассу, шел дождь, погода мерзкая. Я ни выйти, ни кричать - все закрыто. Съехали с трассы, поехали по каким-то полям. Но машина застряла, и они остановились. Водитель говорит: "Давай!" Я ему говорю: "Зачем так, столько женщин стоит у дорог?!" Он говорит: "Когда сами хотят, неинтересно". Достали пистолет, стали угрожать: "Раздевайся!" Водитель говорит: "Если добровольно дашь, то мы тебя по очереди, а если будешь сопротивляться, то мы тебя всяко-разно..." Что мне было делать?! Сначала водитель - мерзко, долго... Второй быстренько... Водитель хотел продолжать... И тогда я сказала: "Поедем ко мне домой, в машине не удобно. Дома нет родителей, есть две сестры. И спиртное". Они колебались. Я уговаривала. Поверили... Когда открыли дверь, я успела заскочить и захлопнуть ее перед носом поднявшегося со мной водителя...

По сути, ничего нового, но последняя жертва, оказалась человеком решительным, находчивым и в стрессе мобилиующимся. Потом, во время суда, Ольга скажет мне, что у нее хорошая зрительная память. А тогда она смогла добавить к заявлению нечто для следствия более существенное, чем ее собственные оценки и ощущения: описала преступников увереннее и точнее других.

Но и следствие, приостанавливая дела, осмысливало "материал". Переварив заложенные в нее данные, ЭВМ выдала относительно небольшой список подозреваемых "Жигулей".

30 марта в автомобиле ВАЗ-21063 были задержаны Олег Семко и Максим Олешко.

Потерпевшая Ольга "прямо указала на Семко как на совершившего в отношении нее изнасилование". Олешко она не знала.

Семко назвал соучастника, но его надо было искать. Александр Ишимов находился в "бегах" - в деревне, у родственников. Там его и арестовали 9 апреля.

ПЕКЛО

Апрель 1990-го стал соединением многих дел в одно - уголовное дело № 18.

Следствие длилось больше года. Его итог - семнадцать пухлых томов. Плюс многочасовые видеозаписи.

Сошлись в этих томах недуги общества, чувствующего себя скверно, да не знающего, от чего и как лечиться, - то ли зуб выдрать, то ли сердце заменить, то ли наголо остричься.

Об этом, впрочем, рассуждать да рассуждать, а вот когда на процессе сошлись люди, не владеющие собой от горя, от страха, от ужаса непоправимости, зал суда показался адом. Рассуждают ли в аду?

Родители убитых. И родители убийц. Чья доля невыносимее? Мать убиенной Китаевой не дождала до процесса - умерла вскоре после похорон дочери.

Отец убивавшего Олешко застрелился за год до суда - после того как побывал у следователей, узнал, в чем обвиняется сын, поговорил с сыном.

Эти двое нашли для себя выход в смерти.

Другие истерзаны горем.

У Елены Исаенко осталась маленькая дочка. И, собираясь во второй класс, она говорит бабушке: "Давай отвезем маме на могилку швейную машинку, она мне платьице сошьет, ее же не до конца убили". Бабушка горстями глотает лекарства, но нет таких, что смирили бы ее со случившимся. Она кидается на клетку с подсудимыми, но железные прутья и конвой берегут их от самочинной расправы. У них есть и защитники, обстоятельство, которое приводит бабушку в неистовство, и она кричит на адвокатов, она обвиняет их в продажности, она возмущена самим правом убийц на защиту, и судья вынужден удалять ее из зала, исполняя закон, перед которым равны все - и те, кто сеял горе, и те, кто его пожинает. Тогда в коридоре она бросается на мать сидящего в клетке сына, и две немолодые женщины, сцепившись воют от свинцовой тоски отпущенной им нерасторжимости.

Мать Ишимова, давая суду показания, твердит еле слышно: "Саша не может убить, Саша не может убить". А Саша к концу процесса объявляет "явку с повинной" - подробно рассказывает, как они убивали и закапывали молодого мужчину, которого ограбили и без трупа которого его, Сашина, "преступная деятельность выражена не в полном объеме".

Глуховатый отец Семко, то и дело переспрашивающий судью, отвечающий невпопад, исполненный суетливой готовности служить правосудию и в то же время уходящий от конкретных вопросов в ворчливые реплики и нелепое резонерство, производил бы, пожалуй, впечатление комического персонажа, когда бы не почерневший от трагедии отец юной Леночки Артюшенко.

Он не кричит, он мало говорит, Геннадий Иосифович Артюшенко, так страшно потерявший единственную, горячо любимую дочь, но исходит от него такое неизлечимое страдание, что любая попытка сострадания кажется фальшивой и неуместной.

На своем стареньком "Запорожце" неутешный отец ездит к месту убийства Лены и оставляет ромашки под сосной, безмолвной свидетельницей предсмертных мучений дочери. Он хорошо знает эту дорогу и лесопарковый массив - сюда возил крохотную Леночку по выходным, помнит солнечную поляну, где ребенок впервые увидел теленка, безошибочно выходит к грибным пяткам и ягодникам, доставлявшим девочке столько радости.

Именно здесь, именно здесь...

Он приходит на суд один - у жены нет сил слушать подсудимых, видеть их.

Надо бы подойти к нему и прошептать: "Не ходите сюда, довольно с вас, не выдержит сердце". Но останавливают его глаза - глаза человека, обрешающего себя на медленную, мучительную казнь. За то, что не уберег. Не уберег самое дорогое.

Он скажет суду - глухо и отдельно:

- Когда я нес ее из роддома, все боялся, что уроню... Выронил...

Да поможет небо осиротевшим родителям справиться с обрушившимся на них несчастьем - тщета иных упований очевидна. И самый праведный суд не оживит погибших.

Но на весах правосудия - жизнь подсудимых. И эти родители сражаются за нее как умеют. Три матери, два отца - никто не сказал о себе: "Выронил". А самоосуждение у всех ограничивалось недоумением - неужели?! Откуда?!

Движимые охраняемым родительским инстинктом, они как бы не слышат предъявленных сыновьям обвинений и несут со свидетельской трибуны нечто чудовищно несовместимое ни с обстановкой судебного расследования, ни с характером расследуемых деяний.

- Меня никогда не обижал, парни у него прекрасные, девочки прекрасные, - с уст старой (восьмой десяток) матери Семко слово "прекрасные" не сходит, и мать Елены Исаенко опять срывается на истерический крик: "Сил нет смотреть на вас! Лучше бы вас вообще на свете не было!"

Но они есть - убийцы, и их родители, и для них этот процесс - не возмездие за прошлое, а шанс на будущее. Родители подсудимых не просят у потерпевших прощения за сыновей, не приносят никому соболезнования - они спасают своих детей, безрассудно пытаясь отвести нависшую над ними опасность.

Отец Ишимова: "Сын на убийство не способен, это я вам скажу точно... Когда маленьким был, всегда за хлебом ходит".

Мать Олешко явилась на процесс, длившийся два с половиной месяца, один раз, по вызову, и заметно тяготилась ролью допрашиваемой. И она тоже, как могла, защищала сына: "Мы держали его строго... занимался в спортивной секции... был неплохим солдатом... дома чужих вещей не было". И спросила судью по завершении своих скупых ответов: "Могу быть свободна?" Она не пришла и в день приговора, накануне которого подсудимый Семко тяжело ранил заточенной ложкой подсудимого Олешко.

Конвой на миг соединил их в автозаке. Семко достало и мига для нового преступления...

Как ни грустно, но эти "герои нашего времени" заслуживают персональных справок. Должны же мы хоть что-то знать о тех, кого боимся.

"Михалыч"

Так его звали в том пространстве, где, едва познакомившись, легко пускаются в совместные предприятия.

Не имя даже - репутация человека, понимающего толк в радостях жизни и готового разделить их с каждым, до этих радостей охочим.

Олег Михайлович Семко, 1957 года рождения, четырежды судимый, почти половину жизни "отбывал наказание". В пестром наборе заслуженных им статей - 144-я (кража), 199-я (похищение или повреждение документов), 89-я (хищение государственного или общественного имущества), 212-я (угон автотранспортных средств), 146-я (разбой). В 1985-м убил в тюрьме человека. Осужден по статье 103 (умышленное убийство).

Из акта судебно-психиатрической экспертизы (январь 1986-го) по делу Семко О. М., обвиняемого в убийстве:

"Родился в семье рабочих. Отец длительное время страдает хроническим

заболеванием, лечится в 4-й психбольнице (со слов испытуемого - с диагнозом шизофрения)... Ребенок в развитии от сверстников не отставал. Учился посредственно. Имел хорошие способности к рисованию... Последнюю судимость объясняет тем, что хотел проверить душевные качества жены и удостовериться в том, что она будет ждать его... Правонарушение совершил в состоянии кратковременного болезненного расстройства душевной деятельности, по типу реакции короткого замыкания, которому предшествовало интенсивное аффективное напряжение... Состояние сопровождалось расстройством сознания, аффектом злобы, ярости, агрессией, импульсивными автоматическими действиями, выразившимися в нанесении жертве множества жестоких ножевых ранений".

Словом, его отправили лечиться, а полевив, дали свободу. Амнистия.

Его мать старше отца на одиннадцать лет, и разошлись они давно, когда сыну не было четырнадцати.

Мать об отце: "Что попало делал, злой, боялась - меня, детей зарежет. Больной человек!"

Отец о матери: "Ничего хорошего сказать не могу. Ни одного доброго слова. Правда, она труженица, работала поваром в столовой, там все в порядке, а дома ненадежный человек. Ты дурак, и больше ничего. Они с ее братом постарались меня заткнуть в дурдом".

Отец готов часами говорить о себе, бывшей жене, сыне. Выбираем существенное: "Встретился я с его матерью на Дальнем Востоке. Забеременела от меня, и мы поехали сюда, чтобы плод сохранить. Мне сразу сказали: нужен аборт, я никоим случаем не согласился. Ей тридцать восемь лет, на 38-м году - когда рожать?! Я детей очень любил. Была двойня. Девочка задохнулась при родах. Девочку я похоронил. А сын вышел как фронтовик - с подавленной головой, его клещами тянули. Но вышло ничего, нормально. Очень способный был малыш - во всем. С раннего детства стал хитрить, очень хитрить. В третьем классе, а уже до утра с девчонками просиживает. Художник он стал природно - рисовал буквально все. Он у меня был любимым сыном, симпатичным, умным, способным. Свое детство провел в колонии, там и нахватался. Не в силах я был с этим обществом поставить его на ту дорогу, как я желал бы... Отдаю ему последний долг".

Последний долг в виде кульков с колбасой и помидорами. Когда сын освобожден в последний раз, родители дали ему деньги на машину. Мать - две тысячи: "За то, чтобы жил прекрасно". Отец - шесть тысяч: "Как договорились, - будешь человеком, больше не будешь садиться".

Деньги эти "машинные" в деле об убийствах жили своей мелкой, но назойливой жизнью. Выяснялось и выяснялось, кому же все-таки принадлежит машина, которую журналисты прозвали "ночной ловушкой".

Освободившись, "Михалыч" быстро женился - первый брак расторгла жена, которую он "испытывал" длительным тюремным заключением.

Вторая жена - Лариса Никоненко - называет его то мужем, то сожителем: брак зарегистрирован не был, но в апреле 1989-го, почти за год до последнего ареста, у них родилась дочь.

Мать Ларисы, В. С. Причина, работала в райкоме партии в одной из туркменских провинций.

К 50-летию ей в качестве подарка сослуживцы преподнесли право на внеочередное приобретение "Жигулей".

Так в конце лета 1988-го сваливается на "Михалыча" личный автомобиль. То, о чем честные мечтают или даже мечтать не могут, уголовнику-ветерану дается как бы само собой.

А теперь вот тяжба: чья же это машина? По этому поводу отец Семко

высказывается изумительно кратко: "Машину брала ее мать, деньги давал я, а они хотят ее присвоить".

Что ж... Суд судом, а машина - вещь ценная, металл и все прочее, дорожает, кормилец выбыл из строя...

Кормилец?

Лариса: "Сколько зарабатывал Олег, не знаю, но деньги у него всегда были, без денег он меня не оставлял. Когда я спрашивала у Олега, где он бывает, то он всегда говорил, что какая мне разница, он же работает, зарабатывает деньги". Как? Близких это не очень занимало.

Поддельная запись в трудовой книжке, поддельные водительские права, уклонения от явки в кожно-вене-рологический диспансер... Это все он, "Михалыч", но это лишь "штрихи" к портрету "художника", чья ищущая натура отмечена печатью незаурядной криминальности. ...Будь они прокляты, родовспомогательные щипцы?!

"Ишим"

Его тоже никто, кроме родителей, не называл Сашей. Александр Валентинович Ишимов, 1965 года рождения, образование среднее, судим в 1988 году по статьям 148 (вымогательство) и 117 (изнасилование). Три с половиной года лишения свободы.

Но тюремной администрации "Ишим" понравился - как "вставший на путь исправления", и она ходатайствовала о его условном освобождении с направлением на "стройки народного хозяйства". Освобожден в августе 1989-го. Работал на ТЭЦ-5 плотником, бетонщиком или в спецкомендатуре октябрьского района г. Новосибирска.

"Химия", одним словом.

Спецкомендатура - учреждение, оказывается, не такое строгое, как ему надлежит быть. Можно оформить увольнительную - "прошу разрешить находиться у родителей", для этого всегда найдутся основания: то свадьба (женитьба "химика" способна, видимо, растрогать и самые огрубевшие сердца), то день рождения, то тоска по молодой жене. А можно и без оформления после вечерней проверки отправиться в ночную самоволку. Через окно общежития, зарешеченное не настолько, чтобы быть непроходимым. А под окном "всегда его ожидала машина "Жигули". Ишимов пролазил между решетками, пока их не заварили".

Поздно их заварили, прямо скажем. "Ишим" успел насладиться ночной свободой. А днем вроде как был на глазах у государства, но ненавязчиво. Прораб участка, где работал Ишимов, пишет о нем: "Особого рвения к работе не проявлял, но старался работать так, чтобы к нему не было замечаний, был малозаметен". Но и днем государство смотрело за ним сквозь пальцы. "Несколько раз не являлся на работу, т. е. отсутствовал весь день, после чего говорил мне, что отработает этот день. Если была возможность, он отработывал..."

Не "химия", а льготный контракт. Прогул-другой не побуждал "воспитателей" хотя бы поинтересоваться, а где же все-таки отбывает наказание условно освобожденный Ишимов. Лишь на одном из его прошений об отпуске домой есть виза начальства: "Отказать". Но не по причине прогулов, а потому, что "приходит в спецкомендатуру в нетрезвом состоянии".

Отношения в спецкомендатуре способны прямо-таки умилить неформальностью. Из показаний дежурного: "Когда я менялся, то Ишимов собрался уходить, но я ему сказал, чтобы он ждал сменщика. Но Ишимова ждала автомашина, и он стал нервничать, кричать на меня. И дежурный, сменивший меня, отпустил Ишимова, так как у него не было ограничений".

Во время процесса на Ишимове появился крестик. На вопрос: "Вы

верующий?" Ответил: "В общем-то, да". На вопрос "Давно ли верует?" отвечает опять: "В общем-то, да". Но может ли верующий делать то, что делал он? Размышляет вслух: "В последнее время совершил, например, разбой... Но я же не делал человеку физическое насилие". "Вы же слышали - потерпевшая С. говорит, что вы били свирепее других". Искренне изумляется: "Она же сопротивлялась!"

Что тут скажешь... Его седая миловидная мама даже под потоком саморазоблачений сына пытается убедить всех, что "Саша добрый и уравновешенный, занимался водным поло..." А сын объясняет суду, что занимался разбоем, чтобы добывать средства к существованию.

Учился в радиомеханическом СПТУ. Работал грузчиком в магазине. Искал себя. Обрел.

"Макс"

Под этим, то ли очень заграничным именем прописан был в исследуемом пространстве Олешко Максим Юрьевич, 1966 года рождения. Образование среднее, судим в 1989-м году по ст. 206 (хулиганство), осужден на два года лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора.

Его отец только и успел сказать следствию о сыне: "По характеру доверчивый, легко поддается влиянию". И добровольно ушел из жизни, в которой его сын Максим должен был отвечать за преступления какого-то монстра "Макса".

Подсудимый Олешко, выше и мощнее своих довольно хилых поделщиков. Природа, кажется, затевала его не для мелкой суеты - ив кости широк, и ростом не обижен (1.87), и в слове неспешен. Но природа, видимо, не учла наперсточных соблазнов, и ее крупное творение пустилось в мелкое мошенничество. Олешко бросил мединститут, проучившись недолго, пошел в грузчики, реализуя физические данные, а мозги нашли себе применение в туалете аэропорта, где правили бал азарт и обман.

Мать считает, что сын сломался, вернувшись из армии. Как, на чем - "не знает", в семье для слова "предпосылок не было".

Хотя сама семья, внешне куда как благополучная (родители - большие люди в речном пароходстве), сломалась так внезапно и жестоко...

В акте амбулаторной экспертизы подследственный Олешко описывается так: "Вял, монотонен. Беседует в порядке ответов на вопросы. Односложен. Безучастен. Перебирает самодельные четки. На собеседника не смотрит, на вопрос об обстоятельствах дела повторяет: ну, убил женщину. На вопрос, за что убил, повторяет: ну, убил женщину и убил. Заявил, что ему все равно, как идет, так и идет".

Похоже на то, что можно было видеть на суде. Только без четок. Точно он пережил нечто такое, в сравнении с чем суд, владеющий его жизнью, всего-навсего скучное принудительное собрание. И можно было бы поверить в неподдельность этого безразличия и к происходящему, и к собственной судьбе, когда бы хоть раз "безразличие" выказало себя неосторожной обмолвкой или безропотным принятием всего, что бы ни говорилось. Нет, включения Олешко в процесс вопреки форме были по содержанию актами осознанной борьбы за себя. У него хватило ума на тактику полупризнаний, хватило воли продемонстрировать безучастность...

"Я убил отца, - говорил буднично "Макс" и пояснял: "Я виновен в его смерти". Точно можно подумать, что он удушил отца шарфиком, как тех, кого злой рок столкнул со светлыми "Жигулями". По его логике, самоубийство отца должно было убедить, что ему, "Максу", теперь действительно все равно, что будет с ним самим, - он и так жестоко наказан.

И не вправе, разумеется, отказывать ему в глубоких сильных переживаниях. Но на сопереживание тут он не вправе надеяться. Как и на то, чтобы поверить в его "все равно". Его спросили про лекарство, которое они добавляли своим жертвам в спиртное. Зачем? И он ответил, оживившись на миг: "Мне было интересно, что будет с девушками, и так далее..."

Итак, "Максу" было интересно. "Ишим" добывал средства к существованию.

Определения условны - безусловны общие поступки, совместная деятельность, в которую трое пустились, едва сойдясь на житейской "тусовке".

"Свою преступную деятельность я начал со знакомства с Семко О. М., которое произошло в августе 1989-го в международном молодежном центре "Сибиряк", где я работал летом грузчиком" - сообщил следствию Олешко ("грузчик широкого профиля", по выражению одного из свидетелей).

Отец Ишимова. "С августа 1989-го у сына появился знакомый Олешко, с которым сын учился в школе".

А. Ишимов: "Семко я увидел в первый раз в середине октября 1989-го..."

Осмысленность контактов имела значение ничтожное, сближение шло стремительно, по принципу обнюхивания, по опознанию "своего" неким шестым чувством, не нуждающимся в объяснениях. Их магнитом тянуло друг к другу, трех бездельников, три предприимчивые натуры, алчущие удовольствий.

В июле ли, в августе познакомились Семко и Олешко, но августовским убийством открывается черный список событий, сошедшихся в уголовном деле № 18.

Семко: "Олешко предложил мне - давай проедемся по городу, может, "телок" снимем. Олешко перешел на заднее сиденье, чтобы "телок" было удобнее ловить, пусть садятся на переднее".

Олешко: "Зарядили три бутылки "Пепси-колы" кло-фелином. У Семко был план осуществить грабеж с использованием клофелина. В тот день этот план не осуществился".

Городская охота на "телок в золоте", возбуждая легкостью добычи, требовала все-таки иногда от охотников некоторых ухищрений.

Ишимов: "Голосовала женщина... посмотрев на нас, отказалась ехать. Я обратил внимание, что на ней было золото. Когда мы отъехали, Семко предложил мне пересесть на заднее сиденье, сказал, что заедет второй раз... Я, сидя, на заднем сиденье, спрятался за водителя... Женщина села..."

Дальше - "разбойное нападение". Поиздевались, "напустили жути", сняли украшения, отобрали деньги, духи, помаду... Где охота, там и убийство...

В преступлении 1 марта участвовали все трое. Каждый вспоминает этот день по-своему.

Олешко: "Весь день с Ишимовым употребляли спиртное. Я был пьян. Ишимов тоже был сильно пьян, агрессивно настроен. Посадили в машину двух девчонок около 20 часов... Ишим в грубой форме предложил им совершить половой акт, и, по-моему, одну из них ударил по лицу. Они наотрез отказались, поэтому у меня было мнение довести их до дому, потому что пойти на предложение Ишимова они могли только через силу, а я всегда был противником этих мер... Приехали в район Нижнее Ельцово, где дача Семко... После всего Семко предложил Ишимову и мне убивать... Я шарфиком придушил - у меня не было никаких дурных намерений... Я взял руками шарф, который был на шее первой девушки и которую уже пугал Ишимов, и сдавил ей горло шарфом, одновременно, смотрел на часы, которые имелись в передней панели автомашины. Я думал сдавить горло девушке на 25 - 30 секунд, поэтому смотрел на часы, при этом говорил ей, все ли она поняла, будет ли молчать. Так как у меня тряслись руки, шарф из моих рук перехватил Ишимов. Кто-то из парней в это время говорил - давай-давай! Затем

Семко спросил Ишимова, все, что ли? Наверное, в это время та девушка, которую душил Семко, была уже мертва. Семко стал говорить, что знает какой-то колодец на Затулинке, куда можно спрятать трупы. Но затем мы решили, что везти трупы через город опасно... Семко сказал Ишимову положить их вниз, а самому сесть сверху на них. Шел разговор, куда их спрятать. Ишимов сказал, что никогда раньше не делал. Мне самому было страшно, и я сказал Ишимову - что, в первый раз, что ли? Ишимов сказал - конечно, а Семко странно улыбнулся... Мы перенесли их в лес, я нес свой труп, они свой. Семко сказал, что трупы лучше вообще гасить без следа, нет трупа - нет дела... Труп черненькой был в кофте и плавках. Когда сели в машину, на заднем сиденье лежали кожаное пальто и дубленка девушек. В пути Семко говорил, что мы теперь связаны... Золото Семко положил в карман. С полки под бардачком он достал спортивное трико и показал нам. Мы сказали, что не очень. Это трико Семко положил назад. Фонариком посветил на вещи, лежавшие на сиденье. Ишимов сказал, что из кожаного пальто он будет шить себе куртку кожаную... Семко отвез меня домой, а сам поехал к любовнице".

Суд определил Семко и Ишимову исключительную меру наказания.

Олешко приговорен к 15 годам лишения свободы (пять в тюрьме, десять в лагере строгого режима). В день приговора Олешко лежал под капельницей - Семко серьезно изувечил подельника.

Приговор читался около трех часов. Все стояли. Кроме Семко, которому будто бы было плохо. Прервались. Вызвали "скорую". Поставили подсудимому успокоительный укол, а он воткнул в себя острый осколок ампулы. Но ранил себя не так сильно, как подельника. Ему безумно хочется жить, человеку, который сказал о себе: "Я не считал себя падшим. Я считал себя средним".

(З. Ибрагимова. Обыкновенные убийства. Огонек. № 45 - 46, 1991)

СТАЯ

Следственное управление генеральной прокуратуры РФ закончило (1996 год) расследование уникального уголовного дела. На скамью подсудимых в Екатеринбурге скоро сядут те, кто совсем недавно держали в страхе коммерсантов всего города.

Обвинения, предъявленные подсудимым, более чем серьезные: взрыв самолета, контрабанда взрывчатки, убийства.

Банда Николая Широкова сформировалась в Екатеринбурге, тогда еще Свердловске, в конце 80-х. Крепкие молодые парни начинали с рэкета. К началу 90-х группировка Широкова уже внедрилась в легальный бизнес. "Папа" понял, что присасывается к коммерческим структурам выгоднее на официальном уровне. Правда, методы оставались прежними. Кто-нибудь из крепких ребят приезжал к успешному коммерсанту и предлагал ввести Колю в состав учредителей идущего в гору предприятия. Если коммерсант был недостаточно решителен, то ему напоминали о "недавней трагедии, происшедшей с его коллегой". Прием работал без сбоев.

С годами банда расширялась. В 92-м году к Широкову примкнула группировка некоего Архипова, хозяйничавшего со своими ребятами в соседнем Первоуральске. Освоение новых сфер влияния неизбежно влекло за собой новые кровавые следы, которые никто особенно не скрывал. Действовали в открытую. Как-то широко-ковские, они же теперь архиповские, расстреляли на городском пляже среди бела дня на глазах у жены и трехлетней дочери непокорного

коммерсанта из Первоуральска. Бедняга как лежал, загорая, так и остался лежать.

1992 год принес крутые разборки между кланами. За несколько месяцев на вечный покой отправились сразу около десяти преступных авторитетов города. Понимая, что скоро доберутся и до него, Широков уезжает вместе со своими телохранителями в Будапешт. На хозяйстве остается верный Архипов.

Вынужденная эмиграция не сломила "папу". В 1993 году Широков стал одним из посредников между частной авиакомпанией "Урал" и африканскими бизнесменами. На аэродром близ Будапешта перегоняются два самолета АН-32 и ИЛ-76. На носу выгодный договор об аренде. Но в тот самый момент, когда контракт был почти подписан, неизвестные киллеры расстреляли "папу" в будапештской квартире вместе со всеми телохранителями.

Когда печальная весть дошла до Екатеринбурга, Архипов и оставшиеся в живых ширококовские люди решили отомстить. Пробравшись на территорию аэродрома, бандиты заложили в ИЛ-76 около пяти килограммов тротила и взорвали его. Цель достигнута: африканцы отказались заключать договор об аренде.

Одно из самых громких преступлений, раскрытых следственным Управлением Генеральной прокуратуры, соратники Широкова совершили в 1994 году в Москве. Жертвой стал президент московского торгового дома "Урал" г-н Доронин. В разгар рабочего дня трое вошли к нему в офис, уложили на пол охрану, секретаршу и компьютерного мастера и преспокойно расстреляли бизнесмена.

Арестованные обвиняются в совершении шести убийств. За другие судить некого - и заказчик, и исполнители уже мертвы.

(КОД, № 10, 1996)

50 ДЕВЧОНОК, ИЗНАСИЛОВАННЫХ В ИЗВРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Свои жертвы он настигал обычно в кабине лифта. В таких случаях надо кричать, а на это решаются не все. Когда перед глазами нож и насильник шутить не намерен, страх сковывает. И все-таки некоторые преодолевали робость и звали на помощь. Одна даже брызнула из баллончика. Девушка азиатской внешности оказала ему сопротивление, другая, хитроумная, сказала, что лечится от венерической болезни. Рисковать он не любил и предпочитал отпускать жертву.

Но отважных, увы, немного. И он чаще добивался своего. Был случай, когда одна несчастная заискивающе спросила: "Все? Теперь можно идти?"

Особенно нравилось ему это делать так - в задний проход, иногда еще и в рот: ну, это в особо щекотливых случаях. Иногда возникали проблемы с одеждой жертвы, или, скажем, с нервной обстановкой на посадочной площадке первого этажа лифтовой шахты. Но больше всего ему нравилось заставить девочку повернуться к нему спиной и нагнуться...

Чтобы не попасть впросак, он брал с собой тубик с кремом, который соседствовал рядом с ножом и стартовым пистолетом, способным нагнать страху на детей и женщин.

На допросах ему потом задавали здравый вопрос: "Ну раз решил поставить жизнь на кон и пошел по пути преступлений, какой же был смысл уродовать молоденьких, хорошеньких девчонок? Не проще ли было использовать их по прямому назначению женского организма?" - "Во-первых, можно порезаться, - вполне серьезно и с видимым удовольствием объяснял он оперативникам, видимо,

полагая, что нашел благодарных и сочувствующих слушателей. - Во-вторых, ощущение острее да и дело спорится быстрее, чем так!"

Алексей Босырев давно почувствовал влечение к девочкам-подросткам, пребывающим в том смутном возрасте, когда формирующаяся фигура уже начинает привлекать мужские взгляды признаками наступающей весны.

И первое насилие пробудило в нем вкус к пороку. Однако в 1983 году за изнасилование его подвергли принудительному лечению.

Босырев быстро сориентировался в возможностях своего занятия. Не секрет, в семьях, где распускаются цветки, родители не жалеют денег, чтобы украсить девичью красу. Как правило, дорогие украшения можно увидеть на молодых кокетках. И Босырев резонно рассудил, что можно не только поиметь удовольствие от тела запуганной девочки, но еще получить ценности и деньги.

Вторично его арестовали опять за изнасилование, но при этом учли и грабеж. Как ни пытался Босырев сослаться на нездоровую психику - не вышло! Признали вменяемым и отправили за решетку сроком на восемь лет.

В тюрьме и зоне подтвердилась "правота" его половых опытов. Вполне вероятно, что там его "опустили" и он насмотрелся, а может, еще и испытал такое, что все унижения его жертв, за которые отбывал наказание, показались булавочным уколом. И вызвали ненависть к "несправедливо обошедшемуся с ним" обществу, перемешанную с острой жаждой мести...

С 1992 года органы московской милиции стало лихорадить. Почти из всех районов поступали сводки о человеке, несущем горе семьям. Он подстерегал девушек тринадцати-четырнадцатилетнего возраста, иногда постарше, угрожая им ножом и пистолетом, заставлял обнажаться прямо в лифте, а затем, не обращая внимание на детские слезы и мольбы о пощаде, насиловал свои жертвы в задний проход. Получив наслаждение от детской пытки, запугивал ребенка и отбирал деньги и ценности.

Поймать преступника не удавалось. О его внешности судили только по описаниям юных страдалиц. Опытные сыщики пытались выработать метод. Это не удавалось. В отличие от серийных убийств грабителя женщин, прозванного Чайкой за манеру выслеживать случайную добычу в одном и том же районе, неизвестный действовал по всему периметру мегаполиса.

Сводки теперь постоянно украшали сообщения о насилиях над школьницами, молодыми женщинами. Все случаи были схожи и, как правило, завершались грабежом. В основном милиции пришлось иметь дело с заявлениями от родителей растерзанных детей. Женщины, подвергнутые неожиданному позору, пытались избежать нежелательной огласки и даже мирились с утратой драгоценностей. Поэтому в банк данных сведения поступали главным образом от детей, и часто они были противоречивыми.

Милицейское чутье и настойчивость постепенно сделали свое дело. Сыщики уже могли примерно представить как выглядит преступник, врачи-эксперты по обследованной сперме дали ему характеристику как физиологически устойчивому, лет под тридцать, крепкой породы.

Молодые сыщики Борис Трошин и Дмитрий Нумеров приглядывались в своем районе к каждому, кто подходил к спекулянту. Уже несколько дней на их глазах в переулке появлялся крепкий мужчина в кожаной куртке и темных очках. Сыщики следили за сделками. Однажды это было обручальное кольцо, другой раз человек предложил невзрачное кольцо с дешевым камушком. На такие вещи всегда найдется подходящая отговорка, и вступать в разговор бесполезно! Но вот в тот злополучный для Босырева день он показал сразу несколько золотых изделий и среди них надорванную цепочку, сразу вызвавшую подозрение в ее криминальном происхождении.

Сыщики насторожились. И когда продавец повел спекулянта к машине, стоявшей неподалеку, и открыл багажник, а в его чреве блеснул никелем кассетник, сомнения у сыщиков исчезли. Вежливо и твердо они потребовали для короткой беседы пройти за ними.

Сверка продаваемых вещей с теми, что значились в последней тревожной телеграмме о новом нападении на двух девчонок с насилием и грабежом, доказывала; в руки молодых сыщиков попала крупная птица, за которой московская милиция вела долгую и упорную охоту.

Для него это было, как игра. Каждый день он подбирал голосующих пассажиров и доставлял в разные концы города. Высадив седока и небрежно сунув в карман деньги, с нетерпением осматривал окрестность: не попадет ли кто подходящей? Всегда старался подгадать к полудню, когда заканчиваются уроки и взрослых дома не бывает. Иногда просто приглядывался на улице к тем, кто посимпатичней. Следил из подъездов за транспортными остановками.

В этот день у школы его внимание привлекли две бойкие подружки, и он решительно отправился за ними. Вошел в подъезд и догнал девочек у лифта. Ситуация привычная. Когда закрылись двери кабины, он достал из кармана нож и поднес к лицу той, что вела к себе в гости подругу. Из разговора уже понял - в квартире никого нет.

- А теперь, если хотите жить, спокойно выходим, ты открываешь дверь и ни малейшего шума! Если кто крикнет - вот это под ребро!

Замирая от страха, как перед ударом девчужки, дрожа, вышли в коридор и послушно отворили дверь в квартиру.

Пока он сноровисто насилуовал одну, другая все время находилась перед его глазами (на допросах он оправдывался тем, что всегда избегал причинять лишнюю боль и крема не жалел). Закончив дело, начал собирать ценности. Денег было немного - около двухсот долларов. Нашел золотые вещи и прихватил ту самую, оказавшуюся для него злополучной, аудиоаппаратуру. Затем, перед тем как уйти, принялся за вторую девочку. ..

Говорит он спокойно, старательно выговаривая слова, принятые в оперативно-следственный практике: "спонтанно", "в извращенной форме", "разбой". Понятно, человек не сторонний в криминальном деле. Иногда, привычно действуя скованными наручниками руками, закуривает сигарету и просит еще одну. Ему дают не сразу. Из-под расстегнутой кожаной куртки выглядывает дорогой свитер... Рассказывает охотно, как будто бы не о себе. Иногда даже кажется, что в его голосе звучат осуждающие нотки. Имеет право на моральную оценку - одно время работал в детском садике!

...Выследил трех девчонок. Дошел до подъезда. Там в дверях стояли два одноклассника. Всей гурьбой они ввалились в лифт. Детскую стайку Босырев поставил под нож и кнопкой "стоп" остановил кабину между этажами. Изнасилуовал на глазах у подростков и подруг одну из девочек, отнял пять тысяч у мальчишек и умчался на своих "Жигулях"! Когда пройдет оцепенение, кто знает, что шевельнется в душе у пережившего такое подростка? Может, кто-то потом и перехватит страшную эстафету...

Другой раз в лифте изнасилуовал девочку на глазах у мальчишки и заставил его сделать то же самое. Угрожал ножом и смотрел. Выходя из лифта, с усмешкой спросил: "Ну, как? Теперь будешь ему давать?" Заплаканная девочка послушно пролепетала: "Буду..." Уже за одно разложение детской души можно потребовать любую кару! Только, к сожалению, нет такой статьи в УК!

И ведь доставляло удовольствие унижать и чувствовать себя господином! Изнасилуовал в лифте молодую женщину, с которой был шестилетний ребенок. Она униженно просила повернуть малыша к стене, чтобы на всю жизнь не запомнил

позор матери...

Цинично поведал на допросе, как в лифте изнасиловал женщину, торопившуюся к праздничному столу с гостями. У нее был день рождения, он ее с ним и "поздравил".

Однажды взял с собой фотоаппарат "Поляроид". В лифте раздел двух девчушек догола. Заставил их заниматься лесбийской любовью. Фотографировал! Затем приказал одной фотографировать извращенное насилие. Снимал в разных позах. Эти снимки нашли у него при обыске.

А ведь совсем недавно Алексей Босырев устроил свою семейную жизнь. О том, что он сидел, его жена даже не подозревала. А уж об утехх новоиспеченного мужа и представить себе не могла. И ее разочарование тоже ведь на грязном счету Босырева.

(Э. Котляр. Версия. № 12, 1995)

БИЗНЕС НА НЕРОЖДЕННЫХ

Проведенное немецкими журналистами расследование деятельности московского Международного института биологической медицины вызвало скандал в стенах российского Минздрава. Для проверки работы института создана специальная комиссия, правозащитные организации обвинили врачей в "фашистской практике экспериментов над людьми". Реакция же западных экспертов была однозначной: да, в дикой России действительно возможно все...

После первых же разоблачений, последовавших в программе НТВ, сотрудники института и их друзья в Минздраве выбрали для защиты лучшую тактику - нападение. Да, искусственные аборты на поздних стадиях беременности действительно проводились. Однако во всех случаях имелось согласие женщин на аборт и использование плода.

Да, наших врачей консультируют доктора Молнер и Шмидт, но за рубежом они известны как авторитетные специалисты именно в этой области. Да, полученные после абортов ткани плодов используются для платного лечения. Однако основное направление работа центра - бескорыстные исследования на благо российской науки.

Курирующий работу Минздрава вице-премьер Яров заявил на коллегии министерства: мы наших ученых в обиду не дадим! Быстро поработала и комиссия самого Минздрава, по итогам оперативной проверки заявившая, что в работе института не обнаружено никаких нарушений. Но могло ли быть по-другому? И почему руководство института так непоколебимо уверено в поддержке на самом верху, не говоря уж о Министерстве здравоохранения?

Из досье "КП"

Международный институт биологической медицины был создан в самом начале 1992 года. Акционерное общество открытого типа под таким названием было зарегистрировано Московской регистрационной палатой 5 февраля. Создавался институт при Всероссийском центре перинатологии, акушерства и гинекологии Минздрава как научно-практическая организация, занимающаяся исследованиями в области фетальной терапии.

Однако ни в одном из интервью генеральный директор института Геннадий Сухих не уточнил - а кому же фактически принадлежит его клиника? Дело в том, что Всероссийский центр является лишь одним из двух соучредителей института. Контрольным пакетом акций владеет зарегистрированная в Великобритании фирма BCRO - ей принадлежит 51 процент уставного капитала.

А "уважаемый за рубежом научный консультант института" доктор Молнер является как раз одним из хозяев ВСЕГО и, более того, официально представляет интересы британской фирмы в Международном институте биологической медицины. То есть хозяин клиники - именно Майк Молнер, а не Геннадий Сухих. Что же привело в Россию видного американского специалиста? Ответ прост: практиковавший в Калифорнии доктор Молнер был на пять лет лишен лицензии на врачебную практику. Основанием послужили жалобы клиентов американского Айболита на плачевные последствия проведенных им косметологических операций. Кроме того, выяснилось, что доктор заставлял своих пациентов соглашаться на изобретенные им "новые виды лечения".

Майк Молнер неоднократно пытался подавать на апелляцию. Ответом на последний запрос разжалованного эскулапа было: отказать, ибо "доктор Молнер по-прежнему представляет общественную опасность". И тут обиженному хирургу приходит в голову интересная мысль: а не попробовать ли проводить эксперименты в другой стране? О причинах своего решения перебраться в Россию сам Молнер с предельной откровенностью поведал в одном из интервью: "В любой стране открыть подобную практику (то есть перерабатывать человеческие эмбрионы на медицинские препараты) составило бы большую проблему. Есть лишь две страны с оптимальными условиями - бывший Советский Союз и Китай".

В России Молнер без проблем находит себе делового партнера - тот самый Центр перинатологии, акушерства и гинекологии Минздрава РСФСР. В январе 92-го года в консульском управлении МИДа он легализует свой диплом, выданный Братиславским университетом в 1965 году. А в феврале и появляется на свет Международный институт биологической медицины. Правда, и в России имплантация эмбриональных тканей (то есть мозга, печени, надпочечников плода) не разрешена Законом РФ "О трансплантации органов и тканей человека". Решение было найдено не без труда: лишь 26 октября 1992 года на свет появляется письмо замминистра здравоохранения Н. Н. Ваганова, разрешающее институту применение в России метода имплантации эмбриональных тканей. Получив "добро" от Минздрава, доктор Молнер наконец-то берется за дело. Однако экспериментальная методика нуждается в серьезной проверке. Другой зарубежный консультант института доктор Шмидт и рад был бы помочь, но его опыт фетальной терапией основывается на имплантации эмбрионов свиней и баранов, а никак не на использовании плодов женщин на пятом месяце беременности.

Выход был найден довольно быстро - уже в декабре для лечения методом имплантации отобрана группа так называемых "отказных детей". Малыши с тяжелыми врожденными заболеваниями, от которых отказались их родители, были помещены в психоневрологический корпус 13-й (Филатовской) детской клинической больницы. Апробация проводилась с декабря 1992-го года по февраль 93-го, после чего было заявлено, что в состоянии детей наблюдались "положительные сдвиги". Однако выяснить, какие именно сдвиги и в какую сторону произошли, занимавшемуся этой темой журналисту не удалось. Дело в том, что администрация психоневрологического корпуса не только не обладала никакой информацией, но даже не смогла сказать, куда эти "отказные" дети потом подевались. Узнать их дальнейшую судьбу никому не удалось.

Аналогичная история произошла и с неким мальчиком Алешей, широко разрекламированным в свое время руководством института. Сразу после рождения больному болезнью Дауна мальчику были сделаны инъекции фетальных тканей, после чего он якобы практически полностью излечился. Однако найти и увидеть очастливленного малыша также никому не довелось.

По мнению специалистов, механизм действия применяемого в институте

метода довольно прост. Пациенту подкожно вводятся фетальные ткани (взвесь тканей плода), что вызывает мощную реакцию иммунной системы больного. Наступает кратковременное улучшение состояния, активизация жизненных функций - словом, пациент доволен. Но затем приходит ответная волна реакции организма, и состояние пациента может резко ухудшиться.

Несмотря на то, что на применение получаемых из тканей плода препаратов не было получено разрешения Фармакомитета, специалисты института быстро поставили новый метод на поток. Не обратили внимания доктора и на рекомендации Всемирной организации здравоохранения, запрещающие использование подобных трансплантаций в коммерческих целях. Главное - сразу нашлось немало клиентов, готовых платить астрономические суммы за подобное лечение. Это были уже отнюдь не новорожденные "отказники" с тяжелыми врожденными заболеваниями. Оказалось, что ткани плода являются прекрасным лекарством для лечения импотенции и климактерического синдрома. Так, больным импотенцией предлагалась клиническая трансплантация яичек плода - эффект был просто потрясающим.

Одним из партнеров института стал Центр репродукции человека, возглавляемый Андреем Акопяном. Там получаемые препараты "от доктора Молнера" активно применялись для лечения как раз импотенции, бесплодия и хронического простатита. В прессе не раз появлялась реклама Международного института и Центра репродукции человека, - так что поток клиентов рос буквально не по дням, а по часам. Но ни в одной газете вы не найдете упоминания о другом получателе "человеческого материала". Им почти с самого возникновения института стала Центральная клиническая больница при Медицинском центре правительства РФ. И если клиентов, излечившихся в институте от климакса и импотенции, охотно показывали журналистам, то узнать имена осчастливленных пациентов ЦКБ оказалось просто невозможно.

Откуда брался у докторов Молнера и Сухих "исходный материал" для имплантации богатым и высокопоставленным клиентам? Тут пригодился российский соучредитель института - Центр перинатологии, акушерства и гинекологии. Через это государственное учреждение проходит огромный поток рожениц, как с патологиями организма, так и абсолютно здоровых.

Именно здоровые беременные женщины и представляют объект интереса специалистов Международного института - ведь для имплантаций применяются только ткани плода без всяких нарушений и патологий. Докторами отбирались женщины без нарушений здоровья, желающие сделать аборт на поздних сроках по так называемым "социальным причинам". К этой группе относятся брошенные мужьями женщины, многодетные матери с невысоким доходом и просто молодые дуручки, желающие "пожить еще для себя". Аборт на 4-м или 5-м месяце - операция весьма дорогостоящая, и небогатая женщина никогда не могла бы найти необходимых средств. И тут она наталкивается на рекламу в газете: бесплатные аборты по социальным причинам. В институте беременной женщине действительно согласны сделать такую операцию "абсолютно бескорыстно". Но перед этим она обязана подписать меморандум, где женщина соглашается на использование плода "в научно-исследовательских целях". Можно ли отнести к таким целям лечение импотенции или простатита в вышеуказанных заведениях, остается тайной.

В материалах, представленных Минздравом, утверждается что "для приготовления препаратов используются плоды сроком 16 - 19 недель беременности, когда масса плода не превышает 350 - 380 граммов, что не противоречит международным критериям живо-рожденности, рекомендованным ВОЗ". Однако в материалах прокурорской проверки, проведенной Черемушкинской районной прокуратурой по заданию Московской горпрокуратуры, мы находим иные

цифры. "В качестве источника трансплантационного материала используются эмбрионы человека весом 150 - 480 граммов". И это при том, что в той же медицинской практике известно множество случаев выживания детей, рожденных в те самые 19 недель и выживших. В институте Сухих - Молнера таких детей еще теплыми расчлениют по схеме разделки плода на мозги, печень, надпочечники, яички, делают из этого взвесь и кладут в банк хранения - пока не появится на "материалы" денежный клиент.

(А. Чукуров. Комсомольская правда. 13 января 1996)

СПРУТ

Один из них позже признается следователю: - После пятого убийства почти все поверили, что мы неуловимы. Появилась уверенность в себе, в будущем. Какая-то раскованность, свобода...

Из оперативного донесения: "По собранным мною данным, последний, кого они убили, зарыт на свалке вблизи автодрома. Главари обеспокоены утерей там же каких-то, по их словам, важных документов. Возможен поджог свалки. Труп, очевидно, попытаются захоронить".

Работники Армавирского ГОВД сработали четко. Перетряхнули всю свалку. Труп молодого мужчины под грудой нечистот обнаружили быстро. Документы же, о которых шла речь в донесении, искали долго. Но, в буквальном смысле слова, перелопатив тонны мусора, "выловили"-таки. Это была неприметная товаро-транспортная накладная, выписанная на имя Михаила Трубникова, водителя армавирского акционерного общества.

Трубников пропал неделю назад. Поговаривали, что он позарился на поступивший в АО новый большегрузный автомобиль. Продал его и ударился в бег. Накладная и заключение судмедэкспертов, исследовавших останки человека, найденного на свалке, опровергли слухи. Трубникова убили, тело почти до неузнаваемости изуродовали и погребли на свалке. Преступление было совершено из-за злополучного "испарившегося" автомобиля.

...Первое убийство они совершили еще в 1991 году. Тогда банда состояла всего из трех человек - Игоря Завьялова, Владимира Криворотова и Андрея Вершкова.

В свое время Криворотое работал в Госавтоинспекции. Однажды на трассе Брест-Москва он тормознул лихача за рулем "Ауди-100". Это был бывший зек Андрей Вершков, который "ублажал" вышедшего после отсидки за крупное хищение друга - Игоря Завьялова. Инспектор легко принял мзду и даже взял под козырек при прощании. Уголовники взяли на заметку покладистого гаишника. Ненавязчиво подкармливали.

Из оперативной сводки: "Работниками Павло-Посадского ОВД совместно с сотрудниками уголовного розыска СКМ ГУВД Московской области при взаимодействии с ОУР УВД г. Армавира избличена и арестована устойчивая бандгруппировка из 9 человек. Только в период 1993 - 94 гг. банда совершила 18 умышленных убийств водителей большегрузного автотранспорта в Павло-Посадском, Орехово-Зуевском и Егорьевском районах Подмоскovie, во Владимирской области, Краснодарском крае..." Однако старший лейтенант милиции Владимир Криворотов не оправдал надежд Вершкова и Завьялова. Не стал своим человеком и в органах. За взятки его с позором выгнали из Госавтоинспекции. И все же этот человек сыграл свою роль в формировании банды и ее "специализации".

- "Дальнобойщики" годами находятся в розыске, - делился секретами бывшей профессии "обиженный" Криворотов с Вершковым и Завьяловым, которые окружили опального офицера милиции нескончаемым застольным вниманием. - Ребята из угрозыска говорили, что найти украденные большегрузы практически невозможно... Да их никто и не ищет. Разве что случайно обнаружат и опознают в попытках брошенный труп убитого водителя.

- А что, "МАЗы", "КАМАЗы" сейчас в большей цене, - многозначительно посмотрел Завьялов на Вершкова, - я и сам в "дальнобойщиках" когда-то попахал, знаю эти машинки.

- Слушай, - обратился он к Криворотову, - ты форму далеко не забрасывай, пригодится...

...Первая вылазка на трассу сорвалась. Напялив форму, Криворотов, так перетрусил, что даже не смог разговаривать с водителем остановленного "СуперМАЗа".

- Зас.нец, - Вершков, который вместе с Завьяловым поджидали Криворотова в близлежащем лесу, был дико зол. - Не можешь "работать" с живыми, будешь "жмуриками" заниматься. Чтоб завтра к вечеру был на своих "Жигулях" на 16-м километре. В багажник положи кусок рельса, килограммов на 50, металлический тросик и нож. Понял?

С "премудростями" заманивания "дальнобойщиков" в укромное местечко Вершков и Завьялов справились сами.

Чаще всего "косили" под бизнесменов. Прекрасно "экипированные", они подкатывали на сверкающей иномарке к присмотренному новенькому "МАЗу" или "КАМАЗу".

- Вы нас не выручите? - обращались к водителю большегруза. - Не рассчитали с транспортом под материалы. Заказали три машины, а надо было четыре. Да тут делов на час работы. С делянки, она рядом, перекинуть кругляк на наш склад. Помогите, пожалуйста.

Сумму оплаты за работу называли баснословную. Тут же отваливали щедрый аванс. Отказов, как правило, не было. Одураченного "дальнобойщика" "направляли" в глухой лес, останавливались где-нибудь на поляне:

- Посмотрите, вы здесь развернетесь?

Стоило шоферу выйти из кабины, как он был обречен. С первыми жертвами расправлялись при помощи стреляющей авторучки. Если выстрел в голову был неудачным, добивал Криворотое - перерезал "дальнобойщику" ножом горло. Потом в арсенале бандитов появились обрезы, пистолеты, автоматы... Трупы чаще всего топили в реках, озерах.

- Технологию "захоронения" придумал Завьялов, - давал впоследствии показания следователю Криворо-тов. - Я лишь исполнял. Убитому обязательно прокалывал легкие, кишечник, мочевого пузырь, потом тросиком закрепляли на теле кусок рельса и бросали в воду. В землю закапывали редко. Тяжелая работа...

Были в арсенале банды и другие "методы": зимой, к примеру, действовали следующим образом. К припаркованному на ночь автомобилю подкатывала иномарка с "загулявшим бизнесменом".

- Я ведь сам бывший "дальнобойщик", - вытаскивал из кармана бутылку дорогого коньяка хорошо игравший эту роль Завьялов, - но вот уже шестой год кручусь в бизнесе. Все есть: деньги, бабы, дача, квартира... Но иной раз, не поверишь, такая тоска наваливается, по прошлой жизни. Так хочется, поколесить по дорогам... Хотя, конечно, жизнь была собачья.

Закончив душеспасительную "прелюдию" "загулявший бизнесмен" переходил к "ударной части".

- Послушай, а что мы с тобой, как бобики из одного стакана пойло цедим. Пошли ко мне. Примешь душ, хочешь - в сауне попаришься, она у меня прямо в квартире; закусь приличную сварганим, покалякаем...

Еще пару профессиональных советов: что отсоединить, а что присоединить, чтобы не угнали машину, - убаюканный шофер не сомневался: перед ним свой брат - "дальнобойщик". Только более счастливый, удачливый. Отчего же на халяву не пображничать?

На первых порах "дальнобойщикам" давали возможность помыться в душе и даже угощали перед смертью. Но уже начиная с четвертого, не миндальничали. Набрасывались в ванной, а то и прямо в прихожей. Душили. Специальной удавкой. Потом "паковали" в мешок. Труп топили в заранее приготовленной проруби.

Добытый "товар" бандиты сбывали через армейского майора, служившего на полковничьей должности в Армавире. У майора были надежные "каналы сбыта" - в Чечню, в Грузию. На одном таком крытом большегрузе боевики Шамиля Басаева ворвутся потом в Буденновск.

Постепенно банда разрасталась. В криминальных кругах убийцы не делали секрета их своего "бизнеса". Желающих попасть на "престижную работу" было хоть отбавляй. По блату и "по конкурсу" в банду "влились" младший брат Завьялова, двое свояков Вершко-ва и еще трое хорошо проверенных знакомых. Кстати, четверо из девяти бандитов, высококвалифицированные специалисты - инженер, два токаря и служащий. Все "новобранцы" прошли через "кровавую поруку". Каждый должен был убить. Из обрезка, пистолета, задушить удавкой. На выбор.

- После первого убийства меня вытошнило, - признался один из бандитов на следствии. - Не по себе было и после второго, а потом все пошло нормально. Обычная работа...

- Я ходил по городу и долгое время не мог отделаться от мысли, что любого прохожего я могу убить, - вспоминал другой, - что все они в моей власти.

- Убийство, как наркотик, - откровенничал третий. - Однажды мы с Завьяловым поехали на природу. К нам подошел забулдыга и попросил выпить. Мы привязали его к дереву и на спор, кто первым убьет алкаша в сердце, стали швырять финку с девяти шагов. Но, видимо, сильно перепились, никто не выиграл. Бродягу пришлось просто прирезать.

Были и другие бессмысленные убийства. 26-летнего парня, который не уступил дорогу. Водителя "Запорожца", что слишком медленно ехал впереди...

Чтобы "не светиться" по гостиницам, обзавелись несколькими паспортами и многочисленными подругами. В десятках городов и весей СНГ. Завьялов был женат по четырем паспортам. Вершков - по трем. Ну и, конечно, любовницы. Женщины-одиночки с хорошими квартирами. Долгое отсутствие той или иной женщине объясняли спецификой работы. Как правило, выдавали себя за... агентов секретных служб.

В "добыче" недостатка не было. И все-таки по-настоящему "жировали" только двое - Вершков и Завьялов. Подельников главари держали в черном теле. И это было легко делать. После убогой нищенской жизни те крохи, которые перепадали рядовым бандюгам, казались им верхом изобилия. Не укладывался в "бюджет" лишь Криворотов. Он зверски напивался после каждого убийства. Совесть мучила. А потом запил напропалую. И пошли огрехи в технологии захоронения жертв. То не проколет внутренние органы убитого, то рельс забудет к его ногам привязать. Один труп вообще поленился везти к водоему. Бросил его на свалке, присыпав мусором. Мало того, находясь, как обычно, в

нетрезвом состоянии, потерял бумаги убитого "дальнобойщика". И вдобавок разболтал обо всем новичку в банде. Тот тут же "прогнулся" перед "руководством" доложив что и как.

Верхушка - Вершков и Завьялов-старший - пришла в бешенство. "Суд" был короток, приговор - лаконичен: "Кончать алкаша!"

- Я его сам замочу, козла вонючего, сегодня же, - стиснув зубы, прошипел Завьялов, наворачивая на ствол пистолета глушитель. - Спекся Криворот.

"Смертник" сидел один, в небранной, грязной комнате. В темноте.

- Чего свет не зажигаешь? - щелкнул выключателем Завьялов. - Опять надрался?!

- А ты мне поставил? - зажмурился от яркого света Криворотов, утирая пятерней мокрое от слез лицо. - У меня сегодня день рождения, а я не могу себе бутылку водяры позволить. Одеколон пью. И такими бабками крутим...

Ошарашенный Завьялов выпустил в кармане рукоятку пистолета. Полез... за деньгами, чтобы дать приговоренному на водку. Впрочем, это вовсе не означало, что "приговор" отменен. Завьялов решил лишь несколько отсрочить его. Как он потом скажет "из жалости к несчастному человеку". От смерти Криворотова спас арест. Всю банду взяли в один день. Быстро и без шума.

Из оперативного донесения: "Готовится нападение на конвой с целью освобождения главарей банды. Точное место нападения, количество нападающих и их вооружение пока сообщить не могу".

В МВД России вначале не поверили в правдивость донесения. Во-первых, арестованы все бандиты. Кому освобождать главарей? Во-вторых, не такие уж крутые птицы Завьялов и Вершков, чтобы криминалитет рисковал головами своих боевиков. Однако на всякий случай укрепили охрану, сменили маршрут следования на Армавир. И сделали правильно.

При подъезде к Ростову-на-Дону состав был остановлен. В вагон, где находились подследственные Завьялов и Вершков, ворвались с автоматами наперевес семь человек. Еще несколько боевиков палили снаружи по окнам других вагонов, чтобы никто не высовывался. Но опытный конвой отбил атаку. Двоих налетчиков убили, одного ранили.

Правоохранительные органы убедились, что банда Вершкова-Завьялова - лишь часть огромного криминального спрута. Размеры его пока неизвестны. Но хорошо известно другое: в органах МВД, прокуратуры у криминального спрута имеются свои люди. Откуда секретные данные о дате, маршруте транспортировки бандитов стали известны "авторитетам"?

Цель нападения в Ростове-на-Дону - не столько освобождение главарей мелкой банды, сколько демонстрация силы. Демонстрация качественных перемен, произошедших в уголовном мире России.

(И. Белинский. Детективная газета, № 10, 1995)

ФЕРМА СМЕРТИ

В начале ноября 1995 года страшная находка повергла в шок даже бывалых сотрудников милиции и прокуратуры: под Ташкентом в реке Келес, протекающей по границе Узбекистана и Казахстана, были обнаружены трупы шестнадцати человек. Первый же осмотр показал, что все они были зверски убиты одним и тем же способом. На всех телах практически отсутствовала одежда, которая могла бы дать следствию хоть какую-либо зацепку для опознания потерпевших.

Экспертизы показали, что большинство убитых - крестьяне, их фотографии для опознания были показаны практически каждому торгующему на базарах столицы республики. Действительно, почти все они оказались дехканами, приехавшими в Ташкент торговать своей продукцией.

Позже на дне перекрытой шлюзом реки обнаружили еще шесть трупов.

Следствие установило, что все убийства совершались на территории Узбекистана, хотя тела течением воды принесло из соседнего Казахстана. Еще через несколько часов следы привели оперативников на уединенную ферму, где, как подтвердили исследования (а потом и показания задержанных), совершались злодеяния.

На четвертые сутки были задержаны организатор банды и его подручные. Их четверо. Самый старший, главарь - 1950 года рождения, особо опасный рецидивист. В общей сложности провел в заключении почти 24 года, последний раз освобожден в марте. Трое его подручных ранее не судимы, из обычных дехканских семей. Им - по двадцать...

Технологию убийств разработал, как предполагают следователи, организатор шайки: он сам или его ближайший подручный, исполнявший по совместительству обязанности водителя, выбирали жертвы на рынках Ташкента. Предлагали оптом по приличной цене купить весь товар, только расплатиться обещали в Келе-се, пригороде Ташкента, в офисе "фирмы". Тем же, у кого, по их мнению, было много денег, предлагали товар, который тоже находился в офисе.

Ни о чем не подозревающих людей привозили не на фирму, а на ферму, что, впрочем, тоже никого, видимо, не пугало. Да и чем может испугать видавший виды вагончик, небольшой навес для техники да хлев для скота. Кругом поля, скот пасется... Привезенных приглашали в вагончик, усаживали за стол, после чего неожиданно входил еще один человек и, выхватив из кармана какую-то красную книжечку, представлялся работником милиции и приказывал всем стать лицом к стенке, завести руки за спину. Тем временем остальные члены шайки связывали безоружных людей загодя припасенным гибким шнуром. Потом несчастных по одному выводили в хлев, где развязывали и заставляли раздеться догола. Опять связывали и ставили на колени, потом сзади набрасывали удавку...

Трупы грузили в легковушку, вывозили далеко - на территорию Казахстана и сбрасывали в реку. Одежду и документы сжигали.

Преступники рассчитывали на то, что никто из родных и близких исчезнувших людей долго не будет обращаться в правоохранительные органы. Ведь десятки тысяч жителей Узбекистана находятся в постоянных, зачастую многомесячных разъездах. Многие из них снуют "челноками" между вещевыми рынками Узбекистана, Казахстана, Киргизии, России и даже Китая.

Деньги и товар убитых бандиты делили. Автомшины, а их - грузовых и легковых - набралось почти десятков, прятали во дворах многочисленных знакомых, которые и не подозревали, чье имущество хранят...

Бывало, что у заманенных на жуткую ферму жертв не было ни денег, ни товара, ни машин. У одного из принявших мученическую смерть убийцами найдено всего триста сумов - это около тридцати тысяч российских рублей.

Возможно, дно мутной речки Келес хранит еще несколько трупов. Найдено пока 322, а члены шайки рассказали уже о 28 убийствах.

(В. Бирюков. Версия, № 12, 1995)

ОБВИНЯЕТСЯ В ИЗНАСИЛОВАНИИ

Многие, наверное, помнят Игоря Чарковского, пропагандирующего роды в воду. Последняя новость: он арестован в США... Семь-восемь лет назад некто Игорь Чарковский - научный сотрудник Института Физкультуры - предложил оригинальную методику рождения детей в воду, объясняя, что такие роды якобы смягчают болевые ощущения матери и снимают стресс у ребенка (из водной среды он попадает опять же в водную).

Эта методика довольно широко распространилась в народе. Однако так и не была признана официальной советской наукой.

Вскоре Чарковский уехал в Америку, где обзавелся в городке Аптауне, неподалеку от Бостона, не только практичной, но и собственной клиникой.

Однажды вечером в январе 1996 года в политическом управлении Аптауна раздался телефонный звонок. Взволнованная сотрудница городского центра помощи жертвам сексуальных домогательств и изнасилований рассказала дежурному офицеру, что одна из женщин, позвонившая им, обвиняет доктора Чарковского в посягательстве на ее честь.

Полиция Аптауна действовала решительно и быстро.

Чарковского задержали, но потом он был отпущен до предварительного судебного разбирательства под залог в 10 тысяч долларов. Между тем в полицию поступило второе заявление. Другая женщина также уверяла, что подверглась в этой же клинике нападению Чарковского. Шеф аптаунской полиции Роберт Миллер отдал приказ об аресте.

Каково же было удивление патрульных, когда они обнаружили, что дом Чарковского пуст и самого его нигде в Аптауне нет. Взяли Чарковского в бостонском районе Бруклин, где тот скрывался у своих друзей.

Вот уж воистину - седина в волос, бес в ребро. Чарковскому исполнилось уже почти 60.

Остается загадкой и тот факт, каким образом в такой послушной стране, как Америка, Чарковскому удалось, не имея медицинского образования, открыть клинику и заниматься родовспоможением...

(И. Ланек. Спид-инфо, № 3, 1996)

СЕМЕЙНЫЙ УБИЙЦА

Чернобыльский "терминатор" перед судом. На его счету свыше 50 жертв.

Анатолий Оноприенко считал себя "терминатором" - вламываясь глухой ночью в окраинные сельские хаты, он с порога расстреливал картечью их взрослых обитателей, потом ножом или лопатой добивал детей, забирал нехитрый домашний скарб, обручальные кольца и деньги, поджигал дом и исчезал. Он мнил себя чернобыльским "терминатором" - как-никак родом из Народичского района, нынешней "зоны отчуждения".

Со своей дикой миссией Оноприенко посетил с десяток украинских селений. С утонченной жестокостью он уничтожил, как считает следствие, 53 человека, перебив рекорд знаменитого маньяка Чикатило. Львовское село Братковичи от встречи с ним потеряло больше людей, чем во время Великой Отечественной войны. Оноприенко арестовали в апреле нынешнего (1996) года. Сейчас следствие практически завершено. Насколько можно судить из его материалов, с которыми нам удалось ознакомиться, оно раскрыло новые неожиданные подробности "дела Оноприенко".

Сейчас о нем известно очень многое: ему 37 лет, он сирота, воспитывался в детдоме, учился в Малинском ле-сотехникуме и закончил "мореходку". В 1985 - 1986 гг. работал на теплоходе "Максим Горький". Пребывая в Германии, попросил политическое убежище. Когда получил отказ, учинил несколько мелких преступлений, за что был арестован, выдворен из страны, а по возвращении в СССР уволен с работы. В Германии примкнул к мормонам и сейчас заявляет, что в религиозной секте под влиянием сектантов стал совершать убийства. Работал в пожарной охране в Васильевском районе. 3,5 месяца лежал в киевской психбольнице, излечивая шизофрению. По выходе из клиники стал убивать людей с особой жестокостью.

24 декабря 1995 года. 5 часов 30 минут. На окраине села Гамария Малинского района Житомирской области запыхал дом 37-летнего преподавателя техникума В. Зайченко. Пожар удалось быстро потушить. В комнатах обнаружили трупы главы семьи, его жены, их сыновей - четырехлетнего Бориса и трехмесячного Олега. Взрослые застрелены. Маленький Олег задушен. Исчезли обручальные кольца, сережки, цепочка с крестиком, кожаная куртка...

29 декабря 1995 года. 23 часа 30 минут. На улице села Братковичи Городокского района Львовской области убит 33-летний сторож "Сельэнерго" М. Малиновский.

30 декабря 1995 года. 3 часа 20 минут. В том же селе подожжен только что построенный дом. Пожарные вынесли из него тела 27-летнего сторожа базы отдыха "Сокол" П. Кричковского, его жены, ее сестер - 18-летних девушек, помогавших наводить порядок в доме под Новый год и оставшихся переночевать. Все убиты выстрелами в голову и спину. Украдены украшения и некоторые вещи.

5 января 1996 года. 19 часов. Город Энергодар Запорожской области. Выстрелами в затылок через стекла автомобиля "Форд" убиты его владелец 40-летний директор фирмы "Карат" С. Одинцов и начальник отдела филиала "Приватбанка" 32-летняя Г. Долинина.

Преступник забрал машину, 300 долларов, наручные часы, ключи, серебряные кольца, женскую шапочку...

23 часа 50 минут того же вечера. С обочины шоссе Ва-сильевка-Днепрорудный выстрелами из охотничьего ружья почти в упор убиты двое прохожих - 36-летний рабочий местного завода С. Гармаш и 31-летний оперуполномоченный уголовного розыска Васильевского райотдела А. Рыбалко. Украдены туфли и 3 миллиона карбованцев...

6 января 1996 года. Час ночи. На автотрассе Бердянск - Днепропетровск обнаружены трупы прапорщика В. Касая, водителя АТП А. Савицкого (лежал в багажнике сожженного "Форда") и повариши колхоза К. Кочергиной. Забраны ключи, техпаспорт, полусапожки, меховая шапка...

17 января 1996 года. 5 часов 20 минут. Снова село Братковичи. Потушив огонь, пожарные нашли в подожженном доме тела убитых из охотничьего ружья 61-летнего инвалида В. Пилата, его жены, их сына и невестки, шестилетнего внука Олега. Через полчаса по дороге Братковичи - Городок прохожие наткнулись на застреленных работницу железной дороги И. Кондзелу и рабочего О. Захарко.

30 января 1996 года. 5 часов 40 минут. На окраине города Фастова Киевской области в своих домах скончались от огнестрельных ран 32-летний водитель И. Заграничный, 28-летняя санитарка О. Марусина и два ее маленьких сына - Денис и Борис. Украдены 1000 долларов, две кожаные куртки, норковая шапка, "Поларо-ид", зарегистрированный газовый пистолет...

19 февраля 1996 года. 23 часа 45 минут. Поселок Олевск в Житомирской области. Застрелен 31-летний заведующий отделом районной администрации А.

Дуб-чак, его жена и восьмилетняя дочь Вика убиты молотком. Из дома исчезли деньги, золотые кольца, кожаные пальто, магнитола, спортивный костюм...

27 февраля 1996 года. 1 час 20 минут. В городе Малине Житомирской области застрелены монтажник С. Бондарчук и его жена. Восьмилетний сын Валерий и семилетняя дочь Таня зарублены топором. С убитых сняты обручальные кольца. Украдены настенные часы... Через час выстрелом в спину убит водитель "Скорой помощи" В. Грудзь, который, оставив машину в гараже, шел домой. Взятые ключи, шапка, деньги...

14 марта 1996 года. 1 час 15 минут. На трупе 27-летнего предпринимателя Б. Цалка в городе Овруче Житомирской области - две огнестрельные раны и две от удара топором. Убитый обнаружен на пороге дома. Исчезли шапка, куртка, спортивный костюм, видеоманитофон, кассеты, документы на автомобиль...

22 марта 1996 года. 1 час 45 минут. Окраина районного центра Букса Львовской области. В упор расстреляны 31-летний М. Новосад, его жена, их десятилетняя дочка Люда и сестра хозяйки дома И. Кучерявая. Из дома унесены видеоманитофон, золотые крестики, одежда, фотоаппарат, бинокль...

...Все это сделал один человек.

...40 человек: 16 мужчин, 15 женщин, 9 детей.

...С детьми расправа была особенно жестокой. Одному из казенных малышей он вогнал нож в рот с такой силой, что острие вышло через затылок.

Первое убийство совершил в Одессе. В 1989 году. В убийстве этом признался - ему предъявили неопровержимые доказательства. Всего на его счету 52 жертвы. Но цифра эта может измениться. В большую сторону.

Богдан Романюк, начальник управления внутренних дел по Львовской области, генерал-майор, после первого допроса Оноприенко сказал: "Очень колоритная фигура"... Генерал не иронизировал. Ясно, что Оноприенко уже вошел в историю мировой криминалистики. Его имя встало в один кошмарный ряд с именами Чикатило, Михасевича, Джумагалиева, Джека-потрошителя...

Он цепок умом. У него прекрасная память. Он внимательно читал и анализировал все публикации о своих преступлениях. И делал выводы. Казни планировал тщательно. Не пил. Даже для храбрости. Об убийствах рассказывает спокойно, обстоятельно. Будто вспоминает эпизоды полюбившихся фильмов. Высказал удивление по поводу своей поимки. Не ожидал. Основания для такого удивления есть: он никогда не оставлял свидетелей, он никогда не оставлял улики. Психических отклонений не выявлено. Он адекватен действительности. Он полностью отдает отчет во всем. При этом мог отрубить жертве пальцы с золотыми кольцами или отрезать ухо с сережкой. Политических мотивов нет. Религиозных мотивов нет. Одна корысть...

Его сожительница - а он обретался в городе Яворове Львовской области - понятия не имела, чем он занимается. Говорит, что был он чуток и внимателен, двое ее детей называли его "папой".

Внешность у него - самая обычная. Средний рост. Залысина. Телом крепок. Спортивен.

Проста была и тактика, которой он придерживался в ходе "запланированных операций". Выбирал дом на окраине, подальше от других строений. Стучал в дверь или бросал камушек в окно. Появившегося на шум человека немедленно расстреливал. Потом врвался в дом. Убивал всех. Никто из его жертв не выжил. Забирал ценные вещи. Они потом и стали решающими доказательствами. Их нашли по квартирам его знакомых - он там отсиживался, переживал, кайфовал... Вот так и стали полновесными доказательствами куртки из дома Пилатов в Братковичах, настенные часы семьи Бондарчук из города Малина, кассеты предпринимателя Цалка из Овруча, газовый пистолет Дубчака из Олевска,

фотоаппарат и бинокль семьи Новосад из Буска... Забрав поживу, уходил в сторону ближайшей железнодорожной станции. У любого, кто попадался ему на пути, шансов остаться в живых не было никаких...

На допросах не запирался. Подробно рассказал, как в 89 - 90 годах с охотничьим ружьем начал разбойничать в Одессе, а чуть позже на трассе Киев - Львов. Убил в ту пору 12 человек. Скрылся за границей. Говорит, что убивал и там - в Польше и Германии. Посему к делу Оноприенко подключился Интерпол.

- Я ни в чем не раскаиваюсь! - сказал он следователям.

Как его поймали.

Ловила его вся Украина. Опера не спали ночами. Ходили по домам участковые. Проверяли охотничьи ружья. Задерживали всякого, кто вызывал даже намек на подозрение. При этом раскрывались десятки других преступлений. Работал оперативный штаб. Тщательно проверялась любая агентурная информация. Любой сигнал.

А "вычислил" Оноприенко участковый. Как уже было сказано, в городе Яворове. На квартире Галины К. Ей 27 лет. Она - военнослужащая. Участковый получил тревожную информацию от ее соседней... Сыскная машина, если она грамотно запущена, если работает на полных оборотах, если ее части сообщаются между собой и если государство действительно хочет поймать преступника, редко дает сбой.

Захват Оноприенко был тщательно продуман, проведен молниеносно - без сучка и задоринки. Палач отнесся к нагрянувшим и скрутившим его оперативникам спокойно. Говорят, что он и бровью при этом не повел, выказав поистине запредельную выдержку. Не будем спешить с удивлением: у них, у палачей, свои привычки. Тут же выяснили, что Оноприенко находится в стадии активной подготовки к новым убийствам. На свет извлекли его записи, из коих следовало: цели определены, жертвы намечены - ими должны были стать члены семьи Степана Лукива - жителей одного из ближайших сел.

Генерал милиции Богдан Романюк (он как раз и руководил операцией по задержанию Оноприенко) после всех этих событий приехал в Братковичи. Ибо здесь палач снял самую обильную кровавую жатву - загубил 12 жизней. О Братковичах нынче знает весь мир. Народ собрался у церкви. Генерал сказал: - Кошмары кончились!

Сельчане потребовали выдать им Оноприенко. Они хотели судить его сами...

(Ю. Кириллов. Версия-плюс, № 11, 1996; Я. Соколовская. Известия, 13 ноября 1996)

"БИШКЕКСКИЙ МОНСТР"

В октябре 1995 года в полураскопанной могиле одного из кладбищ в окрестностях Бишкека случайно нашли живого мужичонку. Штаны у мужичонки были приспущены, и на окрик "Вылезай" он не среагировал: обрушившийся гранитный памятник крепко стукнул его по голове.

Так был пойман "бишкекский монстр" - некрофил Михаил Лукьянов, более двадцати лет насилующий женские трупы.

Следствие велось пять месяцев. Удалось доказать 21 случай "подземной любви" Лукьянова из 46, охотно им рассказанных. Излюбленными жертвами были свежие, не старше месяца покойницы в возрасте не старше 40 лет. Хотя удалось доказать и глумление над умершей трехлетней девочкой, и над 69-летней

старушкой. Описан случай, когда Лукьянов изнасиловал труп более чем годичной давности.

Лукьянов женат, имеет семнадцатилетнюю дочь. О второй стороне его жизни никто не подозревал. Некрофилу сорок шесть лет. В детстве перенес менингит, часто по голове ему доставалось от отца. Повзрослев, отца Лукьянов пришил, за что и отсидел 10 лет. Четырежды лечился от алкоголизма. Первую любовницу с того света попробовал лет в 18.

Предварительная судебно-психиатрическая экспертиза показала, что с головой у Лукьянова все в порядке.

Суд присудил меру пресечения монстру - три года тюрьмы.

(Детективная газета, № 7, 1996)

"КИДАЛЫ"

День был послепраздничный, 9 марта. Сулил он Андрею Славникову если не бешеный навар, то вполне устраивающий его вариант сбыта престижного "Жигуленка" - ВАЗ-21099. А решилось все еще 6-го на авторынке. Подошел приятной наружности мужчина и, скользнув взглядом по машине, обнадеживающе заверил, что именно это средство передвижения не прочь бы приобрести в собственность его хорошие знакомые. Оставьте, мол, телефончик, "сконтактуемся". Вот они и встретились. Правда, приятной наружности мужчина почему-то отсутствовал, зато присутствовали два представителя "кавказской национальности".

- Алик, - протянул руку один из них. - Хорошая тачка. Давай посмотрим ее в деле.

Славников ничего против не имел. Сел с Аликом и поехал по городу. Алик остался доволен:

- Беру за шесть тысяч баксов. Рассчитаемся у тебя на квартире.

"Квартира" Андрея - скромная комната в общежитии по улице Ангарской. Когда туда приехали, Алик чиркнул "молнией" небольшой сумочки с ремешком-петлей, из которой извлек завернутые в полиэтилен, перетянутые двумя резинками зеленые дензнаки. Ровно шесть тысяч. Положил обратно - в сумочку:

- Возьми вместе с "тарой".

Но буквально через пару секунд:

- Э, погоди, сумка мне еще пригодится.

Славников тут же "тару" вернул. Алик достал из нее деньги, протянул Андрею, по-дружески посоветовал оставить их дома:

- Нельзя с такими "бабками" по городу кататься.

Возле "Горизонта", как и договаривались, подхватили друга Славникова, Соколовского, и человека, представившегося братом Алика. Поехали в автомагазин - переформить машину. На брата Алика. Во время этой процедуры Андрей даже не потрудился заглянуть в паспорт "брата". Взглянул бы - в обморок упал: ибо лицо этого "человека гор" ну никак не было похоже на то, что на фотографии в паспорте. Еще бы! Ведь документ принадлежал чистой воды славянину Левицкому, который, кстати, впоследствии так и не смог вспомнить, где посеял свой серпастый, молоткастый. Короче, братья заполучили ключи и были таковы.

Вернувшегося вскоре в общежитие Андрея посетила нормальная мысль - пересчитать полученные от Алика деньги. Получилось... 210 долларов! И понял еще недавний владелец авто, что такое искусно сварганенная "кукла". Как

говорится, адью, маэстро, вас грубо надули!

...Алексей Дальский не стал отягощать себя посещением авторынка и избрал менее хлопотный способ избавления от сверкающей "Альфы-Ромео-75" - дал объявление о продаже в несколько газет. И телефон домашний указал, и цену - 7400 долларов. 24 мая - звонок. Мужчина, представившийся Артуром, предложил встретиться на проспекте Машерова, возле гостиницы "Планета". Наслышанный о всяческих "подставных лицах", Алексей прихватил с собой "для страховки" приятеля Игоря и его шурина Эрнеста. Артур представил кавказца по имени Давид. Давид был решительно настроен на покупку и тут же захотел рассчитаться...

- Слушай, я не хочу светиться с деньгами возле комиссионки. Куда едем?

Поехали домой к Игорю. И на свет божий появилась уже знакомая нам сумочка с "молнией". 74 купюры по 100 долларов в полиэтилене, перетянутые резинками. Всплыл тот же аргумент, что, дескать, сумочка еще пригодится. И последовал тот же сюжет с несущественной "разбежкой", итог - "кукла" с 260 долларами. Вот только паспорт при переоформлении машины фигурировал другой - на имя К. Ш. Гамахария - полученный в ОВД Гальского района Грузии...

Начало июня. Знакомая кутерьма рынка.

- Семь с половиной, - два кавказца называют окончательную цену, за которую согласны купить выставленный на "аукцион" Сергеем Гуреевым "Мерседес-Бенц".

Встретиться для оформления машины договариваются на следующий день возле цирка.

Гуреев на встречу прибыл с братом. Геннадий (один из кавказцев) вроде резонно возразил:

- Это нечестно. Ты видишь мою охрану? Нет охраны. Я только с тобой дело иметь буду.

Когда они остались вдвоем, Геннадий достал пачку долларов. Как и обещал - 7500. Сергей лично проверил валюту на подлинность. Ни одной фальшивки. Деньги еще несколько раз переходили из рук в руки.

- Вот купил я у тебя этот "бенц", а, может, ты его украл? - "затосковал" вдруг Геннадий. - Заворачивай в ГАИ, проверить надо по компьютеру - не в розыске ли машина? Иди, принеси справку, ждать буду.

Припарковавшись на проспекте Дзержинского, Гуреев с согревающей душу и тело пачкой долларов подался в горавтоинспекцию. Когда вернулся, чтобы успокоить подозрительного Гену, то успокаивать было некого - ни Гены, ни "мерса".

Читатель уже догадывается? Да, конечно, душу и тело Сергея "согревала" "кукла". Из... 165 долларов.

"Мерседес" Ашота Тадевосяна тянул аж на 13 тысяч "зеленых", с чем мужчина, опять же с кавказскими чертами лица, не посмел не согласиться. Желаяющий стать полноправным хозяином машины г-н Маркарян, в отличие от Геннадия, не был столь щепетильным и не имел ничего против, что вместе с Тадевосяном к кафе "Молочное" подъехали еще двое - Олег Ширяев и Игорь Синицкий, все - студенты одного из минских вузов, имеющие безобидную меркантильную цель несколько поправить свое материальное положение путем реализации машины, пригнанной на деньги кредиторов из Германии.

Дальнейшая схема аферы достаточно четко просматривается в материалах суда: "В процессе разговора покупатель на клеевой ленте записал свои данные и сказал, чтобы мы ехали оформлять доверенность". Студенты, побывав у нотариуса, вернулись к "Молочному". И... "покупатель предложил пересесть в автомашину "Фиат", принадлежащую Синицкому... У Маркаряна на руку был надет

на ремешке кошелек (копия сумочки, которой манипулировал Алик), достал из кошелька деньги и передал Ширяеву, тот пересчитал их. После чего Маркарян забрал деньги и снова положил в кошелек, сказал, что машину надо проверить по учету в ГАИ. При этом он опять достал из кошелька пачку долларов, перевязанную двумя резинками и положил в "бардачок" "Фиата". Деньги не считали.

В ГАИ Маркарян поехал с Ширяевым, оставив в "заложниках" своего друга, которому вскоре "приспичило в туалет". Его затянувшееся отсутствие Тадевосян и Синицкий вначале связывали с внезапно расшалившимся желудком. Потом забеспокоились. Заглянули в "заведение". А там - пусто.

Последний штрих в трагическую для студентов историю внес вернувшийся Ширяев, который скорбно сообщил, что на заправочной станции Маркарян дал на ихнем "Мерседесе" по газам.

В "бардачке" "Фиата", как незабвенная память о Мар-каряне, который и не Маркаряном вовсе оказался, осталась лишь жалкая "кукла".

...В тот же день, 23 сентября, на другом конце города (на улице Ангарской) тоже произошел подобный казус. Правда, покупатель-кавказец не стал пудрить продавцу мозги доверенностями и прочей бумажной мишурой. Он просто попросил у него разрешения завести "Вольво" и... был таков!

На фокусах с "куклами" поставил крест... крестьянин из Бешенковичского района. Подозрительной показалась ему машина, которую на сутки определили к нему на постой кавказцы. Взял дядька и позвонил в милицию. Мошенников взяли, как говорится, с поличным. Еще один автомобиль отыскался на "хранении" в соседнем селе.

А теперь о личностях "кукольников". Арчил Фухуа, он же Алик, он же Давид, гражданин Грузии из города Зугдиди. В столице Беларуси прижился давно, даже семьей обзавелся. Пагубная страсть к автоугонам проявилась у него еще десять лет назад - за что и схлопотал первый срок. Отсидел, притих вроде, но ненадолго. Снова потянуло к машинам. Тогда и овладел искусством оперировать "куклами" с помощью хитрой сумочки с двумя отделениями: в одном - "кукла", второе - для настоящих баксов.

Александр Велиашвили. Пожаловал в Минск из первопрестольной, где работал экспедитором в одном из многочисленных московских ООО. Из прошлого гражданина России Велиашвили известно лишь то, что за свою 43-летнюю жизнь в конфликт с законом он не вступал. В Минск, по его словам, приехал "делать бизнес". Судя по деяниям грузина-россиянина, очень уж странный смысл вкладывал он в это понятие. Может быть, только недостатком образования - оно у него среднее - можно объяснить, что московский экспедитор опустился до банального угона.

Энгуджи Генуа, он же Маркарян, он же Геннадий. Этот любил "наполнять" жизнь событиями по большому счету. Земляк Арчила Фухуа из Зугдиди, не имея, в отличие от Велиашвили, московской прописки, Генуа, тем не менее, трудился там коммерческим директором фирмы "Квили". Первый раз залетел однако не в Москве, а в Самаре, тоже за угон. Проявляя трогательную заботу о своем гражданине, попавшем на нары в чужом государстве, родная республика выцарапала его из России для отбывания наказания дома.

Но отбывал он его как-то странно: буквально через две недели Энгуджи уже вышел на свободу. Столь скоропалительную "амнистию" можно объяснить, наверное, только тем, что брат Генуа в то время занимал солидный пост заместителя министра внутренних дел Грузии. Вполне можно предположить, что за Энгуджи тянутся еще кое-какие "хвосты". К примеру, почему у конфискованной у него машины такой дикий "симбиоз" - двигатель проходит по

картотеке УВД г. Москвы, а кузов - мурманский? Сам находчивый Энгуджи, ничтоже сум-няшся, пытался объяснить происхождение московско-мурманского автогибрида, на удивление, просто: купил, мол "Вольво" в Бельгии, перегнал через... Турцию (слава Богу, что хоть не через Китай!) в Грузию, где и зарегистрировал по всем правилам. Ну, какие там у них в Грузии правила, мы уже знаем, исходя хотя бы из факта "амнистирования" шустрого Генуа.

А вообще-то, по-человечески Энгуджи жаль. Нет, вероятно, жаль все-таки не его лично. Семью Генуа. Старшего брата, замминистра, уже нет в живых - погиб при исполнении. Умерла проживавшая в Петербурге сестра. А вот теперь надолго "остановился" в Минске младший. Каково старикам-то? Вся семья прахом пошла...

Можно понять и жену Энгуджи, с которой он давно не живет и которой подарил краденый автомобиль для покупки квартиры. Машина конфискована, Ноно осталась и без денег, и без квартиры.

Об этом тоже стоит сказать. Суд Заводского района Минска, рассматривавший дело "кидал" по первой инстанции, за хищение в особо крупных размерах "вломил" ворюгам и мошенникам аж по... два(!) года с конфискацией имущества. Грузины, однако, и этот сверхмягкий приговор сочли больно суровым и апеллировали к Минскому городскому суду. Там очень удивились и направили дело на повторное рассмотрение. Зампредседателя Заводского суда, заручившись согласием заседателей, приговор "ужесточил". Фухуа и Генуа - по 2 года и 3 месяца, Велиашвили - 2 года и 6 месяцев (наверное, за то, что угнал только одну машину, а не две, да еще, может, за то, что единственный из троих признал свою вину).

Коллегия и судья Мингорсуда Татьяна Василевич удивились еще больше и, окончательно потеряв веру в способность коллег следовать букве закона, направили дело на новое рассмотрение в "нейтральный" суд - Московского района, который и оценил "заслуги" "кидал", исходя из соответствующих статей УК Беларуси. В итоге Велиашвили получил свои 5 лет, Фухуа и Генуа - по 10.

(Л. Грачева, Т. Ратов. Детективная газета, № 11, 1996)

УРОК ДОБРА С... ИЗНАСИЛОВАНИЕМ

В известном в Германии "казенном доме" Цел-ле-2, что в Земле Нижняя Саксония, тюремный социолог Кристен С. проводила обычный "час терапии", внушая заключенным представления о добре или, по крайней мере, о пристойном поведении. Трудно судить об успехе увещаний, но процедура проходила мирно, без эксцессов, до той минуты, пока в кабинет не ввели заключенного Мелленбайна, 37 лет отроду, отбывающего наказание за убийство и несколько попыток изнасилования.

Еще 17-летним юнцом он изнасиловал и задушил девушку, получил за это девять лет тюрьмы, вышел через семь "за примерное поведение", но уже через два года снова оказался за решеткой и снова за те же самые изувечья. Даже в Целле-2, где особо суровый режим, выродка поместили в одиночку, отметив в характере его "чрезвычайную агрессивность, непредсказуемость поступков".

Неизвестно, зачем его вообще оставили один на один с социологом. Заключенный достал заточку, приставил к груди несчастной женщины и изнасиловал ее. Ей все же удалось незаметно нажать на кнопку сигнала. Директриса тюрьмы тут же вызвала дополнительный наряд полиции, а сама пошла

уговаривать бандита отпустить социолога. Тот потребовал 200 тысяч марок, автомобиль и директрису в качестве заложницы. Желая спасти социолога, она согласилась стать заложницей. Бандит связал начальницу, избил и изнасиловал. Обе женщины в шоковом состоянии доставлены в больницу. Спецназ обезвредил преступника.

Расстрела в Германии нет, пожизненное заключение Мелленбайну уже определено. Власти ломают голову, в какой тюрьме его держать, поскольку ни один из "казенных домов" не желает иметь преступника у себя.

(КОД, № 9, 1996)

ВОРЫ В ФОРМЕ

Какая-то таинственная шайка грабила по ночам магазины и склады потребкооперации. Неведомые преступники подчистую опустошали сельпо и склады, действовала банда внезапно, профессионально, осведомленно, а главное, не оставляла следов и свидетелей.

Впрочем, свидетелей и быть не могло поскольку разграбленными оказывались, как правило, неохраняемые торговые объекты. Лишь единственный раз на базе заводского отдела рабочего снабжения в Спасском районе наткнулись воры на сторожа, да и то в стельку пьяного. Его связали, заткнули кляпом рот и накрыли сверху флагом. Ну какой из него свидетель?

Ночной разбой, ставивший всякий раз в тупик районную милицию, продолжался до тех пор, пока в РОВД не позвонил кто-то из жителей, сообщивший об очередном ограблении склада. Назвал он и приметы автомобиля. Милиция объявила операцию "Перехват" и вскоре на одном из проселков "села на хвост" милицейского же "уазика"! Узрев погоню, преступники стали избавляться от вещдоков, выбрасывая на ходу орудия взлома и мануфактурные трофеи. Однако на этот раз скрыться им не удалось.

Выяснилось, что пресловутая банда не что иное, как... два офицера и старший сержант правоохранительных органов - инспектор приемника-распределителя для "пятнадцатисуточников". Саттаров и двое братьев Ма-шиных - милиционер-водитель и охранник кооператива. На служебной машине, с которой предусмотрительно снимались номера, троица отправлялась на "охоту".

Пользуясь рацией, они настраивались на местную милицейскую радиоволну, используя служебную информацию в своих корыстных целях, что и помогало им выходить сухими из воды.

На суде оборотни в качестве смягчающих вину обстоятельств ссылались на вопиющую доступность складских помещений, отсутствие охраны и сигнализации. Не хочешь да возьми! Но членов суда не разжалобили - криминальное трио на несколько лет перешло с государственной службы в зону.

Но одно дело - грабить магазины, используя милицейскую экипировку, вездеход, рацию и полную свободу передвижения. И совсем другое - находясь... в заключении. Для этого надо быть профессионалами. Такими, как бывший инспектор уголовного розыска, дипломированный следователь Селедцов и экс-сотрудник лагерной охраны Мелехин, которым многолетний стаж службы в правоохранительных органах помог стать матерыми грабителями.

Оба отбывали наказание за должностные и уголовные преступления в Моркинской исправительно-трудовой колонии для спецконтингента из бывших работников милиции, суда и прокуратуры, были условно-досрочно освобождены

(вероятно, за примерное поведение в зоне), лагерь им был заменен "химией". Поставленные на учет в спецкомендатуре Ленинского РОВД Йошкар-Олы, они, почувствовав слабину в спецнадзоре и используя прошлый криминально-милицейский опыт, предались во все тяжкие. Грабили дерзко, осмотрительно и только те магазины, куда накануне поступал ходовой товар. Засекли, например, что в раймаг утром завезли машину вина. Установив наружное наблюдение, отметили: инкассаторы не приезжали, значит, вся выручка осталась в магазине. Через окно подсобки подсмотрели, как продавщицы прячут деньги в трехлитровую стеклянную банку... Ночью забрались внутрь и нашли-таки заветную "копилку" под грудой старых ящиков. В другом сельпо срезали с дамских пальто двадцать норковых воротников...

Поднадзорные - условно-свободные - вели вольный образ жизни - кутили, одаривали ворованным женщин... Даже умудрились съездить отдохнуть на Черное море (в табеле в это время отмечался их ударный труд на стройках народного хозяйства!). Грабили не только у себя на родине, но и в соседней Татарии. Целый букет прибыльных краж за два летних месяца и - ни единого следа. Самая крупная добыча попала им в галантерейном магазине села Семеновка. Профессионалов не остановили ни пять дверей с секретными замками, ни сигнализация, ни пуленепробиваемый сейф - они унесли отсюда целую партию золотых изделий на баснословную сумму.

Эти украшения и подвели их в конце концов под монастырь. На казанском рынке патруль задержал продавца, предлагавшего покупателям золотые изделия с фабричными бирками. След привел в гостиницу "Татарстан", где номер снимал Селедцов, выдавая себя за ответственного работника Минюста...

На этом тюремно-милицейский детектив не закончился. Когда подследственного привезли на станцию Куяр для вскрытия тайника, где они с напарником прятали золото, экс-опер чуть было не оставил с носом бывших коллег. Едва они склонились над кладом и стали рассматривать украшения, он оттерся в сторону и, сбросив с ног туфли, рванул за проходившим мимо поездом. Бежать в наручниках было несподручно, но он развил такую прыть, что едва не оторвался от замешкавшихся преследователей и не ухватился за подножку вагона... А тайну еще одного золотого клада он так и унес с собой в зону - не раскололся, сколько с ним ни бились...

(КОД, № 12,1996)

ОГРАБЛЕНИЯ ПО-ДАМСКИ

Сперва детективы считали, что это были обычные ограбления, но потом обратили внимание, что все пострадавшие - женщины, грабители тоже женщины.

Они следовали за своими жертвами, входили с ними в кабину лифта и здесь, направив на них пистолет, требовали деньги и ювелирные изделия. Все ограбления происходили в жилищном комплексе "Олбани хауз" - семи высотных зданиях в бруклинском районе Краун-Хайте.

Около половины двенадцатого дня во вторник полиция арестовала 31-летнюю Керолайн Нерс и 36-летнюю Стефанию Хендерсон всего через несколько минут после того, как они ограбили 88-летнюю жительницу многоквартирного дома. Задержанным предъявлены обвинения в девяти вооруженных ограблениях.

Первое ограбление налетчицы совершили 12 января, воспользовавшись украденным пистолетом "Глок". С тех пор они ограбили по меньшей мере 15 женщин - от 25 до 88 лет, чаще выбирая в качестве жертв пожилых. Двух женщин

преступницы избили рукояткой пистолета.

Пострадавшая Анита Диллахант рассказывает, как она была ограблена преступницами. Она вошла в кабину лифта, направляясь к матери, которая жила на 13 этаже. Две женщины вошли в лифт следом и встали к ней спиной. Они напевали какую-то старую песню, и Дил-лахант почувствовала, что от обеих пахнет спиртным. Затем одна из женщин повернулась к ней и, достав пистолет, сказала: "Не двигайся и не кричи, а отдавай свои драгоценности". Преступницы дважды ударили Аниту по голове пистолетом. У нее было сотрясение мозга, и теперь она страдает от сильных головных болей. Налетчица била ее по голове в ярости из-за того, что не могла быстро снять с ее пальца кольцо. Соседи говорят, что главной виновницей и инициатором ограбления была Нерс, уже дважды привлекавшаяся к ответственности за ограбления. Совсем недавно ее выпустили условно-досрочно из тюрьмы Бедфорд-Хиллс, в графстве Вестчестер.

Хендерсон, дочь баптистского священника, привлекается к ответственности впервые. Родные говорят, что ее погубили наркотики, которые она начала употреблять еще в школе. Она начала встречаться со своим будущим мужем в 14 лет, из-за этого бросив школу и никогда не работала. С мужем она впоследствии разошлась.

(КОД, № 2, 1996)

"ЧЕРНЫЙ ЧУЛОК"

К 13 годам лишения свободы в колонии строгого режима приговорен насильник и грабитель, почти год наводивший страх на женщин в селах Волыни. Местная милиция оказалась бессильной задержать его, и это сделали сами сельчане. 26-летний житель райцентра Локачи Николай Дубовой, уже дважды судимый, признался в совершенных преступлениях. По словам его жены, она ничего не знала о "похождениях" супруга.

Впервые насильник в маске из черного чулка в июле 1995 года напал на 22-летнюю жительницу одного из сел Локачинского района, шедшую домой из соседнего населенного пункта. Бандит, выскочивший из лесопосадки, затащил женщину на ржаное поле, где изнасиловал и забрал из сумочки деньги. Месяц спустя была изнасилована и ограблена жительница села Кисилин этого же района. Вскоре в соседнем Владимир-Волынском районе возле села Хмелевка была ограблена еще одна жертва. На этот раз женщина была беременна, и поэтому ей удалось "откупиться" от негодяя, отдав ему золотое кольцо, серебряные серьги, два миллиона карбованцев и газовый баллончик, которым не сумела воспользоваться.

Последним в "деятельности" "Черного чулка" стал день, когда он выследил одиннадцатиклассницу В. из Владимир-Волынского района, возвращавшуюся домой из школы в соседнем селе. Девочка сумела вырваться из рук насильника и добежать до конторы колхоза, где рассказала о нападении. Односельчане позвонили в милицию, а трое молодых мужчин тут же на грузовике бросились в погоню. Недалеко от трассы на Владимир-Волынский они настигли злоумышленника, в сумке у которого лежали черный чулок и самодельные наручники.

(Детективная газета, № 11, 1996)

ЕГО МСТИТЕЛЬНАЯ МЕРЗОСТЬ

Испанец Рафаэль Медина Фернандес де Кордова, герцог Ферийский и обладатель еще более сорока титулов, доставшихся ему в наследство, отбывает 18-летний срок лишения свободы за преступления, которые никоим образом не соответствуют его знатному происхождению. А именно - похищение и совращение малолетних детей, использование наркотиков для оплаты проституток, которые оказывали ему в этом необходимое содействие.

Полиция давно располагала данными о похождениях представителя одного из древнейших аристократических кланов Испании. И подозрения эти подтвердились, когда в момент ареста гранда в марте 1993 года в ванной его дома была обнаружена разыскиваемая полицией 5-летняя Ана-Мария. Рафаэль Медина сначала объяснял ее нахождение у себя тем, что "хотел выкупать девочку, так как она испачкалась шоколадом". Потом он сбивчиво доказывал, что "хотел сфотографировать Ану-Марию обнаженной для рекламы нового сорта мыла".

Однако расследование лишь подтвердило имевшиеся сведения об извращенных сексуальных наклонностях 52-летнего герцога и его причастности к похищениям и совращению других малолетних детей. При чем свои преступления он совершал при посредничестве проституток. Так, в случае с той же Аной-Марией ему помогла ее тетя, проститутка Исабель Сальтарес, которая за 25 тысяч песет и порцию наркотиков предоставила свою племянницу. Другими словами, по совокупности наказаний за совершенные преступления он и получил 18 лет лишения свободы.

В ходе судебного расследования Рафаэль Медина был подвергнут психиатрической экспертизе, которая подтвердила, что каких-либо психических отклонений у него нет. Если не считать, что он злоупотреблял наркотиками.

В момент пребывания герцога в тюрьме города Севилья журнал "Интервью", специализирующийся на порнографии, опубликовал несколько фотографий, на которых герцог фигурировал с еще двумя обнаженными девочками. По этому факту был возбужден новый процесс против Рафаэля Медины. Если будет обнаружен состав преступления, то ему грозит еще девять лет тюрьмы.

(Версия-плюс, № 2, 1996)

ВНУК КОММУНИСТА

Из протокола допроса: "Мы выбирали только тех, кто раньше занимал высокие должности, а теперь стал бизнесменом. Дед считал, что это предатели и отщепенцы".

Виктор Дмитриевич Булатов был инструктором общего отдела обкома партии. Новые времена, которые совпали с его выходом на пенсию, по рассказам сослуживцев, он встретил с недоумением и болью. Ему было невыносимо горько видеть, как бывшие партийные вожди, поправ все понятия о нравственности, жадно кинулись устраивать свою жизнь. А проще говоря, предавать и продавать не только идею, но и все, что попадает под руку. А под руку - с их-то связями и круговой порукой! - попадалось многое.

Выйдя на пенсию, Булатов стал вести дневник, который теперь фигурирует как один из главных документов в уголовном деле. Читая его, невольно ощущаешь презрение и затаенную ненависть (а пожалуй даже, и плохо прикрытую жажду мести) хозяина к переkrасившимся "вождям", к их иномаркам, особнякам и "совершенно бесстыдным преступлениям" под названием "презентации".

Виктор Дмитриевич по крупицам собирал и заносил в дневник подробности об образе жизни бывших, ставших новыми русскими. Со временем он стал заводить даже отдельные папки, своеобразное досье на каждого из них. Для чего, с какой целью? Теперь, после его смерти, об этом можно только догадываться. В ходе следствия пока выяснилось лишь то, что Булатов охотно знакомил со своим досье тех, кого продолжал считать верными партийцами, а также своего внука Игоря и его друзей. При этом он нередко повторял: "Расстреливать нужно сволочей, без суда и следствия".

Пока следствию неизвестно и еще одно: из каких источников брал Булатов столь подробную информацию о своих "подопечных". Встречающиеся подробности и детали об образе жизни бывших "вождей" столь конфиденциальны, если не сказать интимны, что просто диву даешься, как они могли стать известны постороннему.

Из протокола допроса:

"Гараж Ершова мы взорвали, чтобы испытать наше устройство. А перед этим послали ему письмо и потребовали 10 тысяч долларов".

Игорю было семь лет, когда погиб его отец. В наследство сыну остались боевые награды да "жигуленок" с гаражом, оплаченные "афганской кровью". Спустя несколько лет мать снова вышла замуж. За хорошего в общем-то человека, но сблизиться с ним Игорь так и не смог. Больше пропадал у деда. Когда же поступил в институт, то и вообще переселился к старику, объяснив матери, что отсюда и к учебе ближе, да и появившиеся от нового брака сестрички не будут мешать занятиям.

За время учебы в институте Игорь по-настоящему сблизился только с одним из своих сокурсников, с Вадимом. Этот стеснительный парень приехал в Новосибирск из соседней области. Он был признателен Игорю за доброе расположение и, можно утверждать, стал его верным другом. Третьим в их компании был Антон. С ним Игорь дружил с детства.

Все трое часто собирались в гараже Игоря, где "химичили". Теперь трудно установить, кто был инициатором этого "хобби". На следствии они говорят то об уроках химии, то о найденном пакете. Точно установлено одно: друзья занимались конструированием и изготовлением взрывных устройств. С этого и началось...

Чтобы все выглядело не слишком примитивно, они решили вначале написать письмо. Выбор пал на Кудрицко-го, бывшего зав. орготделом обкома. Теперь друзья утверждают, что выбор этот был случайным. Но записи в дневнике Булатова, касающиеся президента биржи недвижимости Кудрицкого, дают повод усомниться в этом.

В письме отпечатанном на машинке, Кудрицкому было предложено вручить деньги нищему, который постоянно "работает" в подземном переходе на перекрестке Советской и Центральной. Это была своего рода провокация. Как утверждает на следствии Игорь, они и не собирались брать деньги. Решили, если Кудрицкий принесет их, значит, боится и его можно "держат в руках". Если же сообщит в милицию... Ну, что ж, у них будет моральное право приступить к "операции"...

К их удивлению, Кудрицкий не отреагировал никак. Как выяснилось уже потом, во время следствия, он не принял письмо всерьез, забросил куда-то в бумаги. И даже после пожара в своем загородном особняке не вспоминал о нем. Тем более, что пожарная служба дала однозначное заключение - возгорание произошло в результате короткого замыкания. Вспомнил о письме лишь тогда, когда рванул гараж у Ершова и тот рассказал ему о письме, которое предшествовало взрыву.

Ершов, бывший зав. отделом торговли обкома, получив послание приготовил деньги и пошел на "встречу" с нищим. Правда, предварительно поставил в известность милицию. Растерянного и ничего не понимающего нищего "взяли с поличным" в мгновение ока. Увидев толстую пачку "зеленых" тот обалдел окончательно. Бедолагу допрашивали, но в конце концов отпустили.

А через два дня прогремел взрыв в гараже Ершова. Кстати, вопреки расчетам "конструкторов" заряд разнес вдребезги и два соседних строения.

По словам Игоря, дед узнал и о пожаре, и о взрыве в тот же день. И с удовольствием сообщил об этих "событиях" внуку. И Игорь не удержался. То ли из юношеского тщеславия, то ли из желания угодить деду, он рассказал ему, что это дело их рук. Булатов сначала не поверил. Когда же Игорь выложил подробности, был взволнован и зол. Грозился, что сам пойдет в милицию и все расскажет. А спустя несколько дней, если верить Игорю, Виктор Дмитриевич якобы приказал, чтобы без него они не делали ни шагу и что (еще раз скажем "якобы") он сам будет определять - чья очередь.

Теперь практически невозможно установить, было ли так на самом деле. Не исключено, что по привычной логике преступников либо по чьему-то наущению юные "красногвардейцы" просто, как говорится, вешают всех собак на покойника - тому ведь суд уже не грозит. Но все-таки некоторые детали, ставшие известными в ходе следствия, позволяют предположить, что Булатов и впрямь был мозговым центром банды (пора уже назвать вещи своими именами).

Из оперативных сводок:

"...В результате взрыва неустановленного устройства пострадала дверная коробка квартиры гражданина К., произошло возгорание..."

"...В офисе фирмы "Малибу" сработало взрывное устройство, которое находилось в целлофановом пакете, оставленном кем-то из посетителей, двое сотрудников ранены, уничтожен компьютер и лазерный принтер..."

"...На улице Гагарина во время движения произошел взрыв автомобиля "Опель", в котором находился президент совместного предприятия "Стэнфорд плюс" И. Водитель погиб, И. доставлен в больницу в тяжелом состоянии..."

В этих случаях можно было бы и не видеть ничего общего, - согласитесь, взрыв автомобиля и взрыв на лестничной площадке у квартиры скромной медсестры - вещи довольно разные. И все же, как выяснилось на следствии, связь существует. Впрочем, для определенных людей она была очевидной с самого начала. В каждом случае пострадали те, кто раньше занимал значительные посты, а теперь числился среди самых богатых людей города. (Медсестра К. была любовницей президента солидной фирмы, а "Малибу" возглавлял бывший зампред, горисполкома.) Кроме того, пострадавшие незадолго до случившегося получали письма с весьма пикантной информацией о себе.

Взрывы гремели. И новые русские всполошились не на шутку. Они втайне от глаза людского обсуждали способы защиты от бандитов, которые практически не оставляют никаких следов. Они готовы были платить, но не знали кому. Нанятая охрана оказывалась бессильной, ходы противника были совершенно неожиданными. Уж какой пропускной режим был налажен в офисе одного из банков, казалось, булавку не пронесешь. Но ночной взрыв стал очередным свидетельством тщетности всех усилий.

Никаких зацепок не находили и органы правопорядка. Взаимная подозрительность и страх внедрились в отношения людей, которые еще недавно, что называется, дружили семьями.

Из протокола допроса:

"Мы не хотели убивать Святского, мы только хотели получить деньги. Об убийстве никто не говорил".

Настал момент, когда "игра в бескорыстных мстителей" друзьям надоела. Игорь не раз жаловался деду на то, что "жигуленок" свой век откатал и пора бы раздобыть что-нибудь поновее. Дед поначалу делал вид, что не понимает намеков. Когда же Игорь сказал об этом прямо - был непреклонен: с "изменников" никаких денег!

"Что ж, никаких так никаких", - будто бы согласился внук, но сам с друзьями стал детально разрабатывать "операцию" по изъятию наличности.

Следующим адресатом, которому направлялось письмо, был президент торгово-финансовой биржи, а в прошлом - секретарь одного из городских райкомов партии Святский.

Подступиться к нему было нелегко. Святский установил круглосуточную охрану в офисе и на квартире, без охранников не садился в машину, которую перед каждой поездкой осматривали чуть ли не до последней гайки. Все телефонные звонки фиксировались на магнитофон. Квартира была оборудована бронированной дверью, над которой виднелся зрачок видеокамеры.

"Рвануть" его дачу или гараж казалось невозможным. Впрочем, судя по всему, друзья и не собирались этого делать. Прежде всего они подменили составленное вместе с дедом письмо. Добавили свои условия передачи денег. Именно на это была акцентирована теперь вся их изобретательность.

Получать деньги - из рук в руки - должен был Вадим. Тут друзья исходили из того, что Святский не знает парня. Вадим же изучал его по фотографиям, а потом - из окна "жигуленка" возле офиса и квартиры.

Вначале предполагалось место встречи назначить где-нибудь за городом. Но, подумав, решили, что в случае чего на "жигуленке" им не уйти. И тогда они выбрали сквер, расположенный в старой части города, в котором на широких аллеях стоят тяжелые скамейки едва ли не довоенных времен. На одной из них в установленное время должен был сидеть Вадим.

Святскому предлагалось присесть рядом, побыть на скамейке несколько минут и, оставив пакет с деньгами, ни слова не говоря, уйти. Главная изюминка заключалась в следующем. Когда Святский оставит пакет с деньгами, Вадим ни в коем случае не должен к ним притрагиваться. Через несколько минут к этой же скамейке подойдет Антон. Вадим должен уйти. Но Антон поначалу не притронется к деньгам, а лишь будет сидеть рядом с пакетом. И только через сорок минут по сигналу Игоря он должен взять деньги и стремглав мчаться к выходу из сквера - там будет стоять машина.

Если Вадима или Антона задержат - стоять насмерть: ничего не знаем, ничего не видели, ничего не трогали. Никуда не денутся, подержат и отпустят. Вадим ушел беспрепятственно. Игорь видел, как он дошел до автобусной остановки и, смешавшись с пассажирами, сел в первый подошедший автобус. Игорь выждал и дал сигнал Антону.

Деньги были у них. Но Вадим не пришел в условленное место, в гараж, ни в этот день, ни на следующий.

На третий день в квартире раздался телефонный звонок. Игорь взял трубку и услышал голос Вадима:

- Игорь, спасайся... Я больше не могу...
- Где ты?
- Не знаю, спасайся!..

Вадима взяли люди из службы безопасности Святско-го, когда "мстителю" казалось, что операция прошла удачно. По крайней мере для него. Отвезли на незнакомую квартиру.

Не будем живописать всех пыток, которые пришлось перенести студенту (кстати, по этому факту также заведено уголовное дело), но справедливости

ради отметим, что держался Вадим твердо. И трудно сказать, какая бы участь его ждала: быть может, просто отпустили бы, а может... Но... Воспользовавшись временным отсутствием своих истязателей, Вадим ухитрился (связанный по рукам и ногам!) добраться до телефона и набрать номер Игоря.

...Игорь метался по квартире. На вопросы деда лишь отмахивался, скрежетал зубами. Снова зазвонил телефон. Мужской голос попросил Виктора Дмитриевича. Дед взял трубку. Отвечал односложно. Когда закончил разговор, Игорь увидел, как побледнело его лицо. Глухим голосом дед сообщил, что звонил Святский, через полчаса приедет, хочет поговорить.

Игорь молча метнулся из квартиры. Через двадцать минут на своем "жигуленке" занял исходную позицию в углу большого двора их дома. Едва в другом конце появилась знакомая БМВ, "мститель" нажал на газ. Когда машины поравнялись, он через окно автомобиля бросил под колеса автомобиля Святского свою любимую "игрушку".

...Водитель и охранник, сидевший на переднем сиденье, погибли сразу. Биржевик отделался переломами. Машину Игоря взрывом отбросило на деревья. Если не считать ушибов, он не пострадал...

Виктор Дмитриевич Булатов сохранял хладнокровие до конца. После взрыва он аккуратно сложил на столе все папки с компроматом, свой дневник и подошел к окну. Некоторое время смотрел вниз на собравшуюся у подъезда толпу, на подъехавшую "скорую", а затем - на милицейский "уазик". Постоял в задумчивости и стал решительно открывать окно...

Толпа зевак вздрогнула от глухого удара тела об асфальт...

(А. Дремов. Детективная газета, № 10, 1996)

МАНЬЯК МЕСТНОГО МАСШТАБА

Колхозному слесарю Сергею Карасюку в тот октябрьский вечер перепала в клубе неслабая "грамулька". Душа его тут же "развернулась", обнажив "признаки врожденного умственного недоразвития в форме олигофрении в степени легкой дебильности с эмоционально-волевыми нарушениями", и позвала на подвиг. Но с хрустом вырвав пару колов из чьего-то новенького забора, специалист по ремонту плугов и борон не получил должного удовлетворения и понял, что подвиг, возможно, еще впереди. О, кто-то навстречу идет!

- Привет, Томка! - пьяно просиял Карасюк, спутав с кем-то 15-летней односельчанку Валю Лисицкую.

- Разуй глазища, чокнутый! Где ты Томку видишь? - хохотнула девчонка, отстраняясь от устремившегося к ней Сергея.

- У-у-у, Валька, ты, значит? - сделал для себя Карасюк "великое открытие" и загородил девушке дорогу. - Тебе восемнадцать еще нету, чего ты ночью по веске болтаешься? Изнасильничаться хочешь? Так давай, я умею!

- Ночь?! Девять часов на улице, куры еще спать не легли. Вот залезь в курятник и насильничай, если пень в лоб не даст, - Валя была в настроении и, посмеивалась, беззлобно подтрунивала над пьяным Карасюком.

Он на это вроде как не обращал внимания:

- Давай к Турку зайдем, он сегодня в магазине вино брал, авось еще не все выдул.

Зная, что отвязаться от "чокнутого" наверняка не удастся, Валя, взглянув на часы, без особой охоты, но согласилась.

Турок и впрямь еще не все "выдул". Карасюк помог.

- Пей! - расплескивая вино, сунул он стакан и Валентине.
- Да ну тебя с твоим чернилом, сам пей, - девушка поднялась, чтобы уйти.

- Я тоже сваливаю, - подхватился еще больше окосевший Карасюк.

От такого провожатого Валю если не тошнило, то подташнивало - точно, однако ни гнать - что толку! - ни убежать не стала. На пустыре доселе беспрестанно болтавший всякую чепуху Карасюк вдруг будто клещами обхватил ее одной рукой за талию, другой за шею и стал валить на землю. Валя с опозданием сообразила, что означают эти навязчивые проводы, попыталась вывернуться и три раза получила по лицу - Карасюк бил больно, наотмашь.

- Ты только не кричи, не кричи, а то совсем убью, - задыхаясь от предчувствия того, что вот-вот произойдет, хрипло шептал вроде бы протрезвевший малость слесарь, раздевая ее. - Ложись, не пожалеешь...

...Перед тем, как смотаться с пустыря, пресытившийся дебил еще минут десять вдалбливал Валентине, что непременно убьет ее, если кому хоть слово скажет. Девушка восприняла угрозу всерьез. И молчала.

А Карасюк затих, "залег на дно" на целый год. Во всяком случае, так следует из материалов следствия и суда.

...Сентябрь, грибная пора. Карасюк с приятелем Степаном Пятихатом, не намного опередившим его в умственном развитии, шлялись по лесу с кошелками. И надо же было столкнуться с ними семилетним Свете и Инне Макуль. В Карасюке сразу проснулся дремавший маньяк.

- Уведи вон ту подальше, на опушку, - приказал он послушному Степану, имея в виду Инну. И - Свете:

- Ты будешь со мной грибы собирать, а она - с ним. С нами, знаете, сколько нагребете - не унести.

Приняв слова Карасюка за чистую монету, девочки разделились.

- Подойди к тому ельнику, там одни боровики сидят, - Карасюк коварно отправил доверчивое дитя подальше от поляны. А сам уже снимал с плеч куртку.

...Света заливаясь слезами, стонала под тяжестью его дурно пахнущего тела, звала на помощь, но ублодок зажимал ей грязной ладонью рот и нос, и она, задыхаясь, до конца терпела страшное истязание. Затем последовала старая "песенка":

- Расскажешь кому, убью!

Подавленная перепуганная девочка убежала домой, а вошедший во вкус оболтус подался на опушку, где Пятихат чуть ли не силой удерживал вторую, ни о чем не догадывающуюся маленькую жертву. Все повторилось с зеркальной точностью: куртку наземь, на куртку - ребенка... И знакомое: "Убью!" Дети, как и Валя, молчали.

Маньяк понял, что его боятся, и в один "подходящий" момент решил еще раз "пройтись" по Валентине. С неразлучным Пятихатом и чекушкой пришли на ферму. Валя кормила телят - подменяла мать.

- Выпьем, - предложил Карасюк люто ненавидевшей его девушке.

- Иди ты!..

Он как будто только и ждал этих слов. Валя и глазом моргнуть не успела, как оказалась в тамбуре, где лежало сено. - Неси веревку!

Пятихат, изрядная несовершеннолетняя сволочь, мигом исполнил приказание. Карасюк привязал вырывавшуюся Валю за руку к толстой доске и уже собирался сотворить гнусность, но стоящий "не стреме" Степан подал сигнал тревоги: Валина мать идет! Подонки еле унесли ноги.

Странная девушка эта Валя. Она и после неудавшейся попытки изнасилования в тамбуре продолжала молчать. А Карасюк, между тем,

"распоясался" всюду.

Ребята играли на территории колхозных гаражей. Пьяный и агрессивный Карасюк прицепился к тринадцатилетнему Игорю: - Пойдешь со мной!

Он привел паренька в заброшенный, полуразрушенный, телятник. Бил кулаками, "катал" ногами, пустил в ход металлический прут. И, наконец, - изнасиловал мальчика.

До смерти запуганный Игорь тоже молчал... Казалось, скатываться по наклонной низменных половых инстинктов Карасюку дальше некуда. Ан нет!

Набравшись, как свинья грязи, на свадьбе, он, выписывая зигзаги и восьмерки, приплелся домой, но вместо хаты попал почему-то в сарай. Где и набросился на родную бабушку 1919 года рождения. На крик пришедшей в ужас старушки подоспел сосед...

Лишь после двух последних "эпизодов" сельчанам, которые, как оказалось, не такими уж и "незнающими" были, стало ясно, что если чокнутого Карасюка не остановить, он, глядишь, и впрямь станет таким ненаказуемым секс-маньяком местного масштаба. И "сдали" слесаря с потрохами в милицию.

Психиатрическая экспертиза, несмотря на "степень дебилности" Карасюка, признала подонка в отношении инкриминируемых ему действий полностью вменяемым. Что и позволило Брестскому областному суду отмерить "любителю острых ощущений" 10 лет лишения свободы.

(А. Луговец. Детективная газета, № 15, 1996)

ОФИЦИАНТЫ ИЗ КРЫМА

Шайка автоугонщиков в Белоруссии и на Украине похитила около трех десятков легковых автомашин.

Некий импозантный гражданин, который так и остался для следствия "неустановленным лицом", сидя в гурзуфском кафе, приткнувшись на берегу Черного моря, с интересом наблюдал за двумя медлительными парнями. Невооруженным глазом было видно, что обязанности официантов выполняли они со страшной неохотой и какой-то патологической ленью. Импозантного гражданина, наверное, не так поразила бы неповоротливость и почти демонстративное нежелание молодых людей работать, знай он, что хозяйка кафе - родная тетушка одного из безразличных к курортному люду "подавальщиков". Терпела, значит, племянничка и его дружка.

Впрочем, приглянулись эти ребята импозантному гражданину отнюдь не по причине внешней "заторможенности". Приобретенная в общении с "народом" наблюдательность, дополненная природной склонностью к психоанализу, стала достаточным основанием для того, чтобы за молчаливыми, презрительными масками официантов обнаружить запасы рвущейся наружу отрицательной энергии, которая по капле и абсолютно бездарно растрачивалась между хрупкими столиками прибрежного кафе. Было однозначно ясно: парни эти способны на большее, нежели поднести "Монастырскую избу" и холодные лангеты.

После того, как последний посетитель покинул питейно-закусочное заведение, импозантный гражданин сказал официантам:

- Ребята, я предлагаю вам работу. Настоящую. Но в Минске. Приятели, сбросив не сходившие до этого с их лиц дурацкие маски превосходства над окружающими, вопрошающе насторожились:

- Суть?

- Суть такова...

...В декабре, не очень слезно попрощавшись с тетушкой-трактирщицей, 23-летние Костя Пешков и Олег Бобылев на "жигуленке" Пешкова взяли курс на Беларусь. Молодые люди ехали к минскому деловому человеку Лещинскому, адрес которого, перед тем как раствориться в неизвестности (наверное, полностью исполнил свою миссию), дал настроенным на "великие дела" официантам импозантный гражданин.

...Лещинский был краток:

- Ваш товар, мой - сбыт. Бабки делим без обид. Все.

25 ноября, ночью, в Минске пропала первая машина "сделанная" крымчанами. Впоследствии их число перевалит за два десятка. И ни следов, ни зацепок! Откуда у официантов такие "навыки"? А оттуда. Первоначальную "практику" молодые парни прошли еще в Гурзуфе и Алуште. К тому времени, когда Пешков и Бобылев поступили на "службу" в кафе сердобольной тетушки, на их счет числилось 14 похищенных автомобилей.

Минские гаишники и розыскники задумчиво морщили лбы, виновато объясняли что-то бывшим обладателям престижных легковушек (пропадали исключительно "восьмерки", "девятки" и их модификации), а машины все "испарялись" и "испарялись". Да как! Представьте такую ситуацию. Останавливается на улице Мирошниченко авто, водитель запирает двери, переходит улицу, направляется к лотку с фруктами, оборачивается. Его "девятка" набирает скорость и возле светофора, свернув налево, показывает "хвост". Водитель бросается к телефону, нервно набирает "02". Тут же объявленная в городе операция "Перехват" ничего не дает.

Надо отдать должное "крымским автопиратам": отключали любую сигнализацию и отпирали любой замок на 2 - 3 минуты. Действовали дерзко и нагло. К примеру, однажды в центре Минска, на проспекте Ма-шерова, возле кинотеатра "Москва", среди бела дня подцепили автомобиль тросом и... как говорится, "была ваша, стала наша"...

На первых порах компаньоны тяготились существенным неудобством. Краденые машины приходилось оставлять на "дикой" стоянке в Чижовке. Это было и опасно, и непрактично, с точки зрения их дальнейшей "перелицовки". Но вскоре проблему решили. Ушлые крымчане сняли в столице несколько гаражей, в которых во всю продолжали демонстрировать свои "talанты": перекрашивали машины, меняли в них замки, перебивали номера кузовов и двигателей. Получалось: вроде и тот автомобиль, а вроде уже и не тот.

После того, как средство передвижения приобретало надлежащее "состояние", следовал звонок Лещинскому:

- Тачка в лучшем виде.

Тогда уже звонил Лещинский перекупщикам, в основном в Йошкар-Олу и Москву. Правила конспирации соблюдались свято. На вокзале "купцов" встречал дружок Лещинского Григорий Бурдынов и привозил к "шефу". Заключаящая стадия купли-продажи выглядела впечатляюще. Прямо на квартире Лещинского выписывались фальшивые справки-счета на приобретенный якобы вполне легальным путем автомобиль, лицензии для постановки на учет в ГАИ. (Кстати, следствие так и не установило, где и как Лещинский достал пачки бланков московского автомагазина "Дружба" с подписями директора и бухгалтера и целый набор знаков.) Потом ехали в гараж, приценивались, рассчитывались на месте. Каждая машина уходила за 4 - 5 тысяч долларов...

12 декабря уставшие от хлопотной и почти непрерывной "работы" Пешков и Бобылев отбыли "расслабиться" в милый сердцу Гурзуф. В Гурзуфе нашли своего дружка - Сергея Хоменкова. Был он натуральной еще "зеленкой", но на игле уже сидел плотно. А на "дурь", как известно, нужны деньги, и немалые.

- С нами поедешь?

Когда выворачивает ломка, а в кармане ни гроша, и завтра не намечается, поедешь не только в Минск - к черту на рога полезешь.

На старое место "работы" они вернулись в январе, втроем.

- Ну, где там Лещ?

Трубку подняла сожительница Лещинского Светлана Скипор.

- Лещ? Нету Леща. Умер.

- То есть? - Пешков обалдел.

- Разбился. Недавно. На машине. Пьяный... Пешков отрешенно молчал. Приехали! А какого рожна?! Без связей Лещинского ловить им тут шиш да камыш.

- Впрочем, - Светлана резко изменила скорбный тон на деловой, - если есть товар, готова помочь.

Наркоман Хоменков оказался способным учеником. Уже очень скоро он менял номера на кузовах и двигателях не хуже своего многоопытного учителя Пешкова.

А Светлана в свою очередь оказалась деятельной продолжательницей "дела ушедшего в мир иной" мужа. При ней "товар" пошел потоком. За два месяца крымские гастролеры умыкнули в Минске еще 15 машин. Расширился и "штат фирмы". Еще в Гурзуфе энергичные Пешков и Бобылев познакомились с представителями земли белорусской - бывшим автослесарем, директором солигорского МП "Кристина" Василием Рожковым, переключившимся к этому

времени на широко распространенную форму трудовой деятельности, именуемую в народе "купи-продай". Правда, кой-каким ремонтом он с младшим братом по-прежнему занимался. Как говорят, по мелочам. Крымчане ему намекнули, что так, мол, и так... Рожков взял и согласился. Таким образом, фирма Светлана и К0 посягнула еще на один регион. И сразу успешно: солигорские автолюбители не досчитались двух персональных авто, причем оба исчезли с охраняемой стоянки и быстренько прошли "профилактику" в гараже Рожкова.

Естественно, после такой "напряженки" у Пешкова и Бобылева снова появилось здоровое желание капитального "расслабона". На этот раз рванули в Москву. На "Мерседесе-400" Пешкова. Обрато прикатили с новым "другом", неким господином неопределенных занятий Мироновым. И почти сразу нарвались на "неприятности". Их арестовали. В довесок - еще одна неприятность: в машине небрежно валялся пистолет ТТ, любимая игрушка отечественных киллеров. Следователям шустряки объяснили так: дескать, пистолет в купленном "мерсе" был, чей и что - без понятия. Миронова за отсутствие состава отпустили. И, похоже, зря. "Пушка", вроде, как его получается. Ищи-свищи теперь Миронова.

Ну, а остальные - на нарах. Пешков, Бобылев и Рожков проведут на них по 10 лет, Хоменков и Светлана Скипор - по 5 лет. Брат Рожкова Сергей отделался 8-ю месяцами СИЗО. Бурдынов - тот, который встречал на вокзале гостей-покупателей, - тоже в зоне, правда, по другому делу. В суд его привозили как свидетеля, но в наручниках.

Что и говорить, "теплая компания" собралась за решеткой. Что называется, "крутые единомышленники". Впрочем... Если по большому счету, то из нее несколько "выпадает" прелестница Светлана Скипор. По той простой причине, что назвать ее уголовницей как-то язык не поворачивается. Человек искусства - учитель ритмики, жила тихо и мирно, трудилась на благо народного образования в 14-й минской спецшколе-интернате. Пока не связалась с Лещинским. Невероятно пробивной, тот пообещал ей столичную прописку. И сделал. Однако когда эту "прописку" проверили, то оказалось, что хбзяин, к которому ее Лещинский "вписал", об этом - ни сном ни духом. Хотя, чего удивляться: Лещинский по части печатей, штампов и справок бел великий спец.

Кто теперь преподает ритмику в 14-й школе? И еще. Как мы уже подчеркивали, ни на одной из двух десятков украденных в Минске машин крымчане не "прокололись". Их взяли по оперативным данным.

Что касается похищенных машин, то они порасполза-лись по России, как тараканы. Чебоксары, Сыктывкар, Новочеркасск. Несколько перепроданных через третьи-четвертые руки, все же чудом нашлись. Остальные - с концами. И тут невольно возникает вопрос: интересно, как же будут рассчитываться "акционеры" преступного "треста", который лопнул, за остальные 30 (учитывая и украинские)? Ведь при тотальной безработице в наших зонах им хоть бы себе на похлебку заработать...

(С. Иванов, Т. Ратов. Детективная газета, 1996)

"ГИНЕКОЛОГ"

У нас уже сквозь пальцы смотрят на гомосексуалистов, лесбиянок... В сущности признанный термин "сексуальные меньшинства" де-факто "узаконил" "права" половых извращенцев всех мастей. Мы приучаемся смотреть на "любовь" мужчины к мужчине, женщины к женщине, как на норму поведения. За границей вон уже и "однополые" браки разрешены! Так почему тогда не признать нормой патологическую тягу иных мужчин к 10 - 12-летним девочкам? Или "интимные отношения" с животными, трупами... Почему и здесь не вспомнить о правах человека? Но человека ли?..

Из показаний Виктора Пускина в Минском городском суде: "Я нормальный человек. Как все. Вы же не станете осуждать мужчину, который предпочитает блондинок брюнеткам? Да, мне нравятся очень юные женщины. Я читал, что больше 60 процентов девочек лишаются невинности в 11 - 13 лет. Становятся женщинами. И на это закрывают глаза. Акселерация. Или говорят как о шалости. Меня же обвиняют в разврате, и даже больше - насилии. Получается, что посадят не за содеянное, а за возраст..."

...11-летняя Ирина Голубович сидела в углу дивана заплаканная и напуганная.

- Ты чего это в темноте? - щелкнула выключателем мать девочки. - Случилось что?

Малышка разрыдалась. Никакие уговоры, просьбы родителей рассказать о том, что с ней произошло, не действовали.

- Если скажу, будет плохо мне, и тебе, и Сереже, - твердила девочка, - нас всех убьют.

Встревоженная мать двоих детей позвала на помощь соседку. Совместными усилиями им удалось по слову вытянуть из Иры страшный рассказ.

Девочка с одноклассницей играли во дворе дома.

- Ты знаешь, что твоего братика убили? - неожиданно обратился к Ире незнакомый мужчина, сидевший на лавочке у многоэтажки.

Напуганные дети сразу поверили незнакомцу. Им было невдомек, что их имена, как и имя брата Ирины, мужчина подслушал, наблюдая за игрой девочек.

- Посторожи, - приказал незнакомец Ириной подружке и поставил на тротуар две трехлитровые банки. - А ты, Ирочка, иди со мной. Твой братик вон за теми кустиками мертвый лежит.

Мужчина отвел девочку в заброшенный сарай и без лишних слов стал сдирать с нее одежду.

- Только пикни, убью! - пресек насильник попытку малышки закричать,

зажав ее рот рукой.

Вначале он хотел изнасиловать парализованную страхом школьницу обычным способом, но, убедившись, что она еще не входит в определенные им "60 процентов", решил удовлетворить свою похоть по-иному. На языке юристов это звучит как "изнасилование в извращенной форме".

Этот человек не мог сдерживать свой звериный инстинкт, несмотря на то, что всего две недели назад в Заводском РОВД Минска его фотографировали в анфас и профиль. Насильнику чудом удалось выкрутиться.

Тогда Виктор Пускин заманил 10-летнюю девочку в подъезд. Мол, дядя - почтальон, помоги, малышка, письма по почтовым ящикам разбросать. В подъезде "дядя-почтальон" зажал ребенку рот и потащил девочку к лифту. Как назло, лифт не работал. Но девочка уж очень "понравилась" Пускину. И он, как волк овцу, поволок свою жертву наверх на себе. Девочка отчаянно сопротивлялась. Умудрилась в конце концов нажать на звонок какой-то квартиры. На ее счастье, дверь открылась. Пускин тут же пустился наутек... Вышедший на звонок мужчина быстро оценил обстановку и, как был в домашних тапочках, бросился вдогонку.

Возможно, "дяде-почтальону" и удалось бы скрыться - больно прытко улепетывал Виктор Пускин, - да наткнулся на подростков, которые подножкой свалили его наземь. Подоспевший мужчина вместе с двумя пацанами скрутили насильника и доставили в милицию.

Пускин клялся лейтенанту, что искал знакомого в этом районе. Мол, знает только его имя Михаил. Знакомый называл и адрес, но Виктор подзабыл его и искал приятеля по памяти. Спросил девочку о номере дома, а та почему-то испугалась и давай кричать. Он тоже испугался такой реакции, а тут еще какой-то мужчина выскочил на лестничную площадку. В страхе он побежал.

Пускина отпустили, "на память" сфотографировав и сняв отпечатки пальцев.

Из показаний Виктора Пускина: "Мне нравятся девочки 11 - 12 лет с очень красивенькими личиками. Увижу такую и ничего не могу с собой поделать..."

Первое преступление он совершил в 16 лет. Затащил 10-летнюю девочку в подвал, избил и изнасиловал. Все сошло с рук. Потом были еще малолетние. Попался Пускин на 4-й или 5-й школьнице. Как обычно, заволок свою жертву в подвал, стал раздевать. Но вышла "осечка". Старушка, сидевшая на лавочке у соседнего подъезда, заподозрила неладное в поведении парня, разговаривавшего с девочкой. Сообщила ее отцу. Насмерть перепуганный гаденыш был изловлен на месте преступления и нещадно бит. В ходе следствия Пускина опознала и его первая жертва. Остальные... постеснялись дать показания.

Ему отмерили 5 лет. Выйдя на свободу, Пускин буквально на второй день принялся за старое. Однако теперь поступал хитрее. Заманив 11 - 12 летнюю девочку в подвал или на крышу дома, раздев свою жертву, первым делом выяснял девственность ли она. За что, кстати, получил кличку "Гинеколог". Если в его руках была уже "женщина" - насиловал. Потом запугивал, что расскажет о ее прежних "любовных" похождениях, а то и вовсе убьет, если кому пожалуется. Жертвы, как правило, молчали. В отношении девственниц у Пускина была другая тактика. Играл с ними, как с куклами, распаляя себя до удовлетворения похоти. Поэтому два своих последующих срока заключения - по три года - схлопотал лишь за разврат.

Из показаний матери Пускина: "Я воспитывала сына как порядочного и трудолюбивого человека. Он хорошо учился в школе. Не пьет, не курит, постоянно занимается спортом. Спокойный, все по дому делает. Если бы не эта его тяга к маленьким девочкам... Сколько раз я его умоляла сходить к врачу. Ни в какую, отвечает: здоров. И в церковь с ним ходили, там мне поклялся,

что прекратит..."

Вероятно, чтобы успокоить свою старенькую родительницу, 35-летний Пускин начинает хороводить и со зрелыми женщинами. Некоторых, как претенденток на руку и сердце, знакомит с матерью. Итог любовных походов - сифилис. Узнав о своем заболевании, Пускин становится на "тропу мести". Заражает сифилисом всех своих приятельниц. Не минуют этой горькой чаши и новые 11 - 12 летние жертвы насильника. И не только минчанки.

Чтобы не сильно "светиться" в столице, Пускин активно "гастролирует" по близлежащим городам. Навещает Пуховичи, Смолевичи, Осиповичи, Молодечно. Там его интересуют только девочки.

...Ирина Голубович без труда опознала Пускина по фотографии, сделанной в Заводском РОВД Минска. Насильник, чуя неладное, ударился в бег. Но "побегал" лишь три недели. Его арестовали. И вскоре снова спровадят за колючую проволоку. На этот раз на очень-очень длительный срок...

(Детективная газета, № 18, 1996)

АД В ШАЛАШЕ

Едва ли не в первый же день после "отсидки" в местах не столь отдаленных Иван Топорков подался к лесному шалашу, где восемь лет назад повязал его наряд милиции. К тому самому месту, где изнасиловал запуганную и зареванную девочку тринадцати лет от роду.

Без проблем добрался до опушки леса, примыкавшего к городской окраине. Совсем недалеко от его дома... Заросли ольшаника стали гуще, но вполне узнаваемы. А вот и шалаш. Странно, но годы и грибки пощадили его... Подгнил основательно, а держится...

Топорков присел, закурил.

Восемь лет не то чтобы пролетели, но и не тянулись.

Город, правда, попестрел и пошумел, ларьки да киоски аж до окраины добрались. Всякой снеди в них - от пуза. Жена постарела. Дети повзрослели. А в квартире все так же небогато. Откуда взяться тому богатству? Э-э-эх... Супруга, несмотря ни на что, довольно часто посещала его "на зоне", передачи привозила. И с ребятами своими, молчуном Витькой и тихоней Томкой, виделся. Жена-то, видать, простила. Или сделала вид, что простила. А вот дети какие-то чужие, "папа" как из-под палки выговаривают, все норвят безлично обращаться...

Иван загасил окурок и машинально, не понимая даже зачем, поправил покосившиеся стойки пришедшего в запустение лежбища, наломал новых веток на скаты. Потом вдруг спохватился. Словно очнулся от наваждения: какого черта он здесь копошится?..

- "Заполошный" - говорили о Ване, еще подростке, в школе. - Так вроде тихий, вдумчивый даже. Учится неплохо. Мог бы при желании и на "хорошиста" вытянуть. А как утворит что, - хоть стой, хоть падай, глаза на лоб лезут. Точно бес вселился! Ребята на переменках играют, носятся сломя голову, а он сидит тухтей за партой. А потом вдруг вскочит, схватит что ни попади и - в школьную доску со всего размаху - бац! Или тетрадки соседа по парте ни с того, ни с сего порвет на мелкие клочки. И проверяли, к врачам водили: "здоров, говорят, и психика в полном порядке, адекватно, мол, реагирует..."

Его слегка побаивались и сторонились и в институте, куда он успешно выдержал экзамены после школы. Особенно после того, как он однажды, вроде

как шутя, выплеснул в химлаборатории на стол пол-литра соляной кислоты. За глаза Топоркова шутливо называли "бисово дитя". Даже самые компанейские, разбитные студенты остерегались водить с ним близкое знакомство.

Единственной, кто не сторонился его, а, наоборот, тянулся к нему и откровенно симпатизировал, была однокурсница Нина, будущая его жена. Над этой парой втихаря подтрунивало большинство их курса, склоняя на разные лады Иваново прозвище и попутно вспоминая лихие библейские сюжеты. Не смотря на это, на последнем курсе парочка "бисовых детей" благополучно зарегистрировала брак в столичном загсе и отбыла, согласно распределению, в один из районных центров Гомельщины.

Если бы не внезапные вспышки гнева и капризов, мужнины необъяснимые выходы, Нина могла бы хвалиться примерным супругом. Иван добросовестно работал инженером на гидролизном заводе, не злоупотреблял спиртным, был ласков и внимателен к детям.

Однако когда он ни с того ни с сего мрачнел, уходил в себя, не отвечая ни ей, ни пристававшим с расспросами малышам, жена знала: лучше переждать кризис, тихонько отойти в сторону. А супруг тем временем мог и побуйнить. Разбить пару тарелок на кухне. Выкрикнуть что-то малопонятное. Стучать неистово кулаком в стену. Какая-то злая сила бродила в нем, требуя выхода, и не находила его.

Сам Иван, успокоившись, никак не мог объяснить странность своего поведения. Будто затмение наступает, хотя и ненадолго. Словно в голову ударяет пол-литра водки. Он все прекрасно помнит, но какого черта делает глупости?..

Обычно такие припадки проходили быстро. Визиты же к врачам заканчивались оптимистичным "здоров, надо нервишки успокоить".

Когда же ему на вечерней улице случайно попала на глаза та несчастная девочка, темная каламуть "хозяйничала" в голове до утра.

Иван подошел к девочке с улыбкой, купил ей шоколадку, расспросил про папу, про маму, затем предложил сходить к речке: там, дескать, есть такое интересное местечко с сюрпризом. Уже на полдороге малолетка испугалась, попыталась было убежать, но Топорков деловито выкрутил ей худенькие ручонки, сгреб в широкую ладонь жиденькие косички и буднично пообещал, что убьет, если она еще раз пикнет.

Весь путь вдоль речки к заброшенному шалашу, обнаруженному во время семейных грибных походов, Иван отчетливо сознавал, что ему хочется унижить, подавить, испачкать это безвинное, чистое, беззащитное существо. И черт его знает, с какой такой стати!

Он заволок ее в шалаш и в течение безумной ночи несколько раз зверски насильовал. Только под утро ему стало предельно ясно, что сотворил жуткое и непотребное. Выпихнул из шалаша истерзанное и измученное дитя и велел идти домой. Сам остался на лежбище в какой-то полудреме. Через несколько часов сюда прибыли вооруженные милиционеры. Он покорно подставил руки для наручников...

На суде запомнил только почерневшие от горя лица родителей девочки, брошенную в сердцах фразу ее отца: "Отдайте мне этого подонка, я ему кишки выпущу!", и то, что девочка, которой он и имени-то не знал, помешалась...

...Нина уж и не знала, чем угодить мужу в эти первые дни его свободной жизни. Как водится, накрыла на стол, пригласила соседей, поддерживавших хорошие отношения с Топорковыми и помогавших оставшейся одной с двумя маленькими детьми женщине. Посидели ладком-мирком, подняли пару чарок "за возвращение". Пообсуждали перспективы с работой. Послушали тюремные "байки".

Однако уже на следующий день к вечеру Нина чутко уловила тревожные перемены в настроении супруга: Иван бродил по квартире, сжав зубы и стиснув кулаки, сам не свой. Наконец подался к двери. Вышел. Нина выглянула в окно: Топорков направился к магазину, правда, какой-то неуверенной ленивой походкой.

"Ничего, пусть побудет один. Нелегко ведь ему. Ну, выпьет бутылочку винца, стресс развеет", - подумала про себя.

Топорков действительно купил бутылку недорогого вина. В "комке" около магазина, где отоварился спиртным, стояла целая "шеренга" заморских шоколадок. Пока Иван разглядывал обертки от нечего делать, к витрине, держась за руки, подошли две девочки. Одна постарше, лет четырнадцати, а другая на два года моложе. Они по-детски, шумно и весело восхищались безделушками.

- Эй, золушки-дюймовочки, хотите по шоколадке?

Старшая Ира и младшая Лена недоверчиво посмотрели на улыбчивого взрослого дядьку, присевшего на корточки перед ними. Лена поощряюще толкнула локтем Иру. Та пожала плечами. Иван снова подошел к окошку "комка", купил две шоколадки, вручил их нарядным "барышням".

- Сестрички? - продолжал знакомство.

- А вот и не угадали, - бойко ответила Лена.

- Тогда, значит, подружки, - завоевывал симпатии и авторитет Иван.

- Ага, - согласилась младшая, распаковывая хрустящую фольгу дармового угощения.

- Ну, что, подружки, хотите к речке прогуляться? Там такое славное местечко есть, с сюрпризом, между прочим, вам понравится, это рядом совсем.

- Пошли сходим, интересно ведь, - дернула Лена Иру за рукав.

Втроем чинно прошлись по набережной, присели "на привал" на травку. Леночка, слегка картавя, уже как своему, рассказывала дяде Ване про школу, про нахальных мальчишек, которые таскают их за косички и даже уже ругаются матом, прямо как взрослые. Ира, увлекшись шоколадкой, помалкивала.

Иван огляделся. Кругом ни души. Достал бутылку из кармана.

- Ну-ка, дамочки, давайте по маленькой, а то ваши мальчишки взрослые уже, а вам, что, отставать, что ли?

- Не, мы не будем, - запротестовали подружки, - противно. Да и домой уже пора, темнеет...

Ира бодренько вскочила, но Топорков цепко ухватил ее за руку, выкрутил кисть. Девочка взвизгнула. И тут же, получив удар бутылкой по голове, без звука осела оглушенная на траву.

Лена в шоке таращилась на залитое кровью лицо подружки. Топорков схватил обеих за шиворот и поволок к шалашу.

Тому самому...

Уже основательно стемнело, когда он втащил свою "добычу" в обновленное логово. Лене приказал сесть в уголке и не шевелиться, а сам, сграбастав старшую за липкие от крови и вина косички, стал ублажать похоть. Затем наступил черед младшей...

Кошмар продолжался целую ночь. Только на рассвете, с первыми петухами, насильник, как и в первый раз, отпустил своих невольниц на все четыре стороны. Полежал некоторое время, покурил и побрел сам в город.

Потом скажет следователю: шел "сдаваться".

- Тебе что, подонок, восьми лет мало показалось? - сдали нервы у пожилого майора милиции, руководившего задержанием.

- Черт его знает, - безучастно ответил ему Топорков...

(В. Гусев. Детективная газета, № 20, 1996)

НА СВАЛКЕ ФРАНЦ ЧИТАЛ ВОЛЬТЕРА, ЕЛ СОБАК И, ВОЗМОЖНО, ЛЮДЕЙ

На свалке как-то осенью откопали две трехлитровые банки мяса. Оно было хорошо засолено и припрятано неподалеку от "квартиры" бомжа по кличке Франц. Оперативники Туапсинского угро заподозрили: человечина? К Францу присмотрелись попристальнее.

Среди мусорных куч он поселился два года назад - отсидев "червонец" в тюрьме. В свои 57 выглядел гораздо моложе, обладал недюжинной физической силой и каким-то чудовищным здоровьем. По пьянке Франц хвастался, как однажды в тюрьме он и его товарищи решили "закосить" от работы. Наловили мокриц, измельчили в ступице, ввели "порошок" себе в вены - чтобы искусственно вызвать заболевание проказой. Двое товарищей Франца скончались на месте. А он неделю протемпературил, и "все прошло". После этого Франц "вызывал" свои "болезни" исключительно инъекциями подсолнечного масла.

Оперативники отметили странную закономерность - после "прописки" Франца на свалке оттуда стали пропадать бомжи. Зато в мусорных кучах то и дело всплывали страшные находки - две человеческие головы, женская нога, скелет. По этим фактам было возбуждено 5 уголовных дел. И никаких зацепов!

А Франц, попавший под "колпак", вдруг проболтался на одной из свалочных пьянок: мол, пять лет работал в морге и умею вскрывать трупы. Потом рассказал дружкам, как выпил однажды пол-литра спирта, которым хирург-патологоанатом отмывал после вскрытия инструменты. Потом бросил вслед двум пацанам бомжам вскоре пропавшим:

- Нравятся мне эти детки. Съем сначала старшего.

Франца задержали после очередной ночной разборки: в порыве злости от ударил железным прутком бомжиху и у дамы ампутировали палец. Возбудили уголовное дело, начались допросы, обыски. Тогда-то и обнаружили банки со странным засоленным мясом. С учетом предыдущих находок это очень усилило версию о каннибализме на свалке. Сам ли ел или кормил человечинной собак? У своего лежбища Франц держал целый питомник и на глазах у других бичей мастерски разделявал псов, после чего с удовольствием лакомился собачатиной (один из бомжей признался, что насчитал 58 собак, которыми Франц отобедал).

Кстати (или совсем некстати?), на свалке Франц собрал себе большую библиотеку. Да какую! Книжки по философии, психологии, праву...

- Бичи стали для нас настоящим бичом, - невесело каламбурил начальник уголовного розыска Туапсинского ГОВД Владимир Панкратов. - Когда в России отменили статью за бродяжничество, бомжи ринулись на юг. Они обживают свалки, в их среде совершаются жестокие преступления. У людей, живущих в нечеловеческих условиях, происходят психические сдвиги. И каннибализм - еще не самый страшный этот сдвиг.

...Смотрим документальную видеозапись. Кучи мусора.

Кострища. Бутылки из-под водки. Камера медленно "наезжает" на топор. Голос за кадром: "Кровь!"

Этим топором на туапсинской свалке совершено очередное убийство.

(Г. Бочкарев. Версия-плюс, № 1, 1996)

ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Дважды ограбив летом 1995 года одну и ту же закусочную "Рой Роджерс" на столичной Джорджия-авеню, 46-летний Джимми Кеннеди, конечно, не мог знать, что войдет в историю Вашингтона, как первый преступник, к которому применен закон, известный как "третье преступление - последнее".

Совершив это деяние, Кеннеди, в нарушение воровских традиций, изменил своей "специализации". В полицейских досье он числился высококвалифицированным банковским грабителем.

Следствие неопровержимо установило, что именно он совершил налеты на "Рой Роджерс", а от полиции пытался отбиться с помощью пистолета. Понадобились усилия трех человек, чтобы скрутить его. Сидевшему за рулем в машине сообщнику удалось скрыться.

Уже в тюрьме Джимми узнал, что вступил в действие принятый конгрессом и подписанный президентом закон, согласно которому лицо, трижды совершившее тяжкое преступление, может быть приговорено в федеральном суде к пожизненному заключению. В его случае обвинение впервые в истории американской юриспруденции потребовало, чтобы к нему никогда не было применено право на досрочное помилование.

Выступавший обвинителем федеральный прокурор Стивен Рэпп сказал: "Этот закон является составной частью усилий по избавлению общества от наиболее закоренелых преступников навсегда. Если мы сумеем сфокусировать действия на изоляции подобных субъектов на долгое время, то количество тяжких преступлений пойдет на убыль". Вашингтонский юрист Джозеф ди Дженнева, сам до недавнего времени федеральный прокурор, согласен с этим мнением: "Прокурорские работники рады иметь в своих руках такое действенное оружие. Оно, несомненно, будет очень эффективным в борьбе против уличной преступности".

В американском судопроизводстве присяжные заседатели в федеральных судах определяют только виновность или невиновность подсудимого, а меру наказания назначает судья. Присяжные уже сказали свое слово в деле Джимми Кеннеди, и нет сомнения, что судья даст ему пожизненный срок.

А всего по стране под суд по новому закону отданы 24 правонарушителя, имевших по две судимости. Случайное ли это совпадение или уже сказывается действие юридического "дамоклова меча", но, согласно только что опубликованной статистике ФБР, число тяжких преступлений на конец года по сравнению с тем же периодом прошлого года снизилось на один процент - впервые за четверть века.

(КОД, № 10, 1996)

ПОЛНЫЙ "КАВАЛЕР" КРАСНОГО КРЕСТА

Двадцатого октября 1995 года Семен Долба, осужденный ранее за изнасилование и грабеж, оказался на свободе. Случилось это серым днем, тусклым и безнадежным.

Жизнь за эти годы сильно изменилась, но в голове уголовника она отложила только золотым мусором, блестящей дребеденью и прочим хламом. Наверное потому, что за 10 лет тюремного заключения Семен не высидел ни одной здоровой мысли, и теперь в его черепной коробке размножились звериная

алчность и похоть.

Никто, впрочем, не ждал от насильника покаяния. Даже сестра, питавшая кое-какие надежды, увидев брата, больше не сомневалась. Предчувствие беды опустилось на ее голову, как пепел.

Переночевав первую ночь в Минске у сестры, Долба надолго исчез. Первое время он бродил по вокзалам и паркам, высматривая возможную жертву, вечером подглядывал в окна больниц и школ, словно спрут, выискивая одиноких женщин, карауля в темных и безлюдных местах. А когда сгущались сумерки, он прятался в телефонных будках, прислушиваясь к звуку шагов и дожидаясь своего часа. Для смелости пил водку. Пил, пока хватало денег, а как только деньги закончились, насильник решил действовать.

Осенним вечером, около восьми часов, болтаясь по Ульяновской улице, Долба приплелся к общественному туалету. Остановился, прислушался. Улица была черна, как грех. Ни души. Из женского отделения донеслись голоса. Крадучись, стараясь не шуметь, Долба отворил дверь. Перед выходом стояли и в недоумении смотрели на мужчину две девушки, готовые рассмеяться - мало ли какой олух дверь перепутал! Однако уголовник не смутился: в темноте сверкнуло лезвие ножа.

- В кабину! - велел Долба, ткнув для убедительности рукояткой в живот ту, что была поближе.

Девушка в испуге отпрянула назад. Свет упал на лицо преступника. Распухлый от алкоголя Долба был ужасен.

- В кабину! - взревел насильник и с силой оттолкнул девчат, устремившихся к выходу.

С упорством носорога уголовник затолкал Таню и Лену - так звали подруг - в среднюю кабину и захлопнул за собой дверцу.

- Деньги! Деньги! Ну...

Обшарив у девчат карманы и ничего не обнаружив, Долба снял с пальца Лены золотое кольцо, добавил для веса серьги и наручные часы. Напуганная угрозами Таня сама протянула свои часы грабителю.

Рассовав награбленное по карманам, Долба ослабил и снова угрожающе приблизил нож.

- На колени, - сдавленно процедил он, расстегивая ширинку штанов. Лена заплакала. Сквозь слезы сказала, что больна и скоро ляжет в больницу. Долба медлил.

- Ну ладно, - с досадой произнес насильник, - снимай кожу...

Когда куртка оказалась в его руках, приказал девушкам ждать ровно пять минут, а сам выбежал из туалета, прыгнул в троллейбус и уехал в сторону проспекта Скорины.

Около кинотеатра "Октябрь" алчущий грабитель познакомился с какой-то путаной, чей труд с лихвой оплатил бутылкой водки и награбленным добром.

Неделю Долба скрывался. Как гусеница, вел противную форму существования. Но деньги закончились, и червь снова выполз наружу.

Утро двадцатого октября выдалось пасмурным, словно небо страдало изжогой от одного вида мерзавца. Без дела шляясь возле рынка, преступник, уже в хорошем подпитии, заметил проем в ограждении городской клинической больницы. Без всякой цели Долба пролез сквозь ограду и, не думая зачем, вошел в главное здание. Прошелся по коридору, заглянул в гардероб. В этот ранний час посетителей еще не было - гардероб был пуст. Помялся еще некоторое время и направился в конец коридора. Словно в слепой кишке, здесь было темно и сыро.

В противоположном конце из лаборантской выглянула женщина, ассистент

кафедры Татьяна Радионова. Не обратив никакого внимания на незнакомца в черной ветровке, она побежала по своим делам. Возвращаясь, Радионова едва не столкнулась с ним. Долба был уже у лаборантской.

"Пациент", - подумала женщина и вошла, оставив дверь открытой. Долба выдержал паузу и, когда его сомнения вместе с совестью окончательно выветрились, вошел.

Захлопнул дверь и повернулся к женщине лицом. Увидев в руке незнакомца нож, Татьяна страшно испугалась и закричала.

- Тихо, дура! - испугался сам Долба. - Будешь кричать, кишки выпущу! Где деньги?

Татьяна дрожащими руками достала из сумочки 350 000 рублей и 10 долларов.

- Все? - недоверчиво спросил грабитель.

Татьяна кивнула. Заметив обручальное кольцо, насильник схватил ее за руку.

- А это что?

Татьяна сняла с пальца кольцо и отдала Дол ба. Тот ощупал карманы женщины; она не сопротивлялась. Татьяна надеялась, что весь этот ужас закончится только грабежом, но покорность женщины наоборот возбуждала уголовника. В глазах похотливого самца появился тусклый отблеск цвета марганцовки.

- Снимай штаны, - приказал насильник.

Бедная женщина упала на колени. Просила. Плакала. Умоляла. Но подлец толкнул ее в центр комнаты:

- Мне нечего терять; будешь упираться - убью!

Долба сорвал с женщины брюки, носки, колготки и бросил все рядом со стулом. Затем наваливался всем телом, стал целовать в губы. Таня закрыла лицо руками.

Мерзавец долго измывался над жертвой, пока в коридоре не послышались голоса. Испугавшись, злодей от-

пустил женщину, забрал со стола кольцо и деньги. Взял женскую сумочку и вытряхнул содержимое на стол. Открыл паспорт, полистал, спросил, где живет.

- Если хочешь, можем когда-нибудь встретиться, - загоготал Долба.

Затем подошел к двери, загнал кусок спички в замок и закрыл дверь с обратной стороны.

Через два дня Долба снова объявился. На этот раз в больницу он пошел не случайно: больничная обстановка содействовала замыслу подлеца. Он незаметно проник в пульмонологическое отделение, расположенное на четвертом этаже, но тут его остановила дежурная медсестра Инна Ковалева. Она просила непрошенного гостя удалиться.

Долба двинулся было к выходу, но заметил, что дежурная повернулась и зашла в кабинет с табличкой: "Пост медсестры".

Инна стояла спиной к двери, как вдруг услышала, что кто-то зашел. Почувствовав сзади сивушное дыхание, она обернулась. Долба уже вытащил нож.

- Что это значит? Я буду кричать! - возразила медсестра.

- Не будешь... Мне нужны только деньги... Быстро! Деньги! Он подошел вплотную к Ковалевой и приставил нож к животу.

Инна закричала. Долба злобно швырнул ее на пол, после приблизил колючие глаза и зашипел: сейчас сорву твои серьги с ушами.

Напуганная женщина отдала золотые серьги, золотое кольцо и цепочку. Насильник раскашлялся и, гулко отхаркнув, приспустил брюки.

- Ты же говорил! - женщина в ужасе смотрела на незнакомца.

- Дура! - рассмеялся Долба.

Одной рукой он держал нож, приставив его к горлу Инны, а другой схватил ее за волосы. Надругавшись над женщиной, насильник присел и начал срывать с жертвы платье. Инна плакала, просила не насиловать ее, но подонок угрожал ножом. Боясь угроз и желая хоть как-то оттянуть время, медсестра предложила пойти на диван. Здесь стояли две сумки девушек, которые проходили практику в больнице. Долба, не отпуская жертву, обыскал сумки, но денег не нашел. Затем вернулся к своим скотским занятиям, бросив несчастную на колени.

В дверь постучали. Долба остановился и поволок женщину к двери. Стучала старшая сестра, но, не дождавшись ответа, ушла. В это мгновение рука Инны легла на замок, ей удалось открыть дверь и вырваться в коридор.

- Стоять! - заорал Долба, но было уже поздно: в коридор на крики о помощи выбежали больные.

Он бросился к запасному выходу, размахивая ножом и расталкивая людей.

Насильнику удалось скрыться. Он сел в трамвай и уехал в сторону велозавода, где, продав золото, напился.

Тем временем в прокуратурах города Минска лежало несколько заявлений от пострадавших, а в больницах распространился слух о маньяке, насилующем работниц красного креста. Вскоре слух превратился в миф, и, наконец, на комаровском рынке появился герой мифа. По иронии судьбы Долба оказался в одной очереди со своей жертвой. На этот раз уйти ему не удалось.

(Дм. Гленный, А. Брецкий. КОД, №11, 1996)

В ДУРАКАХ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ

Сколько при благоприятном стечении обстоятельств может взять в долг человек? Миллион рублей? Десять? А может и все сто? Мы расскажем вам историю о том, как одна дама, Людмила Александровна Лавринович, она же Валенда, за несколько месяцев 1993 года "нашибала" с доверчивых клиентов около... 122 тысяч долларов США.

С прямой дорожки свернула Людмила давно. Еще в далеких 70-х, когда мошеннице было всего 20 лет, появилась у нее первая судимость за хищение. Правда, тогда симпатичной девушке наказание было вынесено чисто символическое - в виде исправительных работ. Увы, они своего предназначения не выполнили, и совсем скоро Людмилу вновь привлекли к ответственности за целый ворох краж и мошенничеств. Теперь предприимчивая дама три года просидела за решеткой. Другая бы на ее месте, выйдя на свободу, завязала бы с незаконной деятельностью, но Людмила Александровна была не из таких. Бойкий характер вновь и вновь подталкивал ее к преступлениям.

Возмужав и поднабравшись криминального опыта, наша героиня решила не возиться с банальными, кражами и случайными надувательствами. Время, отпущенное на раздумье в тюрьме, способствовало новым идеям. Одной из них был поиск надежной "крыши", под которой, не боясь, можно проворачивать крупные аферы, поставив дело на солидную основу.

Вот и устроилась молодая и небезынтересная собой дама на минский тонкосуконный комбинат в качестве секретаря генерального директора. Через некоторое время ей удалось завоевать доверие шефа, а через него и работников бухгалтерии. Так в ее сумочке появились фальшивые поручительства на получение крупных сумм с оттиском настоящей гербовой печати предприятия. Кроме того, с учетом выгодного служебного положения Людмила получила

возможность брать ссуды в фирме "МБЦ-Сервис" под поручительство такого солидного гаранта, как тонкосуконный комбинат. Пользуясь наивностью должностных лиц комбината, шлепавших гербовую печать предприятия с легкостью почтового штампа и доверчиво ставивших свои подписи даже на незаполненные бланки, Людмила Александровна за четыре месяца 1993 года более десятка раз получала ссуды в указанной фирме. При этом, дабы не утруждать лишней раз начальство, в некоторых случаях мошенница подписывала договоры сама, скрепляя подпись всего лишь печатью канцелярии. Но никто не обращал внимания на подобные мелочи. Деньги сыпались на аферистку как из рога изобилия. По последней такой бумажке она получила сразу 11 миллионов 770 тысяч "зайцев", которые на сегодняшний день оцениваются в 48 миллионов с учетом инфляции и процентов за пользование.

Впрочем, это всего лишь штрих к портрету талантливой мошенницы. Основным способом добывания денег на хлеб насущный служила не подделка бумаг, а... прекрасные глаза Людмилы. Нет, нет. Не подумайте чего-нибудь предосудительного - личное обаяние использовалось весьма пристойно. Зарекомендовав себя как женщину в высшей степени порядочную и обязательную, наша героиня завела самый широкий круг знакомых и, заметим от себя, весьма состоятельных людей. Очаровывая целые семейства, Людмила невзначай сообщала, что дама она серьезная, а потому и бизнес ее весьма непрост, а именно - крупные поставки и реализация импортной радиоаппаратуры, одежды и обуви. Вот и сейчас стоит на польской границе огромная партия товара, прибыль ожидается колоссальная. Жаль только, налички чуть-чуть не хватает. Придется искать, пусть и за очень большие проценты...

Стоит ли говорить, что после таких монологов знакомые в надежде обогатиться сами просили принять от них деньги на блюдечке с голубой каемочкой.

Суммы сперва были небольшие. Так, долларов 30 - 40. Но видя, с какой скоростью накручиваются проценты, которые Людмила на первых порах выплачивала, люди с радостью стали отдавать суммы куда большие.

Некто Ромашин, работник облапошенной Валендой фирмы "МБЦ-Сервис", в марте 1993 года сделал первый взнос в 200 "баксов". Через месяц выдал уже 2800. Постоянно названивая "клиенту", Людмила сообщала, сколько "зеленых" привалило ему "на халяву", и бедняга совсем размяк. К августу он продал свою автомашину и все вырученные за нее 3500 долларов, не дожидаясь возврата прежнего долга, отдал мошеннице. К октябрю млеющему от счастья Ромашину было сообщено, что сумма долга возросла до 18 тысяч "баксов". Было от чего закружиться голове. И кредитор на радостях дает объявление в газету о покупке квартиры, да не где-нибудь, а в самом центре Минска, на проспекте Скорины. А заодно передает пройдохе новую тысячу "зеленых". Мечты, мечты...

Параллельно с Ромашиным Людмила "раскалывала" на доллары-марочки и других состоятельных простаков. При этом она не уставала сообщать о все новых и новых фурах, трюмах, контейнерах, только что поступивших из США, Канады или Италии.

Головы теряли все. И это при том, что оснований сомневаться в успехе дела было более чем достаточно. Но даже после нескольких нечестных поступков со стороны Людмилы богатенькая клиентура продолжала исправно нести свои денежки.

Так, потерпевший Л. Малеев передал в сентябре сразу 5 тысяч долларов. Правда, всего на один месяц. Когда срок подошел к концу, "клиент" заволновался - Людмила кормила его одними обещаниями. Настойчивый кредитор, не один день надоедая "благодетельнице" и буквально взяв ее в осаду, вырвал

половину суммы... Для того, чтобы в октябре вручить уже 1600 "баксов" под во-о-от такие проценты!

И он был не один. За заведомо сомнительный для любого здравомыслящего человека процент потерпевшая Т. Венцковская передала в долг аферистке 10 600 "зеленых", Н. Потапович - 17 000, Л. Сандлер - 18 300, Н. Румянцев - 32 000, М. Колосовский - 20 000...

С последним "клиентом" случился небольшой конфуз. Если остальным "друзьям" Людмила кое-что все-таки выплачивала, то Колосовского она просто вульгарно надула. Сообщив, что все деньги хранятся в сейфе какой-то фирмы рядом со стадионом "Динамо", заставила его несколько часов просидеть в ожидании долга. Когда же, потеряв терпение, кредитор заглянул на фирму сам, он с удивлением узнал, что имя Людмилы там слышали впервые. Можно представить себе разочарование Колосовского - ведь в свое время этот бизнесмен нежно назвал свою фирму "Валлюд". Разумеется, в честь мошенницы, Валенды Людмилы...

Но не один он был обманут в лучших чувствах: многие "клиенты" Людмилы считались ее лучшими друзьями. Тем большим было их недоумение, когда та внезапно исчезла из поля зрения вместе с деньгами.

На дно Людмила "ложилась" со знанием дела: скоропалительно выйдя замуж, она сменила фамилию и переехала к мужу. Однако долгая совместная жизнь не входила в планы мошенницы: через несколько месяцев она разводится и... вновь выходит замуж, снова со сменой фамилии. Новая супружеская пара обосновалась в городе Ачинске, Красноярского края, где, по утверждению Людмилы, и собиралась отрабатывать долги.

Как бы ни ругали нашу милицию, а Людмилу она "вычислила" даже за кордоном, благополучно доставив на суд в родной Минск, где мошенницу уже ждали кредиторы.

А потом состоялся судебный процесс. Видавшие виды судьи только диву давались, как потерпевшие и подсудимая уточняли между собой сумму долга, деловито уступая друг другу тысячу-другую и препираясь по мелочам, словно не понимая, что денег не видать, как

своих ушей. Вот уж действительно: у одних суп редок, а у других - жемчуг.

Финал этой истории таков. По приговору суда Центрального района города Минска Людмила Лавринович осуждена к 7 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

(В. Шихмарев. КОД, № 6, 1996)

ЖУТКИЙ АВТОГРАФ БАНДЫ

Знаменитая некогда банда "Черная кошка" оставляла на месте преступления кошачий абрис. "Автограф" бандитов, обезвреженных в Казани, был куда страшнее: разрезанное до позвончика горло жертвы...

"Повязали" банду, можно сказать, случайно. В дежурную часть Бауманского РОВД позвонил мужчина и взволнованно изложил в трубку сюжет весьма крутого преступления. Его вместе с братом, директором малого торгово-среднего предприятия, схватили неизвестные лица кавказской национальности, увезли в частный дом в поселке "Дружба" и потребовали выкуп в 30 миллионов рублей. Над ними издевались, их били, резали ножами, совали в рот стволы пистолетов... Для острстки во дворе выкопали яму - в этой братской могиле

собирались их похоронить, если они не выполнят требования. Одного брата отпустили на волю с условием, что он принесет деньги - для начала половину назначенной суммы. Тот сразу побежал звонить в милицию...

Обсудив ситуацию, оперативники решили действовать быстро и решительно, даже не дожидаясь подкрепления. И это им удалось. Ворвавшись в дом на окраине города, они приказали всем лечь - на всякий случай. Рэкетеры подчинились, хотя силы были явно не равны - на полу оказалось аж двадцать человек! При обыске у них изъяли несколько пистолетов, патроны, ножи, маски, наркотики, поддельные паспорта... В доме нашли немало награбленного добра.

Банда состояла исключительно из азербайджанцев в возрасте от 24 до 36 лет. В ходе расследования выяснилось, что в ее "черном списке" - около двух десятков жертв, которых они убили у себя на родине, в России, на Украине... На всех трупах страшная отметина - перерезанное горло. Исключения не делали даже для малолетних детей.

В Нижнем Новгороде бандиты захватили в квартире целую семью: родителей и троих ребят. Главу семейства сначала пытала раскаленным утюгом, "выжимая" из него признание, где лежат ценности. Потом его беременную жену и одного ребенка зарезали "фирменным" способом. После чего, нагрузив машину вещами, связали двух детей и подожгли дом... В том же городе они совершили еще несколько преступлений, убили четверых. Затем "нырнули" в Казань, надеясь здесь "отлежаться". Однако и тут не смогли удержаться от соблазна взять чужие миллионы...

(Версия, № 2, 1995)

КАЗНЬ ПАЛАЧЕЙ

Китайская общественность содрогнулась от подробностей страшных деяний суеверного семейного дуэта, прозвучавших на судебном процессе в южнокитайской провинции Гуандун. Действуя "по велению свыше" во имя спасения от якобы неминуемых бед, крестьянка Ду Жунцун и ее великовозрастный сын запаслись таким количеством крысиного яда, какого достаточно для отправки на тот свет населения не только уезда, но и всей провинции.

Свой дьявольский план "защиты от злых духов" изуверы начали осуществлять в июне 1995 года с отравления рыбы в местных прудах. Затем они принялись за кур и свиней, более трех тысяч которых сдохли в страшных муках. Еще через пару месяцев объявились первые случаи отравления людей, отведавших мяса пораженных животных. К ноябрю число пострадавших вплотную приблизилось к двумстам. В городке Гаояо, где шаманствовала пара изуверов, воцарился ужас - люди боялись употреблять в пищу любые пищевые продукты местного изготовления.

Цепь загадочных отравлений настолько обеспокоила власти, что из столицы в южный городок командировали группу высококлассных эпидемиологов. И вот китайские СМИ сообщили о казни суеверных безумцев, повинных в гибели 18 и тяжелых отравлениях 163 своих земляков.

Родственники жертв трагедии предлагали предать осужденных мучительной казни через такое же отравление крысиным ядом, какое изуверы учинили в отношении своих земляков. Преступникам, однако, "повезло" - их расстреляли.

(Версия, № 2, 1996)

ЛОВКОСТЬ УМА И РУК

Все случаи были похожи друг на друга как две капли: мужчина и женщина, по всей видимости супружеская пара, приобретали по чековой книжке дорогие товары. Лишь через некоторое время, когда покупатели исчезали, продавцы хватались за голову: чеки были поддельными. Несмотря на то, что однажды книжка и липовый документ на предъявителя, которым пользовался мужчина, попали в руки милиции, супруги продолжали оставаться безнаказанными. Оказалось, что в реальности человека с данными, указанными в документе, в республике нет.

Было очевидно - во всех случаях действовали неглупые, с большим криминальным талантом и размахом люди, возможно даже хорошо организованная и экипированная по последнему слову техники преступная группа.

Все уголовные дела объединили в одно производство и передали в Центральный РОВД г. Минск. Немало времени было потрачено, прежде чем удалось выйти на след преступников. И вот однажды... В фирменном минском магазине "Панорама" появилась молодая пара. В том, что за покупками они пришли с чековой книжкой, не было ничего необыкновенного. Настораживало другое - покупатели приобретали буквально все, что попадалось им на глаза. За короткий срок магазин "наторговал" почти на 39 миллионов рублей. На всякий случай одна из продавщиц решила подстраховаться и позвонила в банк, который, судя по сделанной в чековой книжке записи, несколько часов назад принял от клиентов 41 миллион рублей. Как сообщили банковские работники, указанный в документе день был в банке выходным и никакие операции по вкладам не производились.

Благодаря своевременно поднятой тревоге мужчина был задержан. Его спутнице скрыться удалось. Однако показаний и одного мошенника хватило следствию, чтобы ответить на многие вопросы.

Выяснилось, что под фамилиями Макаренко и Матусевич, указанными в "липовых" документах, длительное время действовали супруги Александр Ключников и Татьяна Зайцева, жители города Слуцка, Минской области. Как заработать большие деньги, им подсказал некий Бинкин, успевший к моменту ареста супругов выехать за пределы республики.

Бинкин раздобыл удостоверение прапорщика, вклеил туда фотографию Ключникова и заполнил на чужую фамилию. Безукоризненно подделанные печати довершили дело: ни у кого из тех, кто видел документ, не возникало сомнений в его подлинности.

С этим удостоверением новорожденный Макаренко - такая фамилия была вписана Бинкиным - обратился в филиал № 13 АКБ "Беларусбанк" города Минска, где ему за весьма символическую сумму завели чековую книжку. Естественно, она была необходима Ключникову не для расчета в магазинах. Пользуясь образцом, его жена внесла запись о денежном пополнении счета. Ключников "нарисовал" оттиски печатей самодельным клише. Теперь мошенникам предстояла самая ответственная часть операции - получить по поддельным документам товар.

Впервые Ключников-Макаренко предъявил книжку в конце 1994 года в минском ГУМе. Тогда он скромно "отоварился" на 200 тысяч рублей. Вдохновленный удачей, в тот же день "нагрел" магазин "Хозяйственные мелочи" на четыре миллиона. Чековая книжка и удостоверение работали безотказно. Ничего подозрительного не заметили и продавцы магазина "Хозяин и хозяйка". Они пострадали больше - на 9 миллионов. На следующий день Александр зашел в

магазин ПКФ "АМКОР", где набрал товара на 2 миллиона, "отметился" в ГУМе, на полтора миллиона принес несчастья салону-магазину № 5 "Счастье".

Через день вошедший во вкус мошенник расправился с магазином "Вопратка", всучив продавцам сразу три чека на пять с половиной миллионов, и снова зашел в "Хозяйственные мелочи", где приобрел "мелочей" на четыре миллиона.

Казалось бы, куда больше? Но вкус легкой наживы притупил инстинкт самосохранения. В тот же день по поддельному удостоверению Ключников приобрел новую чековую книжку, которую, как и раньше, "пополнил" вместе со своей супругой до 15 миллионов рублей.

И сразу же - по магазинам! В несколько приемов Александр "растранижил" около шести миллионов рублей в "Товарах для молодежи" и "Торговом центре на Немиге". Все прошло без сучка и задоринки. А вот в магазине "Техника в быту" мошенника ждало разочарование: продавцы обнаружили подделку. На этот раз Александру удалось скрыться. Семейство затаилось. Но ненадолго. Уже через несколько месяцев вновь решили действовать. Александру ходить по магазинам было опасно, и на "дело" отправилась Татьяна. По всем правилам конспирации женщину облачили в форму, сфотографировали, вклеили снимок в военный билет, пополнив армию еще одной "мертвой душой".

13 февраля 1995 года филиал № 13 "Беларусбанка" выдал чековую книжку на имя Татьяны Константиновны Матусевич. Сумма была небольшой, но уже через несколько дней она мистическим образом выросла до 2336 тысяч рублей. И снова процесс пошел... Причем с расширением географии преступных действий.

17 февраля в магазине "Кал! ласка" ПКФ "Маяк" г. Со-лигорска без всякой "пристрелки" Зайцева приобрела товара на 9 миллионов рублей. Там же в магазине МП "Орион-люкс" она заполучила барахлишка на 5,7 миллиона рублей. Вернувшись в Минск, Татьяна 19 февраля унесла из ЦУМа и "Панорамы" имущества на 8 с лишним миллионов рублей.

В списках "купленного" - часы и швейные машины, светильники и печи СВЧ, тостеры, пылесосы, кухонные комбайны, наборы посуды... А также - сумки, сорочки, носки, носовые платки. Есть даже оптический прицел с биноклем. Всего этого хватило бы на многие годы и мошенникам и их детям. Но для полного счастья нужно было еще. Увы...

20 февраля 1995 года прямо возле магазина "Панорама" супруги внесли в чековую книжку новую запись. На этот раз - почти на 41 миллион рублей. Как мы уже рассказывали, в тот день Александра задержали на месте.

При аресте Ключников выразил готовность выложить за свою свободу любую сумму. В его финансовых возможностях не сомневались. И все же поместили в следственный изолятор. Татьяну пожалели - на руках у нее оставались двое маленьких детей - и отпустили под подписку о невыезде, поверив клятвенным обещаниям явиться в суд. Как оказалось зря, Зайцева исчезла в неизвестном направлении. Ей есть чего бояться: на супружеском "криминальном счете" - более ста миллионов рублей.

По приговору суда Центрального района Александр Ключников подвергнут наказанию в виде 7 лет лишения свободы с отбыванием наказания в ИТК усиленного режима.

Уголовное дело в отношении Татьяны Зайцевой выделено в отдельное производство и приостановлено до ее задержания. В связи с этим имя мошенницы изменено.

ЗЛОДЕИ В ФОРМЕ ПОЛИЦИИ

В итальянской области Эмилия-Романья была арестована банда убийц "Уно Бьянка" ("Белый фиат"), в течение нескольких лет терроризировавшая население. Членами ее оказались полицейские, и в Красной Болонье, главной цели терроризма 70-х годов, пытаются понять, кому все это было нужно...

С недавних пор работать полицейским в Болонье стало совершенно невыносимо. Как ураган, дело "Белого фиата" обрушилось на местную префектуру. Стражи порядка столицы Эмилии-Романьи с населением 330 тысяч человек с трудом решаются появляться на улицах. Их обзывают мерзавцами и подонками. Им угрожают, и, по словам бригадира Антонио, какой-то мальчик даже плюнул ему в лицо. А Маурицио рассказывал, что недавно пришел в банк, клиентом которого является уже 13 лет. Там впервые за все время кассир потребовал у него документы.

В самой префектуре сейчас плачут и бьются головой о стенку. И рвут на себе волосы. И краснеют от стыда. Потому что в ноябре 1994 года были арестованы пятеро полицейских - безжалостные убийцы. Они почти сразу признались в совершении в общей сложности 890 преступлений, в том числе 25 убийств. Дрожь ужаса прошла по всей Италии...

Дело еще в том, что убийцам из "Белого фиата" - на нем они обычно прибывали на место преступления - прекрасно удавалось вести двойную жизнь. Днем они боролись с нарушителями, а ночью превращались в настоящий эскадрон смерти. Их жертвами были приезжие и случайные прохожие. Добыча им досталась довольно скромная: полтора миллиона долларов за семь лет, но человеческих жизней они отобрали при этом достаточно. Этих необычных полицейских возбуждало безнаказанное насилие и возможность внушать ужас. По мнению криминолога Массимо Павари-ни, в силах охраны порядка граница между законным и незаконным зачастую становится весьма расплывчатой. Есть люди, которые долго вращались среди преступников и владея оружием, сами превращаются в убийц.

Так вот, братья Сави и трое их сообщников работали в патруле номер четыре, который должен был моментально прибывать на место по срочному вызову. В качестве помощника они привлекли также третьего брата, водителя грузовика.

Разоблачить эту банду было практически невозможно.

Кто мог представить себе, что эти стражи порядка на самом деле хладнокровные убийцы? И что в своих домах они прячут целые арсеналы оружия: пулеметы, автоматы, пистолеты разных марок и боеприпасы. Любовница старшего брата Сави рассказывала, что он заставлял ее ласкать оружие - это его очень возбуждало. Под кроватью у него всегда лежал автомат. А когда он возвращался после очередного набега, глаза у него возбужденно блестели...

Фабио был самым жестоким из банды. Он бил жену и угрожал убить. Несчастная женщина говорит, что он всегда выбирал в качестве жертв людей слабых, безоружных.

Роберто раньше служил во французском Иностранном легионе и именно с тех пор так полюбил оружие. При каждом убийстве он смеялся, как безумный. Третий брат, Альберто, был просто статистом в этой адской группе.

Все ее члены были яркими расистами. По словам жены Фабио Марии Грации, одной из самых ценных свидетельниц обвинения по делу об убийстве трех карабинеров в январе 1991 года, одним из тестов для вступающих в группу было убийство негра.

Братьев Сави взяли на месте преступления, и показания жен потом уже сыграли свою роль. Но честь поимки принадлежит не их коллегам. Этим делом занимался присланный из Министерства внутренних дел один из самых известных в Италии специалистов Антонио Манганелли. Ему пришлось "брать" в Сицилии самых знаменитых мафиози, и его в общем-то не слишком удивляет то, что произошло в Болонье. Он считает, что профессионализм преступников, тот факт, что после них не оставалось никаких следов, свидетелей, даже патронов, должен был вызвать определенные подозрения квестуры (префектуры полиции). Тем более, что постоянно употреблялись патроны 22 калибра, которые применяет полиция. Но мало кому могла прийти в голову такая абсурдная гипотеза...

Однако мэр Болоньи Уолтер Витали придерживался другого мнения. Он напоминает, что в течение ряда лет его служба постоянно направляла отчеты в организации охраны порядка. Еще в 1990 году мэрия утверждает, что в городе действует настоящая вооруженная банда, которая сеет ужас. По мнению Партии демократического социализма - ПДС (бывшая компартия), стоящей во главе мэрии, город давно был главной целью секретных служб и заговорщиков всех мастей. Особенно это было заметно в 70-е годы. В 1974 году именно на его территории был взорван экспресс "Ита-ликус", а в 1980 - железнодорожный вокзал (погибло 85 человек). В мэрии считают, что политика "нагнетания напряжения" продолжается и сегодня, только другими средствами. Ее задача - дестабилизация левого руководства области, слишком демократичного, слишком хорошо ведущего дела и слишком независимого...

Следователь Антонио Манганелли, по очереди допрашивавший полицейских, свидетелей и посторонних граждан, решил разобраться в психологии и истории семьи братьев Сави.

У злодеев из "Белого фиата" оригинальный папаша. Джулиано Сави известен своими профашистскими взглядами и является активным членом неофашистской партии Джанфранко Фини. Он проповедует культ насилия и расизма. Полиция конфисковала 20 принадлежащих ему ружей. Папочка сказал только, что раньше ходил с ними на охоту, а сегодня стреляет по кошкам.

Может быть, именно в идеях Джулиано Сави, в проповедуемом им превосходстве белого человека и кроется разгадка тайны кровавых устремлений его сыновей.

(По материалам французской прессы - КОД, № 10, 1996)

ЕЩЕ ОДИН МАНЬЯК

В мюнхенском суде слушается дело Хорста Давида, возможно, самого опасного в истории криминалистики убийцы женщин. 56-летний маляр признался в семи преступлениях - убийствах двух проституток и пяти пенсионерок. Но в обвинительном заключении утверждается, что на его совести еще 57 жертв. Среди них и несколько пенсионерок, квартиры которых ремонтировал этот вурдалак.

БОЛЬШЕ КАСЬЯН НЕ МОРДУЕТ ЦЫГАН

Ранним утром в одну из медчастей Омска "скорая" привезла смуглого мужчину с раскроенной головой, двусторонним переломом челюсти и отбитыми почками. Прибывшим из райотдела сыщикам с трудом - пациент еще не отошел от

болевого шока - удалось выяснить предысторию.

...За несколько часов до кошмарной развязки в окно частного дома, где жил Виктор Юрченко, постучал незнакомец в милицейской форме. По природе самой цыганской жизни, полной регулярных стычек со стражами порядка, хозяин давно привык к неожиданным визитам милиции и безропотно впустил офицера и двух штатских на порог.

- Майор Авдеев, - представился милиционер, и тут же поинтересовался, нет ли дома посторонних. Ответить Юрченко не успел: ударом дубинки его сбили на пол, повалили и принялись пинать ногами. В спальне закричала жена, туда ринулся один из налетчиков.

Пришел в себя, - рядом сидела заплаканная жена. Ее тоже били нещадно и кололи ножом, порезали плечо. Из дома вынесли вещей на полмиллиона рублей. По тем временам - начало 90-х годов - деньги немалые. Приметы бандитов потерпевшие запомнили плохо: майорские погоны у одного, черная кожанка и ондатровая шапка у другого.

Омский уголовный розыск стал анализировать хронику происшествий и натолкнулся на аналогичный случай. За два месяца до нападения на семью Юрченко нечто похожее произошло на Северной улице. Хозяйка вернулась с ночной смены около десяти утра. Через несколько минут под окнами остановилась "Волга", в которой сидели трое (один из них - в серой униформе). Визит внезапных "гостей" протекал в духе дурного детектива. Женщине приставили нож к груди и пообещали "вспороть живот", если не отдаст деньги и ценности добровольно. Высыпанные из шкатулки золотые побрякушки преступников не удовлетворили - денег не было.

Пыточный инструментарий грабителей оригинальностью не отличался: несчастную душили шарфом, с точностью профессиональных экзекуторов находили болевые точки, страшали раскаленным утюгом. В живых оставили, но забрали одежду, обувь, посуду, парфюмерию и даже продукты (в магазинах тогда было пусто).

Лишь через полтора года сыщики выяснят, что налет на дом по Северной улице стал дебютом только-только созданной шайки "разгонщиков" (так профессионалы называют преступников, работающих под сотрудников милиции). В банде почти не было новичков, - костяк составляли матерые рецидивисты под предводительством 38-летнего Анатолия Касьянова, уголовного "авторитета" по кличке Касьян, нахватавшего за последние годы шесть судимостей.

Фигура пресловутого "майора Авдеева" тоже недолго оставалась загадкой. Милицейский мундир перед выходом на дело обычно надевал 26-летний Юрий Кустиков по прозвищу Афганец, числившийся главным инженером ТОО "Таран", созданного, по выводам следствия, исключительно как ширма для бандитствующих "предпринимателей". Форму он позаимствовал у шефа, директора той же фирмы Владимира Божко, выпускника Омской школы милиции. За время своей работы оперативником в колонии строго режима, а затем участковым в Первомайском РОВД города тот, говорят, был на хорошем счету и ушел из органов не без сожалений начальства. Кто мог подумать, что "гражданин начальник" быстро скорешится с бывшими подопечными из областной зоны, получит от них помпезную кличку Босс и начнет "таранить" чужие квартиры!

Тактика банды, по задумке участников, была надежна и скорого "рандеву" с правосудием не сулила. Клиентов выбирали, как правило, из числа оседлых цыган, у которых водились лихие деньжата. Причем, по оперативным данным, бандиты нередко пользовались услугами своих будущих жертв - продавали краденое, покупали "травку". Ясно, что заявлять на разбой люди, сами не отличавшиеся безупречным поведением, вряд ли решатся.

Во времена бандитских вылазок не выдерживало критики и понятие о так называемом "воровском братстве", которое лелеют идеологи преступного мира и вроде бы почитал сам "авторитет" Касьян. Никакие "понятия" не помешали ему навести свору на квартиру Меняйлова. Когда-то они вместе тянули срок в одной зоне, поддерживали приятельские отношения 20 лет. К "братку" завалились втроем. Пока вожак отсиживался в "Волге", хозяина квартиры едва не задушили удавкой. В доме еле-еле наскребли 55 тысяч рублей и, озлившись, "вырубили" бедолагу рукояткой пистолета.

Однажды касьяновцы, прихватив два комплекта обмундирования, совершили криминальный вояж в неблизкий Томск, где отнюдь не в бедности проживала цыганская семья Ботаненко. Выехали двумя группами. Вооруженные обрезом карабина, главарь с молодым подручным Олегом Грейлихом из кооператива "Ори-ент" предпочли машину. На поезде в Томск двинула не менее колоритная троица. Например, некий Буйнов четырежды сидел за злостное хулиганство и нанесение увечий. (В колонии-то они и сошлись в Касьяном.) А Олег Казаков вообще в тот момент официально мотал срок на "химии". Его условно освободили из ИТК-6, направили на стройки народного хозяйства. "Исправлялся" Казаков в банде Касьяна.

Томичам, видимо, не повезло больше прочих. В 7 утра в доме оказалась вся семья: хозяин, жена, сын. Их били до тех пор, пока старший Ботаненко под дулами револьвера и обреза не выдал денег и золота чуть ли не на миллион целковых.

Эта нажива для банды стала последней. Касьяна, которому розыскники буквально дышали в спину, взяли первым. На следующий день в КПЗ отправился бывший опер Божко. Улик против него, правда, оказалось недостаточно, и через трое суток по закону его пришлось отпустить. Пройдет время - Касьян покончит с собой в камере изолятора, чем весьма осложнит работу следствия. Его подельники займут свои места на нарах (одного придется искать в Москве, другого этапировать... из армии), сядет-таки всерьез и надолго отставной майор милиции по кличке Босс. Но до самого суда касьяновцы будут "держаться стойку" - обвинения по 77-й статье УК (бандитизм) - отвергать полностью, признавать только отдельные эпизоды, валить все на покойного "авторитета".

Насколько четко и доказательно сработала областная прокуратура по "заповедной" статье 77 (в те времена сам термин "бандитизм" генералы от правоохраны произносили только шепотом, по всей России такие дела можно было пересчитать по пальцам), легко судить по признанию Казакова. На предварительном следствии он уверял: в день томского разбоя, мол, безвылазно сидел дома под бочком у жены. "А вот-те крест, - божилась та в кабинете у следователя. - Сидел как миленький". Материалы дела, которые были затем оглашены судьей, не оставили ни малейших сомнений в его виновности. Крыть было нечем.

В конце 95-го восьмерых членов банды разместили по зонам. Режим - в основном строгий. Сроки - от 3 до 6 лет. Не так уж много для людей, когда-то начинавших свои налеты со слов: "Мы из отдела по борьбе с бандитизмом".

(А. Беляев, И. Панков. Версия-плюс, № 4, 1996)

ЦЕНА ОШИБКИ

Австралийца Кори Рассела судили в Сиднее за похищение и изнасилование студентки университета. Он не признавал себя виноватым, и мнения жюри

разделились. Судьбу 39-летнего подсудимого решила старшина присяжных, школьная учительница Патриша Тимберг.

"Мне показалось, что улики против него недостаточно, а когда ему представили слово и он заявил, что ни в чем не виновен, я поверила каждому его слову, - призналась в интервью 33-летняя Патриша Тимберг. - Он казался таким честным, таким искренним. Другие присяжные склонялись к тому, что он все же виновен, но, я, как старшина, убедила их, что вина Рассела вовсе не доказана. Ведь нам никто не сказал, что, оказывается, за спиной у этого типа длинный список нарушений закона, - а в зале суда он выглядел пай-мальчиком".

О том, что Кори Рассел вовсе не пай-мальчик, Патриша Тимберг узнала в тот же вечер, вскоре после его оправдания. Как выяснилось, за три дня, которые длился суд над Расселом в Сиднее, он "положил" глаз на старшину присяжных и решил при первой возможности навестить ее в гости. Адрес Тимберг и то, что она разведена с мужем, он уже знал из материалов дела, где лежат учетные карточки всех присяжных.

Как только Рассела освободили, он дождался темноты под окнами дома Патриши, а потом ворвался к ней, изнасиловал свою спасительницу и два часа продержал ее заложницей, разглагольствуя о возвышенном. Когда насильник сбежал, Патриша позвонила в полицию, и вскоре Кори Рассел арестовали в номере придорожного отеля.

"Я страшно разозлился на присяжных, когда они пожалели этого типа, хотя его вина была очевидна, - признался прокурор Де Пол Смит. Но теперь мне искренне жаль эту женщину, которой пришлось заплатить за свою ошибку уж слишком дорого".

(Версия-плюс, № 7, 1996)

МЕЧТА ЛЮДОЕДА

Уже сообщалось о череде этих жутких алтайских историй. Смысл их был прост до умопомрачения: в колонии строгого режима № 2 УБ 14/9 города Рубцовска, в помещении камерного типа двое эков съели третьего. Затем один из людоедов уже в барнаульском СИЗО убил еще одного человека. Его приговорили к смертной казни. Но на этом похождения людоеда не кончились... Как говориться, сообщаем подробности.

Рядом с обезображенным трупом заключенного Дзюбы нашли записку. Воспроизводим ее с соблюдением стилистики, морфологии и орфографии: "Так и хочется съести ково-нибудь".

В мертвом Дзюбе местная администрация без труда углядела "признаки насильственной смерти и совершения акта канибализма". Канибализм - слово африканское. Во всяком случае, так оно устоялось в обыденном нашем сознании. В переводе на доступный нам язык означает оно людоедство. Кроме замечательной и будоражащей воображение записки, рядом с покойным найдены были веревка из черной хлопчатобумажной ткани с завязанными на концах узлами, куски человеческого мяса и... лист бумаги, а на нем рисунок расчлененного человеческого же тела - этакое план-пособие для начинающего людоеда.

Дознание проявило чудеса смекалки и смогло раскрыть преступление по горячим следам. "Следов" было два. Оба "следа" сидели в той же камере. Одного звали Маслич, другой носил фамилию Голузов. В момент задержания они

как раз переваривали некоторые части организма их коллеги по времяпрепровождению.

Поскольку в России привычно все ставить с ног на голову, то первое, что приходит в эту самую голову, так это мысль о чудовищном голоде, что сжал в своих костлявых руках колонию строгого режима. Зекам жрать нечего. Зеки оголодали до потери человеческого облика, вот и вынуждены были пойти на самые крайние меры. Куда, куда смотрит президент, куда смотрит прокуратура. Доколе?! Ну-ка, где у нас адрес гаагского суда?

Выяснилось, что колония была весьма далека от того, чтобы кормить своих постояльцев расстегаями, французскими сырами и жвачкой "Орбит" без сахара. Но не менее далека была она и от того, чтобы морить "отдыхающих" голодом. Все в ней было обычно. По разнарядке. Зато выяснилось другое...

А именно: Маслич мотал свой третий срок, на этот раз за убийство. У Голузова это была уже пятая ходка. За незаконное ношение оружия. Ребята подобрались крутые. Колонистское начальство их не любило. Они не любили начальство. Плодом такой вот страсти всегда оказывается помещение камерного типа, гостеприимно распахивающее свои железные двери перед чересчур строптивыми хлопцами.

Идея о людоедстве пришла в голову Шурику Масличу. Ему до смерти надоела рубцовская колония. Ему хотелось простора. И, пожалуй, славы. Пусть даже эта слава будет слава имени товарища Чикатило. Какая разница. Все равно газеты напишут (и ведь никуда не делись - написали!). К тому же написать книгу или спасти дочку начальника колонии из огня возможным никак не представлялось. Значит, надо было выдумать нечто экстраординарное, чтоб волосы дыбом. Результат: смена опостылевшей колонии, в перспективе поездка в Москву, в институт Сербского на психиатрическую экспертизу, а это бездна новых впечатлений и некоторый шанс на признание полным идиотом со всеми вытекающими заманчивыми подробностями.

Но первым сокамерником Маслича стал... Дзюба. И именно с ним Шурик поделился своей мечтой. Дзюба выказал прилив энтузиазма. Соратники тут же дали клятву, что съедят любого третьего, кого им посадят в камеру. Третьим оказался человек под названием Люля. Вечером Маслич набросил на Люлину шею удавку, а Дзюба стал держать его за брыкающиеся ноги. Люля брыкался отчаянно. Пришлось вмешаться охране. Люлю перевели в другую камеру. И теперь он молился на тех охранников, которые оформили этот спасший ему жизнь перевод.

Вслед за истеричным Люлей в камеру попал Голузов. Человек солидный, хорошо узнавший себе цену - за пять-то ходок! Есть его было не с руки. И тогда друзья поделились с ним своими планами. И Голузов отнесся к этим планам благосклонно и с пониманием. Стали ждать четвертого. Но он не шел. Кого-то хранил Бог. Напряжение в камере нарастало. И тогда... Правильно: съели Дзюбу. Они разбудили его среди ночи. Накинули на него удавку. И задушили. У запасливого Голузова было лезвие. Им-то он и расчленил тело покойного и доверчивого Дзюбы. Есть сырого Дзюбу не хотелось. Поэтому друзья нашли кусочек ваты, нагрели его на лампочке, когда вата начала тлеть, раздули огонь, запалили факел из скрученного жгутом одеяла. В унитазном бачке сварили несколько кусков. Сытно поели. Убирать не стали. Оставили все, как есть. И легли спать, возможно, что и пожелали друг другу спокойной ночи.

И они добились своего. Из колонии отвезли в Барнаул. Какая-никакая, а все-таки смена впечатлений. Потом Маслича вернули обратно, но не в колонию, а в рубцовский СИЗО. Там он сидел и ждал, когда с ним будут проводить следственные действия. Он опять сидел не один. Квадратные метры карцера

делили с ним Разгуляев и Митронов. Люди в тюремном мире не новые. На свою беду, Разгуляев затеял играть в карты с не отягощенным даже остатками человеколюбия Шуриком. И имел неосторожность проиграть. Маслич сначала требовал вернуть долг по-хорошему. А потом взял да и придушил Разгуляева. Вот и нашли поутру в карцере еще один труп.

Никого в Москву, в институт Сербского не повезли. Мечты рухнули. Обоих людоедов признали вменяемыми по месту нахождения. Голузов получил на полную катушку. То есть 15 положенных лет. Ну а Шурика Маслича суд отправил тренироваться мазать "лоб зеленкой". То бишь, ждать расстрела.

Все? Ни черта подобного. Маслич не думал отказываться от своей мечты. Начальство барнаульского первого изолятора имело неосторожность поместить его в одну камеру с еще одним человеком. Надо ли говорить, что и того обнаружили мертвым. Маслич действовал обычным своим порядком. Сначала задушил. Потом аккуратно разрезал. Извлек печень. Попытался по старой привычке сварить. Но не позволили условия. Тогда Шурик вернул недоваренный орган на место. И опять-таки лег досыпать положенные часы. Изумленной тюремной публике объяснил, что накануне зашел меж ним и напарником по ожиданию исполнения приговора душевный разговор. Шурик был предельно откровенен и рассказал в подробностях обо всех своих приключениях. Напарнику они не понравились. Не понравился ему и сам Маслич. О чем последний немедленно был поставлен в известность. Шурик не терпел критику с детства. Посему и решил принять меры...

Теперь его будут судить. Уж так у нас положено. Смена впечатлений нашему людоеду гарантирована.

(Т. Корупаева. Версия-плюс, № 15, 1996)

СПРАВЕДЛИВАЯ БАБУШКА

После шести лет криминальной деятельности, в результате которой 65-летняя Робин Силерс обчистила 52 банка, полиция Бостона (штат Массачусетс, США) наконец схватила ее.

Пресса окрестила неутомимую бабулю Робин Гудом в юбке, так как все деньги, изъятые у богатых, она раздавала бедным.

За время своей преступной карьеры эта внешне скромная вдова в бифокальных очках и с палочкой в руках облегчила банки Бостона, Броктона и Салема на общую сумму 195 тысяч долларов. Всю добычу она отдавала в фонды помощи потерпевшим от стихийных бедствий, помощи животным, в агентства по защите детей, в приюты для бездомных и на десятки других социальных программ.

Несмотря на возраст, г-жа Силерс очень подвижная и энергичная женщина. Немошной и беззащитной же прикидывалась, чтобы сбить с толку полицию. С 1990 года она под вымышленным именем жила в Бостоне, и никто из окружающих не подозревал о ее преступном хобби.

- Я потрясена, - говорит ее соседка. - Уже несколько лет я приглашала Робин по два раза в неделю на чай. Мы вместе пекли печенье на церковные праздники. Я не могу поверить, что она грабительница.

Госпожа Силерс признает, что нарушила закон, и готова понести наказание. Она не раскаивается - лишь сожалеет, что причиняла неприятности банковским служащим. И утверждает, что ею двигало только чувство горести за несправедливость, которая царит в мире. Кстати, эта странная преступница

никому не причиняла физического ущерба и даже не направляла ствол пистолета на людей. Никогда не брала из банка более 7000 долларов и ни цента не оставляла себе.

Однако обвинители требуют максимальной меры наказания и надеются, что этот случай станет примером "всем, кто думает, что могут быть "хорошие" оправдания для нарушения закона"...

(Версия-плюс, № 14, 1996)

КРОКОДИЛ ГЕНА - ЧЕСТНЫЙ ВОР

Почти все украденное рецидивист отдавал детям, которых бросили родители.

Казанская милиция выследила 23-летнего вора по кличке Крокодил Гена, который в почти полусотне эпизодов квартирно-садовых краж демонстрировал неповторимый авторский почерк. Помимо обычных трофеев, вроде дензнаков и ценного барахла, вездесущий тать (ареал деятельности - шесть районов, включая пригород) налегал на детские игрушки, престижную косметику и нижнее дамское белье. Из одной квартиры, например, игнорируя дорогую норковую шубу, он уволок магнитофон-игрушку "Джаз", театральный бинокль и три банки яблочного варенья. А через пару месяцев вернулся и прихватил досадно забытую игровую приставку "Денди". Другие хозяева недосчитались набора цветных карандашей и фломастеров, кукол Барби и Синди...

Следствие установило, что добытыми трофеями юный вор-рецидивист (первая ходка за кражу в шестнадцать, вторая - в восемнадцать лет) великодушно делился с Димитровградским детдомом Ульяновской области, куда родная мама определила его в трехмесячном возрасте.

У Гены внешность худосочного подростка, которую он успешно использовал в качестве преуспевающего "форточника". Он не пьет и не курит, не играет в азартные игры и не откладывает на черный день. А барыш от краденого и проданного по демпинговым ценам спускает на "красивую жизнь".

Психиатрическая экспертиза признала странного воришку полностью вменяемым. Но не надо быть Зигмундом Фрейдом, чтобы разглядеть в Гениной аномалии этакий синдром "недогулянного детства". По данным республиканского центра защиты детства и материнства, им поражено около трети наших современников. Вот у Гены авитаминоз материнской ласки и заместился краденым женским бельем и использованной косметикой. Ведь в отличие от киношного Де-точкина, который благодетельствовал анонимно, Гена лично вручал подарки обалдевшим от счастья детдомовцам. А растроганным воспитателям вчерашний зек и уволенный за "правдоискательство" кочегар пригородной фермы заливал о своей высокооплачиваемой работе.

Примет ли во внимание это обстоятельство наш строгий, но справедливый суд? Как и чистосердечное признание в воровских эпизодах. И содействие следствию путем передачи секретов профессионального мастерства. Облегчив душу на допросах, теперь Геннадий мечтает обратиться к пострадавшим и потенциальным жертвам: не вводи в соблазн! Не демонстрируй буржуазную крутизну: для бывших детдомовцев это просто невыносимо.

(Б. Вишневецкий. Версия-плюс, № 20, 1996)

ПО ПЕРМИ БРОДИТ НОВЫЙ ЧИКАТИЛО

Астролог Павел Глоба, приехав в Пермь, предсказал: "В Перми появится маньяк..." Неведомо, был ли сей субъект среди слушателей Глобы, "впитал" ли он предсказание, как зомби, но через некоторое время в городе действительно появился маньяк. Его жертвами становятся женщины.

Глубокая ночь, вымерший подъезд, пустой лифт. Вот излюбленное время и место действия "пермского Чикатило". Нужен еще молоток или небольшой топорик. Почерк один: у жертв, как пишут в этих случаях судмедэксперты, "колото-резанные раны в области головы и шеи".

Впервые о маньяке-убийце в городе заговорили еще в апреле 1996 года. Через два месяца за ним уже тянулся кровавый след - десяток убитых женщин. Свои жуткие "автографы" маньяк оставлял только в одном районе города - в учебниках по истории большевизма этот район известен как "революционная Мотовилиха".

Мотовилиха обросла невероятными слухами: будто бы убийства в лифтах происходят с запрограммированной периодичностью - два раза в неделю, будто за происходящим стоит какой-то адский план: сегодня на одной улице, завтра - на параллельной.

Впрочем, сами оперативники открещивались от слова "маньяк". Предпочитали дипломатическое и во множественном числе: подозреваемые. В начале лета таких подозреваемых, препровожденных в следственный изолятор, насчитывалось около десятка. В средствах массовой информации просочилась даже версия, что, по всей видимости, задержан тот самый...

Однако "тот самый", похоже, "взял отпуск" и, выдержав паузу по Станиславскому, вновь возвратился в Мотовилиху. 23 августа с 4.00 утра в подъезде собственного дома, в лифте была изнасилована и убита (все тот же топорик или молоток) 22-летняя женщина. Теперь на классификацию "маньяк" сотрудники милиции реагируют адекватно. В пресс-службе внутренних дел, сославшись на мнение начальника городского УВД Каменева, не исключают, что последний случай "подпадает" под почерк "маньяка".

Кто-то опять задержан по подозрению. Между тем вот уже полгода "порядочные девушки Мотовилихи" спешат домой засветло. А непорядочные? "А непорядочные попадают в лифтах", - сказал мне один из представителей правоохранительных органов. Но это - слабое утешение.

(Ю. Беликов. Комсомольская правда, 29 августа 1996)

"ЛЮБЛЮ ВОЕННЫХ - КРАСИВЫХ, ЗДОРОВЕННЫХ"

Бывший прапорщик Валентин женил на себе поочередно больше десятка милых дам, обокрал их и бросил. Но ни одна не пожаловалась на обходительного обманщика...

"Меня всегда привлекали загадочные уральские парни, - пишет журналистка Анна Амелькина, - есть в них эдакая удаль - не то что наши московские хлюпики, ни тебе жениться, ни подарок подарить. Так вот за таким южноуральским "экземпляром" я, потеряв всякую осторожность, рванула в Челябинск.

Увы, я не была оригинальна в своем порыве. Увидеть супермужчину этого города хотели многие женщины. Были среди них и скромные служащие, и работники социальной сферы, и журналисты, и даже одна молодая и красивая

следователь ГУВД. Поводы посмотреть в глаза Валентину (не даром же день влюбленных зовется Валентиновым днем!) у всех были разные.

Начнем с того, что каждый настоящий мужчина обязательно хочет как-то самовыразиться. Кто-то становится классным сыщиком, кто-то классным мошенником, кто-то отменным любовником. Есть экземпляры, удачно сочетающие в себе несколько выдающихся качеств сразу...

Этот решил стать мужчиной, которого в природе просто не бывает. И он им стал - совсем не из коварства, а исходя из трезвой оценки своих возможностей. Действительно, какая женщина не мечтает о муже, который не пьет, не курит, стирает и гладит, прекрасно готовит борщи, читает наизусть стихи, может поддержать интеллектуальный разговор, да к тому же и любит беззаветно и предано? Такие, говорят, встречаются, но крайне редко. Поэты, например, не стирают носков, "крутые" не знают кто такой Есенин, а интеллектуалы не представляют с какой стороны подойти к кухонной плите...

Валентин тоже и так и сяк присматривался к женщинам и, наконец, вывел правило золотой середины. По нему - самыми лучшими, надежными и любящими женами становятся те, кому эдак от тридцати пяти. Именно в этом возрасте дама начинает ценить истинных мужчин, не обращая внимания на внешний лоск (или отсутствие оно), - за душу и хорошее обращение. А все эти молодые свистушки - не для нормальной семьи.

Именно таких - одиноких, хозяйственных и хлебнувших всего на своем веку - женщин выискивает наш герой по газете брачных объявлений. Но только возрастом, жизненным опытом и материальной обеспеченностью его требования не ограничивались. Вале нравились красивые женщины, поскольку себя как мужчину он ценил крайне высоко и руководствовался установкой: пара должна смотреться.

При первой встрече бывший военный (когда-то был прапорщиком, но за аферы с позором выгнан из "рядов") рассказывал избраннице о службе в Афгане (плод буйного воображения), о том, как трудно живется ветеранам сейчас и что именно военные есть самые достойные спутники жизни для слабых и беззащитных.

...После исполненных трагизма рассказов о героическом прошлом Валя плавно переходит к не менее достойному гордости настоящему. Оказывается, у него есть своя маленькая, но преуспевающая фирма, торгующая иномарками, - почему бы любимой женщине не сделать скидку? Счастливые избранницы по секрету рассказывали своим подругам, что-де у их возлюбленного есть даже зафрахтованный ИЛ-76, на котором он летает "по делам" то во Владивосток, то в Прибалтику.

У самих избранниц деньги на машину находились не всегда. Поэтому они занимали у друзей и близких, многие из которых так же легко покупались на идею быстро и недорого приобрести иностранное авто. При этом надо отметить, что в любой "будущей" семье Валентин оставлял о себе весьма положительное впечатление. И ни один человек, доверивший ему свои деньги (а среди них есть и довольно солидные граждане - в том числе и из правоохранительных органов), не попросил мошенника предъявить паспорт, а если брал расписку, то никакого упоминания в ней об удостоверении личности не было. Поэтому, фантазируя, он когда называл себя Ивановым, когда Петровым, когда Сидоровым.

И все бы шло хорошо, не будь Валя в душе чем-то от Онегина: уж больно быстро он разочаровывался во всем - в идеях, женщинах, работе. Строгие статистические подсчеты показали: на "окучивание" одной особы женского пола у него уходило не более двух месяцев. Но и за это время он успевал немало, работая с полной отдачей сил: ведь каждая новая женщина становилась для него действительно ЛЮБИМОЙ, а не каким-то мимолетным увлечением.

В доме, где он жил, был образцовый порядок: полы намыты, занавески-скатерти подобраны в тон, собачки выгуляны, а на столе к приходу хозяйки с работы - всегда с пылу с жару приготовлен обед. Найдите такую женщину, которой бы это не понравилось. Но через два месяца все кончалось, и, как-то уйдя из дому, "желанный" обратно не возвращался.

Самое смешное, что, нося гордое звание записного мошенника, Валя имел при себе лишь дипломат, в котором сиротливо валялось одно запасное трико. И все. У любимых женщин он старался не брать ничего! Да, если хотите, - это Романтик с большой буквы.

А попался он, можно сказать, случайно: забеспокоились родственники "невест", все еще ожидавшие получить от будущего "зятя" законные иномарки, кто-то из них позвонил в прокуратуру, вот и...

Из тюрьмы донжуан пишет страстные письма многим своим женщинам. От руководства ГУВД он потребовал, чтобы его делом занималась женщина-следователь, поскольку с толстокожими мужчинами общаться ему крайне трудно. Следователь Любовь Федоровна ему сразу понравилась, поэтому он посвятил ей трогательные стихи. Не для того, чтобы разжалобить, а просто так, для души, из-за хорошего отношения: "Просто потому, что она - женщина..."

Благодаря усердным поискам Любви Федоровны количество любимых, но обманутых Валею женщин катастрофически увеличивается. Но никто из них даже и в мыслях не имеет жаловаться на любимого в милицию. Такая вот загадочная женская любовь...

...Готовясь к встрече с челябинским ловеласом, я внимательно рассматривала фотографии его избранниц.

Действительно многие - весьма интересные женщины (пока следствие точно установило, что Валя обманул семь дам, но на самом деле их раза в два больше - просто не все еще осмелились признать себя окончательно брошенными). На фотографиях у них счастливый вид - улыбки, светящиеся глаза. И - кругом цветы, цветы, цветы. Он всегда дарил женщинам цветы. Много цветов. Да, подумалось мне тогда, выходит, по-настоящему любить (пусть даже недолго) способны только мошенники?

Следствию же Валин "гарем" заявил, что после знакомства с ним других мужчин они просто не могут воспринимать... Ведь он ни копейки на тратил на себя!

Бешеные суммы уходили на шикарные обеды и на подарки возлюбленным, которые в буквальном смысле его боготворили и не понимали причин столь внезапного разрыва отношений. А что при расставании милый "занимал" у них кругленькие суммы (от 500000 до 1000 000) - так не сажать же за это человека в тюрьму. Считали: Бог ему судья.

...У ворот СИЗО я в последний раз очень критично обозрела себя в зеркальце. Как-никак произвести впечатление на мужчину, столь потрясшего сердца и души челябинских дам, - дело не из простых. Хотелось понравиться. Воображение рисовало хитрющего кота-красавца (тайного эротомана) с плавной походкой и презрительным взглядом.

...Только природная сдержанность и хорошая реакция помогли мне в самый ответственный момент не упасть со стула и сохранить маску спокойствия на лице. В комнату ввели мужичка лет сорока с небольшим, словно выдавленного из тюбика, нестриженного, без двух передних зубов, с острым цепким взглядом настороженного зверька.

- Ошибок в выборе женщин у меня практически не было, потому что я неплохой психолог, - расставил он сразу точки над "i". - Не люблю, когда

женщина много говорит. Она прежде всего должна уметь слушать. Таких я люблю. Я благодарно молчала.

- Что касается якобы моих махинаций, то насильно денег я ни у кого не отбирал, мне все отдавали их добровольно, по любви. К тому же я никогда не возьму деньги у человека, который действительно нуждается, я ж людей вижу насквозь.

- А что можно сказать по моему поводу? - скромно поинтересовалась я.

- Вы не замужем...

- Допустим...

- Но не расстраивайтесь, через пять лет я выйду из тюрьмы, и все у вас будет хорошо... Теперь за свое будущее я спокойна!"

(А. Амелькина. Версия-плюс, № 1, 1996)

"ШАКАЛ"

В лесополосе, недалеко от окружной дороги, поисковые собаки в течение полутора лет обнаружили пять закопанных трупов, - докладывает на закрытом оперативном совещании в городском управлении милиции заместитель начальника уголовного розыска Москвы Евгений Вертелев.

Трупы находили на небольшой глубине. У погибших были обнаружены схожие странные колотые раны, - продолжал Вертелев. Генерал потребовал уточнения - в чем их странность? что говорят эксперты - нож? штык? вилы?.. Такие следы оставляет оружие, похожее на гарпун; раны, неровные, рваные, возможно, использованы ружья для подводной охоты - мнение экспертов. Было решено взять этот лесорайон по особый контроль.

Так и вышли на обитателя этих мест, некоего Виктора Лесника, известного в определенных кругах под кличкой "Шакал".

...Километрах в пятнадцати от окружной дороги на опушке леса - трехэтажный особняк.

В большой гостиной на втором этаже пылают дрова в камине. Хозяин, голубоглазый блондин лет за пятьдесят, в белой рубашке и джинсах, играет на рояле. Его конек - баллады Шопена...

Телохранитель выучен - в эти минуты хозяина беспокоить нельзя. И хотя клиент, известный банкир по кличке Грач, нетерпеливо ерзает на диване, в холле, всем своим видом показывая раздражение, телохранитель Житан (прозвище получил от привычки курить французские сигареты этой марки) выражает полное равнодушие. И только когда хлопнула крышка рояля, охранник открыл дверь, кивком пригласил гостя войти.

Грач - в интересах следствия будем пока называть его так - изобразил восторг от игры хозяина, но тот, снисходительно кивнув, сразу перешел к делу:

- Вам известны наши условия?

- Пять тысяч долларов и... полное молчание.

- Это в ваших интересах. Острые ощущения требуют не одних только денег. У вас будет выбор оружия, мы обеспечим ваше алиби, охрану, на время охоты, разумеется. Преследовать живую мишень - какое наслаждение! Это вам не девочка в баре на коленях. И еще наш принцип - предоплата.

Гость вынул из кармана пиджака конверт.

- Можете проверить.

- Мы верим нашим клиентам.

...Хозяином особняка был Виктор Лесник. Нажился он легко и просто. Будучи в старые времена председателем райисполкома, роспуск Советов всех уровней умело повернул в свою пользу: сумел приватизировать особняк, который проходил по документам как "аварийный", открыл отель.

Из следственных документов: Следователь:

- Гражданин Лесник, вы стали организатором своеобразного тира по живым мишеням. Как могла родиться такая варварская идея?

- Зря вы, гражданин следователь. Это добровольцы, бомжи, натуральные нищие, без средств к существованию. Я давал им шанс заработать большие деньги. Условия были обговорены. Лесной массив - всего три километра. А там река, мост через нее. Добрался живым до моста - деньги твои. Не сумел - извините, сам виноват, знал, на что шел. Игра велась честно. Наши мишени получали деньги вперед.

Охота готовилась тщательно. Телохранитель Житан рыскал по вокзалам выискивал бомжей. Приглашал в забегаловку, угощал, водкой, пивом, расспрашивал, откуда родом, есть ли родные. Обычно не было. Документов при себе тоже никаких. И если Житан верил, что это и впрямь бездомный, приглашал к себе, за город. Еще выпивали, а уж наутро Житан предлагал:

- Хочешь заработать пять кусков зеленых? Понятно, бродяга терялся, выпивал еще, становился сговорчивее. Тогда Житан объяснял:

- Понимаешь, есть дураки, что готовы ради острых ощущений отдать такие башни. Вроде охоты, но без оружия. Шансов у тебя почти сто.

- Как без оружия?

- Слушай, арбалет разве оружие?

- Это что-то вроде лука?

- Видишь, какой ты сообразительный. Да и в лесу охота, тропа между деревьями, выход к речке. А деньги вперед...

Выбирал Житан мужчин крепких. Попадались и такие, что побывали в Афгане, даже в ОМОНе работали. Доверительно им объяснял, что с таким-то опытом добраться до реки не составит труда.

Последняя охота проходила зимой. Вот такой предстает она из описаний следственного эксперимента.

Чистый снег лежал на земле. Очередная жертва, крепкий парень без левой ладони, и не предполагал, что снег дает охотнику лишний шанс. Ему вручили пачку долларов, сказали: - У тебя фора пять минут. Он положил деньги в карман, рванул, заметался по лесу. Вдруг сбоку ярко вспыхнули фары мотоциклов. Крепкие ребята, такие же, как Житан, умело вели жертву по просекам. Грач сидел в люльке тяжелой "Хонды" держал арбалет с оптическим прицелом. За рулем был Житан, он молча гнал мощную машину, потом коротко обронил: "Вот он!" Грач выстрелил. Парень споткнулся, но вскочил, рванулся вбок, петляя между деревьями. Грач поймал в прицел спину, нажал на курок. Парень упал, но опять вскочил, помчался по прямой к реке. До моста оставалось метров сто.

- Упустим! - крикнул Грач.

- Такого еще не было, - отозвался Житан.

Он крутанул руль и боковой тропкой выскочил к реке. Преследуемый, хромая, уже выскочил на мост.

- Стреляй, - грубо приказал Житан. - Нельзя, чтобы он ушел.

Грач выстрелил. Парень упал, но встал, ковыляя, держась за перила моста: уходил. Тогда Житан вынул припрятанный до времени израильский автомат конструкции "Скорпион" и дал короткую очередь. Он взшел на мост, ногой перевернул парня, вынул у него из кармана деньги, столкнул его в реку.

Вернувшись к "охотнику", равнодушно сказал: "Плохо вы стреляете". Тот выглядел слегка растерянным, но обиделся...

- Покурим? - успокоительно предложил Житан. Вместо зажигалки он достал пистолет и выстрелил в голову Грача. Тот тяжело осел в мотоцикле. Подъехавший на скромном "жигуленке" Лесник накинудся на Житана:

- Спятил, мокрое дело на нас повесить решил?

- А раньше сухие были? - : спокойно отозвался Житан.

- Кретин, стреляли клиенты, а не мы...

- Мне весть подали - Грач вовсю раззвонил о сафари с арбалетом. Теперь будет молчать...

Даже его босс - Лесник не знал, что Житан до того, как стать его телохранителем и организатором "сафари", воевал в Чечне. Оттуда дезертировал с документами погибшего товарища, вернулся домой, прихватив с собой табельный "Макаров".

Экспертам не составило труда установить личность владельца "ПМ". После задержания Житан все выложил о своем боссе, которого ненавидел так, как ненавидят самые любимые и обласканные барином холопы.

(Г. Яковлев. Версия-плюс, № 8, 1996)

ТЕЛЕФОННАЯ ТЕРРОРИСТКА БЫЛА СТУДЕНТКОЙ-ДВОЕЧНИЦЕЙ

17-летняя Катя полгода терроризировала московскую милицию ложными звонками о готовящихся взрывах в МГУ. И даже не предполагала, что ее могут вычислить...

Горе нерадивым студентам и школьникам, решившим, что новомодная отмена занятий или экзаменов "террористическим" звонком из автомата - дело удобное и безнаказанное! Скоро будет передано в суд уголовное дело девушки, развлекавшейся подобным образом. Оказывается, не так сложно поймать телефонного хулигана, и московская милиция намерена, в свете последних сообщений, заняться этим вплотную.

Катя Панина - хорошенькая и очень сообразительная. И сообразила Катя совершенно справедливо, что учиться в МГУ довольно-таки тяжело.

Правда, поздно к ней пришло это откровение - когда семнадцатилетняя барышня из подмосковного Калининграда уже училась на первом курсе юрфака. До первой сессии проблем у студентки не было. А потом завертелось, закрутилось - зачеты, контрольные, экзамены... И у Кати начались сложности с учебой. Причем почти по всем предметам сразу.

Одновременно начались проблемы у 6-го отделения милиции, отвечающего за безопасность университета.

Будущая юристка придумала неоригинальный, но верный способ избавления от опасных зачетов и контрольных. От метро "Университет" она звонила из телефона-автомата по "02" и доверительным голосом вежливо сообщала, что в здание первого гуманитарного корпуса заложено взрывное устройство. Взрыв, говорила Катя для верности, через час.

К тому времени, как юная террористка неспеша доходила до здания, ни о каком экзамене и речи уже быть не могло. Вовсю кипела милицейская работа, студентов и преподавателей из корпуса эвакуировали, а по коридорам шастали умные собаки-нюхачи.

Надо заметить, что первый гуманитарный корпус - здание не маленькое. В

нем разместились юридический, исторический, филологический и философский факультеты. Несколько тысяч человек. Можно себе представить, что стоит университету такая вот эвакуация!

- Первые несколько раз, когда у нас были такие вот "шуточные" вызовы, мы даже, можно сказать, радовались, - усмехается начальник 6-го отделения милиции Владимир Валентинович Береснев. - Эвакуациями мы замечательно отработали почти заглохшую систему гражданской безопасности. Научились справляться с любыми экстремальными ситуациями в считанные минуты. Но на шестой - седьмой разы "учиться" милиции, по понятным причинам, надоело. А с начала года таких террористических звонков было... двадцать.

...Искали Катю по классическим детективным законам с привлечением самых современных средств. Береснев вправе рассказывать об этом с профессиональной гордостью. Сначала в четкий график выстроились факультеты, здания и расписания сложных экзаменов. Выявились целые группы и курсы подозреваемых. Потом настал черед преподавателей. Им предлагалось вооружиться списком неуспевающих студентов и, прослушав записи телефонных разговоров, анонимных абонентов с оператором "02", выявить предположительные знакомые голоса. Параллельно шли оперативные разработки в студенческой среде. На "роль" девушки, несколько раз устроившей общеуниверситетский аврал, претендовали 25 подозреваемых. С девушками пообщались сотрудники милиции, но беседа, разумеется, ничего не дала. Почти. Голоса студенток записали и отправили на компьютерную фонографическую экспертизу. Результаты почти на 99% давали гарантию...

На втором допросе Катя оказалась честнее. Особенно после того как ей предъявили результаты экспертизы. Призналась. Правда к тому времени она уже не была студенткой университета - звонки могли отсрочить экзаменационные разоблачения, но не могли улучшить оценки.

Наверное, первокурсница плохо представляла себе не только логику и историю, но и собственную будущую профессию, иначе юристу следовало бы знать, что за такие деяния УК РФ предполагают штраф до 30 минимальных окладов или лишение свободы сроком до трех лет.

Кроме того администрация МГУ подсчитывает ущерб, нанесенный чрезвычайными телефонными положениями, дабы выставить Паниной соответствующий иск.

Но на столе у начальника 6-го отделения милиции Бе-реснева остался длинный список. Все те же анонимные звонки с угрозами. Только другие голоса - мужчина, молодой человек, подросток, еще одна "неопознанная" девушка. По каждому голосу ведется аналогичная работа. И конечно с каждым разом розыск "почетных телефонистов", по возрастанию опыта, будет еще более быстрым и профессиональным.

(Л. Терентьева. Комсомольская правда, 25 июля 1996)

ЧЕТВЕРТАЯ ХОДКА

Холодным январским вечером в городе Прохладном пропала 12-летняя Яна Хабатова. В тот день занятия в музыкальной школе, по роковому стечению обстоятельств, закончились на десять минут раньше положенного времени, и приехавший в школу отец не нашел дочурку.

Розыски девочки предприняли отделы внутренних дел на территории Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни, Ингушетии, Дагестана,

Ставропольского края. В самом Прохладном прочесывались окрестности, поймы реки Малки, опрашивались сотни людей. Но все безрезультатно...

Через неделю после исчезновения Яны в пригороде Прохладного в дачном домике была изнасилована несовершеннолетняя В. Ден (здесь и далее имена пострадавших изменены). В 21.00, когда она шла от подруги домой, на одной из пустынных улиц ее схватили невесть откуда взявшиеся двое мужчин. Приставили нож и поволокли в сторону дач. По дороге один из нападавших сказал, что ее берут в заложницы, чтобы взять с родителей выкуп. Однако цель у них была иная.

Еще через неделю жертвой насильников стала Н. Ми-гункова, также несовершеннолетняя. Почерк тот же. Сперва потребовали денег, затем приказали идти следом. Глаза завязали ее же платком. Ее избили, насильовали всю ночь...

Охотились не только на девочек. В один из вечеров им попалась В. В., пенсионерка, работавшая уборщицей в одном из учреждений. Возвращаясь домой после работы, она вдруг увидела два мужских силуэта, выскочивших из кустов. Ей скрутили руки, пригнули голову к коленям и оттащили в сторону от дороги в кусты.

Через неделю еще одна жертва.

Милиция же не нашла насильников, потому что пострадавшие во избежание огласки никуда не сообщили о случившемся. За исключением пенсионерки, которая свое заявление закончила так: "Я уверена, что такие случаи еще есть, просто многие молчат из чувства стыда".

Она была права. За три дня до последнего изнасилования на восточной окраине Прохладного кто-то поджег заросли камыша. На оголившейся местности два подростка, Сережа Литвинов и Назар Муравский вдруг увидели потрясшую их картину: на земле лежал обгоревший труп девочки.

В тот же день в морге Прохладного мама Яны Хаба-товой узнала свою дочь, а точнее то, что от нее осталось.

Из заключения судмедэкспертизы следовало, что Хабатова Яна была изнасилована, а затем убита. На груди у девочки было множество ножевых ранений.

Сотрудники прохладненского ГОВД наметили кое-какие ориентиры. Был составлен список всех жителей города, ранее осужденных за изнасилование и за развратные действия в отношении малолетних. В поле зрения милиции попал дуэт Кизилев - Фирсов.

...У них было много общего. Оба имели по три отсидки - за кражу личного и государственного имущества. Каждый из них 11 лет из 30 прожитых созерцал небо в клетку. Оба имели одинаковое пристрастие к самогону, популярному в Прохладном горячительному, и гашишной наркомании.

Фирсов женат не был. Кизилев, хотя и имел жену и пятилетнюю дочь, но семейное положение никак не влияло на его образ жизни, во всяком случае в положительную сторону.

Задержанный Фирсов "раскололся" на первом допросе, рассказав в подробностях обо всех преступлениях. Он, игравший в дуэте роль "шестерки", вероятно, попытался тем самым облегчить свою участь.

Яну Хабатову они увидели издали в вечерних сумерках, когда девочка сошла с автобуса на конечной остановке.

Догнав ее, повели к дачам, сказав при этом, что хотят лишь потребовать выкуп у ее отца и ничего более. А отец богат - заплатит. Яна знала Кизилева в лицо, он бывал у них дома. Это обстоятельство и решило судьбу девочки. С убитой он снял золотые сережки и позже преспокойно преподнес их своей 5-летней дочке в качестве подарка.

Прохладенские упыри не стеснялись грабить свои жертвы, не гнушаясь ничем: небольшие суммы денег - две тысячи, три тысячи, кофту и даже у пенсионерки нашлось что взять - часы "Полет".

Впрочем, грабежи были для преступников своеобразной формой проведения досуга. За один год пребывания на свободе они совершили 11 ограблений: чистили ларьки прохладенских частников, из соседских сараев таскали кур, даже мешок картошки однажды украли из склада ОРСа.

Верховный суд КБР приговорил Кизилева к смертной казни, а Фирсова - к 15 годам лишения свободы.

Преступный мир, как известно, живет по своим законам. Прохладенские упыри не вписываются даже в их рамки. Такие, как они, презираемы и в криминальной среде. Поэтому приговоренный к 15 годам Фирсов, может быть, еще позавидует своему другу-смертнику.

(Версия-плюс, № 18, 1996)

СПИСОК ЕРШОВА

Восемнадцатилетнюю Юлю Ш. зарезали в февральский полдень на лестничной клетке собственного подъезда в одном из центральных микрорайонов Красноярска. Соседи нашли ее полувисящей на перилах между этажами. Расслышать успели лишь хрип: "Я умираю..."

В очередной раз вскипевшую тогда волну слухов про маньяка-одиночку милиция не опровергла. (Арестовали же накануне двух не связанных друг с другом насильников, которые совершили целую серию зверств в пригородной Березовке.) Однако и сколько-нибудь весомых аргументов в пользу еще одного маньяка отыскать не удалось.

Ни одно из нераскрытых в последнее время убийств не стыковалось с невероятно дерзким, бессмысленно жестоким дневным нападением. Не усматривался "фирменный" почерк убийцы и по причине отсутствия на месте преступления каких бы то ни было вещдоков.

Месяц спустя, когда уже в окраинном микрорайоне Солнечный, тоже в собственном подъезде и тоже от удара ножом, погибла 13-летняя Аня В., на многотысячных похоронах внимание оперативников привлек подозрительный подросток. Установили: ранее он приставал к Ане. И других сверстниц попугивал ножичком. К тому же, по некоторым сведениям, на его одежде обнаружена кровь... А вскоре последовало его "чистосердечное" признание.

Восемь месяцев проведет за решеткой мнимый убийца. Пока не будет оправдан неожиданным "адвокатом" - убийцей истинным.

(Версия, № 2, 1996)

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

Метр с кепкой. Заношенная фуфайка... Если б хоть голос грубый, с хрипотцой, взгляд звериный, урганские манеры... Нет, - вкрадчиво-предупредителен, вежлив. Таким, до ареста, и запомнился соседкам. "Не пил, не курил, не ругался. Кто б мог подумать..."

На кроткую внешность в бедняцких одеждах "купились" многие. Незнакомый мужчина мог без опасений впустить его в дом. Незнакомая женщина, не

смущенная странным приглашением, могла с ним пойти в ближайший подъезд, подвал, на чердак. В зависимости от обстоятельств или грабил, или принуждал к "интиму". Кончалось, как правило, одинаково: каждого (каждую) бил большим самодельным тесаком или обычным кухонным ножом.

После годового перерыва стал все чаще отираться в подъездах, подкарауливая школьниц. Впрочем, нападал и на улице, в возрастах особенно не разбираясь. Был случай - возле кинотеатра ранил мужчину, гулявшего с женой и собакой. География преступлений - бессистемная, "амплитуда" - от изощренного зверства до мелкой кражи. Мудрено ли, что даже самые опытные сыщики брали ложный след.

С тем же изворотливым вероломством одолевал он и нештатные ситуации. Примчавшаяся однажды по чьему-то сигналу патрульная группа уже почти схватила... Ранил троих, включая водителя, и ушел. В другой раз на пригородной станции милиционер попросил предъявить документы. Убил...

...Его задержали случайно. Однажды, чувствуя знакомое биение сердца, он остановился у очередной, просто оказавшейся перед глазами девятиэтажки, от которой - роковой знак судьбы - несколько сотен шагов до забора тюрьмы.

Наручники на его правом запястье защелкнутся внезапно, после 15-минутной борьбы с Финогеновыми - Олегом и Ниной - и их родственниками Галиной и Николаем Рыбкиными. Крик девочки, на который бросились в подъезд две случайно оказавшиеся у дома семейные пары, к этому моменту (около девяти вечера) стихнет до сдавленного стога. Когда минут через тридцать (подтверждая свои кавычки) подкатит наконец "скорая", даже всякого навидавшийся на веку, раненный ножом в бедро сотрудник ФСБ полковник Николай Рыбкин не сдержит слез. Надежд спасти девятиклассницу Катю С, тяжело раненную в сонную артерию, с мольбой глядящую в полные ужаса мамины глаза уже не останется.

На одном из последних допросов он тихо спросил: "Может, на этом закончим, и вы меня расстреляете?" - "Ну что ты, - сказали почти мягко, - кто ж тебя станет расстреливать..." Его берегут. Содержат в особых условиях. Неплохо кормят. Он должен жить. До суда.

(Версия, № 2, 1996)

"ТЕАТРАЛЬНЫЙ БИЗНЕС"

Журналист Илья Острый в газете "Куранты" напечатал статью о девушке с "криминальным талантом".

"С Леной меня познакомил ее однокурсник и мой приятель. От него я узнал, что Лена промышляет мошенничеством у крупных театров или, как она сама это называет, занимается "театральным бизнесом".

А недавно столкнулся с ней вновь - у троллейбусной остановки напротив нового МХАТа. Вечерний спектакль еще не закончился, и она, видимо, кого-то ждала. Мы разговорились, юная последовательница некоторых учений Зигмунда Фрейда и бессмертных подвигов Остапа Бендера поделилась со мной секретами мастерства.

В сумочке у Лены уложен тщательно подобранный арсенал, состоящий отнюдь не из предметов дамского туалета: газовый баллончик, сахарная пудра, медицинский шприц и на всякий случай - ножик с выкидным лезвием.

"Рабочий день" Лены начинается около десяти вечера, когда в театрах подходят к концу вечерние спектакли. Из устремившейся к выходу толпы она

вылавливает взглядом хорошо одетых, одиноких, экзальтированных дам в возрасте. Для них театр - отдушина, помогающая скрасить серые будни, вспомнить былые времена и просто отдохнуть.

- Денег у этих женщин в общем-то не так много, - говорит Лена. - Но все же их вполне хватает не только на билет и перекур в буфете во время антракта, но и на такси, на непредвиденные расходы. Для них "посещение театра - праздничное бытие", посему и средств в таких случаях жалеть не принято. В этих женщинах по-прежнему живы такие понятия, как ценность и культура человеческого общения, уважения друг к другу, в конце концов, взаимопомощь и просто доброта.

На эти качества и надеется Лена, когда идет "на дело". Увидев подходящую для предстоящей комедии кандидатуру и оценив ее финансовые возможности, Лена смело подходит к будущему спонсору ее фантазий. Дальше действует по обстоятельствам. Основная задача - завести бедную женщину в тихое место, например во двор.

- Есть еще такие люди, - злорадно смеется Лена, - которым достаточно наплести про дешевые билеты у служебного входа, и они уже устремляются за тобой.

Есть у Лены и другие "приманки": кое-кто обязательно попадетя в расставленные сети и идет за Леной во двор.

Тут-то и начинается самое интересное. Вначале Лена методично обрабатывает жертву из газового баллончика. Но не грабит, как можно было бы предположить, а разыгрывает спектакль - не хуже того, что закончился в театре. Пока несчастная приходит в себя, в руках мошенницы появляется пудра и шприц. Дальше огорошенной даме доходчиво разъясняется, что порошок не что иное, как "травка", а сама Лена - по глупости попала и увязла в сетях наркодельцов. С родителями она не живет, денег на наркотики, а в перспективе на лечение у нее нет. Единственный способ добыть их - грабеж. Но вот видите, не смогла себя переломить...

Расчет оказывается точен. Такая слезно-жалобная исповедальная речь действует, как правило, безотказно. Проникнувшись искренним состраданием к молодой девушке, попавшей в беду, женщины добровольно отдают ей имеющуюся наличность (одна из них даже проводила Лену к метро). И, естественно, не возникает повода обратиться в милицию, что могло бы серьезно подорвать Ленин "бизнес".

Определенные трудности возникли лишь раз. Тогда пришлось применять крайние, устрашающие меры - достать с истеричным воплем нож, и имитируя попытку самоубийства, приставить его к венам, на запястье. Этот наглядный аргумент подействовал на заартачившуюся было даму безотказно. Женщина протянула "несчастной" две пятидесятитысячные купюры и еще в придачу оставила ей свой домашний телефон, пообещав найти хорошего нарколога...

В театрах наступил "мертвый сезон" и Лена вынуждена была устроиться на временную работу. А осенью... - На стипендию-то не проживешь, - усмехается она.

Растолковать, чем в будущем для нее могут закончиться эти околотеатральные представления мне, увы, так и не удалось..."

(И. Острый. Куранты; КОД № 3, 1996)

МАНЬЯК В БЕЛОМ ХАЛАТЕ

О том, что женские консультации Липецка для удобства пациентов ввели обслуживание на дому, Нина Петровна, 43-летняя липчанка, слыхом не слыхивала, но не удивилась, когда позвонил незнакомый мужчина.

Представился гинекологом. Звоню, говорит, от вашего лечащего врача, потому как дела ваши, мадам, неважные. Ждите в гости. Буду брать анализы.

И в самом деле, скоро расторопный специалист по женским болезням уже стоял в дверях квартиры. Врач как врач: мужчина лет 40, высокий, стройный. Правда, без халата. Первым делом гинеколог, сняв пятнистую куртку, спросил мужа пациентки, где можно помыть руки. Это ли не признак профессионализма?

Ничего страшного не произошло и в спальне, где эскулап, уединившись с хозяйкой, производил обычное гинекологическое обследование и "забор анализа". Во всяком случае женщина не почувствовала разницы. Правда ее несколько смутило, что от гинеколога уже в 10 утра разило спиртным, но в конце концов врачи тоже люди. Знал бы дело хорошо! Между тем не совсем трезвый, но внимательный медик, осмотрев грудь пациентки и заметив уплотнения, предупредил: "С этим не шутят! В понедельник назначу вам рентген". С тем и удалился.

К вечеру трудолюбивый доктор объявился снова. Он уверил пациентку, что ввиду серьезности ее положения анализы нужно взять еще раз, но на этот раз "гинеколога" спустили с лестницы. А все благодаря бдительности соседки - не верит она в добрых докторов. Сомнения Петровна разрешила, сходя в поликлинику, где с ужасом услышала, что на дом оттуда к ней никого не посылали. Да и нет такой службы.

То, что случилось потом, лишний раз подтверждает: жизнь богаче всяких выдуманных сюжетов. Убитая стыдом и горем Нина Петровна в тот же вечер обо всем рассказала зашедшему в гости брату. Вместе думали, где теперь искать этого жулика. Как вдруг та же бдительная соседка влетает и говорит: "Не ваш ли Айболит звонит из автомата на улице?" Брат Нины Петровны, выскочив на улицу, буквально остолбенел. "Ба! Да это же, мой мастер, монтажник!" Что произошло вслед за этим, история умалчивает.

Милиции все это поначалу показалось несерьезным. Дело было возбуждено только после вмешательства Октябрьской окружной прокуратуры. Баловник - субъект прелюбопытный Сергей Дмитриевич Стеклов, оказывается, просто в детстве не наигрался "в больничку". Следствию он говорил, что была у него голубая мечта - стать доктором, но не разрешили папа и мама. А пришлось идти в монтажники. Но все равно мечту свою Сергей Дмитриевич не схоронил: читал всякие медицинские книжки, принадлежавшие жене (она медсестра), особенно часто мусолил литературу по гинекологии. И вот однажды гинеколог-любитель понял, что становится профессионалом: его час пробил, предмет он знает. И так уж случилось, что острое желание "попрактиковаться" возникло у Сергея Дмитриевича после принятия на грудь 0,7 литра водки плюс пива. Увидел на улице телефон, наугад набрал номер. Разыграл маленький спектакль, и сразу повезло...

За "обследование" Нины Петровны монтажник получил 2 года. Но неожиданно выяснилось, что после первого разоблачения он вовсе не оставлял своей "практики". Гуляя с подпиской о невыезде, Сергей Дмитриевич попался теперь уже на "гинекологическом осмотре" 14-летней девочки. В квартире не было взрослых, а школьница не могла и подумать, что дядя не доктор... Впереди новый судебный процесс. А пока психическое здоровье Стеклова (из сочувствия его родным фамилию изменили) изучают специалисты. Не исключено, что феномен гинеколога-монтажника станет новым словом в маньяковедении.

(КОД, № 12, 1996)

"Я НЕ ПСИХ, Я НОРМАЛЬНЕЕ ВАС ВСЕХ!.."

Корреспонденты Олег Кармаза и Сергей Аверкин встретились с убийцей, бывшим милиционером, накануне вынесения приговора.

"Я не убивал, не насиловал! Я просил по-хорошему, и они сами раздвигали ноги..." - чуть не кричал нам сержант милиции Андрей Юркин, когда мы с ним встретились.

Встретились в комнате свиданий для приговоренных к расстрелу.

Пока приговор не вынесен. Йо никто не сомневался - будет "вышка". Об этом, похоже, знает и сам Андрей.

Стараниями местных журналистов его жизненный путь уже досконально изучен. Газеты пестрят фотосериалами: "Юркин на сенокосе", "Юркин с друзьями в день 7 ноября", "Юркин на деревенской свадьбе".

- Гады они, - обижаются на журналистов бывший сержант, - сделали из меня маньяка. А вы жену спросите: я хоть раз на нее голос повысил? Хоть раз ударил?

Сейчас за ним числится 5 жестоких убийств и несколько изнасилований с грабежами.

Рассказывают, что в момент задержания оперативники так "поработали" с Юркиным, что он чуть не отдал Богу душу, еле успели откачать.

"Ты же мент! - втолковывали ему. - Ты же наш, сволочь!.."

Через знакомых милиционеров и "еледоков" он узнавал о показаниях своих жертв. И в зависимости от этого менял одежду, снимал или, наоборот, надевал маску из капронового чулка, выбирал новые места и время нападения.

Схема была незатейливой. "Девушка, вас не проводить, время позднее, хулиганов полно?" И - стальной зажим на шее...

Поначалу он хотел только грабить. Но пришло недовольство: в руках ведь баба, симпатичная, молодая. Товар пропадает! И уже вторую жертву Юркин ограбил и изнасиловал.

А, кажется, на третьей вышла неувязка. Спрятавшись в кустах, возле тропинки, ведущий через лес на городское кладбище, Юркин решил ограбить молодку. Выскочив, по привычке обхватил жертву за шею, но не тут-то было. Девчонка пихнула его локтем под дых и со всей мочи рванулась вперед. В руках у Юркина осталась лишь сумочка с тремя тысячами рублей...

И Юркин понял: нужен напарник. Выбор пал на Валеру Лаврушкина, с которым Юркин "качался" в секции. Хоть и шестнадцать лет всего, а до баб охочий. Лаврушкин согласился сразу. "С каким-то даже восторгом, - удивлялся впоследствии Юркин. А чему удивляться? Ведь "дело" предложил сам "Юрок", спокойно выжимающий штангу в 120 кг!

"Дебютировали" Лаврушкин и Юркин буквально через несколько дней. Заметив в троллейбусе симпатичную девушку - 22-летнюю Нину Т. - вышли вслед за ней и тут же затащили за остановку.

Украшения - золотую цепочку и колечко - Нина отдала сразу. А на предложение "повернуться спиной и нагнуться" (излюбленная поза двоих подонков) ответила категорически отказом.

Избили ее страшно. Не лицо - сплошное месиво. И все равно заставили сделать то, что хотели...

На остановке толпились люди. Ни один не заступился. Ни один не поднял крик. Люди стояли и делали вид, будто не понимают, что творится за

остановкой (когда Юркина задержали и его фотографию напечатали местные газеты, в милицию пришел дородный мужик, пылко заявивший: "Я был однажды свидетелем его преступления. Как-то раз на остановке он буквально в нескольких шагах от меня изнасиловал девушку..." - "Так что же ты, мать твою, не позвонил хотя бы в отделение", - зло крикнул ему "опер"...))

Первый "успех" вскружил дуэту голову. 16-летний "салага" не отставал от Юркина: "Пошли еще трахнем..." - "Ну пошли", - добродушно согласился наставник.

24-летнюю Наталью Якушкину они встретили недалеко от секции. Заташили за гараж, избили. Ни денег, ни драгоценностей не нашли. "Тогда поворачивайся", - подвел резюме Юркин. "А я вас знаю, - на свою беду сказала Наташа. - Я вас возле общежития видела. Вы там в секцию ходите".

Сообразив, что "засветились", Юркин предложил убить Якушкину. "Конечно", - охотно отозвался Лав-рушкин. Вытащив из кармана заранее приготовленную капроновую веревку, Юркин накинул ее на шею Наташе, Лаврушкин схватил девушку за руки...

- Я хотел только грабить, по мелочи - сережки там, колечко, - клялся нам Юркин. - А убийства - это все сопляк этот, он их душил. Меня один раз даже стошнило, не могу видеть, как люди корчатся...

Грабили они и впрямь по мелочи. У одной из жертв сняли норковую шапку, у другой - сапоги, у третьей - кофточку и ботинки.

Изнасиловав и убив 35-летнюю Наталью Радайкину, залезли в ее сумку. Два пакета молока, вяленая рыба, кусок колбасы... Не пропадать же добру - тут же все съели. Недоеденную рыбу Юркин, завернув в газету, засунул себе в карман: "Дома жрать нечего".

На судебном заседании Юркина спросили: "Вот вы грабили, насиловали... Но зачем же было убивать?" - "На это всегда были веские причины, - мрачно отозвался Юркин. - Очень серьезные причины".

Как, например, в случае с 20-летней Светланой Мароч-киной. Ее он вместе со своим другом Александром Костиным подсадил в машину. Выехав далеко за город, Юркин затащил девушку на склад минеральных удобрений. Там ее избили, изнасиловали. Случайно нашарили в кармане у жертвы пачку "Трихопола"...

"Ты че, нас заразить захотела?" - накинулся на нее Юркин, Марочкину давили ее же шарфом.

Из этой же серии - показания Юркина на суде о его "гуманности к жертвам": когда подельник-Лаврушкин бил очередную из них головой о стену, он, Юркин, дал девушке снег, чтобы приложила к разбитой голове...

"Он или псих, или издевается над нами!" - воскликнул кто-то в зале. "Я не псих, я нормальнее вас всех!" - гаркнул в ответ Юркин.

Подельники валили все друг на друга. Отказывались от своих показаний, тянули время. "Лаврушкин же несовершеннолетний, че он боится - все равно "вышку" не дадут", - злился при нас Юркин. И тут же лез в политику. "Это правда, что мы теперь в каком-то Европейском совете?" - интересовался он у нас. - И что смертную казнь вот-вот отменяют? А что, ребята в камере говорят - точно отменяют..." Многие жертвы опознали Юркина по глазам: преступления он совершал в маске. "У него взгляд - до смерти не забудешь: стальной, металлический, режущий какой-то, как у пилы..." - рассказывали потерпевшие.

Мы можем подтвердить: этот взгляд действительно режет...

- Даст Бог, дадут "пятнадцатку", - говорил он нам, - выйду, обязательно выйду и поговорю с сегодняшними свидетелями и потерпевшими - че врали-то? Нормально поговорю, как надо, без всяких истерик.

- А сейчас чем занимаешься?
- Где, в камере? - отозвался он. - Баб вырезаю из целлофана ложкой и на стену леплю - душа отдыхает.
- Ты знаешь, что для многих стал кумиром? - спросили мы. - Пацаны пишут в газеты, мол, Юркин - настоящий герой, захотел - сделал...
- Козлы они, - засмеялся Юркин, - нашли, с кого пример брать. Я ж по большому счету быдло...
Было видно, что он шутит. Даже заулыбался. Надо же - пример берут...
Ты, Юркин, хуже, чем быдло".

(О. Кармаза, С. Аверкин. Версия-плюс, № 10, 1996)

УБИЙЦЫ НА ДОРОГЕ

1 сентября 1996 года перед Воронежским областным судом предстанут 5 членов новохоперской банды. В течение почти 4 месяцев эти люди орудовали на автотрассе, убивая владельцев легковушек и присваивая их собственность. Бандиты сначала высматривали "Жигули", обгоняли их, раскатывали самодельную ленту "еж" и устраивали засаду. Выходящих из салона водителей убивали из обреза или охотничьих ружей. Кровавый счет преступников - 8 человеческих жизней.

От рук подонков погибла молодая семья Журавлевых. Игорь и Таня работали в самарском представительстве "Комсомольской правды". 15 октября 1994 года супруги возвращались от родителей с Украины на только что приобретенной "трешке". Игорь в свете фар заметил блеснувшую отточенными колючками ленту. Когда наш коллега остановил машину и вышел, бандиты хладнокровно расстреляли его. Тело Тани убийцы выбросили в 60 километрах от места гибели ее мужа.

(А. Синельников. Комсомольская правда, 12 сентября 1996)

БЕЛЬГИЙЦЫ ПОЖАЛЕЛИ, ЧТО ОТМЕНИЛИ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ

В детской тихо, как в больнице. Летиция играет с куклой, которую ей подарила ее одноклассница. И хотя Летиции уже 14 лет, детские забавы, как считают мать и врачи, помогли ей забыть ужас своего недельного плена в застенках отъявленного негодяя, 39-летнего педофила Марка Дютру.

Кошмарный сон для девочки начался 9 августа около 9 часов вечера. Она шла домой, но на минуточку остановилась на центральной улице городка Бертрикс, где в это время шумел праздник. Рядом затормозила машина, и водитель поинтересовался: чего это народ гуляет? "Потом кто-то подошел сзади, - рассказывала она позже репортерам еженедельника "Шпигель", - и затолкнул меня на заднее сиденье машины. Водитель угрожал, заставил пить какие-то таблетки..."

Девочка очнулась в грязном подвале. Видимо, в пищу ей подмешивали наркотики, чтобы жертва была в состоянии оцепенения. Периодически заходил Марк и делал с ней все, что хотел. Своего унижения и боли она не помнит. Все затмил страх.

На 4-й день похититель перетащил ее в другую камеру, которая находилась в подвале. Там уже сидела 12-летняя Сабине, для которой ужас длился более 2

месяцев...

Когда пропала Летиция, на ноги была поднята вся жандармерия маленького городка. Искали свидетелей. Один школьник случайно запомнил часть номера белого автомобиля.

По полицейскому компьютеру установили его владельца. Им оказался ранее судимый Марк Дютру, который в 1985 году похитил пять девочек, насильствовал их и снимал всю эту вакханалию на видеофильм. Зачем? Детская порнография всегда в цене у извращенцев.

Но день, когда освободили Сабине и Летицию, все же оказался черным: во время обыска на участке, принадлежащем Дютру, жандармы обнаружили в земле три трупа в пластиковых мешках. Жертвы были опознаны: ими оказались 8-летние подружки Джулия и Мелисса, которые пропали в июне прошлого года, и приятель Марка, француз Бернард Вайнштейн.

После этого Дютру начал давать показания. Дружку он подсыпал сильнодействующий наркотик, а потом закопал его в землю еще живым. Тот должен был приглядывать за малышками, пока Марк сидел 3 месяца в тюрьме за кражу автомашины. Но когда Дютру вернулся, одна девочка уже умерла от голода, а другая скончалась прямо у него на руках.

Педофилия - половое влечение к детям - это страшный и практически неизлечимый недуг. За первое свое преступление в 1985 году Дютру получил 12 лет, но отсидел всего 6: его выпустили за примерное поведение. Причем тюремный психолог был против, а вот тогдашний бельгийский министр юстиции все же санкционировал досрочное освобождение.

Первое время к Марку регулярно навевывались люди из социального отдела, которые проверяли, исправно ли он платит деньги (ежемесячно около 30 долларов) "за нанесенный ущерб" своим бывшим жертвам. Потом о педофиле практически забыли.

На прошлой неделе Дютру впервые привезли в суд. Он дает показания за пуленепробиваемым стеклом. Здание пикетируют граждане, которые требуют смертной казни для насильника (она в Бельгии была отменена в июне).

А тем временем вскрываются новые обстоятельства. Следователи подозревают, что Дютру причастен к похищению еще двух девочек, которых он, предположительно, продал в один из публичных домов Словакии.

В небольшом городке под Льежем, откуда родом Джулия и Мелисса, мимо их гробов, выставленных на три дня для торжественного прощания, прошли тысячи людей.

...Все минувшие дни в доме и на земле, принадлежащей Дютру, работали криминалисты. Им на помощь из Англии прибыл знаменитый комиссар Джон Беннет со своим сверхчувствительным радаром, с помощью которого были обнаружены в земле трупы 10 жертв "дома ужасов" в Глочестере.

Ищут новых свидетелей или жертв преступлений, которые совершил педофил, так что в деле бельгийского маньяка, пока рано ставить точку.

(И. Являнский. Комсомольская правда, 3 сентября 1996 г.)

НЕВЕСТА НА... ГРИЛЕ

Даки Хаимбе, 50-летнего вождя племени даки в Новой Гвинее, разыскивает полиция, чтобы арестовать и отдать под суд. Но он скрывается в джунглях и, вполне вероятно, так и не выйдет оттуда.

"У нас есть доказательства, что этот человек предлагал руку и сердце

шести женщинам из Японии, Австралии, Индонезии и Филиппин. Все они по его вызову прибыли в Новую Гвинею, где он убил их, зажарил на костре и съел, - сказал журналистам местный полицейский инспектор Эрик Инебе. - Мы послали опергруппу в его деревню, но его и след простыл. Здесь у нас полно мест где не ступала нога человека и где можно скрываться сколько угодно".

Леденящие душу рассказы о "невестах на гриле" появились после того, как в деревне Даки Хаимбе заночевала экспедиция ученых-антропологов, и проводник-переводчик подарил вождю каталог международного бюро знакомств с фотографиями и данными красоток-невест. Когда Хаимбе услышал, что за определенную сумму можно выписать и получить любую из них, он облизнулся и вскоре поехал в административный центр, город Кепи.

"Он явился к нам в брюках и рубашке, - рассказывает менеджер бюро Дебора Ху. - Для начала Хаимбе выбрал самую упитанную невесту и попросил, чтобы я написала ей от его имени. Он пояснил, что поранил руку и не может писать сам. Я послала этой женщине два-три письма от его имени, и вскоре она отправилась к нам с Филиппин, чтобы выйти за него замуж".

В первый же день, когда его филиппинская суженая приехала в Кепи, Хаимбе отвез ее в свою деревню на "свадебный праздник", не сказав, что коронным блюдом праздничного обеда будет она сама. "План людоеда удался на славу, - продолжает инспектор Ине-бе. - Даки Хаимбе повторил его еще пять раз, пользуясь услугами разных агентств. Но в итоге мы вышли на его след, хотя сейчас этот след затерялся в джунглях. Только представьте себе, этот негодяй заказывал женщин на обед точно так же, как вы заказываете по телефону пиццу!"

В публикации из "Weekly World News", которую мы привели, ее "герой" Даки Хаимбе предстает как бы в двух криминальных обликах. Он людоед, и этим все сказано. Но он еще и своеобразная разновидность брачного афериста - распространенной в наше время категории мужчин-"искателей".

О каннибальской сущности Хаимбе и ему подобных размышляет врач-психиатр Н. И. Олейников:

- Каннибалов сегодня можно встретить не только в Африке или на далеких островах. Американский священник Гэри Хейдник был хорошим соседом, и только иногда из его дома сладко пахло паленым мясом. Соседи жаловались на шум в доме, - полиция бездействовала. Пока одна из жертв не сбежала из дома основателя своей собственной религии - объединенной Церкви служителей Господа. Психически больной Хейдник похищал молодых женщин, пытал, морил голодом, насиловал. Некоторых жертв съедал и предлагал остальным пленницам питаться человечинной...

В повседневной жизни людоеды, увы, ничем не отличаются от нас. Легендарный каннибал, бывший десантник Джумагалиев был любимцем женщин.

У

некрофила-людоеда Кузикова никогда не было трудностей в общении с собутыльниками. Как правило, людоеды - скромные трудяги и добрые дедушки, живущие тайной жизнью. Поймать их милиции нередко помогает странная неосторожность преступников. Джумагалиев, например, был арестован после того, как раскрыл гостям на праздничном вечере рецепт кулебяки - голубоглазая блондинка. Ильшат Кузиков из Петербурга при свидетелях вдруг заговорил о банках сушеных ушей и ведрах человеческих костей...

- Отсутствие настораживающих черт в поведении не означает, что эти люди психически здоровы?

- Каннибализм так или иначе связан с нарушениями психики - наследственными либо приобретенными в раннем детстве. Но людоедство может

проявиться и у людей с незначительно деформированной психикой во время острой стрессовой ситуации (борьба за выживание, голод...).

Порой каннибализм сочетает в себе садизм и некрофилию, преступнику хочется видеть страдания своей жертвы, это его возбуждает, а разрядка происходит уже во время поедания. Для садиста главное - власть над жертвой. А максимальная власть достигается, когда он съедает жертву.

"Я всегда хотел быть хирургом, но людоедом, оказывается, лучше. Ведь если ты хирург, то зашил и все, твоя власть кончается. А людоеду тело достается навсегда", - откровенничал в беседе с психиатром петербургский людоед Кузиков (на его счету более 50 растерзанных).

- Играют ли какую-то роль в формировании каннибализма впечатления детства?

- Как показали исследования, в детстве многие каннибалы были частыми свидетелями агрессии родителей, когда, например, отец бьет мать. Со временем акты насилия начинали "притягивать" детей, делая их своеобразными рабами жестокости. Вырастая, они начинают испытывать трудности в общении с женщинами, у них не ладится карьера, да и жизнь вообще, в конце концов, традиционная любовная игра (от ухаживания к близости) перестает привлекать их.

Андрей Чикатило, убивший 55 человек, заманивал своих жертв в лес, истязал их - : вырывал глаза, отрезал язык, отгрызал уши и половые органы, съедал их. На процессе Чикатило заявил, что к каннибализму его толкнуло то, что в период коллективизации семья съела его младшего брата. Отец И. Кузикова задушил мать на глазах у сына, когда ему было 11 лет.

- Можно ли вылечить каннибализм?

- Практически невозможно.

- Как распознать людоеда?

- "Вычислить его можно по... запаху! Каннибалы сильно пахнут. Врачи, осматривавшие Чикатило, дружно отмечают его резкий запах. Тот же звериный запах исходил от петербургского людоеда Кузикова. Это запах присущ психопатам - козлий запах едкого пота, образующегося от крови, в которой нарушен баланс гормонов и катехоламинов.

(Версия, № 11, 1996)

СЫН ЧИКАТИЛО ГОРДИТСЯ

своим отцом

Когда опера ворвались в домик на тихой улице Чкалова, даже они, повидавшие все в этой жизни, не могли оправиться от ужаса: кухня и гостиная, стены и шторы, мебель, аппаратура - все было забрызгано кровью.

- Никогда прежде такого не видел, - говорит журналисту Владимиру Ладному следователь Руслан Магомедов. Но полный шок ожидал оперативников, когда они узнали, чей сын все это творил. А он, сынок знаменитости, первым узнал Ивана Воробинского, начальника криминальной милиции района, с которым знал по отцу еще маленьким, и радостно приветствовал:

- Здравсьте, дядя Ваня!

"УБИЙЦА ВЕКА"

В конце 1990 года в газетах промелькнуло сообщение о том, что удалось арестовать долго разыскиваемого маньяка - жителя Новочеркасска Андрея Чикатило, 1936 года рождения, десять лет терроризировавшего жителей Ростовской и соседних областей.

За это время по сексуальным мотивам он с особой жестокостью убил свыше 50 женщин и детей. Большинство его жертв подвергались после изнасилования чудовищной вивисекции - маньяк отрезал им груди, ягодицы и другие части тела.

Андрей Чикатило долгие годы был вполне благополучным гражданином. Окончил филологический факультет Ростовского государственного университета, женился, вступил в КПСС, исправно платил партвзносы, участвуя в построении новой общности людей - советского народа, растил двоих детей. В разное время работал председателем районного комитета по физкультуре и спорту, учителем(!) в школе, мастером производственного обучения, воспитателем(!) в профессионально-технических училищах, сотрудником снабженческих организаций.

В 1984 году бес попутал - совершил Чикатило хищение, но бдительные органы не дремали: привлекли его к уголовной ответственности за хищение. По этой же причине его исключили из рядов КПСС. Так что последние шесть лет Чикатило убивал людей, будучи уже беспартийным.

Для поимки преступника была создана особая группа, разработана операция под кодовым названием "Лесополоса". Специальные наряды сотрудников в штатском вели наблюдение там, где надеялись обнаружить преступника. Девушки-милиционеры, выполняя роль приманки под видом женщин легкого поведения, слонялись по вокзалам, паркам и тому подобным местам.

Дело осложнялось тем, что никаких свидетельских показаний у милиции не было. Буквально ни один человек из тех, кто находился близ места преступления, не заметил ничего подозрительного.

Впору было назвать убийцу призраком, но все же одна зацепка у милиции имелась - на теле 9-летнего мальчика, погибшего летом 1982 года, была обнаружена сперма четвертой группы. А это по всем классическим законам криминалистики означало, что кровь у преступника тоже четвертой группы.

"Классические законы криминалистики" сыграли, однако, со следствием дурную шутку. В 1984 году одна из оперативных групп задержала Чикатило на вокзале, обратив внимание на его подозрительное поведение. У него взяли пробу крови, но, поскольку группа оказалась второй, преступника преспокойно отпустили.

Впоследствии выяснилось, что физиология Чикатило была аномальной - у него оказались разными группа спермы и группа крови. Святая вера тех, кто вел следствие, в криминалистические догмы дала садисту возможность еще шесть лет насиловать и убивать людей.

Каждый год находили несколько трупов с характерным почерком преступления. Члены оперативной группы ездили советоваться к такому же маньяку-убийце Анатолию Сливко, ожидавшему смертной казни в Ставропольской тюрьме. Смертник оказался разговорчивым. "Во-первых, - убеждал он, - здесь нужно искать не одного, а нескольких убийц: один на такое не способен. Во-вторых, ищите того, у кого есть какой-то возбуждающий образ". (Для Сливко таким "образом" служили мальчики в белых рубашках.)

Но и советы маньяка следствию не помогли. А помогла случайность.

1990 год был для Чикатило "урожайным" - шесть убийств. Последнее преступление он совершил 6 октября недалеко от станции Лесхоз, 13 октября обнаружили труп убитой женщины. При опросе возможных свидетелей выяснилось,

что сержант милиции Игорь Рыбаков 7 октября обратил внимание на мужчину с портфелем, который брел к станции, и проверил у него документы. Документы были в порядке, но, к счастью, сержант запомнил фамилию - на букву Ч. Отыскали Чикатило быстро, но сразу брать не стали - а вдруг ошибка? Лишь присмотревшись к его поведению и поняв, что этот пожилой мужчина активно интересуется мальчиками, его арестовали.

Довольно быстро преступник сознался в 35 убийствах (хотя, возможно, их было больше). Свои показания он начал с того, что назвал место, где закопал одну из жертв.

Позднее было доказано, что Чикатило совершил 53 зверских убийства - большего не было за всю историю человечества.

Чикатило был приговорен к смертной казни по уголовным кодексам трех республик - Украины, России и Узбекистана. Находясь в камере смертников, преступник дал эксклюзивное интервью газете "Комсомольская правда", где рассказал о последних днях перед казнью:

- Никто не приходит. Жена и все родные уехали, и мне не говорят куда. Не знаю, почему. Никто не хочет навестить.

Насчет "никто не хочет" - неправильно. Родственники действительно скрылись, сменив фамилии, боясь самосуда потерпевших. Официальный же интерес к Чикатило огромный. Ученые ряда стран мечтают изучить этот феномен, предлагая за один лишь мозг маньяка-рекордсмена огромные валютные суммы.

Корреспондент задает вопросы:

- Как с вами обращаются?

- Хорошо. Уважительно. Чего ж - нормально.

- Как кормят?

- Да мне что, я привыкший уже - всю жизнь по командировкам, по уралам да сибирям всяким. Мне что ни поешь. А тут рыба, овощи. Сижу, читаю.

- А что вы сейчас читаете, Андрей Романович?

- Сейчас Николая Островского. Да всякие вот выдает тюрьма, видите. (Поднимает занавеску и показывает сложенные за ней полтора десятка книг).

- Верховный суд утвердил приговор?

- Да, то есть как утвердил - снял часть статей. Так я ж подал апелляции и в Президиум ВС, и генпрокурору подал, и адвокат мой доказал же, что все нормально. Они там, в следствии, навешали на меня трупы со всего Союза. Все группы крови подогнали, вторую - крови, четвертую - спермы. Для отчета. Да я уже в суд все это писал, я их покритиковал за это.

- Вы пишете апелляции, значит надеетесь на помилование?

- Да я уж так, отстраненно, где-то не на земле, а выше, у Бога, что ли. Во Вселенной где-то, смотрю на все оттуда. Я уже выше всего этого.

- Вы верите в Бога?

- Да так, средне. Надеюсь.

ЕДИНСТВЕННАЯ ОПОРА В СЕМЬЕ

Для водителя фуры-большегруза Леши этот рейс обещал быть веселым и простым. В Курске он под завязку в прямом смысле слова затарился - загрузил автомобиль тарой, да и попер по трассе на Ростов-на-Дону. Тогда он не представлял, что поездка эта обернется кошмаром, о котором помыслить не могли ни он и никто из его коллег.

Машина заглохла под Каменском неожиданно, но это для опытного водителя еще не беда. Починить не смог. Обратился за помощью.

Хозяева, однако, восприняли происшествие иначе: кинул! Где товар?..

Когда его били, он думал, что пришло самое худшее. Но худшее было впереди.

Очнулся он от боли, связанным. И почувствовал, что в его тело медленно и со вкусом вводят нож.

...Автор этой статьи держал потом этот нож в руках - обыкновенный, старый, кухонный, в деревянную ручку с двумя гвоздиками вьелась человеческая кровь. Юрий Андреевич резал им умело, долго и с удовольствием. Еще он бил день за днем - жестоко и бесконечно, бил, когда сломанные им ребра Леша уже продырявили легкие и кровь, пузырясь, вырывалась наружу с воздухом из них. "Проверь, весь товар на месте, я ничего не брал", - хрипел Леша, пока мог говорить. "Да? Тогда пиши расписку, - диктовал Юрий. - "Его величеству Юрию Андреевичу. Обязуюсь отдать деньги в долларах в сумме..." Написал? Правильно, А теперь давай работать дальше".

Но когда хуже, казалось бы, быть не могло, новый шок ждал Алексея.

- Знаешь, что вообще тебя ждет? С кем имеешь дело? - спросил его мучитель. - Ну так смотри, - и сунул свидетельство о рождении. - Фамилия моя тебе ни о чем не говорит? И правильно. А теперь смотри, кто предки.

В графе "родители" Леша с ужасом прочел; "Мать - Чикатило Евдокия Семеновна, русская. Отец - Чикатило Андрей Романович, украинец".

Фамилия сына, Юрия Андреевича, августа 1969 года рождения, тоже значилась в показанном Леше свидетельстве - изменена 11 января 1991 года в загсе Новочеркасского горисполкома Ростовской области, запись № 3. Записей в той книге за тот период было немного: переименовываться нынче не модно, и все касались одной фамилии - Чикатило.

Милиция настояла тогда на этой мере, чтобы обезопасить семью: слишком много было желающих отомстить если не самому Андрею Романовичу, то хотя бы близким его. Она же, милиция, помогла переименованным Чикатило уехать, раствориться в соседней республике, Украине, которая стала впоследствии и другой страной.

Они сделали все, спасая маленького Юру, чтобы не нес он, как страшный крест, фамилию отца и дела его.

Евдокия Семеновна Чикатило, жена покойного Андрея и мама Юры, приехала к следователю сама через день после Юриногo задержания. Маленькая, рано постаревшая, хотя и сохранившая отблески былой красоты, с легкой сединой в темных волосах и бесконечной болью в темном, замученном взгляде. Узнав, что с сыном беда, она примчалась сюда из Харькова, куда переселилось большинство переименованных из семейства Чикатило. В большом городе легко затеряться, на что и делался расчет.

Но мысли, боль души не затеряешь и не увезешь. И когда им в Харькове сообщили, что с Юрой беда, его мать и сестра (соответственно жена и дочь А. Ч.) прилетели, как на крыльях.

- Я ведь просила, так просила сыночка Юру не уезжать, остаться с нами, он у нас, женщин, - последняя единственная теперь опора; да куда там, не послушал, - повторяла Евдокия Семеновна.

Сестра Юры, Светлана Чикатило, - умная, решительная, с двумя взрослыми уже детьми, тоже переживала из-за переплета, в который попал брат. Вызвала их обеих невестка Таня - симпатичная стройная блондинка, жена Юры в гражданском браке, подарившая ему сынишку - тому исполняется уже два года, смысленный крикливый карапуз. Вообще, если глянуть на улице - счастливая семья.

- Знаешь, я понятия не имела, что мой муж - сын того самого

Чикатило, - говорит Татьяна. И ей веришь. Потому что Евдокия Семеновна тоже, по ее утверждению, не подозревала о многолетних ежемесячных убийствах, которыми занимался ее муж.

Одета Таня шикарно: работает "челноком", возя из Турции кожу да другой ширпотреб. Тем же временами занимался Юра. На вопрос, почему брак с Юрой не зарегистрировали, хотя сын общий есть, она искренне удивляется:

- А зачем бумажки оформлять, если человеку веришь? ...Оговорюсь сразу: все это произошло весной 1996 года, следствие вообще стартовало в полную силу лишь в конце апреля, поэтому обстоятельства дела хранятся в особом секрете, да и выяснены не вполне.

Оттого и здесь не гарантируется юридическая точность всех описанных действий - суд может еще изменить трактовку. Хотя ведущий дело опытный следователь капитан Руслан Магомедов уже сейчас достаточно категоричен.

- Статьи 117, 108 и 126 вменяются ему железно. То есть незаконное лишение свободы человека, которого он истязал. Подделка документов. Изнасилование... Да и еще многое за ним тянется, только удастся ли доказать?

Изнасилований подозревают несколько: одной своей знакомой, например, в случае отказа он обещал отрезать уши ее друга. Но заявление лежит одно. От двадцатилетней подруги хозяина той самой квартиры у "Ростсельмаша". Именно из-за нее, как подозревает следствие, Юру крепко избили, да еще отобрали "БМВ", на котором он прибыл в город. Очухавшись, Юра "наехал" на хозяина квартиры, требуя у него расписку на 10 тысяч зеленых, иначе угрожал вырезать семью и разбросать куски по городу.

Зарабатывал он в Ростове, впрочем, и без того неплохо, метод избрав достаточно оригинальный: ходил по киоскам якобы от имени их хозяина и якобы в качестве кассира забирал деньги. Дома нашли кучу разной аппаратуры - от телевизоров "Фотон" до музыкального центра "Сони", все аккуратное и новенькое, только кровью немножко забрызгано.

Если полистать его записную книжку - зелененькую, с умильным желтым цветочком. Самым первым под обложкой, еще до алфавита, крупно записан телефон адвоката. Его и вызвал Юра сразу, как задержали. Был всегда готов.

Сегодня Юрий так же, как когда-то его отец, требует психиатрическую экспертизу. И делает это в том же СИЗО, где прежде его отец. Случайность? Сочтем, что так.

(В. Ладный. Версия-плюс, № 9, 1996; В. Ладный. Комсомольская правда. 14 января, 1994; В. Бут. Маньяк. М., 1992; М. Кривич, О. Ольгин. Товарищ убийца. М., 1992)

"ПОЗАБОТИЛИСЬ" О ПРЕСТАРЕЛЫХ

За убийство одиннадцати человек к смертной казни Мосгорсудом приговорены руководитель зловещей банды - благотворительного центра "Хелл" Кур-дин и два его наиболее активных подельника Сайфаев и Сидоров. Еще три члена этой группировки получили по восемь лет лишения свободы.

Мосгорпрокуратура установила, что четыре года назад (в начале 1990-х) эта теплая компания носила вполне respectable название и предназначалась для весьма богоугодных дел. Все началось с заключения договоров на пожизненное материальное обеспечение и моральную поддержку престарелых московских пенсионеров.

Однако после того, как соответствующие документы оформлялись, "благотворители" убивали своих неосторожных клиентов - пожилых, инвалидов, алкоголиков, а их квартиры после ряда махинаций продавали. Для расправы над людьми банда Курдина использовала автоматы, маузер, револьвер, холодное оружие.

(Версия, № 6, 1996)

ЗЛОСТНЫЙ НАРУШИТЕЛЬ

Без малого 400 раз американские полицейские задерживали 67-летнего Велдина Редмона за управление автомобилем в нетрезвом состоянии. Закоренелый рецидивист, установивший за полвека водительской практики своеобразный рекорд злостного нарушения правил, был в очередной раз арестован в окрестностях города Андерсен в штате Индиана.

Офицеру дорожной полиции не пришлось долго принюхиваться, чтобы заподозрить неладное. На предложение пройти медицинское освидетельствование пожилой водитель отреагировал несколько неожиданно: выскочил из машины и набросился на полицейского с кулаками. Вскоре выяснилось, что его документы были не действительны уже в 1977 году. Велдин Редмон был по решению суда навсегда лишен водительских прав за многократное нарушение правил дорожного движения. С 1947 года, когда хронический нарушитель впервые сел за руль, полицейские 33 раза отбирали у него водительскую лицензию.

Нынешний арест может стать для Редмона последним в случае, если суд признает его виновным. Любителю выпить за рулем придется провести восемь лет за решеткой.

(КОД, № 12, 1996)

"МАНЬЯК ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ"

Заехав на стоянку возле своего дома в пригороде Сан-Диего, 20-летняя Джуди Дейвис услышала сзади легкий стук. Она оглянулась и увидела мужчину, который направлял на нее дуло пистолета. Он силой ворвался в машину и, продолжая держать женщину под прицелом, выехал со стоянки.

Было уже темно, но Джуди хорошо разглядела преступника: белый, рост примерно 1 метр 60 сантиметров, борода, усы, очки в тонкой металлической оправе, перчатки. Одет в темно-коричневую кожаную куртку.

- Зачем вы это делаете? - сквозь слезы спросила она. - Почему именно я?

- А почему бы не ты? - ответил он.

Затем он потребовал деньги. Джуди открыла кошелек, и похититель забрал 11 долларов. Доехав до парка в Сан-Карлосе, он выволок ее из машины, велел раздеться и изнасиловал, после чего отвез к банкомату и снял по ее карточке 100 долларов.

На обратном пути он гнал машину. Джуди еще в парке, когда он снял перчатки, заметила у него обручальное кольцо и теперь подумала: "Наверное хочет успеть домой, прежде чем вернется жена".

- Пусть это останется нашей маленькой тайной, - сказал он на прощанье. Если кому-нибудь расскажешь - убью. Однако девушка все же поделилась со

своими лучшими подругами.

Джуди отказалась заявить в полицию. Но подруги позвонили приятелю Джуди, который сообщил в полицию, а затем и родителям. Не прошло и часа, как все собрались у Джуди.

На следующий день Кристина Грегг, следователь по делам о сексуальных преступлениях из полицейского управления Сан-Диего, пришла к потерпевшей домой. С ее помощью Джуди составила фоторобот насильника. "Мы полагаем, что это не первое его преступление в нашем районе", - сказала Грегг.

За прошедшие четыре месяца три женщины стали жертвами насильника. Его приметы совпадали с теми, которые дала Джуди, причем во всех случаях это происходило в том же парке или поблизости от него. В полиции преступника окрестили "маньяком из Сан-Карлоса".

Грегг и ее коллеги прочесали места преступлений, опросив десятки людей. У полиции имелись пробы его семенной жидкости, но нельзя было провести сравнительный анализ, пока не задержан подозреваемый. Тем не менее кое-какую информацию о преступнике это дало: ни в одной из проб не было обнаружено сперматозоидов, вероятно, ему сделали вазэктомию. Грегг развесила в районе парка фоторобот маньяка с призывом к женщинам остерегаться этого человека.

25-летняя Синди Гэллоуэй, изучающая психологию в университете Сан-Диего, узнала про изнасилования от коллеги, которая тоже подверглась нападению маньяка, но в полицию не заявила. Рассказывая об этом соседке, 27-летней студентке юридического факультета Синди Фриман, Гэллоуэй не могла сдерживать негодования: "Невозможно больше это терпеть! Неужели из-за того, что мы женщины, мы должны сидеть в четырех стенах, как в тюрьме?"

Подруги решили взять дело в свои руки. Прежде всего они изготовили 450 копий бюллетеня полиции и распространили их в Сан-Карлосе. Затем обратились к прессе. В интервью Гэллоуэй не уставала повторять: "Кто-то должен знать этого типа. Кто-то из вас живет с ним по соседству". Отношение полиции к деятельности Фриман и Гэллоуэй не было однозначно. С одной стороны, в полицию обратилось множество людей, желавших помочь следствию. Но с другой стороны - Кристин по опыту знала, что всеобщее внимание, как правило, заставляет серийного преступника затаиться. Потом он меняет почерк и объявляется уже в другом месте.

Так и случилось. Преступник вновь дал о себе знать в близлежащем городке Ла-Меса. Месяцев через семь после нападения на Джуди Дейвис в квартиру 19-летней Дженнифер Кабелло пришел мужчина, якобы желая снять комнату по объявлению. Та предложила ему посмотреть комнату. Едва она отвернулась, как он ткнул ей в шею пистолет и приказал лечь на кровать. Сев на нее верхом и по-прежнему держа пистолет у ее шеи, он начал раздевать девушку.

- Мне больно, - сказала Дженнифер. - Уберите пистолет, я сделаю все, что вы хотите.

Как только он отвел пистолет, девушка свободной ногой изо всех сил оттолкнула насильника, так что тот грохнулся на пол. Какое-то мгновение, показавшееся вечностью, они смотрели друг на друга, не отрываясь. Потом преступник вскочил и бросился бежать.

Не помня себя от ярости, Дженнифер кинулась вдогонку. В гостиной она схватила его за рубашку и попыталась свалить на пол. "Я готова была убить его", - вспоминала она. Но ему удалось вырваться.

В течение двух последующих лет маньяк совершил еще несколько изнасилований, выискивая добычу по всему округу Сан-Диего, но избегая Сан-Карлоса. Он приходил к тем, кто помещал объявления в газетах об аренде.

Иногда представлялся Эдом. Газеты писали о "маньяке по объявлению", но его ни разу не связали с насильником из Сан-Карлоса. Кристин Грегг и ее коллеги рассудили иначе.

По просьбе Грегг специалисты ФБР создали психологический портрет преступника и пришли к заключению, что изнасилования, возможно, совершены не одним и тем же человеком. Грегг, однако, считала невероятным, чтобы два разных насильника, оба с бородой и в очках говорили своим жертвам одно и то же и в одинаковой манере...

Тем временем маньяк проявлял все большую жестокость. Одна из его жертв сказала что, возможно, больна СПИДом, тогда он, изнасиловал ее ножкой от стола. Другая пыталась выхватить у него нож, на что он сказал: "Теперь тебе крышка". Он душил женщину, пока та не потеряла сознание, надругался над ней и ножом рассек груди.

После шумихи в прессе вокруг "маньяка по объявлению" Эд снова сменил тактику. На этот раз он явился к женщине, давшей объявление о продаже подвенечного платья, и сказал, что он художник школьного театрального кружка и подбирает костюмы для спектакля.

Он попросил хозяйку примерить платье, а потом изнасиловал ее.

20 января 1992 года Кейти Ланнет (имя изменено), 32-летняя работница медицинского учреждения, заехала в гараж трехэтажного дома, в котором она жила, и закрыла за собой автоматические ворота. Когда она хотела зажечь свет на лестнице, на нее набросился мужчина, на лице у него была горнолыжная маска, на руках резиновые перчатки. Он заставил женщину подняться в квартиру. Одну ее руку он приковал наручниками к кровати, вторую - хотел привязать колготками, которые нашел у нее в шкафу. В этот момент кто-то позвонил в дверь. Кейти закричала, и преступник сбежал.

Дом продавался, и всю осень на двери был кодовый замок. Туда приходили агенты по торговле недвижимостью, которые показывали дом покупателям. Им был известен код. Позднее полиция получила список этих агентов.

Преступник оставался на свободе, и пять месяцев спустя Ланнет обратилась в частное сыскное бюро. Его руководитель, бывший сотрудник ФБР Уэйн Оуэне, поручил расследование Джону Гамберцки, в прошлом также агенту ФБР. Работники полиции были рады помощи - дел им приходилось вести много, а людей не хватало. Гамберцки запросил список лиц, имевших доступ в дом Ланнет.

Один из агентов, 33-летний Курт Ньюман, недавно сменил работу. С женой и двумя детьми он жил в Сан-Карлосе, в полутора километрах от того парка, где было совершено несколько изнасилований.

7 июля Гамберцки позвонил Ньюману и задал ему несколько вопросов. Был ли он в доме Ланнет вечером 20 января? Нет, ответил Ньюман, он был на курсах японского языка в университете Сан-Диего. Позднее Кейти Ланнет отметила, что 20 января - День памяти Мартина Лютера Кинга, официальный нерабочий день - и ни на каких курсах Ньюман в тот вечер быть не мог. Гамберцки снова позвонил Ньюману, который на этот раз занял оборонительную позицию и отказался отвечать на вопросы.

У Гамберцки и Оуэнса появились подозрения, и они попросили Ланнет опознать Ньюмана из спецфургона, откуда вели видеосъемку.

Женщина не могла сказать наверняка: под темными очками она не разглядела глаза, а именно глаза того человека она запомнила хорошо.

Примерно через неделю Оуэне и Ланнет, которая после нападения изменила прическу, вошли вслед за Ньюманом в лифт в здании, где он работал. Стоя в полуметре от него, Кейти узнала его глаза. Оуэне что-то спросил Ньюмана про

его яркий галстук, и тот охотно вступил в разговор. Ланнет узнала и голос. Когда Ньюман вышел, она сказала Оуэнсу: "Это он".

ПРИМЕРНЫЙ СЕМЬЯНИН

Частные детективы передали видеозапись в полицию, где с ней ознакомились следователи. Человек на экране был похож на примерный портрет разыскиваемого насильника. Когда Кристин Грегг показала фотографию с водительских прав Ньюмана одной из потерпевших, женщина опознала его. 3 августа 1992 года Грегг с двумя полицейскими пришла к Ньюману на работу. "Мистер Ньюман, вы арестованы", - сказала она, защелкивая наручники.

Хотя фоторобот "маньяка из Сан-Карлоса" действительно передавал сходство с Ньюманом, никому из сослуживцев или соседей последнего и в голову не пришло заподозрить этого примерного семьянина, в прошлом лейтенанта военно-морских сил, имевшего два университетских диплома.

Вскоре Грегг узнала еще одну причину, по которой Ньюману удавалось так долго скрываться от правосудия. Он было нетипичен: его ни разу не задерживала полиция, он ни разу не попадался даже за рулем за нарушение правил.

Грегг и ее коллеги произвели обыск в доме Ньюмана, осмотрела его машину и стол на работе и нашли улики против него, в том числе куртку, в которой его три года назад запечатлела телекамера у банкомата. Выяснилось, что Ньюману действительно сделали вазэк-томию.

Две из первых пострадавших указали на него на опознании в полиции, так же как и 13 сравнительно недавних жертв, включая Джуди Дейвис. Обвинитель Джозефин Кирнан была непреклонна, требуя максимального наказания за попытки убийства, грабеж и похищение человека.

Ньюман отказался давать показания в суде и не признавал совершение преступлений, хотя в беседе с психиатром он говорил, что насиловал женщин. В январе 1993 года он был признан виновным по всем 50 выдвинутым против него пунктам обвинения.

Судья Наполеон Джоунс приговорил Ньюмана к 294 годам тюрьмы плюс к трем пожизненным срокам без права на досрочное освобождение в течение первых 168 лет (Приговор был обжалован).

- Это дело - пример того, как может работать правоохранительная система, - заявила Кирнан.

- Мы имели показания потерпевших, которые опознали подозреваемого. Кроме того, следователь не отступилась от этого дела, а судья не побоялся назначить максимальное наказание.

Что касается Кристин Грегг, она связалась с полицейскими управлениями в городах, где жил Ньюман во время службы во флоте с 1982 по 1987 год. Она уверена, что он насиловал женщин не только в Сан-Диего.

"Если на его счету есть еще жертвы, они будут рады узнать, что от этого маньяка никто больше не пострадает".

(КОД, № 9, 1996)

"ДЕЛО ВРАЧЕЙ"

Это громкое дело привлекает пристальное внимание журналистов, и ход его

отражен в статье Янины Соколовской "Дело врачей", напечатанной в газете "Известия" 9 октября 1996 года.

"Дело о поставках детей из львовских клиник за рубеж поражает размахом и жестокостью взрослых, и их безнаказанностью. В нем замешаны некоторые депутаты и ведущие медработники страны. Экспорт детей поощрялся, - государство оказалось не в состоянии содержать украинских сирот. Правоохранительные органы, два года назад (в 1994 г.) начавшие расследовать это дело, до сих пор не могут довести его до суда - слишком сильно влияние фигурирующих в нем лиц. Мы предприняли попытку альтернативного журналистского расследования, и удивительно, - отыскать удалось даже "потерянных" следствием свидетелей.

РОМАН И ЮЛЯ

По словам следователей, из Львова за границу были переправлены 136 детей. Основными участниками этого бизнеса стали главврач Львовского перинатального центра В. Дорошенко, руководитель Камен-ско-Бугской районной больницы Ю. Великий и шеф Львовской областной больницы Б. Федак. Эти фигуранты поставляли детей. А глава галицкой райадминистрации З. Урсул и зам. председателя обл. администрации Львова Ю. Зима подписывали разрешение на иностранные усыновления. "Эти люди наладили тайную систему поиска малышей, от которых отказались родители. В ней были задействованы около 70 медработников - от главврачей до санитарок".

Одним из первых продали иностранцам Романа Голопуппу - за шесть тысяч долларов. Через три года Романа вернули на родину, и он тихо скончался "от болезней и крайнего истощения". В свои 3,5 года он весил пять килограммов.

Купившая его американская семья Брукс даже не догадывалась о том, что малыш тяжело болен менингитом - "продавцы" им об этом не сказали. Три года Бруксы пытались вылечить малыша. Когда поняли, что надежд нет, а расторгнуть усыновление нельзя, подкинули его в одну из львовских клиник, где малыш и умер.

Виновниками трагедии и "продавцами" Романа были двое - главврачи Львовского перинатального центра Владимир Дорошенко и глава галицкой райадминистрации Зиновий Урсул.

Роман родился в клинике Дорошенко, от него отказалась мать, и для главврача это стало настоящей удачей. Он уже знал подходящих усыновителей. Дорошенко спрятал малыша на одной из своих тайных квартир, которые служили своеобразными "камерами хранения" живого товара, где хозяйничали бывшие медработники.

Когда Роман заболел, хозяйка отвезла малыша в восьмую львовскую больницу. Там его выхаживали десять дней. На 11-й явился Дорошенко и потребовал отдать ему младенца: мол, оформлены документы на его усыновление, за ним прибыли американцы. Врачи не соглашались "за десять дней менингит не лечится". Тогда в больницу срочно прибыл Зиновий Урсул. На глазах изумленных медиков он состряпал документ: решением галицкой администрации ребенок переводится на лечение в Москву. Поставил печать и подпись. На следующий день малыша отправили в США.

Не менее драматична история 17-летней Юли Цимерман, два года назад проданной американской семье До-блер и недавно вернувшейся на родину. Девочку, нынешнее местонахождение которой не знают даже следователи, мне удалось разыскать. Вот что она мне рассказала:

"В 92-м году я вместе с другими сиротами лечилась в США. Семья Доблер, в которой я жила, хотела меня удочерить, но я не решилась, вернулась домой. Доблере-ры обо мне не забыли - писали, присылали подарки. Они уговорили меня на удочерение. Мой отец не возражал, сказал: "Лишь бы тебе хорошо было". (Надо заметить, что отец девочки тогда только вернулся из тюрьмы, где отсидел восемь лет за убийство Юлиной мамы.) Доблеры прислали во Львов Роберта Брауна, представителя американской усыновительной фирмы. Мы встретились с Владимиром Дорошенко, который убедил меня написать заявление, будто я лежала в его центре и хочу выехать на дальнейшее лечение в США. Он сказал, что с таким заявлением проще оформить выезд. Я написала, что требовалось. Дорошенко оформил документы, даже в ОВИР за моим паспортом ходил. Позже, когда я не прижилась у Доблеров и мне стало настолько несладко, что я пыталась покончить с собой, они сказали, что мое усыновление обошлось им в 13 тысяч долларов".

Юля вернулась домой. Живет с отцом в однокомнатной квартире. Девочка не жалеет, что вернулась, но до сих пор с содроганием вспоминает, как ее продали.

ПЕРВЫЕ УБИЙСТВА

Юля не зря скрывает свой адрес - ее уже пытались найти и припугнуть. На Львовщине о "деле врачей" говорят: не влезай - убьют.

В конце августа 1994 года, когда экспорт детей достиг пика, некто в маске напал на заведующую облздравот-делом Руденя и проломил ему череп. Пострадавшего еле спасли.

Весной 1995-го, когда шло следствие по "делу врачей", в городском парке нашли труп врача Горецкой из Львовского перинатального центра. Виновные не найдены.

Следующей жертвой должен был стать Игорь Пилипчук, начальник регионального отделения Главного управления по борьбе с организованной преступностью, открывший "дело врачей". В Игоря стреляли в темном подъезде и не убили только чудом. Следователи намекнули мне, что следы этого преступления тянутся в облгосадминистрацию. Не исключено, по мнению следствия, что за покушением на Пилипчука стоит зам. главы облгосадминистрации Юрий Зима, выдававший разрешения на иностранное усыновление львовских детей.

Со мной Юрий Васильевич согласился встретиться лишь для того, чтобы заявить: все разговоры о его роли в "деле врачей" - беспардонная ложь, направленная на дискредитацию его как руководителя. Мы беседовали в его роскошном облсоветовском кабинете, сплошь увешанном произведениями искусства. Говорят, Зима-коллекционер не решается хранить их дома после недавнего ограбления, когда якобы унесли 147 антикварных ценностей.

Юрий Васильевич проговорился, что иногда подписывал документы на усыновление, даже не открывая их, что давал "зеленый свет" иностранным посредникам, хотя не мог отличить их от торговцев детьми. Юрий Зима знал, что после мая 1993-го (когда правительство приостановило иностранное усыновление украинских детей) фирмачи-посредники "решали проблемы в Киеве" за определенную мзду. Зима прекрасно сознавал, что за усыновительно-торговыми операциями "стоят деньги".

Но поощрял этот "бизнес" потому, что уверен: детям в Канаде, США или Италии будет лучше, чем в отечественном детдоме.

Судьбы Юли Цимерман и Романа Голопуппы он считает досадными исключениями.

НЕПОДСУДНЫЕ

Юрию Зима пока не предъявлено обвинение, как и некоторым другим живым участкам торговали детьми: главврачу Каменско-Бугской райбольницы Юрию Великому и руководительнице дома ребенка № 2 Тамиле Козлюк. Между тем их заведения стали ведущими центрами по нелегальной переправке малышкой за рубеж.

Я долго искала очевидцев того, как Козлюк и Великий организовывали нелегальный экспорт детей. И нашла - Лесю Степановну Назар. Леся Степановна - женщина не бедная, а нищая. Мужа нет. На свою мизерную зарплату она с трудом содержит себя и мать. "Когда родился Сережа, мне ничего не оставалось, как сдать его на три года на попечение государства в дом ребенка. Его взяли в дом № 2, где начальствовала Тамиле Козлюк". Однажды Т. Козлюк вызвала ее к себе. "Она сказала: твоего сына хотят усыновить иностранцы. Ему там будет хорошо, напиши отказ от него. Но я не согласилась".

Когда Леся Степановна в следующий раз пришла к Сереже, в доме ребенка его не оказалось. Врачи сказали, что его отдали в Америку. Все попытки женщины отыскать ребенка, выяснить, где он, закончились ничем. Спустя годы следователи нашли Сережу - он в Канаде, усыновлен греческой семьей. О своей украинской маме не знает.

Беспредел и детоторговые дела творили в Каменско-Бугской райбольнице медперсонал во главе с Юрием Великим. Тут существовала система поиска в селах района бедствующих матерей-одиночек. К ним приезжали сердобольные медработники и уговаривали отдать ребенка на иностранное усыновление. То ли уговоры были так сильны, то ли беспросветная нужда доводила до отчаяния, но многие матери соглашались. Юрий Великий оформлял младенцев как родившихся в Каменке, получал в местном райисполкоме разрешение на их отправку за кордон. Готовые бумаги Великий передавал главврачу Львовской облбольницы Б. Федаку. Тот оформлял разрешения обладминистрации на иностранное усыновление каменских детей - Ю. Зима охотно подписывал все документы Федака.

Эта отлично налаженная система так и осталась бы тайной, если бы Людмила Орест, заместитель Великого, не рассказала следователям, все, что знала.

Она, главная свидетельница по "делу детей", поведала мне, что торговые операции с детьми в Каменке шли даже тогда, когда в стране было приостановлено иностранное усыновление. Все они осуществлялись по личному распоряжению Б. Федака.

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Пока по этому делу обвиняются трое - главврач перинатального центра Владимир Дорошенко, шеф галицкой райадминистрации Зеновий Урсул и глава Львовской облбольницы Богдан Федак. Им инкриминируются лишь злоупотребление служебным положением и подлог - украинский кодекс не предусматривает наказания за торговлю детьми.

Ю. Великий неподступен. Он - депутат райсовета, неприкосновенный.

Деяния Ю. Зимы и Т. Козлюк, по словам представителей правоохранительных органов, будут расследоваться отдельно. Насколько мне известно, многие иностранные усыновители согласились рассказать, как и у кого покупали детей.

Между тем львовское дело не уникально, заверила меня Нина Карпачова, зам. председателя парламентской комиссии по правам человека. Существуют аналогичные в Тернополе, Луганске, Донецке, только расследуются они крайне вяло. Львовским малышам еще повезло - украинские власти их смогли разыскать, но большинство детей, отданных иностранцам, пропали без вести.

Из 802 малышей, "ушедших" за границу, неизвестна судьба 631. И нет, увы, никаких гарантий, что их не используют как материал для трансплантаций, например".

БЕРЕГИТЕСЬ ИДЕАЛЬНЫХ ЖЕНЩИН!

Прелестная Марыся, молодая, красивая блондинка из Бяла-Подляски, писала так: "Дорогой Ганс! Как и ты, я хочу познакомиться с одиноким и свободным человеком, потом подружиться и, быть может, вступить в брак. Мне 25 лет. Я врач и работаю в больнице, в детском отделении. Не замужем. Люблю путешествовать, наслаждаться природой, слушать хорошую музыку. Я стройна и спортивна, спокойна, терпелива, сердечна, открыта всему новому. Только немножко робка, потеряна. Живу с мамой-пенсионеркой в двухкомнатной квартире".

Марыся - само совершенство, не курит, пьет вино и шампанское, но чуть-чуть. И, естественно, Ганс с восторгом откликнулся. И не он один - 3100 сердец откликнулись на письмо прелестной леди.

Адреса иностранцев Марыся брала в газетах, в разделе частных объявлений. Обольщать их сердца она начала с середины 1994 года.

В следующей переписке сообщала свои размеры: 91-61-90. Признавалась: "Я не богата, скорее, наоборот. Одежда в Польше дорогая, поэтому в свободное время шью себе сама". Марыся сетовала, что даже крошечный польский фиатик "малюх" стоит 17 ее зарплат, если не есть, не пить, и не одеваться...

Когда почтовый роман становился достаточно бурным, возлюбленные Марыси получали письма такого содержания: "У меня к тебе огромная просьба. На работе мы собираем деньги на игрушки для больных детей. Если у тебя доброе сердце и ты хочешь доставить радость нашим детям, пришли мне прямо в письме 250 марок. Для тебя это пустяк, а дети будут счастливы".

Если кандидат в мужа становился чересчур нетерпеливым и звал Марысю к себе, отказа он не встречал. Но судьба строила козни и встреча откладывалась. Марыся была готова уехать в любую "тмутаракань" - в США или Новую Зеландию, но просила прислать деньги на дорогу. Деньги или авиабилеты приходили, и Марыся извещала возлюбленного, что встречу придется отложить в виду непредвиденных обстоятельств - как правило, скоропостижно заболела мама.

"Но я глубоко верю, - заканчивала она письмо, - что мы все равно встретимся. Не обижайся на меня. Крепко тебя целую".

Система работала безотказно. Но неожиданно в ее сети попался Ромео с сердцем Мавра, и сюжет сразу приобрел еще более громкое звучание.

Совершенно обезумевший от заочной любви 45-летний Ганс из Нидерландов примчался в Польшу на своем автомобиле. Его не остановило даже то, что Марыся не сообщила ему свой домашний адрес. В Польше Ганс тут же отправился на почту в Бяла-Подляске. Оттуда его отослали в полицию. А в полиции

сказали: "Не падайте в обморок, ваша Марыся - это мужчина. Его зовут К. Он жулик и арестован".

Ганс не упал, но обомлел. Дома-то весь родной городок уже поджидал его возвращения с молодой женой! Что он скажет землякам?

Ежи К. - профессионал. Когда-то он имел собственную брачную контору. Там его и осенила мысль, что все мужчины мечтают о блондинке-красотке. Особенно слабостью по части блондинок страдают мужчины, дающие объявления в газетах. И он выдумал Марысю, сочинял письма, заказал множество репродукций с журнальных снимков подходящей под образ фотомодели и приступил к почтовым отправлениям.

Когда Ежи К. был разоблачен, у него нашли несметное количество подарков - колготок, чулок, нижнего женского белья, обуви, кофе и сладостей; "архив" - большой коричневый чемодан, в котором он хранил каталог по странам и свою переписку с жертвами заочной любви, а также валюту на 80 миллионов старых злотых (около трех тысяч долларов и бухгалтерскую книгу), из которой явствовало, что на имя Марыси он получил более 17 тысяч долларов и 10 тысяч марок.

Женщины, работающие в прокуратуре, жалеют обманутых мужчин, которым Ежи К. разбил сердце, а сержант по фамилии Медведь смеется:

- Заурядный парень, глаз на нем не остановишь. Но... очень деловой, смекалистый, хороший психолог.

Можно добавить: человек с воображением, прямо-таки писатель, который сочинял многотиражный сценарий.

Трудяга: вести корреспонденцию с такой массой людей со всех концов света - тяжелая работа, отнимающая много времени.

Такой же долгой и нудной работой заняты сейчас полиция и прокуратура. Ведь прибыли Марыси исчислены далеко не полностью. Скромный, но великий мошенник, выступающий от имени Марыси, ожидает суда, пребывая на воле - с него взята подписка о невыезде. Он живет со своей неработающей женой в небольшом, недавно отремонтированном доме, воспитывает двух ребятишек, машины не имеет, в роскош! не купается. Куда же ушли тысячи долларов и марок?

- На текущие расходы! - отвечает Ежи К.

(Л. Корнило. Известия, 23 октября 1996 года)

КИЛЛЕР ПО КЛИЧКЕ РУМЫН

Тридцатитрехлетний Валерий Букатарь по кличке Румын, подозреваемый в серии заказных убийств и задержанный минувшим (1995 г.) летом в Вильнюсе, передан представителям российских правоохранительных органов.

В. Букатарь подозревается не только в убийстве Н. Русских, дочери одного из руководителей нефтяной компании "ЛУКОЙЛ", - девушка была убита тремя выстрелами в грудь и голову в Когалыме Тюменской области, - но и в совершении похожих преступлений в Москве, Перми и Молдавии. Причем, по утверждению российских криминалистов, прибывших забрать известного киллера, существуют веские улики против Румына. Он оставил немало следов преступления, вплоть до записки жене с просьбой спрятать пистолет. Существуют серьезные доказательства того, что он действовал по заранее продуманному плану, согласно которому неведомые враги "ЛУКОЙЛ" приказывали ему убирать членов семей работников этой компании. За убийство Н. Русских

он, якобы, получил 100 тысяч долларов.

Впрочем, сам В. Букатарь за свою судьбу спокоен, страха перед возмездием не испытывает, по крайней мере, на словах, нисколько не боится российской тюрьмы. "Там я поем, выпью и помоюсь", - заявил он сотрудникам вильнюсского изолятора, где несколько месяцев ему пришлось просидеть в ожидании завершения переговоров о передаче его российским властям. А сопровождавших полицейских в аэропорту даже пригласил поохотиться на медведя, уточнив: "Приезжайте после Нового года, тогда я буду на свободе". По мнению литовских оперативников, которые вели дело Румына, изъятая у него толстая пачка сотенных долларов, потраченные в Литве огромные деньги, купленные легковые автомобили и две шикарные квартиры в Вильнюсе, несомненно, являются гонораром за работу и наверняка представляют собой лишь незначительную часть суммы, спрятанной где-то в России.

(Н. Лашкевич. Известия, 9 октября 1996)

ПЕДОФИЛЫ ПОД ПОСОЛЬСКОЙ КРЫШЕЙ

Два сотрудника посольства в Пномпене, три преподавателя французского языка в международной школе "Альянс франсэз", австралийские и американские дипломаты, журналисты и сотрудники гуманитарных организаций значатся в списке педофилов, составленном бывшим австралийским комиссаром полиции Миком Керни.

Этот пространный список стал результатом расследования, которое детектив провел в Камбодже по заданию международной неправительственной организации ЭКПАТ (аббревиатура названия "Положить конец детской проституции в азиатском туризме"). В камбоджийских публичных домах насчитывается около 50 тысяч кхмерских и вьетнамских проституток, из которых около 20 000 - несовершеннолетние.

Некоторые дипломаты, подчеркивает Мик Керни, пользуясь своей неприкосновенностью, совершают насилия над детьми. Именно 5 французов стоят во главе международной сети педофилов, которые, чтобы не допустить скандала, угрожали расправой экс-полицейскому.

Мик Керни был одним из организаторов Всемирного конгресса против сексуальной эксплуатации детей, который состоялся в конце августа 1996 года в Стокгольме. Он же разоблачил австралийского посла в Камбодже Джона Холловея, предоставив правосудию свидетельские показания детей, ставших жертвами чрезвычайного и полномочного.

Холловея, процесс над которым начался в Канберре 16 августа, обвиняют также в использовании фондов по оказанию помощи Камбодже для открытия детских приютов для мальчиков. Он превратил их в некое подобие гарема, которым пользовались и его коллеги. Помимо посла, еще три австралийских дипломата, работающих в Пномпене, предстали в последнее время перед судом.

(Ю. Коваленко. Известия, 1 октября 1996)

"НУЖНО ЖИТЬ ИГРАЮЧИ"

Продавщица куриных окорочков решила: "Надо жить играючи", и при этом

никаких, как выяснилось в ходе предварительного следствия, хитроумных планов Светлана не разрабатывала. Ей всего 23 года, жизненный опыт куций, советчиков из криминальной среды не было. Идея же легко разбогатеть родилась, когда Светлана смотрела по телевизору передачу, посвященную проблемам торговли, в которой в том числе говорилось, что продавцы коммерческих киосков цепенеют от страха, как кролик перед удавом, когда их работой интересуются сотрудники налоговой инспекции.

Дело оставалось за малым: оформиться на службу в налоговую полицию. Светлана "оформилась" без проблем: купила в киоске "Роспечати" красные корочки с оттиснутым на них двуглавым орлом и надписью "удостоверение". Вклеила туда свою фотографию, красивым почерком вписала вымышленную фамилию - Г. В. Звонарева и должность - старший инспектор областной налоговой инспекции.

Процесс начался. Светлана отправлялась на операции с утра пораньше. "Рейды" проводила по киоскам, работающим круглосуточно - к утру в них скапливалась выручка. К тому же в это время, с 6.30 до 8.30, практически исключалась возможность столкнуться с настоящими полицейскими.

Светлана покупала в киоске какую-нибудь мелочь, а если при этом не выбивали чек, что обычно бывало, тут же за нарушение выписывала расходный кассовый ордер, изымая всю имеющуюся наличную выручку. На робкие просьбы продавцов, что, мол, может дождемся хозяина, отвечала: "Просто так на вызов он в полицию не явится, а за деньгами как миленький прибежит". Когда же продавец упрямылся, строго предупреждала: "Мы вашего хозяина давно "под колпаком" держим, так что, если будет возникать, поймет очень крупные неприятности". Поскольку бланки расходных кассовых ордеров свободно продаются в магазинах, документов для "наложения штрафа" у Светланы хватало с избытком.

"Удивительно, но ни "удостоверение", ни ордера она даже не сочла нужным "заверить" хоть какой-то печатью, - сказал заместитель управления Федеральной службы налоговой полиции Сергей Числов. - Продавцы в отношении правил проявили полную темноту. Они понятия не имели, что изъятие наличных денег с составлением акта никогда не производится одним лицом и не оформляется расходным ордером. Они не знали, что никаких инспекторов, как значилось в липовом удостоверении самозванки, в налоговой полиции нет - инспектора работают в инспекциях. Так что ей безропотно отдавали миллионы".

Но дело, конечно, не только в темноте продавцов-киоскеров. В киосках всегда достаточно много совершается финансовых нарушений, за которые можно привлечь к ответственности, и продавцы это знают. "Отстегивать" отступные контролерам вошло у них в широкую практику. Всего за двадцать двухчасовых утренних "прогулок" Светлана с 23 киосков набирала 17 миллионов рублей. Интересно, что многие из "оштрафованных" потом приходили с ее ордерами в налоговую полицию, но, услышав ответ, что такая сотрудница здесь не работает, дальше ничего не предпринимали. И только после того, как 24-й "оштрафованный" сообщил в полицию: "Ваша Звонарева унесла из кассы киоска 2 миллиона", меры были приняты - на следующей утренней "прогулке" Светлану ждала милиция...

Но вообще у нее была постоянная работа: после рейдов по киоскам Светлана М. торопилась на рынок, где торговала куриными окорочками.

(В. Корнев. Известия, 31 октября 1996)

